

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные
результаты диссертации на соискание
ученой степени

7

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Ардашев Р.Г., Адилев А.Н. Социальная безопасность общественного развития 6

Кравченко А.И. Структура и состав здравого смысла 12

Сушко В.А. Влияние государственной политики на доступность высшего образования в современных условиях 17

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бахматова Т.Г., Авилова В.А. Особенности проявления буллинга в высших учебных заведениях и методы его профилактики 23

Копалкина Е.Г. Профессионализация социальной работы в современных условиях: региональный аспект 33

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Бакулина Р.А. Трансформация сценариев повседневных коммуникаций, как следствие влияния цифровой девиации 40

Ван Наньнань. Политический дискурс как инструмент власти: оценочная репрезентация и конструирование национальной идентичности в российской внешней политике 45

Кузеванова А.Л., Ефимов Е.Г., Надежкина Е.Ю., Алешина Л.И., Меркулова Л.С. Позднее родительство как социокультурный феномен: социологический анализ 54

Осьмук Л.А., Отто З.Н. Концептуализация понятия «сложный городской конфликт» 58

Ушаков Е.В. Социальная ответственность бизнеса: стратегические задачи развития общественного потенциала фирмы 63

Цыбульник Е.А. Реципрокность и гуаньси как ключевые концепты социальной идентичности китайских мигрантов в принимающем российском обществе, их проявления в социальных практиках 68

Щербинина З.Н. Стратификация российского общества: протокол для диагностики барьеров мобильности и цифрового неравенства 76

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Журавлева И.А. Государственная политика в сфере управления качеством образования (на примере Иркутской области) 84

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус

Тел.: (495)939-24-05;

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – Добренков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – Кравченко Альберт Иванович, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – Зырянов Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – Агапов Платон Валериевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – Казакова Александра Андреевна, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Желтов Виктор Васильевич, доктор философских наук, профессор; Мамедов Агамали Кулам-Оглы, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Петров Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; Силасте Галина Георгиевна, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; Багдасарьян Надежда Гегамовна, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; Рахманов Азат Борисович, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; Грабельных Татьяна Ивановна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; Добренкова Екатерина Владимировна, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; Бурмыкина Ирина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; Маршак Аркадий Львович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; Осипов Александр Михайлович, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; Афонин Юрий Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КазИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; Вукичевич Слободан, профессор, факультет философии, Университет Черногории; Кропп Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; Митрович Любisha, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; Титаренко Лариса Григорьевна, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; Фарро Антонио Луиджи, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Сапиенца», г. Рим, Италия; Чжан Шу-хуа, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; Соколова Галина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; Скворцов Николай Генрихович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; Осипова Надежда Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; Иванов Вилан Николаевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; Хунагов Рашид Думалиевич, доктор социологических наук, профессор; Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; Ивченко Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; Дзуцев Хасан Владимирович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.07.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Коротков Н.И. Социальные риски и вызовы современных моделей корпоративного управления 93

Литаш-Сорокина Е.А. Предъявляемые требования к комплексу черт, навыков и компетенций сотрудников в цифровую эпоху 97

Коротков Н.И. Социологический аспект управления с целью повышения конкурентоспособности 105

Потемкин В.К. Саморегулирование социальных норм и видов социальной и экономической ответственности работников современных предприятий 110

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Плещёва Т.Н., Матвеев Д.В., Плещёв И.Е., Каракчиев Д.А. Роль социальной и цифровой среды на физическую активность в подростковом возрасте 116

Закеров Д.А. Представление прошлого на экране: тексты Вальтера Беньямина и Жюль Делёза в фокусе социологии культуры 122

Плещёва Т.Н., Плещёв И.Е., Закичалов Д.С. Физическое воспитание в школе: ключ к всестороннему развитию, здоровью и успеху учащихся 127

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Агаев Х.Ф. Феномен насилия в Одиссее Гомера как испытание человеческой природы: философско-антропологическая перспектива 133

Песоцкая Е.Н., Мочалов Е.В. Методологическая диспозиция схоластического и диалектического метода познания в культурном пространстве современности 136

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Бугаев М.К. О структурном многообразии человека: пропедевтика к аксиологии личности (на примере Номо оесопомичес) 141

Иванова М.Ю. Правовой прогресс и правовой регресс в проводимой государством правовой политике: социально-философский анализ 148

Ладыкина Т.А. Золотой век человечества: новоевропейские утопические проекты о социальных феноменах богатства и бедности 152

Сидоров Д.Н. Анализ регулятивных систем человека: философский аспект 160

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ахчиев И.М. Типология стратегий цифрового бытия молодежи Северо-Кавказского федерального округа: реконструкция социальных представлений на основе рисуночных данных 165

Илимира Илияс, Чжан Линлин. Интерпретация символического значения «шинели» в повести Гоголя «Шинель» 170

Ильмира Ильяс, Ли Вэньхао. Языковая идеология и механизмы социокультурной идентификации в процессе перевода китайской культуры 175

Тао Цзяци, Ван Цзюань. Сравнительный анализ русских переводов стихотворения Су Ши «Шуйдяогэтоу» в свете теории «трёх красот» 180

Ткаченко М.М. 60 лет «аджорнаменто». Осмысление реформы римского обряда в свете юбилейного года 185

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Ardashev R.G., Adilov A.N.</i> Social security of public development	6
<i>Kravchenko A.I.</i> Structure and composition of common sense	12
<i>Sushko V.A.</i> The influence of state policy on accessibility of higher education in modern conditions	17

EMPIRICAL STUDIES

<i>Bakhmatova T.G., Avilova V.A.</i> Peculiarities of bullying manifestations in higher educational institutions and methods of its prevention	23
<i>Kopalkina E.G.</i> Professionalization of social work in modern conditions: the regional aspect	33

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES, POLITICAL SOCIOLOGY

<i>Bakulina R.A.</i> The Transformation of Everyday Communication Scenarios as a Consequence of Digital Deviation	40
<i>Wang Nannan.</i> Political Discourse as an Instrument of Power: Evaluative Representation and Construction of National Identity in Russian Foreign Policy	45
<i>Kuzevanova A.L., Efimov E.G., Nadezhkina E.Yu., Aleshina L.I., Merkulova L.S.</i> Late Parenthood as a Sociocultural phenomenon: sociological analysis	54
<i>Osmuk L.A., Otto Z.N.</i> Conceptualizing complex urban conflict	58
<i>Ushakov E.V.</i> Social Responsibility of Business: Strategic Objectives for Developing the Company's Social Potential	63
<i>Tcybulnik E.A.</i> Reciprocity and guanxi as key concepts of chinese migrants' social identity in the host russian society, their appearance in social practices	68
<i>Shcherbinina Z.N.</i> Stratification of Russian society: a protocol for diagnosing barriers to mobility and digital inequality	76

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Zhuravleva I.A.</i> State policy in the sphere of education quality management (on the example of the Irkutsk region)	84
--	----

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov**; **Russian Sociological Association**
The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.

Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226

Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building

Tel.: (495)9392405;

email: socjournal.msu@gmail.com

http://sociologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – Dobrenkov **Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zheltoz Viktor Vasilievich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali Kulamogly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmynkina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro; **Kropp Fredric**, Dean of Faculty, University of Monterey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Social Sciences Abroad"; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilievich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18

Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 07/30/2025 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

Korotkov N.I. Social risks and challenges of modern corporate governance models 93

Litash-Sorokina E.A. Requirements for a set of traits, skills and competencies of employees in the digital era 97

Korotkov N.I. The sociological aspect of management in order to increase competitiveness 105

Potemkin V.K. Self-regulation of social norms and types of social and economic responsibility of modern enterprises employees 110

SOCIOLOGY OF CULTURE

Pleshcheva T.N., Matveev D.V., Pleshchev I.E., Karakchiev D.A. The role of the social and digital environment on physical activity in adolescence 116

Zakerov D.A. Representing the Past on Screen: Texts by Walter Benjamin and Gilles Deleuze in the Focus of Sociology of Culture 122

Pleshcheva T.N., Pleshchev I.E., Zachinalov D.S. Physical education at school: the key to comprehensive development, health and success of students 127

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Agayev Kh. The Phenomenon of Violence in Homer's Odyssey as a Test of Human Nature: A Philosophical-Anthropological Perspective 133

Pesotskaya E.N., Mochalov E.V. Methodological disposition of the scholastic and dialectical of cognition in the cultural and in medicine 136

SOCIAL PHILOSOPHY

Bugaev M.K. On structural diversity of human: propedeutics to the axiology of personality (exemplifying homo oeconomicus) 141

Ivanova M.Yu. Legal progress and legal regression in the legal policy pursued by the State: a socio-philosophical analysis 148

Ladykina T.A. The Golden Age of Humanity: New European Utopian projects on the social phenomena of wealth and poverty 152

Sidorov D.N. Analysis of human regulatory systems; philosophical aspect 160

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Akhtsiev I.M. Typology of digital existence strategies among youth in the north caucasus federal district: reconstructing social representations based on drawing data 165

Yilimire Yiliyasi, Zhang Lingling. Interpretation of the symbolic meaning of "overcoat" in Gogol's story "The Overcoat" 170

Yilimire Yiliyasi, Li Wenhao. Language Ideology and Mechanisms of Sociocultural Identification in the Process of Translating Chinese Culture 175

Tao Jiaqi, Wang Juan. Comparative Analysis of Russian Translations of Su Shi's Poem "Shudyaogetou" in Light of the "Three Beauties" Theory 180

Tkachenko M.M. 60 years of «aggiornamento». Reflecting on the reform of the roman rite during the jubilee year 185

Социальная безопасность общественного развития

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России; профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

Адилов Айбек Насырович,

доктор юридических наук, профессор, Академии МВД Кыргызской Республики им. Э.А. Алиева
E-mail: ibek2000@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы социальной безопасности общественного развития. Анализируются условия и механизмы, а также риски и угрозы социальной безопасности. На основе проведенного исследования выделяются основные направления источников угроз социальной безопасности (природные, технологические и социальные), сформированные в общественном сознании, дается их характеристика и краткий анализ. В конце выделяется четыре этапа сохранения социальной безопасности.

Ключевые слова: социальная безопасность, общественное развитие, направления социальной безопасности, оценка социальной безопасности, угрозы социальной безопасности, перспективы развития социальной безопасности.

Современные изменения условий жизни привели к тому, что социальная безопасность воспринимается в новых смыслах и контекстах общественного развития. Новые возможности цифровизации, экономические кризисы и санкции, общая социальная обстановка в стране ставят вопросы о формировании новых рисков и угроз в связи с процессами социальной безопасности.

Современные вызовы приводят к формированию кризисов в экономическом и культурном, политическом и социальном пространстве. Это все несет угрозу социальной безопасности. В связи с этим необходимо вырабатывать продуманную государственную политику для обеспечения безопасности и стабильности общества.

Мы не будем говорить о военных угрозах и рисках обеспечения целостности государства от внешних угроз. Это важная составляющая задач государства, но она не входит в предмет анализа данной статьи. Наше внимание будет сконцентрировано на вопросах социального моделирования безопасности в условиях нестабильности и сложности моделирования общественного воспроизводства под давлением разнообразных стратегий давления на общественное сознание.

Социальная безопасность государства предполагает обеспечение качества и безопасности жизни граждан. Социальные отношения, возникающие внутри государства, обеспечивают стабильность функционирования безопасности работы всех социальных институтов. Социальная защита выступает мерилем формирования устойчивых отношений поддержки, разных социальных групп населения в обеспечении их прав, свобод и возможностей. При этом, угрозы социальной безопасности могут опираться и на существующие социальные отношения и на механизмы социальной защиты населения, что в целом формирует недоверие и тревожность населения страны.

Обеспечение безопасности интересов личности, семьи от внутренних и внешних угроз, обеспечивается через правовые нормы, политические решения, экономическую поддержку, идеологические проекты. Это то, что позволяет обеспечить интересы страны в целом в настоящий момент и в будущем.

Например, социальная защита мигрантов через выплаты пособий, предоставление субсидий и прочее может вызывать недовольство среди основного населения и приводить как к скрытым, так и открытым конфликтам. Или же, поддержка многодетных семей, осуществляемая в Россий-

ской Федерации, во многом перераспределяется на многодетные семьи мигрантов, что также вызывает протесты среди основного населения. Это ведет к конфликту социальных отношений и порицанию функционирования социальной защиты государства как таковой.

Данная ситуация социальной напряженности может привести к негативным общественным последствиям, социальному взрыву. Более того, она же свидетельствует о перекосах функционирования института социальной защиты населения в отношении мигрантов, в отношении поддержки многодетных семей и других направлений защиты населения. Также разрушается устойчивость горизонтальной и вертикальной социальной мобильности населения. Помимо этого, разрушаются базовые условия воспроизводства ценностей и культуры общества, что приводит к моральной деградации, апатии, потери социальной идентичности и механизмов социальной солидарности общественного развития.

Полагаем, что восприятие социальной безопасности может быть приравнено к пониманию национальной безопасности, так как зависит от социальной независимости государства, стабильности и устойчивости системы социальной защиты населения, уровню и качеству жизни, уровню безработицы и безопасности труда, гарантированной оплаты труда, соответствующей современным потребностям, социальное партнерство и страхование, уровень и качество развития социальной сферы. Эти сферы касаются как личности, так и общества в целом. На социальную безопасность могут влиять техногенные и экологические катастрофы, а также возможность адаптироваться к их последствиям у населения.

Социальная политика в целом обеспечивает социальную безопасность, но не сводится к ней. Более того, существующие проблемы общественного развития, ставят вопросы необходимости трансформации существующих механизмов работы политики обеспечения социальной безопасности.

В научной литературе имеется ряд подходов, обеспечивающих осмысление происходящих трансформаций.

Первый подход касается трансформации общества и социальных систем в целом, в рамках его происходит анализ возможных социальных векторов развития, более реальных альтернатив и рисков общественного воспроизводства (Л.Н. Алисова и Е.А. Захарова [1]), новых социальных данных в виде виртуализации (Р.Г. Ардашев [2]).

Второй подход опирается на восприятие и оценку социальной безопасности в общественном сознании (Р.Г. Ардашев [3] и А.Н. Адилев [4,5], О.А. Полюшкевич [23–25]), роль в процессах социальной безопасности политического фактора (С.И. Бойко [14], Н.М. Дудин [16], Л.Н. Дегтярева

[17], Р.В. Иванов [19, 20], И.С. Ферова и С.А. Козлова [26]) или роль социальной защиты (З.А. Бутуева [15]), образования (И.А. Журавлева [18]) и т.д.

Третий подход строится через функционирование социальных систем обеспечивающих безопасность общества (Р.Г. Ардашев и Н.В. Маслодудова [6], Т.Т. Шамурзаев [7]), социальную безопасность труда и трудовой деятельности в новых условиях (П. А. Баев [8–13]) и проч.

Четвёртый подход строится на социальной безопасности конкретных социальных групп. Например, социальная безопасность молодежи (М.В. Крыгина [21], Е.Н. Морозова и Е.И. Панкратова [22]) и т.д.

Все эти подходы объединяет многогранность рассмотрения социальной безопасности в условиях общественного развития. В своей работе, мы постарались изучить, какие представления об этом процессе существуют в общественном сознании.

Особенности исследования

Исследование проводилось методом онлайн опроса (n=1800); 55% женщин и 45% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих в разных регионах РФ, занимающих различные социально-экономические статусы.

Обработка материалов исследования проводилась через программу SPSS. Погрешность выборки составляет 2.4.

Анализ результатов исследования

В результате исследования мы смогли выявить несколько направлений обеспечения социальной безопасности: природных (23%), технологических (18%) и социальных (59%) источников угрозы.

Природный источник угроз социальной безопасности опирается на экологические условия жизни, начиная от похолодания или потепления, загрязнения и о нем говорят 32% опрошенных, указывая на то, что «потепление меняет условия и качество жизни», «загрязнение окружающей среды влияет на здоровье», «похолодание приводит к необходимости адаптации к новым условиям жизни» и т.д. Эта оценка строится на связи экологии и здоровья, экологии и качества жизни, где риски экологического загрязнения становятся приоритетными в социальном моделировании будущего развития.

Также в рамках этого направления выделяется скорость уменьшения природных запасов, их воспроизводство и восстановление (25%). Респонденты говорят о том, что «источники нефти безграничные и необходимо переходить на другие ресурсы», «необходимо опираться на воспроизводимые ресурсы, а не тратить все что есть». Это оценка перспектив не только настоящего, но и будущего

развития страны, да и мира. Так как если не учитывать этот фактор, то каких-то ресурсов в будущем просто не будет.

Еще одно направление – это природные катаклизмы и катастрофы, которые могут случаться в результате воздействия человека (например, вырубка лесов, приводит к появлению ураганов на территориях, ранее не знавших такие природные явления), так и вне воздействия человека (землетрясения, наводнения, извержения вулканов) – 43%.

Второе направление – техногенные угрозы социальной безопасности. Они опираются на гуманистический подход негативной оценки воздействия технических изобретений и открытий на безопасность человечества (63%). Этому посвящены множество фильмов и сериалов, где роботы поработили человечество или люди потеряли мораль и свою человечность в погоне за техническими и технологическими возможностями. Опасность жизни в технически развитом мире, несмотря на высокий уровень технологического обеспечения – становится выше и прямо зависит от технологического уровня.

Развитие технологий приводит и к развитию вооружения (37%), новые виды (биологическое, нано-оружие), приводят к тому, что трансформируются технологии ведения войн, реальных и потенциальных угроз национальной и социальной безопасности государств, и народов.

Третье направление, наиболее обширное, опирается собственно на общественные источники угроз социальной безопасности. Сюда относятся демографические риски, показатели социального здоровья, качества жизни, показатели нравственного здоровья общества, уровень преступности и в целом девиантности социальных сообществ, индекс развития человеческого капитала, уровень социального расслоения общества и т.д.

Демографические показатели – роста смертности и уменьшения рождаемости, увеличения количества разводов и уровня заболевания населения, высокой миграции влияют на качественный потенциал социального воспроизводства и несут в себе риски и угрозы социальной безопасности общества (18%). Респонденты указывали на такие демографические угрозы для обеспечения социальной безопасности как: «нехватка людей», «болезни, которые пока неизлечимы», «высокая смертность», «малая рождаемость», «высокая миграция» и т.д.

Социальное здоровье населения выступает показателем социального самочувствия населения (16%). Его физических и духовных характеристик. Если социальное самочувствие населения стабильно снижается, то автоматически обнуляются показатели духовно-нравственного и морального потенциала различных социальных сообществ. Это приводит к социальному расслоению

и нестабильному развитию социальной системы. Опрошенные говорили о таких угрозах как: «духовная деградация», «душевные болезни», «моральная аномия», «духовная бедность», «без духовных ориентиров общество разрушит само себя» и проч.

Количественные и качественные показатели качества жизни (16%). Это отражается как в объективных, так и субъективных показателях духовных, социальных и материальных притязаний. Это субъективное восприятие отдельными людьми и целыми сообществами своего «места» в социальной структуре, принятия определенных норм и стандартов, ценностей и табу – существующих в социальной среде. Это отразилось в таких оценках как: «достаточное количество благ для достойной жизни», «экономические притязания среднего класса», «экономические притязания людей массовой культуры», «социальные притязания оценки досуга людей своего круга» и проч.

Уровень преступности и девиантности поведения представителей различных социальных групп (15%). Сюда можно отнести количество преступлений (с учетом доминирования той или иной сферы преступлений) и их динамику во времени. Например, в 90-е годы XX века были наиболее распространены грабежи и кражи, а в первую четверть XXI века набирают обороты кибер-преступления. Стоит учитывать тяжесть преступлений, динамику рецидивов и проч. Отдельного внимания заслуживает то, кто является преступником: мужчины или женщины, дети или старики, бездомные или работающие, бедные или богатые, образованные или необразованные и т.д.). Это отразилось в таких оценках респондентов как: «криминальность общества», «страх стать жертвой преступления», «общество тревоги», «общество агрессии», «общество преступности», «мужская преступность», «женская преступность», «детская преступность» и т.д.

Индекс нравственного состояния общества (13%) определяется статистически через интеграцию таких показателей на 100 жителей как: количество убийств, беспризорных детей, индекс коррупции, индекс Джини (неравномерного распределения доходов: 99% всех ресурсов мира принадлежит 1% жителей¹). Нравственное падение общества является прямым отражением тех процессов, что происходят внутри: нарушение общественной морали, разрушение личной и социальной идентичности и дезинтеграция сообществ, обесценивание социальной ответственности, неверие в возможность социальной справедливости, отсутствие значимости гражданской чести и т.д. Это отражается в таких оценках респондентов как:

¹ Всего 1 процент населения владеет 99 процентами ценностей на Земле [электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2016/01/19/bogachi.html?ysclid=mcc36dhpux245474918> (дата доступа 25.05.25)

«небезопасность жизни», «социальные угрозы», «социальная тревога».

Индекс развития человеческого капитала (12%) определяется через критерии интеллектуального потенциала общества, Человеческий капитал отражается через синтез накопленного ранее опыта и возможности созидательного труда в конструировании нового типа знаний, технологий и продуктов, позволяющих говорить о «новом качестве жизни», «новых притязаниях», «новом круге общения», «новых духовных потребностях», «новых социальных потребностях», «новых материальных притязаний». Это то, что создает незримые связи между всеми участниками взаимодействия. Это отражается в таких оценках как: «критерии качества знаний людей», «навык творения нового», «принципы создания аналогичной структуры» и проч.

Социальное расслоение общества, критерии фиксации среднего класса и механизмы его трансформации (10%) – выступают критерием социальной активности одних и социального протеста – других. В оценках респондентов это отражалось через такие ответы как: «царские таблетки беднякам не помогают», «бедный богатого не поймет», «Quod licet Iovi, non licet bovi»¹ (лат) и проч.

Все вместе это отражается на уровне конфликтности, который выступает риском дестабилизации социальной системы и ее целостности. Правовая система ценностей выступает ориентиром для множества людей. Развитие гражданского общества, способствует активизации социальных навыков коммуникации.

Выводы

Социальная безопасность – это защита интересов личности, семьи, группы и всего общества от рисков и угроз внешнего мира и внутреннего развития. То, что регулируется социальной и национальной политикой напрямую регулирует вопросы социальной безопасности общества. Социальная безопасность обеспечивает стабильность существования всей социальной системы.

На основе выявленных направлений обеспечения социальной безопасности (природных, технологических и социальных источников угроз), мы можем выделить несколько этапов сохранения социальной безопасности.

Первый – предупреждение ситуаций, несущих угрозу социальной безопасности.

Второй – контроль над стабильностью социальной структуры.

Третий – обеспечение стабильности при естественном уровне мобильности внутри социальной структуры.

Четвёртый – регулирование социально приемлемого поведения большей частью общества, опирающегося на нормы и ценности системы.

¹ Что позволено Юпитеру, то не позволено быку (лат).

Социальная безопасность опирается на трудности общества, активизирует и провоцирует на определенные реакции (мы растем из кризиса). Это становится основой и условием социального развития и наполнением качественных показателей увеличения значимости человеческого капитала. Социальная безопасность как форма и механизм общественного воспроизводства выступает элементом социальной динамики как внутренних, так и внешних социальных процессов, требующих постоянного контроля.

Литература

1. Алисова Л.Н., Захарова Е.А. Социальная безопасность в условиях трансформации общественной системы в России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. 2017. № 4. С. 14–18.
2. Ардашев Р.Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 8–11.
3. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
4. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность в современном мире // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 21–27.
5. Ардашев Р.Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
6. Ардашев Р.Г., Маслодудова Н.В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранными органами Российской Федерации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 361–363.
7. Ардашев Р.Г., Шамурзаев Т.Т. Обеспечение безопасности от террористических угроз на спортивных соревнованиях // Теория и практика физической культуры. 2024. № 7. С. 101.
8. Баев П.А. Виртуализация и цифровизация профессий и труда // Социология. 2024. № 9. С. 159–163.
9. Баев П.А. Жизненный кризис или новые возможности: влияние социально-экономических

- трансформаций на молодежь // Социология. 2024. № 11. С. 27–31.
10. Баев П.А. Парадоксы трудовых ценностей современной молодежи // Социология. 2024. № 10. С. 63–67.
  11. Баев П.А. Трудовые ценности и ориентиры региональной молодежи в условиях цифровизации // Социология. 2024. № 7. С. 37–42.
  12. Баев П.А. Трудовые ценности разных поколений // Социология. 2024. № 8. С. 82–86.
  13. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
  14. Бойко С.И. Социальная безопасность и внутриполитическое легитимное насилие // Вестник Московского института государственного управления и права. 2018. № 2 (22). С. 46–49.
  15. Бутуева З.А. Социальная безопасность и социальная защита населения // Вестник Московского института государственного управления и права. 2018. № 1 (21). С. 32–34.
  16. Дудин Н.М. Социальная безопасность и современные проблемы общества // Центральный научный вестник. 2019. Т. 4. № 2S (67). С. 23–24.
  17. Дудин Н.М., Дегтярева Л.Н. Социальная безопасность и политическая стабильность общества // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 8 (58). С. 171–176.
  18. Журавлева И.А. Социальная безопасность в виртуальных образовательных стратегиях молодежи // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 83–86.
  19. Иванов Р.В. Критерии социальной безопасности на фоне современных социальных вызовов в России // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 12–15.
  20. Иванов Р.В. Феномен антипатриотизма: современные источники новых антиподов патриотизма // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 230–233.
  21. Крыгина М.В. Социальная безопасность молодежи в условиях трансформации общества // Вестник научных конференций. 2015. № 2–1 (2). С. 81–86.
  22. Морозова Е.Н., Панкратова Е.И. Социальная безопасность человека в современном мире // Вестник научных конференций. 2017. № 6–1 (22). С. 73–75.
  23. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
  24. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность общества в реализации просоциальных практик // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 159–163.
  25. Полюшкевич О.А. Социальные риски мировоззренческой безопасности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 467–471.
  26. Ферова И.С., Козлова С.А. Социальная безопасность в структуре национальной безопасности страны // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 1 (46). С. 95–103.

SOCIAL SECURITY OF PUBLIC DEVELOPMENT

Ardashev R.G., Adilov A.N.

East Siberian Institute, Irkutsk State University, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after E.A. Aliyev

The article considers the issues of social security of public development. The conditions and mechanisms, as well as risks and threats to social security are analyzed. Based on the conducted research, the main directions of sources of threats to social security (natural, technological and social) formed in the public consciousness are identified, their characteristics and brief analysis are given. In the end, four stages of maintaining social security are identified.

Keywords: social security, public development, directions of social security, assessment of social security, threats to social security, prospects for the development of social security.

References

1. Alisova L.N., Zakharova E.A. Social security in the context of the transformation of the social system in Russia // Counteraction to terrorism. Problems of the XXI century – COUNTER-TERRORISM. 2017. No. 4. P. 14–18.
2. Ardashev R.G. Personal security in the conditions of virtuality: irrationality of public consciousness // Social security and social protection of the population in modern conditions. Materials of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. P. 8–11.
3. Ardashev R.G. Social security in the minds of Siberians // Sociology. 2024. No. 7. P. 59–64.
4. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security in the modern world // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Irkutsk, 2025. Pp. 21–27.
5. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security and social threats in the views of young people // Sociology. 2025. No. 1. Pp. 26–30.
6. Ardashev R.G., Maslodudova N.V. Sociocultural foundations for ensuring social security by law enforcement agencies of

- the Russian Federation // Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXIX international scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 361–363.
7. Ardashev R.G., Shamurzaev T.T. Ensuring security from terrorist threats at sports competitions // Theory and practice of physical education. 2024. No. 7. P. 101.
  8. Baev P.A. Virtualization and digitalization of professions and labor // Sociology. 2024. No. 9. P. 159–163.
  9. Baev P.A. Life crisis or new opportunities: the impact of socio-economic transformations on young people // Sociology. 2024. No. 11. P. 27–31.
  10. Baev P.A. Paradoxes of labor values of modern youth // Sociology. 2024. No. 10. P. 63–67.
  11. Baev P.A. Labor values and guidelines of regional youth in the context of digitalization // Sociology. 2024. No. 7. P. 37–42.
  12. Baev P.A. Labor Values of Different Generations // Sociology. 2024. No. 8. P. 82–86.
  13. Baev P.A. Economic Well-Being of Ideological Attitudes of Young People // Sociology. 2024. No. 2. P. 57–64.
  14. Boyko S.I. Social Security and Domestic Legitimate Violence // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2018. No. 2 (22). P. 46–49.
  15. Butueva Z.A. Social Security and Social Protection of the Population // Bulletin of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2018. No. 1 (21). P. 32–34.
  16. Dudin N.M. Social Security and Modern Problems of Society // Central Scientific Bulletin. 2019. Vol. 4. No. 2S (67). P. 23–24.
  17. Dudin N.M., Degtyareva L.N. Social security and political stability of society // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2021. No. 8 (58). P. 171–176.
  18. Zhuravleva I.A. Social security in virtual educational strategies of youth // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. P. 83–86.
  19. Ivanov R.V. Criteria for social security against the background of modern social challenges in Russia // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. P. 12–15.
  20. Ivanov R.V. Phenomenon of Anti-Patriotism: Modern Sources of New Antipodes of Patriotism // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems, and Prospects. Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2025. P. 230–233.
  21. Krygina M.V. Social Security of Youth in the Context of Society Transformation // Bulletin of Scientific Conferences. 2015. No. 2–1 (2). P. 81–86.
  22. Morozova E.N., Pankratova E.I. Human Social Security in the Modern World // Bulletin of Scientific Conferences. 2017. No. 6–1 (22). P. 73–75.
  23. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 28–31.
  24. Polyushkevich O.A. Social security of society in the implementation of pro-social practices // Social security and social protection of the population in modern conditions. Proceedings of the international scientific and practical conference. Editor-in-chief A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. Pp. 159–163.
  25. Polyushkevich O.A. Social risks of ideological security // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 467–471.
  26. Ferova I.S., Kozlova S.A. Social security in the structure of national security of the country // Business. Education. Law. 2019. No. 1 (46). P. 95–103.

Структура и состав здорового смысла

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Здравый смысл (ЗС) – это острова стабильности в мире текущей современности, потому что здравый смысл представляет собой сплав высокочтимых ценностей с элементарной логикой мысли и поведения. Острова мира без грехов и пороков, преступности и коррупции, без абсурда и парадоксов, ибо те на уровне общества не нужны. ЗС и логика – немногочисленные твердые кристаллы в море текущей современности – времени страстей, суеты, тщеты и бремени. Всплески творческой неожиданности и оригинальности нужны на индивидуальном уровне. И то не всем, а тем, кто извлекает из этого выгоду не в ущерб общей пользе. Так, художник рисует оригинальную картину, а писатель пишет необычный роман, которые радует тысячи читателей, развивая их вкус и воображение. Это общая польза. Предприниматель начинает бизнес с оригинальной находки, а инженер или ученый выдвигает оригинальную идею.

Ключевые слова: здравый смысл, онтология, метафизика, теория, явные и неявные знания, картина мира, мягкое и твердое ядро.

ЗС – совместно сконструированные и циркулирующие в обществе суждения, ценности, обычаи, нормы, практические рецепты, выраженные в повседневных практиках, формах инструментальной деятельности, публичных дискурсах, воспитательных методах и приемах

Возрасты здравого смысла

ЗС – это здравомыслие зрелого человека, повидавшего виды, набравшегося жизненной мудрости, но не до конца, понявшего смысл жизни.

У ребенка нет ЗС, поскольку нет жизненного опыта, груза ошибок и разочарований, исправлений и выводов. Его наивное сознание начинает испаряться в подростковом возрасте.

У стариков ЗС переходит в стадию жизненной мудрости. Мудрость – здравый смысл на пенсии, когда все повидал, все знаешь, но нет сил совершать детские ошибки.

Первая влюбленность, переживания, разочарования в детско-подростковом возрасте. Убеждаешь себя: никогда больше не влюблюсь. Проходит время, и природный инстинкт вновь толкает тебя к женскому полу. Действуешь осторожно, вспоминая прошлый опыт, но все равно отдаешься страсти. И вдруг снова как обухом. Затем идет конвейер женщин, относишься к ним как «меняя женщин как перчатки». Пришла мудрость? Нет, пришло разочарование и ЗС, перешедший в форму цинизма.

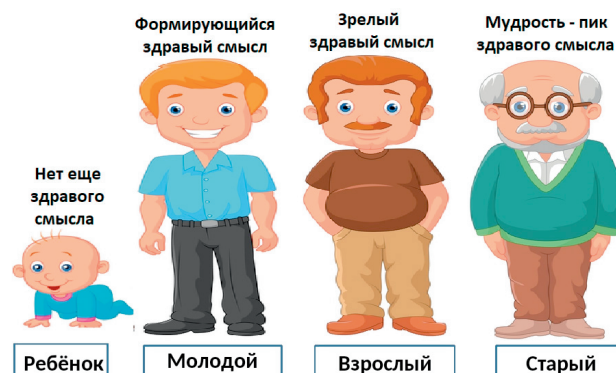

Рис. 1. Возрасты ЗС

ЗС существует минимум в **двух формах**: 1) цепочки умозаключений и вывода в конце, 2) картины мира. Даже фраза «зимой надо топить печку» – результат множества опытов, проб и ошибок, осмысленных действий в разных вариантах, умозаключений и выбора решения из дерева вариан-

тов. Картина мира – это рассудочные суждения, вкрапленные в чувства и настроения, оптимизм или пессимизм. Настроение – итог многих эмоций и аффектов. Тебя испугали, и твоё настроение сменилось. А ещё оно – результат генотипа и условий жизни. Бедность редко рождает оптимистов, ибо постоянные заботы, страхи и работа. Однако наука говорит: **настроение** – это общий эмоциональный фон в текущий момент времени, не зависящий от объекта или обстоятельств; оптимизм и пессимизм – такое восприятие жизни или настроение; **оптимизм** – это философское учение; **картина мира** – целостный образ мира, складывающийся в процессе познавательной деятельности.

В структуре ЗС можно наметить два вида знаний – **явные** и **неявные**. Первые включают общеизвестные факты типа при болезни надо лечиться, а земля вертится. Сюда же включаются социальные нормы, культурный этикет, юридические законы, правила движения, рецепты, инструкции и т.д. Вторые, неявные, знания состоят из намеренно скрываемых и плохо осознаваемых индивидом, почему скрываемых, неосознаваемых и трудно выражаемых (формулируемых) принципов поведения или ценностных установок типа «все зло от женщин», «не делай добра, не получишь зла», «мне на всех вас плевать», «пока никто не видит, можно стащить, помочиться, застегнуть ширинку...», «заведу мужика только ради ребенка» и др.

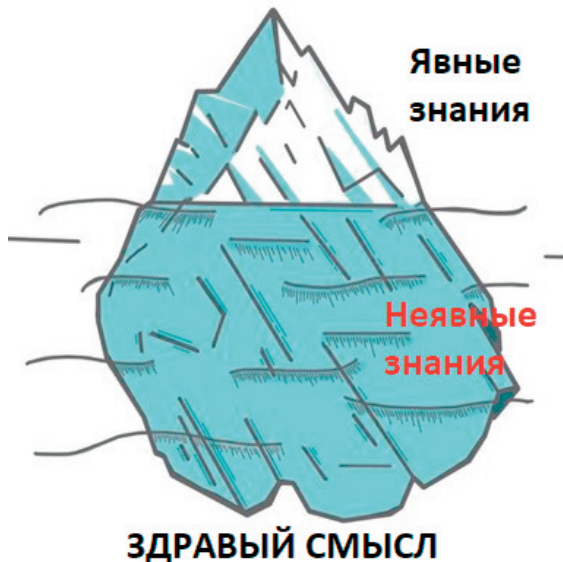

Рис. 2. Айсберг знаний

Неявные знания ЗС – это не совсем то же самое, что скелеты в шкафу. Вторые – это ваши личная информация, свойственная только вам. ЗС – это все-таки common sense. Его скрытая часть включает общепринятые стереотипы и предрассудки, которые, как вы знаете, присущи многим или большинству людей, но которыми вам не хочется обладать, например, неприязнь к трудовым мигрантам. Многие скрывают такие общеизвестные социальные статусы, как выходец из деревни,

бедняцкое происхождение, пятая графа в анкете, азартный игрок, наркозависимый, трижды женатый, бабник, пьющие родители, богатые или очень известные предки, состоит на учете в комнате милиции, имел приводы, сидел в тюрьме... ЗС подсказывает вам: для вашей репутации такие данные лучше скрывать, хотя, конечно, вы не один такой. Нередко приходится скрывать истинные чувства и отношения к значимому другому, например к супругу, теще или начальнику, другу или врагу. Иным приходится скрывать свою национальность, отношение к стране проживания, к властям.

Неявные знания – это органическая часть common sense. А иначе как бы другие понимали ваши намеки, ваш юмор, намеренную недосказанность. Мы слышим: я понимаю, что ты хотел сказать; я понял, на кого ты намекаешь; я определил, куда ты смотришь и что означает твой взгляд. Жесты, взгляды, намеки, хитрые прищуривания, кривые улыбки, усмешки, повороты головы и т.п. скрывают неявное знание, которое является частью общей культуры и общего смысла. Фрейд писал, что несказанное говорит больше сказанного, что наши обмолвки и оговорки не случайны, за ними много чего скрывается, они могут вести к убийственным разоблачениям. Ох уж эти оговорки по Фрейду! Хотим сказать одно, а получается совершенно другое. Это общеизвестная фраза, предполагающая обмолвку, которую человек произнес неосознанно, по неизвестным ему причинам. Оговорки Фрейда – это голос из подполья, то, как нас выдает наше подсознание. Другими словами, его подстава.

Неявное знание – крупный сегмент ЗС и его скрытый ресурс. Прошлый опыт, сохраненный в виде шаблонов знаний, в сочетании с наблюдениями за текущей средой позволяет вашей интуиции направлять вас. Наш мозг сохраняет шаблоны информации из повторяющихся переживаний, которые становятся рутиной для чувств и подспорьем для принятия неосознаваемых решений в мгновение ока и до того, как примем сознательное решение.

Осознанно путешествуя по жизни, мечтая, строя планы, измеряя и рассчитывая, мы тренируем не только свой разум, но и наше подсознание, которое представляет собой не только кладовую вытесненных чувств, за которые нам стыдно или которым еще не пришло время, но и прошлых воспоминаний, примечательных или замечательных моментов, экзистенциальных и пограничных ситуаций, в которых пришлось побывать, даже мышечную память трудности преодоления или решения грандиозных проблем. Мы оставляем за собой романтическую местность пройденного пути, разнообразный ландшафт жизненного опыта, боев, сражений, войн, побед и поражений. К концу жизни тактические находки составляют многотомное собрание сочинений и выливаются в четкую картину

стратегии будущей жизни. Жизни, которой почти не осталось.

Но приобретая знания, мы что-то теряем по дороге жизни, забываем, что-то стирается, утрясается, выпадает. Механического складирования пройденного не происходит. Неявные знания пополняются и обновляются, расширяются и сужаются, улучшаются и ухудшаются. Периодические напоминания помогают поддерживать связь между неявными знаниями. Повторение улучшает память.

Но повторение – это друг и враг одновременно. Жизнь так быстро меняется, каждый день или неделю происходит столько неожиданных ситуаций и появляется незнакомых лиц, что прошлые знания не только помогают, но и мешают. Подобно прошлогоднему снегу они загромождают улицы, мешая передвигаться, создавая дискомфорт и тревогу.

Неявные знания – это совокупность жизненного опыта, образования и обучения, находящихся за пределами сознательных усилий. В них всего намешано – знаний, идей, несбывшихся надежд, практических навыков, интуитивных прозрений. И все это хранится скопом, не разложенное по полочкам, не фильтрованное.

В некоторых справочниках определение ЗС и неявного знания практически совпадают: здоровое практическое суждение, не зависящее от специальных знаний, подготовки или чего-либо подобного; нормальный родной интеллект.

Парадокс ЗС

Если у каждого свой ЗС, т.е. своя интерпретация его общего положения, то это не нужно сообществу, для которого наиважнейшее – единообразие и *сообразие*. Если же положение ЗС только общее и не допускает вольностей в понимании, то это никому не нужно из граждан. Так свобода слова в единственной формулировке угодна только государству, а в множественном понимании – угодная гражданам, но негодная государству. Отсюда цензуру и полиция на каждом шагу. В этом парадоксе где-то глубоко скрыта **тайна неявного знания**, его происхождение и надобность, неустранимость и необходимость. Иосиф Бродский как бы о неявном знании: «Ибо накопление невыговоренного, невысказанного должным образом может привести к неврозу... С каждым днём в душе человека меняется многое, однако способ выражения часто остаётся одним и тем же. Способность изъясняться отстаёт от опыта. Это пагубно влияет на психику. Чувства, оттенки, мысли, восприятия, которые остаются неназванными, произнесёнными и не довольствуются приблизительностью формулировок, скапливаются внутри индивидуума и могут привести к психологическому взрыву или срыву».

Твердое ядро (hard-core) ЗС – общечеловеческие идеи, независимые ни от страны, ни от вре-

мени: земля круглая, всякое следствие имеет причину, представления о пространстве и времени и др.

Мягкое ядро (soft-core) ЗС – локальные, свойственные данной стране и эпохе представления о мире и людях: когда жениться, как разводиться и т.д.

Деление на два типа ядра ЗС я встретил в английском инете (см. статьи ниже). На мой взгляд, такое деление не бесспорно. Например, у многих доисторических племен нет понятия времени и пространства, они не знают форму Земли, поскольку за границы своей ойкумены в джунглях, где недалекий обзор местности, они не выходили. Да и само представление о времени в западноевропейской культуре сформировалось недавно. Крестьянство по всему миру обходится без европейских представлений об абстрактном времени и пространстве, хотя знает календарь, сроки посева и сбора урожая. Получается, что необъятную проблему ЗС мы рассматриваем лишь с позиции и в терминах западноевропейской философии.

Рис. 3. Твердое и мягкое ядро здорового смысла

Здравый смысл имеет *две формы* – **всеобщую** и **особенную**. Это как различие между ценностями и ценностными ориентациями. Первое отражает общенародное достояние, второе – частную собственность, индивидуальную специфику. Первых немного, вторых – безбрежное море. Первые – элитное зерно, вторые – сборная солянка, где и плевела, и мусор, и пережитки, и бред. Первый не принадлежит никому конкретно, второй – каждому из нас.

Области и сферы здорового смысла

Область – зона существования (бывания) и распространения здорового смысла. *Сфера* – круг компетентности и аутентичности здорового смысла.

Зоны и области, где чаще всего требуется вмешательство ЗС, и где его чаще всего не приглашают – это большие проблемы общества, белые

пятна, черный вторник, личные заботы, конфликт интересов.

Оперативный ЗС – практические действия, подразумевающие по ходу исполнения исправление ошибок, итерацию, проработку разных вариантов, обучение новым знаниям и опыту.

Философский ЗС – или обыденная философия жизни, не подразумевающая инструментальной части, но только созерцание и обобщение происходящего вокруг, построение картины мира, заключающих в себе итоги жизненного опыта.

Местоположение ЗС

Поскольку Common sense обозначает общий смысл и общее чувство (чувства), то и расположен он должен быть – метафорически или символически – в двух частях нашего тела, а именно в голове и в сердце. Я выразил это так:

Экзистенциальные предпосылки ЗС

Первое положение: я ненавижу власти, но протестовать не буду, потому что хочу жить. Жизнь дается человеку только раз. Второе положение: генетически я сложен так, что страсти, аффекты и эмоции господствуют над здравым смыслом, вот почему я испытываю раздвоение, колебания, драмы и трагедии; я в пограничной зоне между волей и эмоциями, хочу слушаться ЗС, но слышу только свои страсти.

Онтологию ЗС не интересуют проблемы существования и идентичности физических объектов. Онтология – это теория объектов и их связей. Они интересуют философов, которые приписывают их простым людям. Материальные объекты вокруг – не проблема для людей, а средство практических манипуляций, свойства которых постигаются по ходу дела, а не в процессе рассуждений или чтения философских трактатов: гвоздь лучше забивать молотком, а не стаканом, бревном или кулаком; с мокрыми ногами лучше поскорее идти домой, чтобы не переохладиться и т.д.

В **онтологии ЗС** главное вовсе не физические, а социальные факты, например, реальность постоянно сопротивляется моим замыслам, разрушает мои планы и намерения, думаешь одно, а на самом деле получается другое, стечение обстоятельств оказалось выше моих сил и т.д. В этой онтологии объекты зависимы и сочленены со мной, меня не интересуют независимые объекты. Мне не интересно, сколько людей на планете, какие города бывают, если я их не знаю, с ними не связан общим делом, они не влияют на мою судьбу. Вот почему онтология ЗС фокусирована на узком сегменте значимых других – людей, предметов, мет работы и жительства, погоде, природе и т.д. Все, что рядом и вокруг меня и есть моя вселенная и моя онтология.

ЗС состоит из двух этажей – пяти чувств внизу и разума наверху. Но кто кого обслуживает – смысл свои чувства или чувства их общий смысл? Онтология ЗС состоит из знания физических свойств окружающих нас в повседневной жизни предметов: нож острый и мы не должны порезаться, а огонь горячий и мы не должны обжечься. Для кого острота и огонь представляют опасность – для абстрактного разума или конкретных чувств? Конечно, для вторых. Но они без запоминания свойств предметов и выработки разумом безопасных действий долго не протянут. Разум приводит в порядок и анализирует чувственные данные ради выживания этих самых чувств. Значит, разум обслуживает чувства.

Такая **онтология ЗС** одинакова для всех людей всех эпох и всех стран, возрастов, темпераментов, образования и классов. Онтология универсальна. А почему тогда говорят, что у каждого человека свой ЗС? Различия начинаются на более высоких уровнях, скажем уровне вкусовых предпочтений, пристрастий, интересов, мотивов и способов принятия решений. Если к одной цели можно прийти самыми разными путями, то будьте уверены, что разные люди выберут разные разумные пути достижения этой цели. Пути у них разные, но опасаться они все будут одного и того же – острых предметов и открытого огня.

Но сегодня онтология ЗС стала высокотехнологичной и не ухватывается нашими чувствами на прямую. Такие вещи, как ионизирующая радиация, незаконный искусственный интеллект, изменение климата, устойчивость к антибиотикам или глобальная вирусная пандемия, слишком редки и чужды большинству обществ. Может ли самый обычный человек прочитать показания счетчика Гейгера?

Онтологическая предпосылка ЗС: accept reality as it is/принять реальность как она есть. Почему? 1. Потому что на ее изменение может потребоваться больше сил, времени и средств, чем на приспособление к ней. 2. Принять – приспособиться – адаптироваться – социализироваться – пластичный мозг, готовый к встрече нового и неожиданного. 3. Задача приспособления может оказаться не простой, что потребует гибкости, творчества, хитрости и аналитики, что развивает личность. 4. Принятие – это умение принимать вещи такими, какие они есть, т.е. уважать других, проявлять терпимость, плюрализм, культурное многообразие, уважать права других и быть демократичным. 5. Принятие – самая сложная и важная практика из всех. Она предполагает принятие Другого как Своего. 6. Принятие не требует, чтобы мы соглашались с тем, что принимаем.

Сфера компетентности ЗС

Многое в сфере нравственности и познания выходит за сферу компетенции ЗС. Если убили вашего

ребенка или обесчестили вашу жену, должны ли вы мстить обидчику вплоть до убийства? Если задать этот вопрос ЗС, то он не ответит. Точнее сказать вы получите у своего внутреннего голоса и голоса совести самые разные ответы, скорее всего даже положительные. Но будут ли они ответами ЗС?

Метафизика здравого смысла – в отличие от других его разделов, скажем философии или эпистемологии, психологии ЗС – занимается тем, каковы свойства самого здравого смысла в нем самом и его воплощениях. Так, реформы и постепенность, сотрудничество и миролюбие, общеизвестность и публичность – это свойства ЗС, а революции, вражда, эгоизм, индивидуализм, анархия – его враги.

Юриспруденция ЗС: ЗС воплощен в законах и постановлениях, ибо они принимаются при общем согласии и служат руководством для всего сообщества, как ЗС – перед законом все равны. Судья выслушивает прения сторон публично и выносит приговор не просто как объективный наблюдатель и эксперт, а как проводник общего закона. Он говорит от имени закона, как священник от имени Бога. Судья выносит приговор от имени закона, и никто это не оспаривает. Так почему постоянно оспаривают истинность и правовой статус ЗС? Ведь он имеет такой же всеобщий смысл и статус? Однако ЗС не возведен в закон, т.е. обязательное правоприменение. Его не обсуждали коллективно, прежде чем сделать законом. Его не проверяли эксперты, не экспериментировали в отдельных регионах. ЗС – оценочные суждения, присущие отдельным лицам, использующим общую бытовую норму, например, не лезть на рожон или вперед батьки в пекло. Если оспаривают решение суда, то подвергают сомнению не сам закон, а его субъективное применение тем или иным судьей. В этом случае говоря, что голос закона подменен голосом судьи.

«Я собираюсь сделать ему предложение, от которого он не сможет отказаться» – фраза из фильма «Крестный отец». Тоже самое мог бы предложить судья подсудимому. Он приговора нельзя отказать, хотя можно попытаться оспорить решение конкретного судьи. Так и от ЗС нельзя отказаться, хотя можно оспорить его проявления у конкретного человека.

Научная теория и теория ЗС. Малая теория, например теория разбитых окон, разной интерпретации не требует и не имеет: есть техническая ее формулировка и многочисленные приложения к практике. Другое дело – фундаментальные, мировоззренческие теории типа теории относительности или квантовой физики. В широком кругу

специалистов каких только версий и интерпретация не встретишь. Они, как и теории ЗС, выставлены на публичные торги и вовлечены в публичный дискурс.

Жизненный опыт и ЗС

ЗС не просто итог жизненного опыта, ее нарратив, экспериментальная лаборатория. Почему человек так крепко держится за те наставления, которые дает своим детям? Все они основаны не только на ЗС и пережитом, но и болезненно давшимися, с болью и кровью вошедшим в плоть и сердце. Эмоциональная привязанность к высказываемым мыслям – это цена прошлых боев, потеря, травм, глубоких ран и обид, разочарований. О погоде люди говорят почти равнодушно. Она ничья, а итоги прожитого – глубоко личная травма. Они достались слишком тяжелой ценой. ЗС напоминает мне Красную армию в 1945 г., которая одолела жестокого и сильного врага, но ценой неимоверных жертв.

Психология и ЗС. Предъявляют абитуриентам или пациентам разные тесты: дано несколько предметов, надо их сгруппировать или отбросить лишний. У меня на практике два примера с деревянными предметами. Один абитуриент психфака в 1970-е годы отбросил карандаш: он один оставляет след, хотя, как и все деревянный. Его признали психом. Другой в 2021 с Мишкой: он отбросил шкаф, потому что только в него можно складывать вещи. Ему ответ не зачли. Что они проявили – ЗС или его отсутствие. У того и другого – след и вещи – своя здравая логика. Но и у авторов тестов тоже есть ЗС и своя логика: если мы примем этого психа, то получив квалификацию, он не сможет отличить нормального человека от ненормального (неважно, это творческая личность или псих, ибо от гениальности до шизофрении только шаг).

STRUCTURE AND COMPOSITION OF COMMON SENSE

Kravchenko A.I.

Common sense (CS) – these are islands of stability in the world of fluid modernity, because common sense is an alloy of highly respected values with the elementary logic of thought and behavior. Islands of peace without sins and vices, crime and corruption, without absurdity and paradoxes, because they are not needed at the level of society. CS and logic are a few solid crystals in the sea of fluid modernity – a time of passions, vanity, futility and burden. Splashes of creative surprise and originality are needed at the individual level. And not for everyone, but for those who benefit from this without prejudice to the common good. Thus, an artist paints an original picture, and a writer writes an unusual novel, which pleases thousands of admirers, developing their taste and imagination. This is a common benefit. An entrepreneur starts a business with an original find, and an engineer or scientist puts forward an original idea.

Keywords: common sense, ontology, metaphysics, theory, explicit and implicit knowledge, picture of the world, soft and hard core.

Влияние государственной политики на доступность высшего образования в современных условиях

Сушко Валентина Афанасьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры социологии государственного управления, МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В статье рассматривается образование как один из важнейших социальных институтов, поскольку оно играет ключевую роль в развитии общества, выступая одной из главных составляющих человеческого капитала, необходимого для развития и стабильного функционирования государства и общества в целом. При этом анализируются факторы, методы и инструменты повышения доступности высшего образования, а также отмечается важность государственных мер поддержки повышения доступности высшего образования.

Ключевые слова: доступность высшего образования, государственные стратегии, методы и инструменты доступности высшего образования.

Факторы, влияющие на доступность высшего образования

В современных условиях стратегически важно сохранять баланс, предоставляя возможность получения высшего образования только самыми мотивированными и способным гражданам, тем самым реализуя механизм вертикальной мобильности – неотъемлемой составляющей демократического государства.

В этой связи необходимо учитывать, что преимущества высокой доли образованного населения могут быть реализованы только в случае, если образование является качественным и доступным для всех категорий граждан, так как запрос государства на высокообразованных граждан при отсутствии соответствующих условий закрепляет социальное неравенство и порождает социальное напряжение.

Доступность высшего образования определяется совокупностью материальных, территориальных и социокультурных условий, на которые в значительной степени может воздействовать исключительно государственная политика. В этом контексте особую актуальность приобретает анализ управленческих решений и стратегий, направленных на устранение барьеров и расширение образовательных возможностей для различных категорий граждан.

В Российской Федерации согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, «развитие доступности образования служит одним из факторов ускорения структурной перестройки российской экономики, а в современном мире, где экономика знаний играет ключевую роль, важно обеспечивать доступность именно высшего, третьего, образования, так как инновации и развитие новых технологий напрямую зависят от наличия высокообразованных специалистов» [1].

Факторы доступности высшего образования – это те или иные процессы и явления, способны повлиять на уровень доступности высшего образования – как понизить, так и повысить его. Факторы доступности высшего образования продуктивно рассматривать в соответствии с комплексностью феномена образования. Ученые, занимающиеся данной проблематикой, выделяют следующие факторы доступности высшего образования [2]:

- Экономические факторы, которые включают уровень материального благосостояния семьи, объем доступных финансовых ресурсов (включая сбережения), стоимость образовательных услуг в высших учебных заведениях, доступность бюджетных мест, а также долю финансовой поддержки со стороны государства или иных источников в общей структуре затрат на образование.
- Территориальные факторы связаны с местом проживания граждан, степенью урбанизации региона, наличием и плотностью образовательных организаций высшего образования на определенной территории, что определяет пространственную доступность образовательной инфраструктуры.
- Социальные факторы охватывают социальный и культурный капитал семьи (например, ценности, традиции, поддерживающие образование), социальный статус и образовательный уровень родителей, влияние ближайшего социального окружения, а также демографические характеристики семьи, включая количество детей.
- Индивидуальные когнитивные и физические характеристики включают уровень интеллектуального и физического потенциала индивида, сформированный человеческий капитал (навыки, способности, мотивация), а также персональные характеристики, влияющие на успешность обучения.
- Академические факторы касаются соотношения предложения мест в образовательных учреждениях и спроса со стороны абитуриентов, качества знаний, полученных на предшествующих ступенях образовательного процесса, а также организационно-структурных аспектов обучения (форма обучения, специфика учебных программ).

Помимо этого, одним из ключевых аспектов, влияющих на доступность высшего образования, является распространённость практики предоставления образовательных кредитов в обществе. С одной стороны, возможность получения кредита для финансирования обучения способствует расширению доступа к высшему образованию. С другой стороны, высокие процентные ставки и обязательства по погашению долгов в будущем могут стать существенным ограничением для потенциальных студентов.

В числе экономических факторов, влияющих на доступность, стоит также учитывать государственные меры, направленные на регулирование уровня доступности высшего образования через экономическую политику, включая как стимулы для увеличения доступности, так и механизмы, ограничивающие её. Во многом именно государство является инстанцией, содержащей бюджетные образовательные организации высшего образования, располагающие большим или меньшим

количеством бюджетных мест. Помимо этого, государство устанавливает определенные дотации для обучающихся: стипендии, пособия, льготы, а также гранты. От их количества и размера напрямую зависит доступность высшего образования.

Важно также выделить территориальные факторы доступности высшего образования – это совокупность географических и инфраструктурных условий, которые влияют на возможность получения высшего образования в зависимости от места проживания студента и места расположения образовательной организации. Например, если учитывать неравномерную концентрацию учебных заведений и учебной инфраструктуры между городами и более мелкими населенными пунктами, то стоит подчеркнуть, что высшие учебные заведения часто сосредоточены в мегаполисах и административных центрах. Также региональные различия в наличии образовательных организаций высшего образования сказываются на образовательных возможностях населения. Некоторые регионы испытывают острый дефицит высших учебных заведений или же учебные заведения расположены слишком далеко от населенных пунктов, что заставляет абитуриентов переезжать на значительные расстояния. Так, в оценке территориальной доступности высшего образования в российских регионах исследователи из ВШЭ пришли к следующему заключению: «с точки зрения преодоления расстояния наименее доступным является высшее образование в больших регионах, что соответствует интуитивным ожиданиям. Анализ территориальной доступности высшего образования в регионах показал, что легче всего добраться до образовательных организаций высшего образования в Республике Ингушетия, Республике Адыгея и Карачаево-Черкесской Республике, а сложнее всего – в Хабаровском крае. Территориальное неравенство» доступа с учетом общей низкой территориальной мобильности населения необходимо принимать в расчет» [3].

Социальные факторы доступности образования во многом соотносятся с семейным положением студента, уровнем образования и уровнем финансовой стабильности родителей, а также со спецификой внутрисемейных ценностей и традиций. Так, Я.М. Рощина отмечает, что «профессиональная должность и наличие высшего образования у родителей играет значительную роль при поступлении, и, в целом, повышает конкурентоспособность абитуриентов» [4]. Наличие высшего образования у родителей коррелирует с большим социальным и символическим капиталом семьи, что повышает доступность высшего образования для детей.

В целом, одним из важнейших социальных факторов доступности высшего образования вы-

ступает уровень развитости и характер социальной мобильности в обществе. Высокий уровень социальной мобильности стимулирует стремление к получению высшего образования как способу улучшения социального статуса. В обществах с низкой мобильностью доступ к высшему образованию может быть ограничен для определенных социальных групп, так как сохраняются барьеры, связанные с социальным происхождением.

Академическая доступность как фактор доступности высшего образования касается внутреннего содержания структуры высшего и среднего (предшествующего) уровней образований. Эта структура многообразна и включает такие элементы как качество предшествующего образования, уровень академической нагрузки, справедливость и унифицированность вступительных экзаменационных процедур, доступ и уровень различных подготовительных курсов. Так, например, уровень знаний, полученных в школе или других образовательных учреждениях, влияет на способность поступить в университет. Если качество среднего образования низкое, студентам сложнее соответствовать требованиям образовательных организаций высшего образования.

Важно также подчеркнуть, что академические факторы доступности могут быть как внешними, так и внутренними для вузовской системы. Внешние факторы касаются уровня вступительных процедур и предшествующего образования. Внутренние факторы касаются гибкости учебных программ, а также академической нагрузки на студента. Так, например, для работающих студентов или тех, кто проживает в отдаленных регионах, важна возможность выбирать альтернативные форматы обучения, такие – заочные и дистанционные программы, вечернее обучение, индивидуальный план обучения. Помимо этого, фактором «отсева» студентов может выступать уровень академических требований, предъявляемых к нему. Университеты должны предоставлять ресурсы и помощь, чтобы студенты могли справляться с учебной нагрузкой.

Методы и инструменты повышения доступности высшего образования

Одним из наиболее действенных способов повышения доступности образования является расширение государственных программ поддержки – дотаций и субсидирования в университетской среде. Предоставление стипендий и грантов для студентов из малообеспеченных семей остаётся одним из важнейших механизмов. Такие меры облегчают финансовую нагрузку, а также создают условия для того, чтобы талантливые студенты или абитуриенты могли сосредоточиться на обучении. К государственным мерам по повышению экономической доступности высшего образования могут относиться

ся стипендиальные выплаты (академическая стипендия, социальная стипендия), пособия, гранты (финансовая помощь для студентов, изучающих востребованные специальности (например, в медицине, инженерии или педагогике), что помогает решить проблему нехватки специалистов в приоритетных отраслях) [5].

Дополнительно государство может увеличить количество бюджетных мест, что особенно важно в регионах, где семейные доходы зачастую не позволяют оплачивать даже минимальную стоимость обучения.

Также мерой помощи могут являться налоговые льготы для родителей, оплачивающих обучение детей, со стороны государства. Введение налоговых вычетов на образовательные расходы способно сделать высшее образование доступнее для семей с нестабильным доходом. Для студентов же эффективным инструментом являются льготные студенческие кредиты с отсрочкой выплат до начала трудовой деятельности или низкой процентной ставкой. Такие кредиты, обеспеченные государственными гарантиями, уменьшают риски для банков, что делает их более привлекательными для финансовых учреждений и доступными для студентов.

Помимо этого, современные технологии позволяют развивать дистанционное обучение, которое существенно снижает затраты на получение диплома. Онлайн-программы и модульное обучение дают студентам возможность платить за образование постепенно, осваивая курсы в удобное время. Для студентов из семей с невысокими доходами университеты могут предлагать скидки или разрабатывать целевые программы льгот.

Не менее важным является привлечение частных организаций к повышению экономической доступности образования. Многие компании готовы финансировать подготовку специалистов, необходимых им для работы. Корпоративные стипендии, гранты и целевые программы позволяют студентам не только получить образование, но и зачастую гарантируют трудоустройство после выпуска. Это оказывается эффективным и выгодным для обеих сторон: компания получает квалифицированного сотрудника, а студент – возможность обучения без долговой нагрузки.

Территориальный фактор доступности образования включает удаленность образовательных организаций высшего образования от места жительства студента, региональное распределение образовательных организаций высшего образования в целом, а также качество инфраструктуры. Возможные решения по повышению территориальной доступности будут касаться данных факторов. Эти решения можно также дифференцировать на государственные и вузовские.

Так, например, С.С. Малиновский и Е.Ю. Шибанова отмечают, что «межрегиональные диспро-

порции могут привести к неэффективному распределению человеческого капитала и рискам формирования депрессивных территорий. Образовательная мобильность в большинстве случаев означает трудовую миграцию. Неравномерное распределение талантов в дальнейшем конвертируется в диспропорции на рынках труда и в ограничения для развития региональных экономик» [6]. Поэтому среди государственных мер по преодолению территориальных ограничений можно выделить, например, стимулирование развития образовательных организаций высшего образования в отдалённых от мегаполисов регионах. Этот запрос особенно актуален для Российской Федерации, с учетом диспропорции концентрации образовательных организаций высшего образования относительно центральной России и отдалённых регионов. Среди государственных мер можно выделить увеличение финансирования и модернизация инфраструктуры региональных университетов для повышения их конкурентоспособности. А также привлечение квалифицированных преподавателей в региональные учреждения через программы поддержки и повышения квалификации.

Также государство может стимулировать развитие программ целевого набора студентов из удалённых районов с последующим обязательством работать в своём регионе. Такие целевые программы требуют согласования стратегий развития высшего образования с региональными программами социально-экономического развития.

Могут существовать и университетские меры повышения территориальной доступности высшего образования, реализующиеся, в том числе, с государственной поддержкой. Университеты могут увеличивать количество кампусов и филиалов в регионах. Открытие филиалов ведущих университетов в удалённых регионах позволяет обеспечить доступ к качественному образованию без необходимости переезда. Местные кампусы могут адаптировать образовательные программы под региональные потребности, включая подготовку специалистов для приоритетных отраслей.

Помимо этого, университеты могут оказывать поддержку студентам из отдалённых регионов в виде дополнительных стипендий (например, в МГУ имени М.В. Ломоносова существует База данных нуждающихся студентов (БДНС)).

Ключевым инструментом повышения территориальной доступности для образовательной организации высшего образования является внедрение удобных форматов обучения. Наиболее эффективным из них является онлайн-обучение. Главным преимуществом онлайн-обучения является его независимость от местоположения студента. Современные платформы дистанционного образования предлагают широкий выбор курсов, включая программы ведущих мировых университетов. Это позволяет студентам из регионов полу-

чать доступ к лекциям, материалам и семинарам, которые раньше были доступны только в крупных образовательных центрах.

Онлайн-обучение также отличается гибкостью. Студенты могут проходить курсы в удобное для них время, что особенно важно для тех, кто совмещает учёбу с работой или семейными обязанностями. Это позволяет студентам, которые раньше не могли позволить себе переезд или очное обучение, получать высшее образование в удобных для них условиях.

Технологические достижения, такие как интерактивные платформы, видеоконференции и виртуальные лаборатории, делают процесс обучения не только доступным, но и качественным. Студенты могут участвовать в вебинарах, дискуссиях и практических занятиях в режиме реального времени, взаимодействуя с преподавателями и однокурсниками. Виртуальные лаборатории позволяют проводить эксперименты и выполнять задания, которые раньше были возможны только в специализированных учебных центрах.

Однако, как отмечают С.С. Малиновский и Е.Ю. Шибанова, «цифровые технологии дают надежду на снижение территориальных барьеров доступности, улучшение качества массового обучения и повышение гибкости образовательных процессов. Но подобная шоковая трансформация может усиливать системные проблемы дифференциации образовательных возможностей и создавать принципиально новые эффекты неравенства. Сравнительно успешная адаптация российских образовательных организаций высшего образования к дистанционному формату обучения не сделала менее актуальной проблему цифрового неравенства. Цифровой разрыв связан как с инфраструктурными ограничениями, так и с трудностями в освоении новых технологий» [6]. Действительно, пандемия COVID-19 оказалась тем фактором, который значительно расширил и популяризировал онлайн-форматы обучения. Однако столько массовый и директивный переход на цифровые технологии чреват воссозданием неравенства доступа к высшему образованию из-за технических, индивидуальных и иных причин. Подчеркивая эту проблему, В.В. Комелев пишет: «удивительно, что, несмотря на разный уровень социально-экономического и цифрового развития стран, все они столкнулись с примерно одинаковыми проблемами в условиях COVID-19. Система высшего образования пострадала одной из первых, но и одна из первых встала на путь поиска оптимального выхода из сложной ситуации. Меры, принимаемые правительствами разных стран, сводились к социально-экономической, психологической, методической поддержке студентов, преподавателей, академического персонала. Параллельно университеты наращивали свои циф-

ровые возможности, и искали пути преодоления цифрового неравенства» [7].

Следующая категория мероприятий, направленных на улучшение доступности высшего образования, связана с его социальной доступностью. Этот аспект в значительной степени перекликается с понятием социальной справедливости, подразумевающей равные возможности для всех социальных групп в доступе к образовательным ресурсам. Она определяется как способность представителей разных социальных групп получать образование независимо от их материального положения, этнической принадлежности, пола, здоровья или места жительства. Достижение социальной доступности требует применения целого комплекса мер, направленных на устранение барьеров и создание инклюзивной образовательной среды.

Доступность высшего образования определяется не только финансовой обеспеченностью семьи студента, но и уровнем образования родителей, а также семейными ценностями, традициями, укладом. Соответственно, основным методом повышения социальной доступности высшего образования будет выступать расширение социальной инклюзии.

Программы внедрения и повышения социальной инклюзии направлены на привлечение в систему высшего образования различных социальных групп. Они включают меры, способствующие доступу к обучению для людей с инвалидностью. Также требуется разработка адаптированных образовательных программ и индивидуальных траекторий обучения, которые позволяют учитывать специфические потребности учащихся.

Особое внимание должно уделяться представительству этнических меньшинств и других уязвимых групп в рамках процесса получения высшего образования. В рамках таких инициатив проводятся целевые информационные кампании, направленные на популяризацию высшего образования среди этих групп, создание культурной среды в университетах, которая чувствительна к социальной справедливости, и разработка образовательных квот или грантовых программ.

Могут существовать и инструменты повышения доступности высшего образования, связанные с личными когнитивными способностями студента или абитуриента. Этот аспект доступности тесно связан с социальной программой распространения инклюзии в высшем образовании.

Часто студенты сталкиваются с большой академической нагрузкой, что может привести к росту неуспеваемости, а также психологическому давлению. Для повышения личностной доступности важно стимулировать внутреннюю мотивацию студентов и вовлекать их в процесс обучения посредством, например, активных методов обучения (проектная деятельность, групповые дискуссии и исследовательские проекты способствуют раз-

витию интереса и включённости). Также в рамках университета может быть внедрена практика менторства и наставничества, предполагающая помощь студентам со стороны более опытных студентов или преподавателей в менее формальной обстановке. Для повышения мотивации студента также важно его карьерное консультирование, которое может снять неопределенность в будущем студента (например, Дни карьеры в МГУ имени М.В. Ломоносова).

Также стоит учитывать специфику высшего образования, которая заключается в большой роли самообразования и самоорганизации в процессе обучения, в отличие от среднего образования. Университеты могут способствовать этому через, например, введение курсов тайм-менеджмента и самоорганизации или поддержку автономии студентов: предоставление возможностей для самостоятельного выбора тем исследований, проектов или курсов. Как отмечает Т.Н. Носкова и С.С. Куликова, «самоорганизация выступает объектом управления двойственного плана, т.е. основывается на со-управлении со стороны педагога и обучающегося» [8]. То есть представителям университета следует способствовать развитию самоорганизации студентов, а не оставлять их в одиночестве.

Помимо этого, в рамках университета могут быть введены в практику центры психологической помощи студентам: университеты должны предлагать услуги консультантов и психологов, способных помочь студентам справляться с эмоциональными трудностями.

На наш взгляд, одними из ключевых методов повышения доступности высшего образования являются академические методы, которые непосредственно связаны с содержанием и объемом учебной программы, методами преподавания, а также со вступительными процедурами. Академическая доступность высшего образования определяется степенью, в которой образовательная система обеспечивает равные возможности для поступления и успешного обучения, независимо от начального уровня подготовки, личных образовательных потребностей и академических способностей студентов.

Таким образом, способы повышения доступности высшего образования многоаспектны и ранжируются в соответствии с различными гранями образовательной институции. Однако важно подчеркнуть, что они могут подразделяться на условно, внешние и внутренние относительно самой образовательной организации высшего образования. Внешние методы повышения доступности – это, по большей части, государственные меры и решения. Они являются наиболее значимыми в тех странах, где существует бесплатное бюджетное высшее образование (в частности, в РФ). Внутренние методы повышения доступности касают-

ся модернизации внутриуниверситетских процедур и практик.

Наиболее универсальными и всеохватывающими методами повышения доступности высшего образования являются те, которые реализуются в экономической, территориальной и социальной сферах. Более прицельными и частными оказываются методы, направленные на повышение индивидуальной доступности и академической доступности высшего образования.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Текст]: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021.
2. Аникина Е.А., Лазарчук Е.В., Чечина В.И. Доступность высшего образования как социально-экономическая категория // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12–2. – С. 355–358; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36232> (дата обращения: 29.06.2025).
3. Доступность высшего образования в регионах России / А.Д. Громов, Д.П. Платонова, Д.С. Семенов, Т.Л. Пырова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 32 с. – 300 экз. – (Современная аналитика образования. № 8). С. 29.
4. Рощина Я.М. Чьи дети учатся в российских элитных вузах? / Я.М. Рощина // Вопросы образования. № 1. 2006. С. 347–369. С. 363.
5. Меры государственной социальной и экономической поддержки студентов перечислены в Федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).
6. Малиновский, С.С., Шибанова, Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство / С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 78 с. – 100 экз. – (Современная аналитика образования. № 7 (67)). С. 44.
7. Комлева В.В. Доступность и качество высшего образования в условиях COVID-19: правительственные усилия в расчете на будущее // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 144–155. С. 151.

8. Носкова Т. С., Куликова С.С. Формирование компетенции самоорганизации студентов как основы обучения в современной образовательной среде университета // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009, с. 78–87. С. 85.

THE INFLUENCE OF STATE POLICY ON ACCESSIBILITY OF HIGHER EDUCATION IN MODERN CONDITIONS

Sushko V.A.

Lomonosov Moscow State University

This article examines education as one of the most important social institutions, since it plays a key role in the development of society, acting as one of the main components of human capital, necessary for the development and stable functioning of the state and society as a whole. At the same time, the factors, methods and tools for increasing the accessibility of higher education are analyzed, and the importance of government measures to support increasing the accessibility of higher education is noted.

Keywords: accessibility of higher education, government strategies, methods and tools for accessibility of higher education.

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation [Text]: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021.
2. Anikin E.A., Lazarchuk E.V., Chechina V.I. Accessibility of Higher Education as a Socio-Economic Category // Fundamental Research. – 2014. – No. 12–2. – P. 355–358; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36232> (date accessed: 29.06.2025).
3. Accessibility of Higher Education in the Regions of Russia / A.D. Gromov, D.P. Platonova, D.S. Semenov, T.L. Pyrova; National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. – M.: National Research University Higher School of Economics, 2016. – 32 p. – 300 copies. – (Modern Analytics of Education. No. 8). P. 29.
4. Roshchina Ya.M. Whose Children Study in Russian Elite Universities? / Ya.M. Roshchina // Education Issues. No. 1. 2006. Pp. 347–369. P. 363.
5. Measures of state social and economic support for students are listed in the Federal Law of 29.12.2012 N 273-FZ (as amended on 08.08.2024) «On Education in the Russian Federation» (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024).
6. Malinovsky, S.S., Shibanova, E. Yu. Accessibility of Higher Education in Russia: How to Turn Expansion into Equality / S.S. Malinovsky, E. Yu. Shibanova; National Research University Higher School of Economics, Institute of Education. – M.: HSE University, 2022. – 78 p. – 100 copies. – (Modern analytics of education. No. 7 (67)). P. 44.
7. Komleva V.V. Availability and quality of higher education in the context of COVID-19: government efforts for the future // Management issues. 2021. No. 1 (68). P. 144–155. P. 151.
8. Noskova T. S., Kulikova S.S. Formation of students' self-organization competence as a basis for learning in the modern educational environment of the university // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2009, pp. 78–87. P. 85.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности проявления буллинга в высших учебных заведениях и методы его профилактики

Бахматова Татьяна Георгиевна,к.э.н., доцент кафедры социологии и психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
E-mail: BahmatovaTG@bgu.ru**Авилова Вероника Анатольевна,**студент кафедры социологии и психологии, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»; ведущий специалист сектора по работе с организациями отдела социальной помощи населению департамента здравоохранения и социальной помощи населению комитета по социальной политике и культуре администрации города Иркутска
E-mail: Nika.school.avi@gmail.com

Представлены результаты исследования особенностей и масштабов буллинга, основанного на анкетном опросе студентов университета. Сделаны выводы о социально-демографическом профиле участников буллинг-структуры, причинах и последствиях буллинга, формах его проявления. Выявлена специфика травли в высшем образовании по сравнению со школьным уровнем. Подтверждена гипотеза о влиянии социально-культурных факторов на особенности студенческого буллинга на основе сравнительного анализа результатов исследования в российском и ирландских университетах. Проведен контент-анализ этических кодексов ведущих высших учебных заведений Российской Федерации. Обоснованы рекомендации по профилактике буллинга с учетом особенностей его проявления в студенческой среде и зарубежного опыта. Предложен адаптированный алгоритм реагирования (маршрутная карта) для выявления и эффективного реагирования на случаи буллинга.

Ключевые слова: вуз, профилактика буллинга, буллинг-структура, анкетный опрос, контент-анализ, этический кодекс.

Введение

Понятие «буллинг» возникло сравнительно недавно, в начале XX века, когда К. Дьюкс опубликовал первую работу о буллинге в образовательном пространстве [21]. С тех пор в научном сообществе наблюдается ежегодный рост интереса к этому явлению [1], так как масштабы буллинга значительны, как и рост его деструктивных последствий.

Так, ежегодный опрос о травле (2018) в Великобритании показал, что 22% студентов подвергались травле и были ее свидетелями. В США уровень травли составляет более одного из пяти (20,8%) студентов, которые сообщают о травле (Национальный центр образовательной статистики, 2016) [13, С. 188]. То есть, травля в образовательном пространстве является актуальной проблемой международного уровня. Тем не менее, степень изученности буллинга в студенческой среде недостаточна. «Тема травли широко изучается в школах и на рабочих местах, однако исследование травли среди студентов университетов сравнительно мало» [25, С. 1262].

Это относится и к исследованиям в нашей стране. Публикаций, посвященных системному изучению особенностей буллинга в высшей школе крайне мало. Исследуются преимущественно частные проблемы, на небольших выборках, демонстрируя достаточно тревожную ситуацию. Так, например, С.А. Пискарева, Е.Р. Ткачук и А.О. Юрова выявили, что из протестированных 75 студентов, 58 на постоянной основе участвуют в системе буллинга, выполняя одновременно несколько ролей» [11].

Изучая специфику буллинга в высших учебных заведениях, И.А. Гришина пришла к выводу, что в научных работах уровень буллинга колеблется от 18% до почти 68%, что имеет прямую зависимость от характера выборки, практического применения метода, сроков его проведения и страны, в которой проводилось исследование [7, С. 344].

«Следует отметить, что нередко проявляется связь буллинга и скулшутинга в том, что буллинг становится одним из мотивационных факторов совершения массовых убийств в школах и входит в содержание предкриминальной ситуации» [5, с. 586].

Как показал анализ публикаций, к наименее изученным проблемным полям можно отнести следующие:

- особенности буллинга в организациях получения профессионального образования, высшего, в том числе;
- релевантный инструмент измерения специфики и распространенности буллинга в системе профессионального образования;
- способы и формы профилактики, предупреждения буллинга с учетом особенностей проявления.

Помимо этого, сам термин «буллинг» имеет неоднозначную трактовку. В большинстве исследований используется подход к пониманию буллинга, предложенный норвежским психологом Дэном Олвеусом [23]. Классическая модель буллинга включает трех основных участников: агрессор, жертва и наблюдатель (свидетель). Эти роли формируют базовую структуру явления. Иногда в буллинг-структуре также упоминаются такие участники как помощники агрессора, защитники жертвы и другие вовлеченные лица [6].

В рамках данного исследования буллинг определяется как форма агрессивного поведения, которая проявляется через намеренное и повторяющееся причинение физического, психологического или экономического вреда другому человеку, при этом, происходящая при неравенстве сил.

Методика исследования

На первом этапе, с целью изучения масштабов и особенностей буллинга в университете было проведено исследование методом анкетного опроса. В ходе исследования проанализированы ключевые элементы буллинг-структуры в студенческой среде, причины буллинга и его последствия.

В качестве инструмента для проведения анкетного опроса был выбран англоязычный опросник «Experiences of Bullying within Higher Education» (Опыт травли в системе высшего образования) [17]. Использование адаптированного инструментария позволило провести сравнительный анализ результатов для выявления социокультурных особенностей проявления буллинга среди студентов в российском и ирландских университетах. Для обработки данных использовалась программа SPSS (Statistical Pack-age for the Social Sciences).

В качестве респондентов выступали студенты одного из университетов Иркутской области¹. Анкетный опрос был проведен в 2024 году. Выборка исследования – вероятностная, стратифицированная (939 обучающихся). В исследовании приняли участие респонденты всех факультетов и институтов исследуемого университета, отобранные пропорционально их доли в генеральной совокупности.

¹ По причинам морально-этического характера мы не указываем название высшего учебного заведения, на базе которого было проведено исследование.

В исследовании проверялись следующие гипотезы:

1. Студенты СПО чаще становятся участниками травли по сравнению со студентами высшего образования.
2. Среди студентов буллинг в киберпространстве (кибербуллинг) более распространен по сравнению со школьниками.
3. Социально-культурные детерминанты выступают значимыми факторами, определяющими специфику проявления буллинга среди студентов в разных странах.
4. Феномен буллинга в высшем образовании обладает особой спецификой по сравнению со школьной средой.

На втором этапе исследования был осуществлен контент-анализ этических кодексов ведущих высших учебных заведений Российской Федерации с целью выявления наличия запрета на проявления буллинга и ответственности агрессоров за подобные действия.

Результаты исследования

Первый этап – анкетный опрос

Социально-демографический профиль участников исследования: 72,7% – девушки, 27,3% – юноши; 16–17 лет – 34%; 18–19 лет – 38,9%; 20–21 год – 20,6%; 22–23 года – 4,6%; свыше 24-х лет – 1,7%. Выборка отражает характеристики генеральной совокупности.

Буллинг структура выглядит следующим образом: 16,4% за время обучения в учреждении были в роли жертвы, 24,49% – в роли агрессоров, 27,37% – в роли свидетелей.

Наиболее выраженными формами проявлений буллинга являются следующие действия: распространение сплетней (31,63% от общего количества опрошенных), проявление несправедливого или неравного отношения (21,09%), нарушение личного пространства (16,93%), оскорбления (16,61%), нагрузка неподходящими или непосильными заданиями (14,59%), необоснованное получение выговора (13,53%), игнорирование одноклассником (10,33%) (табл. 1.).

Таблица 1. Формы проявления буллинга с точки зрения жертв

Действия	От общего кол-ва опрошенных, в %	Пол, в %	
		женский	мужской
Обо мне сплетничали	31,63	33,67	26,27
Ко мне было проявлено несправедливое или неравное отношение	21,09	21,23	20,78
Кто-то неоднократно вторгался в мое личное пространство	16,93	17,57	15,29

Окончание

Действия	От общего кол-ва опрошенных, в %	Пол, в %	
		женский	мужской
Меня обзывали	16,61	15,08	20,78
Преподаватели давали мне неподходящие или неподобающие задания	14,59	13,76	16,86
Мне необоснованно сделали выговор	13,53	12,3	16,86
Меня игнорировал одноклассник	10,33	9,66	12,16
Ко мне придирались, меня унижали или подвергали публичным насмешкам	5,64	7,17	9,41
У меня отбирали личные вещи	5,54	5,56	2,05
Делали угрожающие жесты в мой адрес	5,11	4,25	7,45
Меня запугивали / мне угрожали	4,37	3,66	6,27
Меня сексуально домогались	3,19	2,64	4,71
Я столкнулся с «дедовщиной» со стороны студентов старших курсов	2,88	2,49	3,92

Менее значимыми формами травли (до 10,0%) оказались следующие: придирки, унижения и насмешки, отнимание личных вещей, угрожающие жесты, запугивание или угрозы, сексуальные домогательства, «дедовщина».

Можно отметить различия в проявлениях травли по половому признаку. Так, женщины чаще сталкиваются с такими проявлениями агрессии, как: сплетни, вторжение в личное пространство и отнятие личных вещей. Мужчины чаще отмечают: оскорбления, нагрузку неподходящими или невыполнимыми заданиями, необоснованный выговор, игнорирование одноклассником, придирки, унижения и публичные насмешки, угрожающие жесты, запугивание, угрозы и сексуальные домогательства.

Было обнаружено, что лица мужского пола в целом немного чаще подвергаются буллингу, однако данные различия незначительны. К подобному выводу о том, что мужчины и женщины оказываются жертвами буллинга примерно в равной степени, однако существуют различия в проявлениях травли, пришли в своей работе В.А. Иванюшина, Д.К. Ходоренко и Д.А. Александров. Исследователи выяснили, что для жертв мужского пола чаще выбирается физическая агрессия, для женского – вербальная и социальная [9].

Сравнение полученных данных с ирландским исследованием демонстрирует, что в обоих случаях сплетни и несправедливое отношение явля-

ются самыми распространенными формами травли, хотя в Ирландии эти показатели выше (37,5% против 31,63% – сплетни, 36,7% против 21,09% – несправедливое отношение). Однако социальная изоляция более распространена в ирландских вузах (37,3% случаев исключения из группы).

Оценка распространенности буллинга по уровням обучения показала, что студенты СПО и высшего образования подвергаются буллингу примерно в равной степени. В университете доля студентов, выступающих в роли жертв, равняется 15,96%, тогда как в колледже – 16,63%. Так, гипотеза о том, что студенты колледжа при университете чаще становятся жертвами буллинга, получила частичное подтверждение. Действительно, доля пострадавших в колледже несколько выше, однако разница между показателями минимальна.

Что касается кибербуллинга, то его распространенность в студенческой среде оказалась меньшей по сравнению со школьной. Исследования ВЦИОМ показывают, что «каждый пятый россиянин считает кибербуллинг одной из ключевых угроз для детей в интернете» [19], в то время как наше исследование выявило довольно низкий уровень кибербуллинга среди студентов – примерно 5,0% респондентов сталкивались с онлайн-травлей. К такому же выводу пришли исследователи в Ирландии. Гипотеза о том, что наиболее распространенной формой травли в университете является кибербуллинг не подтвердилась.

Если посмотреть на такие виды буллинга, как горизонтальный и вертикальный, то, как показал анализ, доминирует агрессия горизонтальной направленности. Так, 37,31% случаев инициировали одноклассники, 17,91% – другие студенты, 2,99% – участники внеучебных объединений.

Обнаружено, что 23,88% респондентов столкнулись с травлей со стороны преподавателей, 0,75% – администрации. Исследование выявило более масштабное распространение вертикального буллинга в сравнении с данными ирландского исследования (рисунок 1).

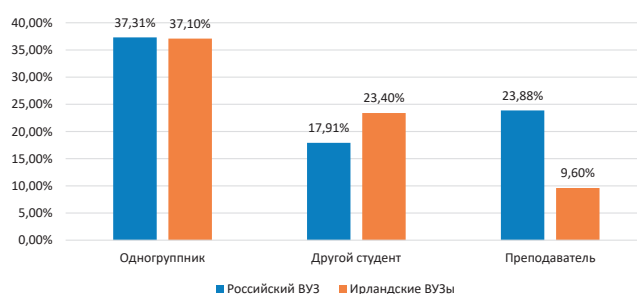

Рис. 1. Статус агрессора, указанный жертвами буллинга

То есть, если уровень агрессии со стороны одноклассников примерно одинаков в двух исследованиях, то в российском вузе доля преподавателей-агрессоров оказалась значительно выше (23,88%

против 9,6%), что должно быть предметом самостоятельного исследования.

Подобные результаты были получены Н.С. Бобровниковой, которая пришла к выводу, что в большинстве случаев агрессорами являются сверстники (63%) и старшекурсники (27%), 11% – преподаватели [3, С. 435]. Из этого можно сделать вывод, что агрессором в буллинге, как и жертвой, может быть любой человек, в том числе представители преподавательского или административного персонала.

«В буллинге участвуют как студенты, так и сотрудники (академические и неакадемические)» [24, с. 129], поэтому буллинг заслуживает большего внимания.

Адаптация жертв буллинга к агрессивному воздействию изучалась с помощью анализа ответов на вопрос: «Изменилось ли Ваше поведение в результате этого негативного опыта в прошлом учебном году?». Ответы студентов– жертв буллинга распределились следующим образом:

- избегаю определенных онлайн-групп студентов – 30,1%;
- не ходил на определенные занятия – 30,1%;
- думал сменить учебное заведение – 21,6%;
- думал сменить учебную группу – 19,0%;
- не остаюсь один на территории учебного заведения – 13,7%;
- избегаю определенных мест учебного заведения – 13,7%;
- на время ушел из учебного заведения – 11,8%;
- собираюсь бросить учебное заведение – 10,5%;
- выпал из внеучебных сообществ – 9,2%.

То есть, доминирует, к сожалению, неадаптивная, пассивная стратегия избегания. «Независимо от того, является жертва случайной или нет, она чувствует себя беспомощной, испытывает стресс, унижение, беспокойство, гнев, потерю уверенности в себе» [4 с. 93].

Роль жертвы в ситуации буллинга оказала на студентов следующее негативное влияние: беспокойство (43,8%), подавленность (34,0%), чувство гнева (34,0%), чувство смущения/унижения (31,4%), грусть (28,1%), заниженная самооценка (26,8%). Подобный результат мы можем наблюдать в работе Н.С. Бобровниковой, исследовавшей последствия для жертв школьного буллинга.

Кроме вышеперечисленных последствий, исследователем отмечались такие возможные негативные последствия, как: «возникновение суицидальных наклонностей, снижение интереса к жизни, отказ от социальных связей и контактов» [2]. Мы не обнаружили подобного влияния буллинга в университетской среде.

20,3% студентов-жертв буллинга отметили, что травля не оказала на них существенного влияния. К похожему выводу пришли в своей работе исследователи П.И. Пшеничная и А.А. Смирная. Так, по мнению авторов: «около 20% жертв бул-

линга совершают самоубийство, 45% становятся замкнутыми и уходят в себя, 15% – остаются подверженными суициду и только 20% находят в себе силы преодолеть ситуацию и восстановиться в дальнейшем» [12]. Двое студентов отметили положительное воздействие буллинга на свое дальнейшее развитие. Этими положительными последствиями оказались: желание стать сильнее и повышение самооценки.

Следующий вопрос анкеты касался предполагаемых причин буллинга. Так, 43,9% респондентов-жертв не смогли выделить причины издевательств над ними. Те, кто указал причины издевательств, отметили: внешний вид (29,3%); лишний вес (20,7%); возраст (13,8%); пол и этническая принадлежность (по 8,6%); сексуальная ориентация (6,9%); особенности характера (5,2%); религия (3,5%).

«Поскольку высшее образование является глобальным, а университеты являются многокультурной средой, различия в национальных и региональных культурах и убеждениях добавляют сложности» [22, С. 402].

Важной адаптивной стратегией поведения в конфликте является обращение за помощью и поддержкой к другим субъектам, объединение усилий, манифестирование проблемы. Выяснилось, что треть опрошенных не сообщали о ситуации буллинга третьим лицам. Чаще всего жертвы сообщали о происходящем своим родителям (76,9% сообщивших о травле). На втором месте по значимости находятся друзья (62,8%), на третьем – преподаватели (24,4%), на четвертом – администрация учебного заведения (9,0%). Были обнаружены единичные упоминания и других людей: представитель студенческого объединения, охранник, школьный учитель, личный психолог.

Следующим элементом буллинг-структуры является агрессор: 729 человек (77,6% от общего числа респондентов) отметили, что не совершали подобных действий, 22,4% студентов (261 чел.) идентифицировали себя как агрессора. Направленность действий характеризуется следующим: 43,7% совершали агрессивные действия в отношении одноклассников, 11,5% – других студентов учебного заведения, 4,6% – преподавателей.

Вопрос на выявление свидетелей буллинга показал, что 27,4% опрошенных были свидетелем издевательств на территории учебного заведения или киберзапугивания.

Сравнительный анализ результатов нашего исследования и исследования в ирландских вузах показал разницу в готовности свидетелей противостоять буллингу. В Ирландии готовность помочь жертве буллинга оказалась выше: 59,1% респондентов предприняли попытку вмешаться, в то время как в исследуемом вузе этот показатель составил лишь 51,0%. При этом, нами было выявлено, что

вмешательство привело к следующим результатам: 68,6% – положительный результат; 20,7% – результата не было/никакой; 6,6% – отрицательный результат; 3,3% – не знаю/не помню; 0,8% – предпочитаю не отвечать на этот вопрос.

Выявилось отличие в поведении мужчин и женщин: 68,7% женщин-свидетелей травли вмешались в происходящую травлю. У мужчин показатель вмешательства оказался равен 32,5%. Можно предположить, что такой результат обусловлен тем, что женщины гораздо лучше мужчин понимают чужие эмоции. Ситуации, где мужчины-свидетели могут принять буллинг за неудачную шутку или ссору двух приятелей, девушки могут различить травлю и попытаться ее прекратить. К похожим выводам пришла Н.Н. Зорина, отмечая, что: «у представителей разных гендеров будут проявляться его разные компоненты: например, женщины проявят более высокую эмоциональность, связанную с пониманием чужих эмоций, эмпатию, а мужчины – способность к управлению эмоциями других людей» [8, С. 11]. Не было обнаружено существенного различия в ответах студентов университета и колледжа. Процент студентов колледжа, которые выступали в роли свидетеля буллинга составил 28,4%, университета – 26,4%.

На вопрос «Что Вы сделали, чтобы вмешаться?» распределение ответов респондентов оказалось следующим: 34,4% – сказал человеку, который издевается, прекратить это; 29,0% – вмешался во время издевательств; 28,2% – поговорил с человеком, над которым издеваются, чтобы узнать, могу ли я ему помочь/поддержать; 5,3% – связался с преподавателем и др.

В ирландском же исследовании, наиболее распространенной формой вмешательства являлся прямой разговор с жертвой буллинга. То есть, стратегия вмешательства в ситуации травли существенно отличается: российские студенты чаще обращаются к обидчику, зарубежные – к жертве.

Были исследованы причины невмешательства свидетелей в буллинг. Среди причин, на первом месте стоит такая причина, как: «Это не мое дело» – 42,9%, на втором месте: «Я не знал, как помочь» – 20,6%, на третьем месте: «Боюсь за себя, что я буду следующим» и «Человек должен уметь справиться с этим самостоятельно» – по 11,1%.

Важное значение имеет социокультурная среда, которая может либо способствовать, либо препятствовать агрессивному поведению, а также институционализация корпоративной культуры. Студенты проанализированного нами университета менее уверены в том, что издевательства противоречат ценностям их учебного заведения (полученный нами показатель – 61,7%, показатель ирландского исследования – 76,9%).

Студенты российского вуза более уверены в том, что администрация прилагает активные

усилия по борьбе с издевательствами. Можно наблюдать ярко выраженное различие в ответах респондентов нашего и ирландского исследований о реализации политики по борьбе с буллингом. В нашем исследовании было выявлено, что только 15,5% обучающихся знают о действии подобной политики, в университетах Ирландии же, показатель равен 42,4% [16].

Также было обнаружено различие в ответах респондентов на вопрос о том, остается ли буллинг неявным в университете. Ирландские студенты более согласны с тем, что травля остается незамеченной участниками учебного процесса (33,2%), нежели российские (12,9%).

Выводы. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что гипотеза о том, что культурные детерминанты являются важными факторами, влияющими на особенности буллинга, получила подтверждение в ходе сравнительного анализа результатов исследования в российском вузе и вузах Ирландии.

Предположение, что буллинг в высшем образовании обладает особой спецификой, существенно расходящейся с проявлениями в школьной среде, также нашло подтверждение. Так, отличительные особенности травли в университете состоят в следующем:

- студенты вузов практически не сталкиваются с такими видами травли, как: физическая, экономическая и кибербуллинг. Чаще они сталкиваются с психологическим и социальным буллингом, что свидетельствует о том, что в высшем образовании агрессия принимает более скрытые и сложные формы;
- студенты вузов имеют большую самостоятельность и возможности выбора круга общения, что влияет на сокращение масштаба травли, но зачастую усугубляет ее деструктивные последствия (приводит к снижению сформировавшейся самооценки, чувство стыда и вины сдерживает обращение за помощью и т.п.);
- студенты вузов, вовлеченные в буллинг-структуру, получают меньшую поддержку и помощь со стороны администрации, чем школьники, в том числе и потому, что реже за ней обращаются. В школах широко распространены формы профилактики и борьбы с буллингом, тогда как в вузах травля по-прежнему остается скрытым явлением, что является одной из причин отсутствия адекватных мер по ее предотвращению.

Второй этап исследования – контент-анализ этических кодексов с целью выявления наличия запрета на проявления буллинга и ответственности агрессоров за подобные действия

Информация об этических кодексах была получена в результате анализа официальных сайтов образовательных организаций. Были проанализированы

этические кодексы двенадцати ведущих высших учебных заведений России, которые входят в число наиболее престижных образовательных учреждений страны [18].

Из 12 учебных заведений было выявлено только одно, в этическом кодексе которого присутствует упоминание понятия «буллинг». Так, этическим кодексом сотрудников и преподавателей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» устанавливается неприемлемость угрожающих действий, проявлений травли (моббинга) и агрессивного преследования (буллинга), в том числе, в Интернете [20].

При изучении этических кодексов 11 учебных заведений обнаружено, что в них содержатся положения, описывающие действия, которые можно квалифицировать как проявления буллинга. Из них, наиболее распространенными являются: дискриминация, обращения в грубой, уничижительной или фамильярной форме и высказывания или поступки, унижающих честь и достоинство. Кроме этого, упоминаются оскорбления, а также совершение противоправных действий и намеренный подрыв репутации.

В каждом четвертом кодексе содержались запреты на угрозы; насилие; сексуальные домогательства; нанесение морального или материального ущерба; действия, препятствующие учебному процессу и создающие помехи для обучения других обучающихся.

Небольшой процент составили: повышение голоса; нарушение свободы передвижения, слова, собраний; высокомерие; навязывание, принуждения сексуального характера; применение двойных стандартов; лицемерие; чрезмерно завышенные требования; предубеждения; кража и порча имущества; неуважительное поведение; травля; моббинг; аморальные проступки, способные причинить вред другим работникам и обучающимся; запугивание; давление; преследование; распространение ложной и порочащей информации; требование денежных средств.

Из 12 высших учебных заведений, этические кодексы которых были проанализированы, ответственность за нарушение кодекса этики содержат документы 9 вузов (66,67%). При этом, в одном из них установлено, что какая-либо ответственность за нарушение кодекса этики не предусмотрена (но порицается университетским сообществом), в двух других описано, что нарушения кодекса этики может учитываться при некоторых обстоятельствах.

Например, кодекс этики Московского физико-технического института включает следующие положения: «соблюдение Кодекса может учитываться при проведении аттестации на соответствие занимаемой должности, а также при поощрении сотрудников организации. Нарушение Кодекса этики может учитываться при применении адми-

нистрацией дисциплинарных взысканий в отношении преподавателей, сотрудников и обучающихся» [15].

То есть, само по себе нарушение кодекса этики не накладывает ответственность на нарушителя, однако, оно может быть учтено в будущем. В кодексах этики пяти вузов (41,7%) представлено уже более четкое описание ответственности. Так, в кодексе этики учащегося в ИТМО установлено, что, к обучающемуся, допустившему нарушение или неисполнение Кодекса, могут быть применены меры дисциплинарного взыскания – замечание, выговор или отчисление [14].

Таким образом, этические кодексы каждого проанализированного высшего учебного заведения содержат запрет на действия, которые могут быть расценены как буллинг, однако само упоминание буллинга содержится только в одном кодексе. Менее чем в половине проанализированных документов установлена ответственность за нарушение этического кодекса, а, следовательно, и за травлю [26]. Подобное упущение может негативно сказываться на участниках образовательного процесса. Из этого следует, что необходима разработка и реализация специальных положений этического кодекса для студентов и сотрудников для всесторонней защиты участников образовательного процесса [28].

На основе проведенного исследования были сформулированы следующие рекомендации для руководства высших образовательных учреждений.

Необходима разработка и реализация антибуллинговых программ внутри организации, учитывающих возрастные особенности студентов и особенности форм травли в высшей школе, которые нужно изучать в динамике на основе апробированных, универсальных методик.

Также, большое значение имеет качество межличностного общения и психологическая безопасность в образовательной среде [10, С. 237]. Руководству образовательной организации следует закрепить в локальных нормативных актах запрет на проявление буллинга. Наиболее уместным документом для закрепления запрета на проявления буллинга является этический кодекс. В нем обязательно должна содержаться информация о недопущении травли, а также само понятие «буллинг». При этом, этический кодекс должен содержать ответственность, которая могла бы быть применена к нарушителю за несоблюдение этических предписаний.

Одной из наиболее эффективных и распространенных форм профилактики буллинга является тренинг [27]. В наше время существуют множество различных тренингов, направленных на недопущение травли, например, «профилактика буллинга в подростковой среде», «стоп буллинг» и другие, однако, тренингов, направленных на бо-

лее взрослую, студенческую аудиторию практически нет [29]. Исходя из этого, возникает необходимость их профессиональной разработки.

Важно формирование особой структуры в вузах, работа которой будет непосредственно касаться профилактики буллинга и виктимного по-

ведения. Так, например, в Оксфордском университете функционирует специализированная структура, деятельность которой непосредственно связана с профилактикой буллинга и разрешения ситуаций травли.

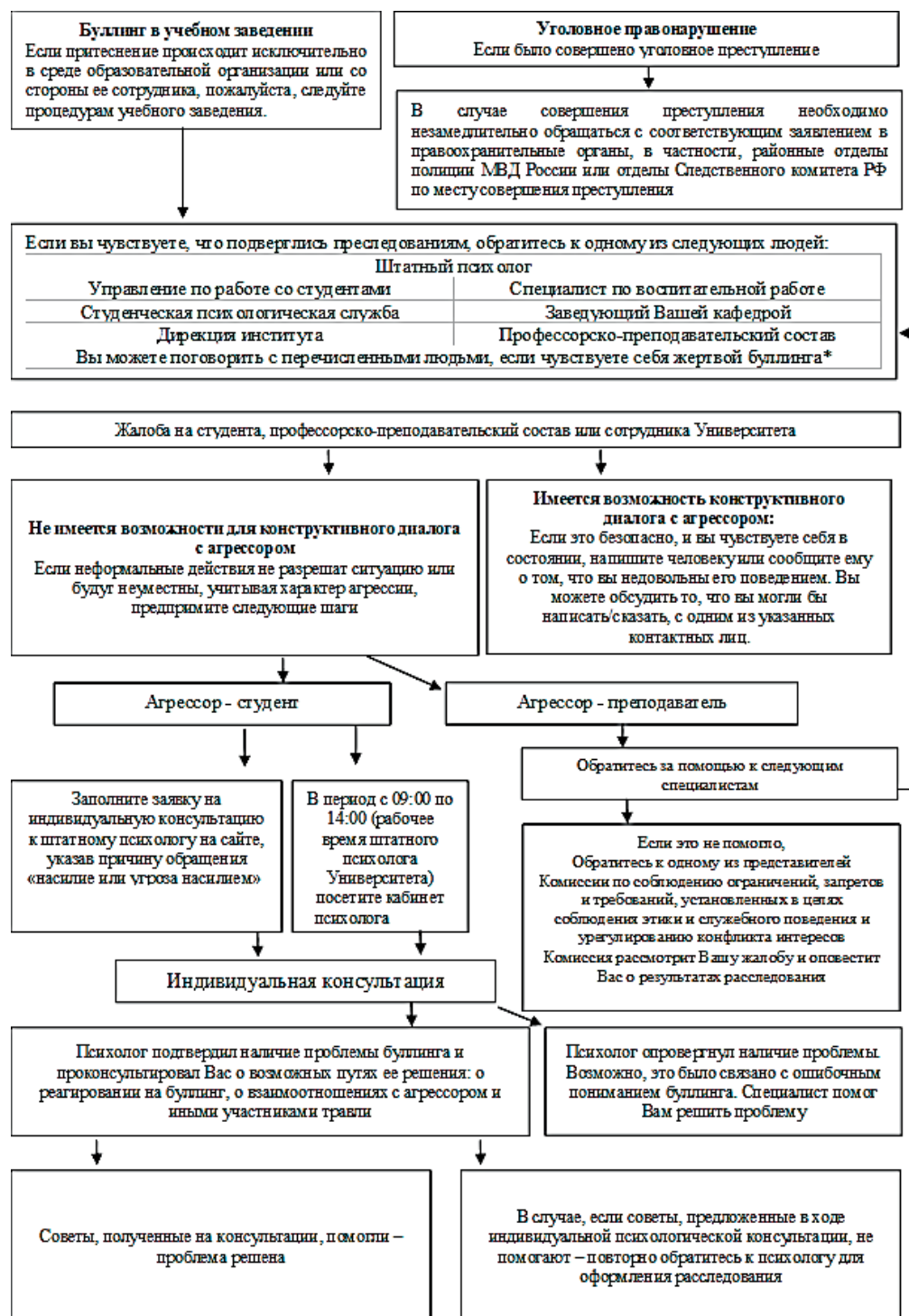

Рис. 2. Маршрутная карта (алгоритм) реагирования студентов на буллинг

Необходима разработка алгоритма реагирования (маршрутной карты) для выявления случаев буллинга. Подобная схема уже разработана сотрудниками Оксфордского университета,

которую можно адаптировать с учетом российских особенностей. Данная блок-схема может варьироваться в зависимости от, например, типов организационно-правовой формы юридического

лица, от структуры образовательного учреждения. Авторами была составлена маршрутная карта, которая может быть использована в университете (рисунок 2).

Без изменения стратегии и тактики борьбы с травлей, студенты будут лишены необходимой поддержки и без знания алгоритма не будут подготовлены к выявлению и информированию о случаях травли. Университеты также рискуют получить репутационные проблемы, если не создадут корпоративную культуру, свободную от травли.

Литература

- Бахматова Т.Г. Библиометрический анализ тенденций изучения буллинга как социального феномена / Т.Г. Бахматова, В.А. Авилова // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – Т. 50, № 3. – С. 32–45.
- Бобровникова Н.С. Социально-опасный феномен буллинг, его проявления, причины и последствия в современной подростковой среде / Н.С. Бобровникова // Colloquium-Journal. – 2020. – № 31–2(83). – С. 17–19.
- Бобровникова Н.С. Анализ мнений студентов факультета филологии о буллинге и его проявлениях / Н.С. Бобровникова // Наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения: Материалы международной научно-практической конференции, Воронеж, 26–27 ноября 2018 года. Том ЧАСТЬ II. – Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2018. – С. 434–437.
- Бочкарева Е.В. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга / Е.В. Бочкарева, Д.А. Стренин // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 91–97.
- Волчецкая Т.С. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян, Е.В. Осипова // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 578–591.
- Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга / О.Л. Глазман // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 105. – С. 159–165.
- Гришина И.А. Специфика буллинга в вузе / И.А. Гришина // Наука и технологии: тенденции современного развития: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 13 ноября 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023. – С. 342–346.
- Зорина Н.Н. Гендерный аспект эмоционального интеллекта / Н.Н. Зорина // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2021. – № 1 (41). – С. 203–217.
- Иванюшина В.А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размера и типа школы / В.А. Иванюшина, Д.К. Ходоренко, Д.А. Александров // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. – 2021. – № 4. – С. 220–242.
- Миронова С.М. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве / С.М. Миронова, С.С. Симонова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 234–241.
- Пискарева С.А. Распространённость и характеристика буллинга среди студенческой молодежи / С.А. Пискарева, Е.Р. Ткачук, А.О. Юрова // Мотивационные аспекты физической активности: Материалы V Всероссийской междисциплинарной конференции, Великий Новгород, 26 февраля 2021 года – Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2021. – С. 71–78.
- Пшеничная П.И. Исследование феномена буллинга в школах / П.И. Пшеничная, А.А. Смирная // Мир человека: Материалы ежегодной Межвузовской научно-практической конференции, Красноярск, 28–29 апреля 2022 года. Том Выпуск 1 (50). – Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решенева, 2022. – С. 83–86.
- Рахман М. Последствия травли студентов университетов в Бангладеш / М. Рахман, М. Хасан, А. Хоссейн, З.М. Кабир. – Менеджмент, – С. 186–208.
- Кодекс обучающегося университета ИТМО: офиц. сайт. – 2025, URL: https://itmo.ru/images/sveden_pages/2/kodeksObuch.pdf. (дата обращения: 05.07.2025).
- Кодекс этики и служебного поведения сотрудников МФТИ: офиц. сайт. – 2025, URL: <https://mipt.ru/institute/docs>. (дата обращения: 24.04.2025).
- Новости национального колледжа Ирландии (National College of Ireland): офиц. сайт. – 2024, URL: <https://www.ncirl.ie/News/ArtMID/748/ArticleID/914/Experiences-of-bullying-in-HEIs-survey-report-launched> (дата обращения: 24.04.2024).
- Отчет о национальном исследовании случаев травли студентов в высших учебных заведениях Ирландии: офиц. сайт. – 2025, URL: <https://www.gov.ie/en/department-of-further-and-higher-education-research-innovation-and-science/publications/report-on-national-survey-of-student-experiences-of-bullying-in-higher-education-institutions-in-ireland/> (дата обращения: 05.07.2025).
- ТОП-30 вузов России (rating.fut): офиц. сайт. – 2025, URL: <https://rating.fut.ru/top30> (дата обращения: 05.07.2025).

19. Травля в цифровую эпоху (ВЦИОМ): офиц. сайт. – 2025, URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-cifrovuju-ehpokhu> (дата обращения: 05.07.2025).
20. Хартия (кодекс этики) работников НИУ ВШЭ: офиц. сайт. – 2025, URL: <https://www.hse.ru/info/code-of-conduct/> (дата обращения: 05.07.2025).
21. Dukes C. Health at School. London: Rivingtons. Elliott M. Keeping Safe: A Practical Guide to Talking with Children. London: Hodder & Stoughton. 1905.
22. Et al. Arvind Nain «Persistent Bullying in Higher Education Institutions: A Comprehensive Research Study». Tuijin Jishu/Journal of Propulsion Technology ISSN: 1001-4055 Vol. 44 № 3 (2023).
23. Olweus D. Bullying at school: what we know and what we can do. – Malden M A: Blackwell Publishing, 1993.
24. Tight M. (2023) Bullying in higher education: an endemic problem? Tertiary Education and Management, 29 (2). pp. 123–137.
25. Vaill Z., Campbell, M., & Whiteford, C. (2020). Analysing the quality of Australian universities' student anti-bullying policies. Higher Education Research & Development, 39 (6), pp. 1262–1275 (2020). <https://doi.org/10.1080/07294360.2020.1721440>.
26. Ардашев Р.Г. Буллинг в образовательных учреждениях // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 280–286.
27. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
28. Ардашев Р.Г., Ложкина Н.В. Проблемы буллинга и кибербуллинга в образовательных учреждениях // Евразийский юридический журнал. 2024. № 12 (199). С. 533–534.
29. Бахматова Т.Г., Авилова В.А., Алсаева Ю.Г. Голоса участников буллинга: контент-анализ комментариев к документальному фильму // Социология. 2025. № 1. С. 31–38.

PECULIARITIES OF BULLYING MANIFESTATIONS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND METHODS OF ITS PREVENTION

Bakhmatova T.G., Avilova V.A.

Baikal State University, Committee for Social Policy and Culture of the Irkutsk City Administration

The article presents the results of the study of the features and scale of bullying based on a questionnaire survey of university students. Conclusions are made about the socio-demographic profile of the participants of the bullying structure, the causes and consequences of bullying, and the forms of its manifestation. The specificity of bullying in higher education is revealed in comparison with the school level. The hypothesis about the influence of socio-cultural factors on the features of student bullying is confirmed based on a comparative analysis of the results of the study in Russian and Irish universities. A content analysis of the ethical codes of leading higher educational institutions of the Russian Federation is conducted. Recommendations for the prevention of bullying are substantiated taking into account the features of bullying in the student environment and foreign experience. An adapted response algorithm (route map) is proposed for identifying and effectively responding to cases of bullying.

Keywords: university, bullying prevention, bullying structure, questionnaire survey, content analysis, code of ethics.

References

1. Bakhmatova T.G. Bibliometric analysis of trends in the study of bullying as a social phenomenon / T.G. Bakhmatova, V.A. Avilova // Vectors of well-being: economy and society. – 2023. – Vol. 50, No. 3. – P. 32–45.
2. Bobrovnikova N.S. The socially dangerous phenomenon of bullying, its manifestations, causes and consequences in the modern teenage environment / N.S. Bobrovnikova // Colloquium-Journal. – 2020. – No. 31–2 (83). – P. 17–19.
3. Bobrovnikova N.S. Analysis of opinions of students of the Faculty of Philology about bullying and its manifestations / N.S. Bobrovnikova // Science and education at the present stage of development: experience, problems and ways to solve them: Proceedings of the international scientific and practical conference, Voronezh, November 26–27, 2018. Volume PART II. – Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, 2018. – P. 434–437.
4. Bochkareva E.V. Theoretical and legal aspects of cyberbullying / E.V. Bochkareva, D.A. Strenin. // All-Russian Criminological Journal. – 2021. – Vol. 15, No. 1. – P. 91–97.
5. Volchetskaya T.S. Criminological characteristics and prevention of school shooting and cyberbullying in Russia and foreign countries / T.S. Volchetskaya, M.V. Avakyan, E.V. Osipova // All-Russian Criminological Journal. – 2021. – Vol. 15, No. 5. – P. 578–591.
6. Glazman O.L. Psychological characteristics of bullying participants / O.L. Glazman // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – 2009. – No. 105. – P. 159–165.
7. Grishina I.A. Specifics of bullying in the university / I.A. Grishina // Science and technology: trends in modern development: Collection of articles from the International scientific and practical conference, Petrozavodsk, November 13, 2023. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2023. – P. 342–346.
8. Zorina N.N. Gender aspect of emotional intelligence / N.N. Zorina // Human factor: Social psychologist. – 2021. – No. 1 (41). – P. 203–217.
9. Ivanyushina V.A. Prevalence of bullying: age and gender differences, the importance of the size and type of school / V.A. Ivanyushina, D.K. Khodorenko, D.A. Alexandrov // Educational issues / Educational Studies Moscow. – 2021. – No. 4. – P. 220–242.
10. Mironova S.M. Protection of the rights and freedoms of minors in the digital space / S.M. Mironova, S.S. Simonova // All-Russian Criminological Journal. – 2020. – Vol. 14, No. 2. – P. 234–241.
11. Piskareva S.A. Prevalence and characteristics of bullying among student youth / S.A. Piskareva, E.R. Tkachuk, A.O. Yurova // Motivational aspects of physical activity: Proceedings of the V All-Russian interdisciplinary conference, Veliky Novgorod, February 26, 2021 – Veliky Novgorod: Yaroslav the Wise Novgorod State University, 2021. – P. 71–78.
12. Pshenichnaya P.I. Study of the phenomenon of bullying in schools / P.I. Pshenichnaya, A.A. Smirnaya // The world of man: Proceedings of the annual Interuniversity scientific and practical conference, Krasnoyarsk, April 28–29, 2022. Volume Issue 1 (50). – Krasnoyarsk: Siberian State University named after M.F. Reshenev, 2022. – P. 83–86.
13. Rahman M. Consequences of bullying of university students in Bangladesh / M. Rahman, M. Hasan, A. Hossein, Z.M. Kabir. – Management, – P. 186–208.
14. ITMO University Student Code: official website. – 2025, URL: https://itmo.ru/images/sveden_pages/2/kodeksObuch.pdf. (date of access: 07/05/2025).
15. MIPT Employee Code of Ethics and Official Conduct: official website. – 2025, URL: <https://mipt.ru/institute/docs>. (date of access: 04/24/2025).
16. National College of Ireland News: official website. – 2024, URL: <https://www.ncirl.ie/News/ArtMid/748/ArticleID/914/Experiences-of-bullying-in-HEIs-survey-report-launched> (date of access: 24.04.2024)
17. Report on a national survey of student bullying in higher education institutions in Ireland: official. website. – 2025, URL: <https://>

- www.gov.ie/en/department-of-further-and-higher-education-research-innovation-and-science/publications/report-on-a-national-survey-of-student-experiences-of-bullying-in-higher-education-institutions-in-ireland/ (date of access: 05.07.2025).
18. TOP-30 Universities of Russia (rating.fut): official website. – 2025, URL: <https://rating.fut.ru/top30> (date of access: 07/05/2025).
  19. Bullying in the Digital Age (VTsIOM): official website. – 2025, URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-cifrovuju-ehpokhu> (date of access: 07/05/2025).
  20. Charter (code of ethics) of HSE employees: official website. – 2025, URL: <https://www.hse.ru/info/code-of-conduct/> (date of access: 07/05/2025).
  21. Dukes C. Health at School. London: Rivingtons. Elliott M. Keeping Safe: A Practical Guide to Talking with Children. London: Hodder & Stoughton. 1905.
  22. Et al. Arvind Nain "Persistent Bullying in Higher Education Institutions: A Comprehensive Research Study." Tuijin Jishu/Journal of Propulsion Technology ISSN: 1001–4055 Vol. 44 No. 3 (2023).
  23. Olweus D. Bullying at school: what we know and what we can do. – Malden M A: Blackwell Publishing, 1993.
  24. Tight M. (2023) Bullying in higher education: an endemic problem? Tertiary Education and Management, 29(2). pp. 123–137.
  25. Vaill, Z., Campbell, M., & Whiteford, C. (2020). Analyzing the quality of Australian universities' student anti-bullying policies. Higher Education Research & Development, 39(6), pp. 1262–1275 (2020). <https://doi.org/10.1080/07294360.2020.1721440>.
  26. Ardashev R.G. Bullying in educational institutions // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Proceedings of the X International scientific and practical conference. Irkutsk, 2024. Pp. 280–286.
  27. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // Sociology. 2022. No. 6. Pp. 32–38.
  28. Ardashev R.G., Lozhkina N.V. Problems of bullying and cyberbullying in educational institutions // Eurasian Law Journal. 2024. No. 12 (199). Pp. 533–534.
  29. Bakhmatova T.G., Avilova V.A., Alsayeva Yu.G. Voices of bullying participants: content analysis of comments on a documentary film // Sociology. 2025. No. 1. P. 31–38.

Профессионализация социальной работы в современных условиях: региональный аспект

Копалкина Евгения Геннадьевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет
E-mail: bayev.pa@mail.ru

В работе представлены результаты анализа проблем и особенностей профессионализации социальной работы в регионе (на примере ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения» (Иркутск)). Методы, используемые в исследовании – анализ статистических данных, сравнительный анализ, анкетирование (n=35). В результате было получено представление об уровне удовлетворенности работой, степени профессиональной идентичности, наличии эмоционального выгорания, возможностях повышения квалификации и восприятия своей роли специалистов в сфере социальной работы. Был сделан вывод о выраженных различиях между должностными группами: заведующие отделениями демонстрируют более высокую степень профессионализации, чем специалисты и социальные работники, что связано с разницей в доступе к ресурсам, поддержке и возможностям карьерного роста.

Ключевые слова: социальная работа, профессионализация, Иркутская область, комплексный центр социального обслуживания населения

Введение

Социальная работа как профессиональная сфера деятельности играет важнейшую роль в обеспечении социальной защиты граждан, поддержке социально уязвимых слоев населения и реализации государственной социальной политики, направленной на содействие их социальной интеграции и стабилизации общественных процессов. В условиях трансформации социальной сферы, усложнения социальных проблем и повышения требований к качеству предоставляемых услуг, особое значение приобретает процесс профессионализации социальной работы, как системный и многоаспектный процесс формирования компетентных и ответственных специалистов, способных эффективно решать свои профессиональные задачи [7]. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления и повышения эффективности профессионального становления специалистов в социальной сфере на региональном уровне. В частности, в Иркутской области наблюдаются как положительные тенденции в развитии системы социальной защиты, так и существенные трудности, связанные с кадровым дефицитом, высоким уровнем профессионального выгорания, неравномерностью распределения ресурсов и различиями в уровне подготовки специалистов [1; 2; 3; 5; 6]. В этих условиях исследование процесса профессионализации работников в социальной сфере региона становится не только теоретически значимым, но и практически востребованным. Проблема профессионализации в социальной работе изучается в научной литературе с разных позиций: как развитие профессиональных компетенций, как формирование профессиональной идентичности, как институционализация профессии. Однако большинство исследований ориентированы на общероссийский или международный контекст, в то время как региональные особенности профессионального становления специалистов остаются недостаточно изученными.

Результаты исследования

Эмпирическое исследование¹ было проведено на базе ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения» [4] методом анкетирова-

¹ Автор выражает благодарность студентке гр. РС-21–1 Гражданиновой Д.А. за сбор и обработку данных эмпирического исследования.

ния (n=35, что составило 30% от генеральной совокупности). Анкета состоит из 37 вопросов, разбитых по таким блокам, как «Статусно-профессиональные характеристики», «Профессиональная компетентность и развитие», «Профессиональная идентичность», «Профессиональные притязания и планы», «Организационные условия», «Стресс, баланс работы и личной жизни».

Статусно-профессиональные характеристики

В анкетировании приняли участие 5 заведующих отделениями (от 31 до 45 лет – 3 чел., от 46 до 55 лет – 2 чел.), 10 специалистов по социальной работе (от 21 до 30 лет – 2 чел., от 31 до 45 лет – 8 чел.), 20 социальных работников (от 31 до 45 лет – 18 чел., от 46 до 55 лет – 2 чел.). Основной возрастной диапазон сотрудников всех должностных категорий составляет 31–45 лет, в этот период сотрудники обладают достаточным опытом, но при этом сохраняют потенциал для дальнейшего профессионального развития, при этом отсутствие молодых сотрудников (до 30 лет) указывает на возможные проблемы с привлечением молодых специалистов в сферу социальной работы. Заведующие отделениями преимущественно имеют стаж от 4 до 7 лет и более 8 лет, что свидетельствует о их стабильной профессиональной идентичности и готовности к дальнейшему росту. Специалисты и социальные работники демонстрируют высокую концентрацию в группах с небольшим стажем работы (до года, от 1 до 3 лет), что указывает на значительную текучесть кадров на этих должностях, в период, когда сотрудники принимают решение о продолжении карьеры в данной сфере. Все заведующие отделениями (100%) имеют высшее профильное образование, что указывает на высокие квалификационные требования к управленческому составу. Среди специалистов по социальной работе 60% имеют профильное образование, что свидетельствует о достаточном, но не полном соответствии квалификационным требованиям. У социальных работников преобладает среднее специальное образование (65,7%), что создает потребность в дополнительных программах профессиональной переподготовки для этой категории сотрудников (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «По какой причине вы пришли работать в сферу социальной работы?» (%)

№	«По какой причине Вы пришли работать в сферу социальной работы?» (выбор не более 3-х вариантов)	Заведующие отделениями	Специалисты по социальной работе	Социальные работники
1	Сознательный выбор профессии в соответствии с призванием	0	0	0
2	Наличие профильного образования	8,5	14,3	25,7

Окончание

№	«По какой причине Вы пришли работать в сферу социальной работы?» (выбор не более 3-х вариантов)	Заведующие отделениями	Специалисты по социальной работе	Социальные работники
3	Случайное стечение обстоятельств	2,8	8,5	2,8
4	Стабильность занятости и социальные гарантии	5,7	17,1	31,4
5	Желание помогать людям	14,3	22,8	51,4
6	Не было других вариантов трудоустройства	2,8	8,5	20,0
7	Рекомендации знакомых/родственников	8,5	14,3	40,0
8	Другое	0	0	0

Во всех группах основной мотивацией прихода в профессию является альтруистический мотив «желание помогать людям» (наиболее выражен у заведующих). При этом полностью отсутствует выбор варианта «сознательный выбор профессии в соответствии с призванием», что указывает на преобладание ситуативного, а не целенаправленного профессионального самоопределения. Существенную роль играют прагматичные мотивы: «стабильность занятости и социальные гарантии» (особенно у рядовых сотрудников) и «рекомендации знакомых/родственников» (особенно у социальных работников). Это свидетельствует о том, что социальная работа часто воспринимается как вынужденный или случайный вариант трудоустройства, а не осознанное призвание.

Профессиональная компетентность и развитие

Большинство сотрудников (91,4%) высоко оценивают соответствие своих навыков занимаемой должности (4–5 баллов по пятибалльной шкале). Однако наблюдаются различия в уверенности использования современных технологий социальной работы: заведующие демонстрируют высокую уверенность (80% оценивают себя на 4–5 баллов) и отмечают такие, как: СДУ (система долговременного ухода), сопровождаемое проживание инвалидов, приемная семья для пожилого человека, школа родственного ухода, программа по профилактике когнитивных нарушений для пожилых, социальная занятость инвалидов с ментальными нарушениями. Специалисты – среднюю (54,3% отметки 3–4 балла) и выделяют следующие технологии: СДУ, организацию клубной деятельности для молодых инвалидов и школу родственного ухода. Социальные работники – низкую (34,2% отметки 1–2 балла), они также избежали ответа на вопрос о используемых методах работы. Это указывает на разрыв в профессиональной подготовке между управленческим

и исполнительским звеном, а также на недостаточное методическое обеспечение работы рядовых сотрудников. Выявлена неравномерность в активности профессионального обучения: заведующие наиболее активны (80% прошли 3 и более курсов), что соответствует их управленческой роли. Специалисты демонстрируют умеренную активность (51,4% ограничиваются 1–2 курсами), несмотря на потребность в глубоких знаниях. Социальные работники показывают поляризацию: 40% прошли 3–4 курса, но 20% не обучались вообще. Среднее количество часов обучения (72 часа за год) соответствует минимальным требованиям, но недостаточно для системного профессионального развития. Отсутствует дифференцированный подход к обучению разных категорий сотрудников с учетом их потребностей.

Профессиональная идентичность

Четко прослеживается зависимость уровня профессиональной идентичности от занимаемой должности. Заведующие демонстрируют максимальную идентификацию с профессией (показатели гордости 4,8, значимости работы 4,9). Все группы высоко оценивают социальную значимость своей работы (4,1–4,9), что является объединяющим фактором. При этом выявлен высокий уровень эмоционального истощения (в среднем 4,4), особенно у социальных работников (4,8), что сигнализирует о риске профессионального выгорания (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос о самооценке профессиональной идентичности (среднее значение)

№	Оцените степень Вашего согласия со следующими утверждениями	Заведующие	Специалисты	Социальные работники	Общее среднее значение
1	Я горжусь тем, что работаю в сфере социальной работы	4,8	4,3	3,9	4,2
2	Социальная работа – это мое призвание	4,2	3,7	3,2	3,6
3	Я считаю свою работу значимой для общества	4,9	4,5	4,1	4,4
4	Я чувствую себя частью профессионального сообщества	4,5	3,8	3,3	3,7
5	Я ощущаю эмоциональное истощение от своей работы	4,1	4,4	4,8	4,4
6	Я чувствую, что могу влиять на качество услуг в нашем учреждении	4,3	3,5	2,7	3,3

Чувство профессионального призвания слабо выражено у социальных работников (3,2 балла), что коррелирует с причинами выбора профессии. Особенно тревожным является низкая оценка возможности влиять на изменения (2,7 у социальных работников), что указывает на ощущение беспомощности и может вести к снижению профессиональной мотивации. Удовлетворенность профессиональной деятельностью последовательно снижается от управленцев к рядовым сотрудникам (заведующие – 4,7, специалисты – 3,9, социальные работники – 3,3). Аналогичная тенденция наблюдается в готовности рекомендовать профессию: заведующие активно поддерживают профессию (8,5 из 10), специалисты демонстрируют нейтралитет (5,6), социальные работники не склонны рекомендовать профессию (4,2). Этот разрыв свидетельствует о существенных различиях в восприятии профессии и указывает на необходимость дифференцированного подхода к мотивации разных категорий персонала. Во всех группах преобладает альтруистическая ценность «помощь нуждающимся людям», что соответствует гуманистической миссии социальной работы. При этом выявлены различия в дополнительных приоритетах: заведующие ценят «возможность профессионального развития», специалисты – «реализацию личностного потенциала», социальные работники – «общение с людьми» и «финансовую обеспеченность». Эти различия отражают разные мотивационные профили сотрудников и должны учитываться при разработке систем стимулирования труда. Активность участия в профессиональных мероприятиях также снижается от управленческого к исполнительскому звену: заведующие наиболее активно вовлечены, специалисты показывают умеренный уровень активности, социальные работники участвуют слабо (преобладают ответы «редко» и «никогда»), что указывает на недостаточную интеграцию рядовых сотрудников в профессиональное сообщество и ограниченные возможности для обмена опытом и профессионального роста.

Профессиональные притязания и планы

Профессиональные амбиции снижаются от специалистов к социальным работникам: специалисты по социальной работе проявляют наибольшую активность в стремлении к повышению (40%), заведующие умеренно стремятся к росту или уже удовлетворены позицией (60%), социальные работники в основном менее амбициозны (40% удовлетворены текущей должностью, 25,7% не планируют карьерный рост). В отношении сроков карьерного роста преобладает среднесрочное планирование (3–5 лет) у заведующих и специалистов, тогда как у социальных работников преобладает отсутствие конкретных планов (51,4%). Наличие индивидуального плана профессионального развития также коррелирует

с должностным положением: от четкого письменного плана у 80% заведующих до отсутствия необходимости в нем у 54,3% социальных работников. Представления о справедливом уровне оплаты труда отражают различия в ответственности и квалификации: заведующие ориентированы на верхние диапазоны зарплат (от 80 тыс. руб.), что соответствует их управленческим функциям и ответственности. Специалисты тяготеют к среднему диапазону. Социальные работники, несмотря на более низкий уровень квалификации, считают справедливым значительное повышение оплаты (до 50–80 тыс. руб.), что указывает на существенный разрыв между текущим и желаемым уровнем оплаты труда и может быть фактором профессиональной неудовлетворенности. Всем группам важно общественное признание профессии (4,4–4,6 балла), что подчеркивает значимость статусного компонента в профессиональной идентичности. Готовность к освоению новых методов работы существенно различается: заведующие (4,9) и специалисты (4,5) демонстрируют высокую готовность, тогда как социальные работники проявляют консерватизм (3,1). По способности преодолевать профессиональные кризисы в группе риска находятся специалисты (3,7) и социальные работники (3,2), что требует дополнительной психологической поддержки этих категорий сотрудников.

Организационные условия

Ответы на вопросы о возможностях бесплатного обучения в организации и существующей системе наставничества, а также о доступности методических материалов говорят о том, что в организации есть все необходимые условия. Удовлетворенность рабочими условиями и организацией деятельности коррелирует с должностным положением: заведующие (4,6) и специалисты (4,4) оценивают условия высоко, социальные работники (3,2) критически относятся к ним. Аналогичная закономерность наблюдается в отношении поддержки руководства: заведующие (4,5) и специалисты (4,6) ощущают поддержку, социальные работники (3,4) отмечают ее недостаточность. Этот разрыв указывает на существенные различия в организационных условиях для разных категорий сотрудников и также требует более дифференцированного подхода к организации труда.

Ключевым фактором повышения качества работы для всех категорий является повышение заработной платы. Для заведующих и специалистов также важно улучшение взаимодействия с другими службами и сокращение документооборота, что отражает проблемы межведомственной координации и бюрократизации. Социальные работники испытывают потребность в дополнительном обучении и большей поддержке руководства, что указывает на недостаточный уровень профессиональной подготовки и слабую включенность в организационные процессы (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос по улучшению качества работы (%)

«Что бы улучшило качество Вашей работы? (можно выбрать несколько вариантов)»				
№	Вариант ответа	Заведующие	Специалисты	Социальные работники
1	Повышение заработной платы	14,3	28,6	45,7
2	Дополнительное обучение	2,8	8,5	31,4
3	Сокращение объема документации	8,5	14,3	17,1
4	Улучшение материально-технической базы	2,8	0	5,7
5	Более четкое распределение обязанностей	0	8,5	11,4
6	Лучшее взаимодействие с другими службами	11,4	20,0	34,2
7	Большая поддержка от руководства	0	5,7	28,6
8	Улучшение психологического климата в коллективе	0	2,8	5,7
9	Другое	0	0	0

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос о знаниях и навыках, необходимых для повышения качества работы (%)

«Какие знания и навыки Вам необходимо развивать для повышения качества работы? (можно выбрать несколько вариантов)»			
Вариант ответа	Заведующие	Специалисты	Социальные работники
Знания в области законодательства	5,7	20,0	28,6
Навыки общения с трудными клиентами	0	8,5	5,7
Навыки работы с документацией	0	14,3	11,4
Профессиональные технологии социальной работы	0	2,8	14,3
Психологические знания	14,3	22,8	31,4
Навыки управления временем и стрессом	14,3	25,7	45,7
Знания в сфере медицины и здравоохранения	2,8	17,1	37,1
Другое	0	0	0

Общими для всех групп являются потребности в навыках управления стрессом и психологических знаниях, что отражает высокую психоэмоциональную нагрузку в профессии. Специфические потребности различаются: специалисты нуждаются в знаниях законодательства и навыках работы

с документацией, социальные работники – в медицинских знаниях, что соответствует их функциональным обязанностям. Эти данные указывают на необходимость дифференцированных программ профессионального развития. Интенсивность обратной связи значительно различается по должностным группам: 80% заведующих получают регулярный еженедельный feedback против 14,3% социальных работников. 45,7% социальных работников получают обратную связь лишь ежеквартально или реже. 31,4% рядовых сотрудников практически лишены регулярной оценки, что свидетельствует о недостаточном внимании к профессиональному развитию исполнительского персонала и может негативно влиять на качество работы (табл. 4).

Стресс, баланс работы и личной жизни

Ключевыми трудностями для всех категорий работников являются низкая оплата труда и высокая эмоциональная нагрузка, что согласуется с данными о профессиональном выгорании. Заведующие и специалисты отмечают также большой объем документации как существенную проблему. Социальные работники выделяют недостаточную поддержку со стороны руководства, что коррелирует с данными по организационным условиям. Ранжирование проблем различается: для заведующих приоритетна эмоциональная нагрузка, для специалистов и социальных работников – низкая оплата труда. Сотрудники всех категорий предпочитают неформальные способы совладения со стрессом: поддержка семьи и друзей, хобби, общение с коллегами. Профессиональные методы работы со стрессом (супервизия) не используются, что указывает на отсутствие систематической психологической поддержки внутри организации. Конфликт между работой и личной жизнью периодически возникает у всех категорий сотрудников, но социальные работники чаще отмечают, что работа препятствует личной жизни. Основные предложения по улучшению баланса связаны с сокращением документации, повышением оплаты труда, введением гибкого графика и улучшением организационных процессов. Эти данные свидетельствуют о необходимости пересмотра подходов к организации труда с учетом личных потребностей сотрудников.

Последние два вопроса в анкете были посвящены *проблемам профессионализации социальной работы в регионе*, а также тому, что может способствовать их *преодолению*. Ключевыми проблемами профессионализации социальной работы в регионе выступают: финансовые (низкие зарплаты и недостаточное финансирование), кадровые (высокая нагрузка, текучесть, старение коллектива) и методические (слабая связь теории и практики). Эти проблемы носят системный характер и требуют комплексного решения на уровне организации и региона. Предложения сотруд-

ников по повышению уровня профессионализации включают: материальные стимулы (повышение зарплат, льготы), развитие системы постоянного повышения квалификации и технические улучшения (электронная система документооборота). Эти рекомендации направлены на устранение выявленных проблем и могут служить основой для разработки комплексной программы развития профессионализации социальной работы в регионе.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного исследования, можно сделать выводы о том, что:

- в сфере социальной работы (на примере ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения») существует иерархическая дифференциация профессионализации, то есть неравномерное распределение уровня профессионализма среди сотрудников, связанное с их должностным положением, опытом, образованием и другими факторами. Каждый показатель существенно снижается от заведующих к социальным работникам.
- профессиональная идентичность и удовлетворенность работой взаимосвязаны: сотрудники, которые сильнее идентифицируют себя с профессией, испытывают большее удовлетворение от работы. Эта взаимосвязь может иметь двунаправленный характер – с одной стороны, высокая профессиональная идентичность способствует удовлетворенности, с другой, положительный опыт в профессии укрепляет идентичность. Заведующие отделениями демонстрируют наивысшие показатели профессиональной идентичности (4,8–4,9 балла из 5 по таким утверждениям, как «Я горжусь своей профессией» и «Моя работа значима для общества»), максимальную удовлетворенность работой (4,7 из 5) и готовность рекомендовать профессию (8,5 из 10). Социальные работники (низший уровень иерархии) показывают низкие баллы по идентичности (3,2–3,9), особенно по чувству призвания («Социальная работа – это мое призвание» – 3,2), а также минимальную удовлетворенность (3,3) и нежелание рекомендовать профессию (4,2).
- эмоциональное выгорание является серьезным барьером профессионализации. Социальные работники, испытывающие истощение: 80% не стремятся к карьерному росту («меня устраивает текущая должность» или «не планирую повышение»), 11 из 20 не считают нужным иметь индивидуальный план развития. Специалисты с умеренным выгоранием (4,4) проявляют активность в обучении, но лишь 51,4% прошли 1–2 курса, что указывает на недостаточную вовлеченность. Главные трудности, связанные с выгоранием: высокая эмоциональная

нагрузка (2-е место у всех групп), недостаток поддержки руководства (особенно у социальных работников – 7 из 20). Это приводит к снижению уверенности в использовании современных технологий (34,2% социальных работников оценили свои навыки на 1–2 балла), поляризации в обучении (40% прошли 3–4 курса, 20% не обучались вообще). Также, проблема выгорания провоцирует текучесть кадров и потерю профессионалов, в открытых ответах сотрудники отмечают: «Текучесть кадров из-за нагрузки», «Сотрудники не отвечают квалификационным требованиям». Низкая удовлетворенность (3,3 у социальных работников) и нежелание рекомендовать профессию (4,2 из 10) усугубляют проблему.

- образование играет ключевую роль в профессионализации социальной работы, выступая не только формальным критерием для занятия должности, но и основой для развития профессиональных компетенций, идентичности и карьерного роста. Образование выступает как основа профессиональных компетенций: заведующие отделениями (100% имеют высшее профильное образование) и демонстрируют наивысшую уверенность в использовании современных технологий (80% оценили свои навыки на 4–5 баллов), знают об инновационных методах и активно их применяют (СДУ, школа родственного ухода и др.). В то же время социальные работники (65,7% – среднее специальное образование): испытывают трудности с новыми технологиями (34,2% оценили навыки на 1–2 балла) и часто избегают ответов о методах работы, что указывает на недостаток знаний. Чем выше уровень образования, тем глубже освоение профессиональных инструментов и адаптация к изменениям в данной сфере. Образование в социальной работе определяет уровень компетенций – от базовых навыков до владения инновационными технологиями, влияет на мотивацию – высшее образование коррелирует с осознанным выбором профессии и стремлением к развитию, формирует идентичность – чем выше уровень образования, тем сильнее связь с профессией, открывает карьерные возможности – без него сотрудники застревают на низких позициях.
- профессионализация социальной работы сталкивается с комплексом взаимосвязанных системных барьеров, которые носят не только индивидуальный, но и организационный, экономический и социальный характер. Эти барьеры формируют «замкнутый круг», препятствующий развитию профессионализма. Экономические барьеры: главной проблемой всех категорий сотрудников является низкая оплата труда (социальные работники: 16 из 20

назвали низкую зарплату ключевой трудностью, специалисты и заведующие: 7 и 5 соответственно). Также, выделяется проблема недостаточного финансирования изучаемой сферы (в открытых ответах респонденты отмечают: «Нехватка средств на справедливую оплату труда»), «Слабая материально-техническая база» (только 2 из 35 отметили ее улучшение как приоритет). Экономические ограничения блокируют инвестиции в обучение и удерживают сотрудников в режиме «выживания», а не развития. Организационно-управленческие барьеры: перегруженность документацией (в топ-3 трудностей у всех групп: заведующие: 3 из 5, специалисты: 5 из 10, социальные работники: 6 из 20). Время на бюрократию сокращает возможность для профессионального роста, предложения по улучшению: «электронный документооборот», «сокращение отчетности». Также проблемой является недостаток поддержки от руководства (10 из 20 социальных работников жалуются на отсутствие поддержки, 80% заведующих получают feedback еженедельно, 45,7% социальных работников – лишь 1–2 раза в год). Сотрудники не чувствуют вовлеченности в развитие организации. Образовательные и квалификационные барьеры включают: разрыв между теорией и практикой (3 из 35 респондентов прямо указали на несоответствие вузовской подготовки реальным задачам), соцработники нуждаются в знаниях медицины и законодательства (10 из 20). Неравномерный подход к обучению: заведующие – 80% прошли 3+ курса повышения квалификации, социальные работники – 20% не обучались вообще, 40% – 1–2 курса. Профессионализация тормозится из-за неэффективной системы непрерывного образования. Психологические и социальные барьеры: эмоциональное выгорание (соцработники: 4,8 из 5, специалисты: 4,4.), низкий престиж профессии (только 4,2 балла из 10 у социальных работников по готовности рекомендовать профессию, «Слабое общественное признание» (открытые ответы). В профессию приходят не по призванию, а из-за «стабильности» или «отсутствия альтернатив».

В итоге проблемная ситуация в сфере профессионализации социальной работы в Иркутской области, на примере ОГАУСО «Комплексный центр социального обслуживания населения» является структурной, а не случайной, и требует комплексного подхода к решению. Необходимо внедрить стратегию развития профессионализации, регулярное повышение квалификации, усиление поддержки сотрудников и повышение престижа профессии с целью обеспечения устойчивого развития системы социальной защиты населения в регионе.

Литература

1. Авилова В.А., Алсаева Ю.Г., Копалкина Е.Г. Образ специалиста по социальной работе в современных представлениях населения (на примере г. Иркутска) / Материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Бурятия «Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности». Улан-Удэ, 2023. С. 7–8.
2. Зими́на Е.В., Хаустов Д.С., Мамедова Г.С.М.К. Престиж профессии социальная работа через призму конфликта отношения к ней: результаты качественного исследования // Global and Regional Research. 2023. Т. 5. № 1. С. 164–168
3. Нефедьева Е.И., Тугарина З.Н. Профессиональная реализация выпускников специальности «Социальная работа» (по результатам социологического исследования) // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 4. С. 603–615
4. Областное государственное автономное учреждение социального обслуживания «Комплексный центр социального обслуживания населения» [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <http://kcsn38.ru/> (дата обращения: 14.04.2025 г.)
5. Седых О.Г., Алсаева Ю.Г. Синдром профессионального выгорания: опыт изучения в социальной практике // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 4. С. 1624–1637
6. Трохи́рова У.В., Зими́на Е.В. Профессионализация социальной работы в регионе: проблемы и перспективы (на примере Иркутской области) // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). С. 45–52
7. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.

PROFESSIONALIZATION OF SOCIAL WORK IN MODERN CONDITIONS: THE REGIONAL ASPECT

Kopalkina E.G.

Baikal State University

The paper presents the results of an analysis of the problems and features of professionalization of social work in the region (using the example of the OGAUSO Integrated Center for Social Services of the Population (Irkutsk)). The methods used in the study are statistical data analysis, comparative analysis, and questionnaires (n=35). As a result, an idea was obtained about the level of job satisfaction, the degree of professional identity, the presence of emotional burnout, the possibilities of professional development and the perception of their role as specialists in the field of social work. It was concluded that there are marked differences between job groups: department heads demonstrate a higher degree of professionalism than specialists and social workers, due to differences in access to resources, support, and career opportunities.

Keywords: social work, professionalization, Irkutsk region, integrated social service center.

References

1. Avilova V.A., Alsayeva Yu.G., Kopalkina E.G. The image of a social work specialist in modern perceptions of the population (on the example of Irkutsk) / Proceedings of the XII International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia "Forms and methods of social work in various spheres of life". Ulan-Ude, 2023. Pp. 7–8.
2. Zimina E.V., Khaustov D.S., Mamedova G.S.M.K. The prestige of the profession of social work through the prism of conflict of attitudes towards it: results of a qualitative study // Global and Regional Research. 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 164–168
3. Nefedyeva E.I., Tugarina Z.N. Professional realization of graduates of the specialty "Social work" (based on the results of a sociological study) // Bulletin of the Baikal State University. 2018. Vol. 28. No. 4. Pp. 603–615
4. Regional state autonomous institution of social services "Comprehensive center for social services to the population" [Electronic resource]. – 2025. – Access mode: <http://kcsn38.ru/> (date of access: 04/14/2025)
5. Sedykh O.G., Alsayeva Yu.G. Professional burnout syndrome: experience of study in social practice // Baikal Research Journal. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 1624–1637
6. Trokhirova U.V., Zimina E.V. Professionalization of social work in the region: problems and prospects (on the example of the Irkutsk region) // Sociological research. 2015. No. 6 (374). P. 45–52
7. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // Sociology. 2024. No. 2. P. 121–127.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Трансформация сценариев повседневных коммуникаций, как следствие влияния цифровой девиации

Бакулина Регина Айдаровна,

аспирант, ассистент кафедры общей и этнической социологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, отделение социально-политических наук, Казанский федеральный университет
E-mail: riginii9@gmail.com

В статье рассматривается трансформация сценариев повседневных коммуникаций под влиянием цифровой девиации. Проведён анализ изменений коммуникативных практик на фоне распространения цифровых технологий и девиантного поведения в виртуальной среде. Используются эмпирические данные и теоретические концепции, раскрывающие сущность изменений социальных взаимодействий. Исследование выявляет влияние цифровой девиации на личностные и социальные аспекты коммуникации. Сделан акцент на трансформацию ценностных и поведенческих установок.

Ключевые слова: цифровая девиация, повседневные коммуникации, социальные взаимодействия, девиантное поведение, цифровая трансформация.

Введение

В последние десятилетия цифровизация стала неотъемлемой частью современной жизни, значительно влияя на повседневные коммуникации [4]. Проникновение цифровых технологий изменяет не только способы передачи информации, но и сами структуры социального взаимодействия, приводя к формированию новых социальных норм и стандартов [5]. Технологии, такие как социальные сети, мессенджеры, видеоконференции, создают множество возможностей для общения, но вместе с тем порождают и ряд девиантных форм поведения, отличных от привычных норм [2,7].

Цифровая девиация представляет собой новое явление, связанное с изменением поведения пользователей в условиях интенсивного использования цифровых технологий. Девиантное поведение в цифровой среде может принимать различные формы – от негативных проявлений, таких как кибербуллинг и троллинг, до более нейтральных или даже позитивных девиаций, например, отказ от личных контактов в пользу цифрового общения, что позволяет избежать социального давления. Эти изменения имеют значительное влияние на межличностные отношения, создавая новые условия для общения и приводя к переосмыслению традиционных ценностей [3,8].

Цифровая девиация становится возможной благодаря анонимности и относительной безнаказанности, которые предлагает интернет. Пользователи могут проявлять более агрессивное, безответственное или отклоняющееся от социальных норм поведение, что делает изучение этих процессов актуальной задачей современной социологии и психологии [1]. Отметим, что значительное внимание исследователей привлекает вопрос о том, каким образом цифровая девиация влияет на качество межличностного общения, на уровень эмпатии и эмоциональной вовлечённости, а также на формирование виртуальных идентичностей, которые могут существенно отличаться от реальных [6, 10].

Изучение трансформации сценариев повседневных коммуникаций, обусловленных цифровой девиацией, позволяет глубже понять социальные последствия цифровой эпохи, включая изменение поведенческих и ценностных установок, размывание границ между публичной и частной жизнью,

а также адаптацию традиционных социальных институтов к условиям цифрового общества [9]. Таким образом, цифровая девиация является важным фактором, который следует учитывать при оценке изменений в социальном взаимодействии и динамике современных сообществ. Понимание этих процессов необходимо для разработки эффективных стратегий, направленных на минимизацию негативных последствий цифровой девиации и формирование культуры ответственного использования цифровых технологий.

Целью исследования является анализ трансформации сценариев повседневных коммуникаций в условиях влияния цифровой девиации, а также выявление ключевых факторов, способствующих изменению коммуникативных практик в цифровой среде.

Материалы и методы

Для достижения целей исследования использовался комплексный методологический подход, включающий как количественные, так и качественные методы анализа.

В качестве эмпирической базы использованы данные, полученные в ходе онлайн-опросов и полуструктурированных интервью. Опросы были проведены среди активных пользователей социальных сетей и мессенджеров ($N = 500$), что позволило собрать данные о поведенческих особенностях в условиях цифровой девиации. Респонденты были отобраны на основе квотного отбора, чтобы обеспечить репрезентативность выборки по таким параметрам, как возраст, пол и уровень цифровой активности.

Критериями включения респондентов были: возраст от 18 до 65 лет, активное использование социальных сетей и мессенджеров (не менее 1 часа в день), наличие опыта взаимодействия в цифровой среде, а также согласие на участие в исследовании. Были включены респонденты, которые регулярно используют интернет и мобильные устройства для общения, что позволяет наиболее точно оценить влияние цифровой девиации на их повседневные коммуникации.

Критерии исключения включали: возраст менее 18 лет, отсутствие доступа к интернету, минимальное использование цифровых платформ (менее 1 часа в неделю), а также отказ от участия в исследовании. Также исключались респонденты, которые не пользовались социальными сетями и мессенджерами в течение последнего года, так как их опыт не соответствовал целям исследования.

Онлайн-опросы включали в себя вопросы закрытого и открытого типа. Вопросы закрытого типа позволяли получить статистически значимые данные о характере использования цифровых платформ, частоте встречаемости девиантного поведения, типах цифровых девиаций и оцен-

ках респондентами степени негативного влияния на их жизнь. Вопросы открытого типа предоставляли возможность респондентам дать более детальные описания их личного опыта, что позволило дополнить количественные данные качественными наблюдениями.

Полуструктурированные интервью были проведены с частью респондентов ($N = 30$) для углубленного анализа мотивов и последствий цифровой девиации. Интервью включали вопросы о субъективном восприятии цифровой девиации, о её влиянии на межличностные отношения, а также о личных стратегиях управления цифровым поведением. Интервью были записаны, а затем транскрибированы и проанализированы с использованием метода тематического анализа.

Контент-анализ проводился для изучения содержания публичных сообщений в социальных сетях и на форумах, чтобы определить основные типы цифровой девиации и частоту их проявления. Было отобрано около 1000 сообщений, которые анализировались на предмет наличия признаков агрессивного поведения, троллинга, кибербуллинга и других форм девиации. Анализ позволил выделить типовые сценарии взаимодействий и их влияние на коммуникационные паттерны пользователей.

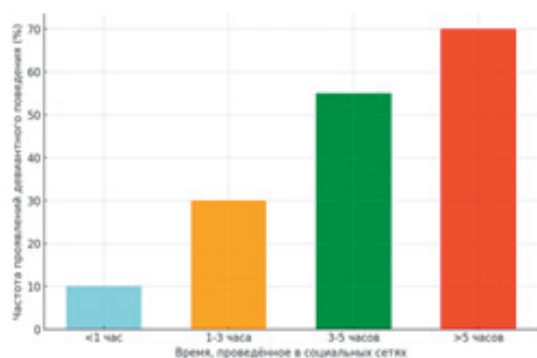
Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS. Были применены методы описательной статистики для определения частоты проявления девиантного поведения и корреляционный анализ для выявления взаимосвязи между различными факторами цифровой активности и проявлениями девиации. Это позволило определить ключевые детерминанты, влияющие на формирование девиантных практик в цифровой среде.

Теоретическая основа исследования включала в себя концепции социальной девиации и цифровой социализации. Были рассмотрены подходы к анализу девиантного поведения в виртуальной среде, а также модели влияния цифровых технологий на межличностные взаимодействия. На основе полученных данных были сделаны выводы о характере трансформации социальных норм и коммуникативных практик.

Результаты исследования

Опрос 500 респондентов показал, что 68% активно используют социальные сети и мессенджеры более 3 часов в день. 52% респондентов отметили, что замечали у себя или своих знакомых признаки девиантного поведения в интернете, такие как агрессия или манипулятивное поведение. Среди молодежи (от 18 до 25 лет) цифровая девиация наблюдалась значительно чаще – 72% сообщили о столкновении с кибербуллингом. Также, 35% респондентов заявили, что испытывают повышенный стресс в связи с взаимодействиями в сети (рис. 1).

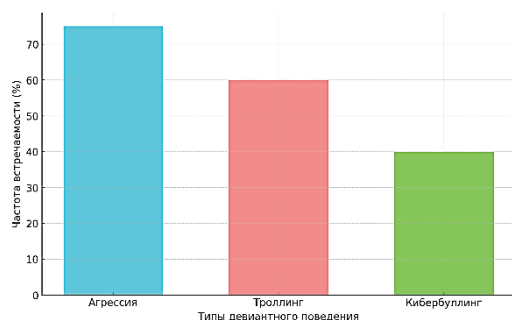

Рис. 1. Взаимосвязь между временем, проведенным в социальных сетях, и частотой проявлений девиантного поведения

Анализ данных показал, что включенные респонденты (активные пользователи) значительно чаще сталкиваются с проявлениями девиантного поведения, чем исключенные группы. 85% активных пользователей сообщали о более частых столкновениях с агрессивным поведением в сети, тогда как среди пользователей с низкой активностью этот показатель составил 25%. Среди пользователей, которые использовали социальные сети менее 1 часа в неделю, не было значительных отклонений в коммуникативных паттернах.

Вопросы закрытого типа показали, что 75% респондентов сталкивались с агрессивными сообщениями хотя бы раз в неделю, 60% отметили тенденцию к снижению качества общения из-за роста девиантного поведения. 40% участников опроса указали, что цифровая девиация оказала негативное влияние на их личные отношения. Вопросы открытого типа позволили выявить, что значительная часть респондентов предпочитает не вступать в диалог, а блокировать агрессивных пользователей, тогда как 35% активно реагировали на агрессию в сети. 28% участников указали, что они начали меньше общаться в сети из-за увеличения количества негативного контента (рис. 2).

Рис. 2. Частота встречаемости различных форм девиантного поведения (агрессия, троллинг, кибербуллинг)

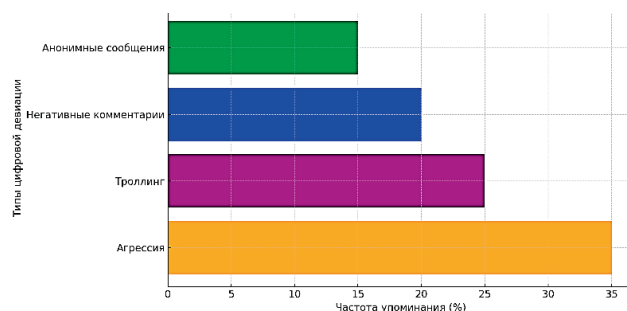
Респонденты, участвующие в интервью, отмечали, что цифровая девиация оказывает негативное влияние на их эмоциональное состояние. 40% сообщили о случаях кибербуллинга, которые напрямую повлияли на их самооценку и психическое

здоровье. 25% респондентов признались, что после агрессивных атак они временно ограничивали своё присутствие в социальных сетях, а 15% – полностью удаляли свои профили. Большинство отмечало снижение уровня эмпатии и доверия к другим пользователям после подобных инцидентов. 50% респондентов указали на возникновение чувства изоляции и стресса в результате цифровой девиации (табл. 1).

Таблица 1. Основные мотивы цифровой девиации и её последствия для респондентов

Мотив цифровой девиации	Процент респондентов (%)
Кибербуллинг	40
Потеря доверия	25
Эмоциональное выгорание	30
Изоляция	50

Анализ 1000 сообщений в социальных сетях показал, что 35% содержали признаки агрессии или троллинга. Наиболее часто девиантное поведение проявлялось в дискуссиях на политические и социальные темы. Также было выявлено, что около 20% сообщений, содержащих агрессию, получили позитивные отклики от других пользователей, что свидетельствует о формировании «поддерживающего» сообщества, способствующего росту девиации. Примечательно, что 15% агрессивных комментариев были оставлены анонимными пользователями, что подчеркивает значимость анонимности как фактора цифровой девиации (рис. 3).

Рис. 3. Частота упоминания различных типов девиации в сообщениях пользователей

Корреляционный анализ показал положительную связь между количеством времени, проведенным в социальных сетях, и частотой проявления девиантного поведения (коэффициент корреляции $r = 0.62$, $p < 0.05$). Кроме того, было установлено, что использование анонимных аккаунтов усиливает тенденцию к девиантному поведению: около 70% респондентов, которые использовали анонимные аккаунты, демонстрировали признаки агрессии. Регрессионный анализ показал, что фактор анонимности увеличивает вероятность девиантного поведения на 25%. Также выявлено, что пользователи, регулярно участвующие в онлайн-

дискуссиях на политические темы, демонстрируют более высокую склонность к агрессии ($r = 0.58$).

Анализ показал, что цифровая девиация способствует трансформации традиционных норм общения, размыванию границ между публичной и частной сферами. Виртуальные идентичности, часто отличные от реальных, позволяют пользователям экспериментировать с моделями поведения, что также способствует росту девиантных практик. 58% респондентов отметили, что виртуальная идентичность предоставляет больше свободы для выражения мнений, тогда как 42% признались, что используют эту свободу для агрессивного поведения, которое они не допускают в реальной жизни. Дополнительно, 30% респондентов указывали, что виртуальная идентичность позволила им «избавиться от ограничений» и вести себя более провокационно.

Обсуждение

Результаты исследования показывают, что цифровая девиация оказывает значительное влияние на повседневные коммуникации и психоэмоциональное состояние пользователей. Активное использование социальных сетей и цифровых платформ связано с увеличением проявлений агрессии, кибербуллинга и троллинга. Особую роль в этом играет анонимность, которая способствует безнаказанности и провоцирует девиантное поведение. Снижение уровня эмпатии и доверия между пользователями также указывает на ухудшение качества межличностных отношений в цифровой среде. Для минимизации негативных последствий цифровой девиации необходим комплексный подход, включающий образовательные программы по цифровой грамотности и эмоциональному интеллекту, а также технологические меры по снижению анонимности и агрессии.

Заключение

На основании вышесказанного, можно заключить, что цифровая девиация является значительным фактором, влияющим на повседневные коммуникации и психоэмоциональное состояние пользователей. Анонимность и свобода, предоставляемые цифровой средой, увеличивают проявления девиантного поведения, такие как агрессия, кибербуллинг и троллинг. Эти явления особенно негативно отражаются на молодёжной аудитории, что подчеркивает необходимость разработки профилактических программ и стратегий обучения культуре цифрового общения.

Таким образом, для минимизации негативных последствий цифровой девиации необходим комплексный подход, включающий образовательные инициативы по повышению цифровой грамотности и развитию эмоционального интеллекта,

а также внедрение технологических мер по ограничению анонимности и контролю за контентом. Только так можно создать безопасную и поддерживающую цифровую среду, которая способствует позитивному взаимодействию и развитию межличностных связей.

Литература

1. Буданов В.Г. Метафизика, онтологии и сценарии большого антропологического перехода // Синергетика. – 2023. – Вып. 2. – С. 65–85.
2. Козловская Г.У., Борозинец Н.М., Крыжевская Н.Н. Цифровая социализация личности: проблемный анализ // Социологические исследования регионов. – 2023. – Вып. 4. – С. 76–95.
3. Подкопаев О.А. Сервисы для коммуникации студентов с преподавателем и коррекции цифровых аддикций и цифровых девиаций // Научное издание. – 2024. – Вып. 1. – С. 25–45.
4. Устюжанина Д.А. Интернет как сфера социального творчества: социально-философский анализ // Вестник СФУ. – 2022. – Вып. 1. – С. 120–135.
5. Цуркан Д.А. Проблема человеческого конституирования и личностного самоопределения в цифровую эпоху риска // Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Курск, 2020. – С. 12–35.
6. Boyd J. Cyber Deviance: Current Trends and Implications // Journal of Digital Society. – 2020. – Vol. 12, No. 4. – P. 45–62.
7. Greenfield D.N. Virtual Addiction: How Cyber Technology is Transforming Our Lives // American Journal of Psychiatry. – 2019. – Vol. 176, No. 7. – P. 589–599.
8. Petrenko S.S., Makoveichuk K.A. Security threat model based on analysis of foreign national quantum programs // Proceedings of the 6th International Conference on Quantum Systems Security. – 2021. – P. 35–50.
9. Reed T.V., Shaw E. Digitizing Deviance: Understanding Social Dynamics in Virtual Environments // Cambridge Journal of Sociology. – 2021. – Vol. 14, No. 2. – P. 211–230.
10. Smith A., Duggan M. Online Harassment in the Digital Age // Pew Research Center. – 2018. – Issue 6. – P. 1–25.

THE TRANSFORMATION OF EVERYDAY COMMUNICATION SCENARIOS AS A CONSEQUENCE OF DIGITAL DEVIATION

Bakulina R.A.

Kazan Federal University

The article examines the transformation of everyday communication scenarios under the influence of digital deviation. An analysis is conducted of changes in communicative practices amidst the spread of digital technologies and deviant behavior in the virtual environment. Empirical data and theoretical concepts are used to reveal the essence of changes in social interactions. The study identifies the impact of digital deviation on personal and social aspects of com-

munication, emphasizing the transformation of value and behavioral attitudes.

Keywords: digital deviation, everyday communication, social interactions, deviant behavior, digital transformation.

References

1. Budanov, V.G. Metaphysics, Ontologies, and Scenarios of the Great Anthropological Transition // *Synergetics*. – 2023. – Issue 2. – Pp. 65–85.
2. Kozlovskaya, G. U., Borozinets, N. M., Kryzhevskaya, N.N. Digital Socialization of the Individual: A Problematic Analysis // *Sociological Studies of the Regions*. – 2023. – Issue 4. – Pp. 76–95.
3. Podkopaev, O.A. Services for Student–Teacher Communication and Correction of Digital Addictions and Digital Deviations // *Scientific Publication*. – 2024. – Issue 1. – Pp. 25–45.
4. Ustyuzhanina, D.A. The Internet as a Sphere of Social Creativity: A Socio-Philosophical Analysis // *Bulletin of Siberian Federal University*. – 2022. – Issue 1. – Pp. 120–135.
5. Tsurkan, D.A. The Problem of Human Constitution and Personal Self-Determination in the Digital Age of Risk // *Author's abstract of PhD thesis in Philosophy*. – Kursk, 2020. – Pp. 12–35.
6. Boyd, J. Cyber Deviance: Current Trends and Implications // *Journal of Digital Society*. – 2020. – Vol. 12, No. 4. – Pp. 45–62.
7. Greenfield, D.N. Virtual Addiction: How Cyber Technology Is Transforming Our Lives // *American Journal of Psychiatry*. – 2019. – Vol. 176, No. 7. – Pp. 589–599.
8. Petrenko, S. S., Makoveichuk, K.A. Security Threat Model Based on Analysis of Foreign National Quantum Programs // *Proceedings of the 6th International Conference on Quantum Systems Security*. – 2021. – Pp. 35–50.
9. Reed, T. V., Shaw, E. Digitizing Deviance: Understanding Social Dynamics in Virtual Environments // *Cambridge Journal of Sociology*. – 2021. – Vol. 14, No. 2. – Pp. 211–230.
10. Smith, A., Duggan, M. Online Harassment in the Digital Age // *Pew Research Center*. – 2018. – Issue 6. – Pp. 1–25.

Политический дискурс как инструмент власти: оценочная репрезентация и конструирование национальной идентичности в российской внешней политике

Ван Наньнань,

доктор гуманитарных наук, доцент Института русского языка Даляньского университета иностранных языков (ДУИЯ); научный сотрудник Китайского центра исследований языков Северо-Восточной Азии при Государственном комитете по языковой политике и реформе (ДУИЯ); научный сотрудник русского центра, Даляньский университет иностранных языков
E-mail: wangnannan528@mail.ru

В исследовании с позиции дискурсивного подхода на материале выступлений Министра иностранных дел Российской Федерации на ежегодных пресс-конференциях за 2004–2018 гг. посредством статистического анализа частотности лексики и дискурс-анализа системно исследуется механизм взаимодействия оценочной репрезентации политического дискурса и конструирования национальной идентичности. Результаты исследования показывают, что в российском политическом дискурсе активное конструирование «своей» национальной идентичности, сочетающей «ответственность великой державы» и «моральную легитимность», осуществляется через высокочастотное использование оценочной лексики, такой как «сотрудничество», «интересы», «безопасность». В репрезентации «чужой» национальной идентичности формируется дифференцированная стратегия: США изображается как «унилатерализм», Китай позиционируется как «стратегический партнер», а к ЕС проявляется амбивалентное восприятие. Исследование раскрывает, что Россия посредством бинарной дискурсивной структуры «эгалитаризм – гегемонизм» и «сотрудничество – конфликт» дополнительно реализует конструирование дифференцированной национальной идентичности и властных отношений, тем самым подтверждая динамическую конструирующую природу политического дискурса как инструмента властной практики, что предоставляет новую аналитическую перспективу для понимания идентичностной политики восходящих держав.

Ключевые слова: политический дискурс; конструирование национальной идентичности; оценочная репрезентация; властные отношения; российская дипломатия; дискурс-анализ.

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта молодёжного фонда гуманитарных и общественных наук Министерства образования Китая 2021 года «Исследование оценки китайского и русского политического дискурса», номер проекта: 21YJC740055.

本文系2021年度教育部人文社科研究青年基金项目“中俄政治话语评价范畴研究”(项目编号: 21YJC740055)的阶段性成果。

Оценочная репрезентация политического дискурса и конструирование национальной идентичности

Оценочная репрезентация политического дискурса и конструирование национальной идентичности представляет собой сложную междисциплинарную проблему, находящуюся на стыке лингвистики, политологии, социологии и международных отношений. [1] Дискурс обладает социально-конструирующей функцией, способствуя формированию социальных идентичностей, установлению межличностных отношений и построению систем знаний и убеждений. Национальная идентичность постепенно конструируется в процессе интерактивного взаимодействия и согласования дискурсивных значений, являясь продуктом дискурсивных практик. «Уникальность и дифференциация нации или государства находят свое выражение именно через дискурс, и именно посредством дискурсивных практик национальная идентичность конструируется, сохраняется, распространяется или дезинтегрируется» [2]. В данном исследовании, основанном на дискурсивном подходе выступлений Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях за 2004–2018 гг. использованы в качестве корпуса текстов. В нашей работе разработана трехмерная аналитическая модель «оценочная репрезентация – конструирование национальной идентичности – властные отношения». Исходя из анализа оценочной репрезентации в политическом дискурсе, стремимся раскрыть, каким образом интеракция и согласование оценочных значений в дискурсивных практиках конструируют национальную идентичность и властные отношения, реализуя тем самым социальную практику политического дискурса.

Оценочная репрезентация политического дискурса и конструирование «своей» национальной идентичности

Страна как субъект с существенными атрибутами конструирует «свою» идентичность на пяти различных уровнях: во-первых, формирование внутренней самоидентичности; во вторых социализированная «своя» идентичность, складывающаяся в процессе международного взаимодействия; в-третьих, национальная идентичность, основанная

на доминирующих нормативных консенсусах международного сообщества; в четвертых, «групповая идентичность» («мы-идентичность»), базирующаяся на региональной общностной идентификации; в пятых, оппозиционная идентичность «свой–чужой», формируемая в дипломатических отношениях на основе восприятия и ожиданий.[3] Выступления Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях как политический дискурс в оценочной репрезентации конструируют «свою» идентичность, преимущественно ориентированную на второй уровень. Такое конструирование «своей» идентичности проявляется в самовосприятии и самооценке говорящим внешнеполитической концепции России, её внешней политики, роли и поведения в международном сообществе, а также образа страны за рубежом.

С помощью программного обеспечения Ant-Conc version 3.5.8 был проведён частотный анализ оценочной лексики в выступлениях за 2004–2018 гг. Повторяемость и шаблонность оценочной лексики позволяют обобщённо выявить аксиологические ориентации в практике политического дискурса при конструировании «своей» национальной идентичности. Результаты частотного анализа оценочной лексики (Таблица 1) показывают следующую иерархию ценностных ориентаций в конструировании «своей» национальной идентичности данного политического дискурса: сотрудничество, интересы, развитие, безопасность, партнёр, взаимодействия, глобализация, партнерство, взаимный, равноправие, сообщество, стабильность, диалог, коллективный, национальный, интеграционный, объединение, модернизация.

Таблица 1. Статистика частотности оценочной лексики в выступлениях Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях (2004–2018 гг.)

Оценочная лексика	Частотность	Оценочная лексика	Частота
Сотрудничество	67	Равноправие	14
Интересы	66	Сообщество	14
Развитие	51	Стабильность	13
Безопасность	50	Диалог	12
Партнёр	35	Коллективный	9
Взаимодействия	33	Национальный	9
Глобальный	22	Интеграционный	9
Партнерство	21	Объединение	7
Взаимный	20	Модернизация	7

Методом дискурс-анализа мы выделили оценочные высказывания, связанные с конструированием «своей» национальной идентичности России в выступлениях Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях (под-

робность представлена в Таблице 2). В рамках тем «внешнеполитическая концепция» и «внешняя политика» Министр преимущественно использует оценочную лексику и выражения категорий «суждение» (моральные оценки) и «аппрециация» (эстетическое восприятие) на основе теории оценки Дж. Мартина, демонстрируя нейтрально-позитивную и эксплицитную оценочную позицию. Такое соотношение нейтральных и позитивных оценок усиливает объективность и фактологичность конструируемой национальной идентичности. Ключевые аспекты «своей» национальной идентичности России, сформированные посредством оценочной репрезентации политического дискурса: во-первых, Россия в контексте глобализации имеет тенденцию иметь диверсифицированную, модернизированную и прагматичную самоидентичность; во-вторых, хотя Россия не является одной из стран с самым высоким уровнем экономического и социального развития в современном мире, позиционирование самоидентичности России является основной силой в формирующейся многополярной мировой системе; в-третьих, защита национальных интересов и интересов граждан является основной предпосылкой всей российской политики; В-четвертых, перед лицом сложной международной ситуации Россия демонстрирует ответственность великой державы; в-пятых, Россия является принципиальной страной, которая придерживается международного права и принципа равенства и взаимной выгоды; в-шестых, Россия придает большое значение отношениям сотрудничества с другими странами, а социальная солидарность является ее важной мыслью и ценностью; в-седьмых, Россия признает свою роль в международном сообществе и стремится к признанию со стороны международного сообщества; В-восьмых, имидж России как миротворца привержен поддержанию регионального мира и стабильности; В-девятых, Россия является страной, где мораль превыше всего, выступающей за демократию и справедливость, а также защищающей справедливость и правду. Национальная идентичность, сконструированная Министром иностранных дел России посредством оценочной репрезентации политического дискурса, отражает основные ценности и национальную идеологию России. Россия признает «западную либеральную систему ценностей, характеризующуюся политическим плюрализмом и правами человека, свободой, демократией и равенством» [4]. В то же время Россия придает значение установлению собственных традиционных ценностей, включая социальную солидарность, приоритет национальных и гражданских интересов, моральное превосходство и великодержавное мышление. Национальная самоидентичность, сконструированная Министром иностранных дел России посредством оценочной репрезентации политиче-

ского дискурса, также может отражать ее традиционную политическую культуру. «По сравнению с западной политической культурой, основанной на естественном праве и общественных договорных отношениях, метафизические факторы, такие как мораль и дух, очень очевидны в политической культуре России.» [5] Традиционная политическая культура страны, как «общая тенденция общественных установок, убеждений, эмоций и ценностей в отношении политической системы и по-

литических вопросов» [6], имеет относительную стабильность и преемственность. Как адресант политического дискурса Министр иностранных дел России не только конструирует национальную идентичность, отражающую традиционную политическую культуру посредством представления последовательных нейтральных и положительных оценок, но и подчеркивает, что национальная идентичность имеет преемственность и долговечность.

Таблица 2. Оценочная репрезентация в конструировании «своей» национальной идентичности России в выступлениях Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях (2004–2018 гг.)

год	Оценочная репрезентация политического дискурса: конструирование «своей» национальной идентичности
2004	стабильно растущая экономика, безусловно, подкрепляет международные позиции России; больше возможностей развивать не только политический диалог с другими странами; подкреплять этот диалог конкретными проектами экономического и инвестиционного сотрудничества
2005	стремиться продвигать свои национальные интересы; не отделять национальные интересы от интересов мирового сообщества; надежный предсказуемый союзник; партнер в противодействии угрозам и вызовам XXI века
2006	брать на себя все большую ответственность в международных делах, соразмерную своему потенциалу, своим реальным возможностям; предлагать лидерство, в том числе лидерство интеллектуальное, в совместном поиске решения общих для всех проблем
2007	наша внешняя политика основывалась на прочной основе понятных национальных интересов, на основе прагматизма, здравого смысла, чтобы она шла от жизни; наши принципиальные подходы к тому, как выстраивать внешнеполитическую деятельность, находят широкое понимание и распространение в мире; прагматизм, многовекторность, готовность сотрудничать со всеми, кто к этому готов; отстаивать наши национальные интересы твердо, но без какой-либо конфронтации
2008	действовать на мировой арене с полным осознанием своей ответственности и своих возможностей; лежало четкое понимание национальных интересов, помноженное на здравый смысл и готовность к равноправному сотрудничеству с международными партнерами; обеспечена преемственность нашего внешнеполитического курса
2009	действовать нужно сообща, в интересах решения общих задач
2010	неуклонно укрепляется тенденция к формированию нового полицентричного миропорядка, который должен быть более демократичным, более устойчивым и соответствующим реалиям мира
2011	действовала в интересах обеспечения международной стабильности, активизации поиска коллективных решений проблем; российская внешняя политика стала более современной, работающей на цели модернизации страны, обеспечения безопасности России и партнерских отношений с другими государствами в интересах наших граждан, в интересах улучшения социально-экономического положения, обеспечения их прав в зарубежных государствах и в целом их благополучия; укреплять авторитет и влияние России как одного из основных центров силы и влияния формирующегося нового полицентричного мироустройства
2012	стремиться проводить ответственную внешнюю политику; выстраивать на международной арене коллективные действия в интересах укрепления безопасности и стабильности, урегулирования конфликтов путем поиска разумных компромиссов, а также через развитие полноценного диалога и сотрудничества со всеми государствами; в основе наших действий по-прежнему лежали проверенные временем принципы прагматизма, открытости, многовекторности, предсказуемости, настойчивого, но без сползания к конфронтации продвижения национальных интересов
2013	стремиться способствовать укреплению международной и региональной стабильности, обеспечению устойчивости глобального управления; уделять внимание обеспечению благоприятных внешних условий для социально-экономического развития страны, содействия переводу экономики на инновационные рельсы, повышению качества и уровня жизни наших граждан
2014	проводить активную внешнюю политику, последовательно отстаивая наши национальные интересы, но при этом не ищем конфронтации, всегда готовы к разумным компромиссам, опирающимся на баланс интересов, стремимся воздействовать на международную обстановку в интересах ее оздоровления, укрепления безопасности и продвигаем мирную, устремленную в будущее повестку дня
2015	как одно из наиболее крупных государств с активной внешней политикой, действовала не только отстаивая свои национальные интересы, но и реализуя свою ответственность за положение дел в мире
2016	наш выбор в пользу прагматизма, основанного на коренных интересах Российской Федерации. Эти интересы просты. Они неизменны и заключаются в том, чтобы страна жила хорошо, чтобы повышалось благосостояние наших людей, чтобы было устойчивое развитие нашей экономики и социальной сферы в условиях безопасности и в максимально благоприятных внешних обстоятельствах

год	Оценочная репрезентация политического дискурса: конструирование «своей» национальной идентичности
2017	защищать национальные интересы Российской Федерации; делать все, чтобы защищать международное право и международную систему, которые основываются на Уставе ООН; отстаивать универсальные ценности правды, справедливости, равноправного взаимоуважительного сотрудничества; стремиться предотвратить деградацию системы мироустройства, которая сегодня серьезно разбалансирована; делать все, чтобы остановить скатывание к хаосу и конфронтации
2018	проводить многовекторный внешнеполитический курс, ориентированный на защиту национальных интересов; содействовать упрочению положительных тенденций на мировой арене, поиску коллективных решений, стоящих перед всеми государствами проблем на основе международного права; стремиться содействовать становлению более справедливой, демократической, представительной полицентричной модели мироустройства

Оценочная репрезентация политического дискурса и конструирование «чужой» национальной идентичности

Оценка имеет функцию построения межличностных отношений. Как участник речевой деятельности, субъект оценки взаимодействует с объектом оценки посредством оценочной репрезентации дискурса и выстраивает с ним взаимные отношения. Министр иностранных дел России выстраивает «свою» национальную идентичность и «чужую» посредством оценочной репрезентации дискурса. Определены дипломатические отношения между странами по сравнению «своей» национальной идентичности с «чужой» и подчеркнуты сходства и различия между «своей» национальной идентичностью и «чужой» для установления релевантности между странами.

Мы использовали поисковое программное обеспечение AntConc версии 3.5.8 для проведения статистики частотности имен собственных названий стран и регионов, которые появлялись в выступлениях Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях (2004–2018 гг.), и составили список десяти самых часто встречающихся имен собственных на основе результатов статистики частотности. Как показано в таблице 3, «чужие» национальные идентичности, наиболее часто упоминаемые в выступлениях Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях, – это США, Украина, Европейский союз, Сирия, Китай, СНГ, Япония, Грузия, Эстония и Латвия. Результаты статистики частотности могут в определенной степени отражать тенденцию Министра иностранных дел России оценивать вышеупомянутые страны и регионы и фокус внешней политики России.

С помощью дискурс-анализа мы определили темы оценки и оценочную репрезентацию в конструировании «чужой» национальной идентичности в выступлениях Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях. В целом, Министр иностранных дел России сконструировал «чужую» национальную идентичность посредством оценочной репрезентации категорий «суждение» и «аппрециация», сосредоточившись на темах оценки «чужого» национального имиджа,

публичного имиджа, дипломатической концепции, дипломатического поведения и отношений между «своей» и «чужой», но все еще имеется небольшое количество эмоциональной оценочной репрезентации.

Таблица 3. Статистика частотности имен собственных названий стран и регионов в выступлениях Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях (2004–2018 гг.)

Названия стран и регионов	Частотность слов
США, Америка, Соединённые Штаты Америки	418
Украина	277
ЕС, Евросоюз, Европейский Союз	182
Сирия	171
КНР, Китай, Китайская Народная Республика	149
СНГ	102
Япония	101
Эстония	67
Грузия	65
Латвия	64

Конструирование национальной идентичности США в дискурсе основано на оценке общего имиджа США, его дипломатической концепции, дипломатического поведения и отношений между Россией и США. В целом представлена явная и негативная оценочная тенденция. Адресант дискурса в целом придерживается негативного отношения к США, подчеркивая, что американская дипломатическая концепция одержима односторонним подходом, не желает признавать многополярность мира, вводит санкции против России и изолирует ее, злоупотребляет силой, экономическими санкциями и другими незаконными средствами для доминирования над властью и вмешательства во внутренние дела других стран, но адресант дискурса не отрицает вклад, внесенный США в решение ряда глобальных проблем, таких как борьба с терроризмом. В конструировании политического дискурса об отношениях между Россией и США представлена явная негативная оценочная тенденция в целом, но в дискурсе все еще есть не-

большое количество положительных и нейтральных оценок. Адресант дискурса подчеркивает, что доверие между Россией и США снизилось, и отношения между ними постепенно ухудшаются. Хотя российская сторона считает, что развитие российско-американских отношений имеет большое значение и рассматривает возможность восстановления нормальных отношений с США, ряд стимулов препятствует развитию сотрудничества между двумя сторонами.

Конструирование национальной идентичности Украины в дискурсе основано на оценке украинского народа, ситуации на Украине и дипломатического поведения Украины. Оценка украинского народа в дискурсе нейтральна и неявна. Модально-оценочное слово «должен» используется для выражения обеспокоенности адресанта дискурса за украинский народ и напоминания украинскому народу о том, что в него не должны вмешиваться внешние силы. В исследуемом дискурсе представлена явная негативная оценка о украинской ситуации. Адресант дискурса указывает на то, что ситуация украинского конфликта продолжает ухудшаться, включая вмешательство европейских стран в украинскую ситуацию. Российская сторона имеет четкую позицию и будет продолжать участвовать и помогать в разрешении украинского кризиса. Оценка адресантом дипломатического поведения Украины негативна и явна, и считается, что некоторые дипломатические действия Украины не сдержали своих обещаний и являются несправедливыми.

Конструирование национальной идентичности ЕС в дискурсе основано на оценке общего имиджа ЕС и отношений между Россией и ЕС. Оценка общего имиджа ЕС в дискурсе имеет тенденцию быть положительной и явной. Адресант дискурса неоднократно подчеркивал, что ЕС всегда был стратегическим партнером России и имеет большое значение для России во многих областях, таких как торговля и инвестиции, что косвенно отражает близость отношений между Россией и ЕС и тесную зависимость отношений между двумя сторонами. В дискурсе об отношениях между Россией и ЕС представлены как положительные, так и отрицательные оценки. Адресант дискурса подчеркнул, что отношения между Россией и ЕС упали из-за возникновения украинского кризиса и политизации сотрудничества во многих областях. До этого адресант дискурса всегда придерживался положительной оценки отношений между Россией и ЕС. После этого российская сторона также подчеркнула, что надеется на восстановление нормальных отношений с ЕС.

Прямая оценка Сирии адресантом встречается в дискурсе редко, а дискурсивное конструирование национальной идентичности Сирии основано на оценке ее ситуации, которая в целом имеет тенденцию быть негативной и явной. Адресант

дискурса подчеркнул, что продолжающееся ухудшение сирийского конфликта вызывает беспокойство, поддерживает антитеррористические усилия сирийского правительства, считает необходимым предотвращать террористический экстремизм и любые акты насилия, и что сирийский конфликт должен быть разрешен в соответствии с государственными законами и политическим диалогом.

Конструирование национальной идентичности в дискурсе основано на оценке общего имиджа Китая, внешней политики России и Китая, а также китайско-российских отношений и в целом имеет тенденцию быть позитивным и явным. Адресант дискурса подтверждает государственный статус Китая, подчеркивает, что Китай и Россия имеют общие интересы как соседи, и рассматривает Китай как друга и стратегического партнера, косвенно представляя симбиотические отношения между Россией и Китаем. Адресант дискурса высоко оценивает китайско-российские отношения и постепенно улучшает определение китайско-российских отношений, подчеркивая, что всеобъемлющее стратегическое партнерство сотрудничества между Китаем и Россией не только выгодно для двух стран, но и является важным фактором глобальной и региональной безопасности и стабильности.

Конструирование идентичности СНГ в дискурсе основано на оценке общего имиджа СНГ и отношений между Россией и СНГ и в целом имеет тенденцию быть позитивным и явным. Выбранный нами корпус охватывает период с 2004 по 2018 год, в течение которого Туркменистан, Грузия и Украина объявили о выходе из СНГ, но адресант дискурса всегда даёт позитивные оценки СНГ, считая его своим ближайшим партнером и подчеркивая его основную позицию в международных организациях. Адресант дискурса подчеркивает приоритетность развития сотрудничества между Россией и СНГ и положительно оценивает результаты сотрудничества между двумя сторонами, определяя отношения между двумя сторонами как взаимовыгодные.

Конструирование национальной идентичности Японии в дискурсе основано на оценке ее дипломатического поведения и отношений между Россией и Японией и, как правило, имеет тенденцию быть нейтральным и явным. Адресант дискурса указал, что Япония стояла на противоположной стороне от России и придерживалась противоречивых мнений по предложениям России в ООН, а также ввела ряд санкций против России. Адресант дискурса нейтрально оценивал отношения между двумя сторонами, обращая внимание на отношения между двумя странами и указывая на необходимость улучшения отношений между двумя странами. Адресант дискурса не хотел, чтобы две страны занимали противоположные позиции, но должен был признать партнерство между двумя сторонами.

Конструирование национальной идентичности Эстонии в дискурсе основано на оценке ее дипломатического поведения и отношений между Россией и Эстонией. Оценка дипломатического поведения Эстонии в дискурсе в основном включает два аспекта: с одной стороны, адресант дискурса не согласен с поведением Эстонии по сокращению сферы использования русского языка в своей собственной стране, полагая, что это поведение носит характер расовой дискриминации; с другой стороны, что касается вопроса разрешения территориального спора между Россией и Эстонией, то обе стороны еще не решили вопрос подписания территориального соглашения, но российская сторона заявила, что обе стороны прилагают все усилия для решения этого вопроса. Адресант представляет нейтральную оценку этого, подчеркивая лишь рациональное и объективное отношение обеих сторон к этому вопросу и указывая на то, что подписанный двумя сторонами договор не затрагивает исторических вопросов. Оценка отношений между Россией и Эстонией в дискурсе нейтральна. Из-за ряда дипломатических вопросов между двумя сторонами, которые еще предстоит решить, отношения между двумя сторонами остаются на нормальном уровне.

Конструирование национальной идентичности Грузии в дискурсе основано на оценке ее дипломатического поведения и отношений между Россией и Грузией. В целом, оно имеет тенденцию быть негативным и явным. Адресант дискурса подчеркивает, что дипломатическое поведение Грузии в отношении Южной Осетии является актом агрессии. В силу исторических причин и начала российско-грузинской войны в 2008 году отношения между Россией и Грузией постепенно ухудшались. В дискурсе представлена нейтральная и негативная оценка отношений между двумя сторонами, подчеркивая, что причиной медленного развития отношений между двумя сторонами является не Россия. Однако адресант дискурса также указал, что Россия не разорвала с ней дипломатические отношения и сделала все возможное, чтобы способствовать развитию отношений между двумя сторонами в других областях.

Конструирование национальной идентичности Латвии в дискурсе основано на оценке ее дипломатического поведения и отношений между Россией и Латвией. Оценка дипломатического поведения Латвии и отношений между Россией и Латвией в дискурсе нейтральна и позитивна. Адресант дискурса подчеркивает, что интересы России и Латвии в принципе такие же, как и у любой другой страны. Адресант признает, что отношения между двумя сторонами сталкиваются с проблемами, которые необходимо решать, но обе стороны готовы развивать взаимовыгодные отношения сотрудничества, которые являются более кооперативными, чем отношения с Эстонией.

Анализ конструирования национальной идентичности и властных отношений

Как участие в процессе принятия решений, власть сама по себе является проявлением ценностей и межличностных отношений, а властные отношения указывают на определенные оценки и контроль над ценностными практиками и моделями. [7] «Суть международной политики формируется властными отношениями» [8], и в рамках политического дискурса осуществляется конструирование властных отношений. Концепция дискурса Ван Дейка подчеркивает «идеологический квадрат», который играет роль в поляризации внутреннего и внешнего в группе, тем самым представляя одобрение группы «своей» и критику группы «чужой» в целом. [9] Идентичность воплощает в себе реляционность, дискурсивность, политичность и социальность, конструируя отношения «свой-чужой» через демонстрацию различности и подчеркивая связанность и различия между «своей» национальной идентичностью и «чужой». [10] В политическом дискурсе министр иностранных дел России конструирует «свою» национальную идентичность России и «чужую» национальную идентичность в дипломатических отношениях России посредством представления дифференциальных оценочных значений. «Чужая» национальная идентичность может быть сконструирована как партнерская и разделяющая общие интересы со «своей» национальной идентичностью, или она может быть сконструирована как враждебная страна и представлять угрозу «своей» национальной идентичности. Различия в конструировании «чужой» национальной идентичности приводят к двухуровневой дифференциации конструирования отношений «свой-другой».

В качестве политического дискурса властные отношения, выстроенные в выступлениях Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях посредством представления оценочных значений, в основном включают следующие две категории: во-первых, гегемонию и эгалитаризм; во-вторых, отношения конфликта и сотрудничества.

Существуют различия в определениях гегемонии в китайской и западной системах дискурса. В западной системе дискурса считается, что гегемония является объективным описанием доминирующей силы страны, в то время как определение гегемонии в Китае относится к оценочному суждению о том, что поведение страны является мощным, доминирующим, экспансионистским и несправедливым. [11] Определение гегемонии в этом исследовании основано на негативном восприятии гегемонии в китайской системе дискурса, а ее основным проявлением является саморасширение и господство над другими странами. В своем выступлении на ежегодной пресс-конференции министр иностранных дел России неоднократно

упоминал о принудительном продвижении США и ЕС своих ценностей в Россию в дискурсивном построении их идентичностей. Российская сторона четко выразила свое несогласие и дала ему отрицательную оценку. Российская сторона подчеркнула, что «с позиций равноправия, взаимного учета интересов и взаимного уважения мы готовы выстраивать отношения с США, Евросоюзом и НАТО, повторю, без импорта ценностей, без попыток навязывать нам какие-то ценности, тем более что, как показывают последние информационные войны, эти ценности или псевдоценности уже достаточно серьезно себя дискредитировали». Доминирующая и экспансионистская оценка дипломатического поведения США и стран ЕС в дискурсе отражается не только в навязчивости вывода ценностей и систем, но и в их силовом доминировании в политической, военной, экономической и других областях. Российская сторона считает, что некоторые дипломатические поведения США и стран ЕС являются «незаконными», «на основе диктата» и «односторонними силовыми реагированиями ценой многих и многих жертв». В то же время западные страны во главе с США всегда считали, что у них есть одноуровневое преимущество силы и «нежелание принять реальности объективно формирующегося многополярного мира». Адресант дискурса использовал негативные оценки категорий «суждение» (моральные оценки) и «аппрециация» (эстетическое восприятие) на основе теории оценки Дж. Мартина для построения гегемонии США и Евросоюза в их дипломатическом поведении и принятии решений в отношении России.

Равенство, неотъемлемое от справедливости, рассматривается как специфическая и особая справедливость и равенственное поведение часто является законопослушным поведением. [12] Равенство как реляционная концепция отражает относительность межличностных отношений: равенство и неравенство. Эгалитаризм в международных отношениях в основном отражается в построении равных отношений и стремлении к равным ценностям в процессе обменов между странами. Нормативные принципы внутренних законов развития и основные структурные тенденции международных отношений побудили к трансформации гегемонизма в морализм, а равенство является основным моральным элементом в поведении международных отношений, регулируемом морализмом. [13] Адресант дискурса конструирует равноправные отношения между «своей» национальной идентичностью и «чужой» посредством представления оценочных значений категории «суждение» (моральные оценки). Например, отвечая на вопросы журналистов СМИ о российско-американских отношениях, Министр иностранных дел России дал оценку принципам установления двусторонних отношений: «надо преодолевать полизиро-

ванные подходы, США сделает выводы из печального опыта и будет вести себя так, как договаривались – на основе взаимного уважения, равноправия, взаимной выгоды и без попыток вмешиваться во внутренние дела друг друга»; оценка Министром иностранных дел России дипломатической концепции страны: «у нас нет по отношению ни к кому, ни к одной стране никаких враждебных намерений, сотрудничать мы готовы только на основе полного равноправия, на основе взаимного учета интересов, взаимной выгоды, на основе совместного анализа имеющихся проблем и на основе совместно вырабатываемых и совместно реализуемых решений».

Построение отношений конфликта и сотрудничества между субъектами в международных отношениях напрямую связано с признанием идентичности и интересов. Если личный интерес рассматривается только как эгоистичный, это вызовет конфликт между собой и чужими идентичностями; если личный интерес определяется как альтруистический, то между собой и чужими сформируется коллективная идентичность. [14] Коллективная идентичность приводит отношения между собой и чужими к идентификации. Идентификация идентичности основана на разделении ценностей, убеждений, установок, норм и ролей, которые зависят от культуры среди субъектов, и в конечном итоге создает отношения сотрудничества между национальной идентичностью «своей» и «чужой», в то время как противостояние между национальной идентичностью «своей» и «чужой» приводит к формированию отношений конфликта. Признание национальной идентичности «своей» и «чужой» является лишь относительным. Признание идентичности связано с конкретными вопросами, и нет полного признания идентичности. Следовательно, отношения конфликта и сотрудничества между национальной идентичностью «своей» и «чужой» также являются относительными. Не существует ни абсолютных отношений конфликта, ни абсолютных отношений сотрудничества. В дискурсе оценка адресантом национальной идентичности США и российско-американских отношений в целом имеет тенденцию быть негативной, тем самым выстраивая конфликтные отношения между «своей» национальной идентичностью России и «чужой» национальной идентичностью США. Но оценка адресантом национальных идентичностей России и США схожа, подчеркивая, что две страны являются «лидерами антитеррористической глобальной коалиции», и две стороны «в борьбе должны быть союзниками». Признание идентичности обеих сторон в области борьбы с терроризмом привело к отношениям сотрудничества между двумя сторонами в этой области. В дискурсе оценка адресантом идентичности Китая и российско-китайских отношений полностью положительна. Отношения сотрудничества

между двумя сторонами на международной арене являются «одним из ключевых факторов поддержания стабильности в мире», обе стороны разделяют общую идентичность и будут продолжать продвигать «двустороннее стратегическое взаимодействие, всеобъемлющее партнёрство, сотрудничество по региональным и глобальным делам находится на подъёме». Оценка адресантом идентичности Украины и отношений между Россией и Украиной в дискурсе в целом негативна. Российская сторона считает, что украинский кризис напрямую связан с обязательным экспортом европейских ценностей и их принятием Украиной. Россия и Украина имеют разные идентичности для западных ценностей. Поэтому конфликтные отношения между Россией и Украиной, сконструированные в дискурсе, вызваны разницей в ценностной ориентации между двумя сторонами. Подводя итог, можно сказать, что отношения конфликта и сотрудничества между национальными идентичностями «своей» и «чужой» в выступлениях Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях сконструированы через поляризованную оценку отношений между ними, с другой стороны, или посредством оценки сходств и различий между идентичностями «своей» и «чужой».

Заключение

Основываясь на дискурсивной перспективе, в данном исследовании анализируется корпус выступлений Министра иностранных дел России на ежегодных пресс-конференциях, и раскрывается интерактивный механизм между представлением оценочного значения политического дискурса и построением национальной идентичности. В политическом дискурсе адресанты могут не только формировать «свою» национальную идентичность посредством систематических стратегий оценки, но и определять властные отношения с «чужими», тем самым служа своим политическим намерениям и идеологическим целям. Исследование показало, что в своей практике политического дискурса Министр иностранных дел России часто использовал такие оценочные слова, как «сотрудничество», «интересы», «безопасность» и «равноправие», и конструировал «свою» национальную идентичность как с большой ответственностью державы, так и с моральной легитимностью на основе нейтральной и позитивной оценочной ориентации, подчеркивая роль России как основного игрока в многополярном мире, одновременно интегрируя традиционные ценности и современные требования. С точки зрения построения «чужой» национальной идентичности в дискурсе представлены значительные дифференцированные характеристики: США и Украина изображаются как негативные имиджи гегемонии или ценностных угроз, в то время как Китай и СНГ подчеркиваются как стратегические партнерства, а для ЕС и Японии

принимаются смешанные оценки, чтобы сохранить дипломатическую гибкость. Это дифференцированное конструирование национальной идентичности по сути является важной стратегией для страны, чтобы разделить международные лагеря и конкурировать за власть дискурса. Исследование показывает, что политический дискурс является не только формой передачи информации, но и практикой с множественными политическими функциями: он производит легитимность через нормативные дискурсы, такие как «эгалитаризм» и «антигегемония», и использует бинарную оппозиционную риторику для дифференциации национальных идентичностей «своей» и «чужой» и формирования властных отношений. Эти результаты не только углубляют понимание взаимосвязи между политическим дискурсом и конструированием национальной идентичности, но и дают важное вдохновение для последующих исследований, включая вертикальный анализ влияния геополитических кризисов на нарративы идентичности и борьбу за власть международного дискурса исходя из межкультурного подхода. В целом практика российского политического дискурса показывает, что национальная идентичность – это динамический процесс конструирования непрерывного консультирования и борьбы посредством дискурсивного взаимодействия. Этот процесс не только отражает изменения в международной структуре власти, но и глубоко формирует реальную тенденцию международных отношений.

Литература

1. Норман Фэрклоу. Перевод Инь Сяожун. Дискурс и социальные изменения [М]. Пекин: Издательский дом Хуася. 2003, стр. 60.
2. Лю Лихуа Сунь Цзюй. Исследование согласования смысла и взаимодействия дискурса в практике дискурса: пример пресс-конференции китайских и американских лидеров [J]. Журнал Тяньцзиньского университета иностранных исследований. 2018(2), стр. 63–77.
3. Чэнь Яли. Анализ отношений между «свой» и «другой»: дискурс мнений и построение национальной идентичности в репортажах американских СМИ об «арбитраже в Южно-Китайском море» [J]. Азиатско-Тихоокеанская безопасность и океанические исследования. 2018 (5), стр. 18–33, 124–125.
4. Дай Гуйцзюй. Формирование и причины формирования современных российских основных ценностей [J]. Русский журнал. 2017 (6), стр. 64–71.
5. Лю Ин. Национальная концепция Путина и трансформация России [М]. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2014. Стр. 69.
6. Лю Ин. Национальная концепция Путина и трансформация России [М]. Пекин: Изда-

- тельство Пекинского университета. 2014. Стр. 19.
7. Гарольд Д. Лассуэлл Абрахам Каплан. Перевод Ван Фэйи. Власть и общество: структура политических исследований [М]. Шанхай: Шанхайское народное издательство. 2013, стр. 83–84.
  8. Александр Винтер. Социальная теория международной политики [М]. Шанхай: Шанхайское народное издательство. 2014, стр. 9–8.
  9. Алан Белл Питер Гарретт. Перевод Сюй Гуйцюаня и Чжань Цзяна. Подходы к дискурсу СМИ [М]. Пекин: Издательство университета Жэньминь в Китае. 2016, стр. 7.
  10. Сунь Цишэн. Международная политическая лингвистика: теория и практика [М]. Пекин: Издательство мирных знаний. 2017, стр. 259.
  11. Ян Цзиньин Чжан Гаошэн. Гегемонизм: теоретический анализ, историческая эволюция и новое развитие [J]. Международный исследовательский справочник. 2019 (6), стр. 37–41.
  12. Се Баогуй. Дистрибутивизм с точки зрения эгалитаризма [D]. Докторская диссертация. 2012, стр. 2, 43.
  13. Лю Цзе. Анализ морализма в современных международных отношениях [J]. Мировая экономика и политика. 1996 (11), стр. 54–57.
  14. Лю Хунляна. Отношения между Индией и США: политика власти и социальное конструирование идентичности и интересов [J]. Исследования Юго-Восточной Азии и Южной Азии. 2013 (3), стр. 14–18, 108.

POLITICAL DISCOURSE AS AN INSTRUMENT OF POWER: EVALUATIVE REPRESENTATION AND CONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY IN RUSSIAN FOREIGN POLICY¹

Wang Nannan

Institute of Russian language, Dalian University of Foreign Languages

In this study, from the standpoint of the discursive approach, based on the speeches of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation at annual press conferences for 2004–2018, through statistical analysis of vocabulary frequency and discourse analysis, the mechanism of interaction between the evaluative representation of political discourse and the construction of national identity is systematically studied. The results of the study show that in the Russian political discourse, the active construction of “one’s own” national identity, combining “great power responsibility” and “moral

legitimacy”, is carried out through the high-frequency use of evaluative vocabulary, such as “cooperation”, “interests”, “security”. In the representation of the “foreign” national identity, a differentiated strategy is formed: the USA is portrayed as “unilateralism”, China is positioned as a “strategic partner”, and an ambivalent perception is expressed towards the EU. The study reveals that Russia, through the binary discursive structure of “egalitarianism – hegemonism” and “cooperation – conflict”, additionally implements the construction of differentiated national identity and power relations, thereby confirming the dynamic constructive nature of political discourse as an instrument of power practice, which provides a new analytical perspective for understanding the identity politics of rising powers.

Keywords: political discourse; construction of national identity; evaluative representation; power relations; Russian diplomacy; discourse analysis.

References

1. Norman Fairclough. Translated by Yin Xiaorong. Discourse and Social Change [M]. Beijing: Huaxia Publishing House. 2003, p. 60.
2. Liu Lihua Sun Ju. A Study on the Negotiation of Meaning and Discourse Interaction in Discourse Practice: A Case Study of Chinese and American Leaders’ Press Conference [J]. Journal of Tianjin Foreign Studies University. 2018(2), pp. 63–77.
3. Chen Yali. Analyzing the Relationship between “Ours” and “The Other”: Opinion Discourse and National Identity Construction in American Media Reporting of the “South China Sea Arbitration” [J]. Asia-Pacific Security and Oceanic Studies. 2018 (5), pp. 18–33, 124–125.
4. Dai Guiju. The Formation and Causes of the Formation of Modern Russian Core Values [J]. Russian Journal. 2017 (6), pp. 64–71.
5. Liu Ying. Putin’s National Concept and Russia’s Transformation [M]. Beijing: Peking University Press. 2014. P. 69.
6. Liu Ying. Putin’s National Concept and Russia’s Transformation [M]. Beijing: Peking University Press. 2014. P. 19.
7. Harold D. Lasswell Abraham Kaplan. Translated by Wang Feiyi. Power and Society: A Framework for Policy Studies [M]. Shanghai: Shanghai People’s Publishing House. 2013, pp. 83–84.
8. Alexander Winter. Social Theory of International Politics [M]. Shanghai: Shanghai People’s Publishing House. 2014, pp. 9–8.
9. Alan Bell Peter Garrett. Translated by Xu Guiquan and Zhan Jiang. Approaches to Media Discourse [M]. Beijing: Renmin University Press of China. 2016, p. 7.
10. Sun Jisheng. International Political Linguistics: Theory and Practice [M]. Beijing: Peace Knowledge Publishing House. 2017, p. 259.
11. Yang Jingying Zhang Gaosheng. Hegemonism: Theoretical Analysis, Historical Evolution, and New Development [J]. International Research Handbook. 2019 (6), pp. 37–41.
12. Xie Baogui. Distributism from the Perspective of Egalitarianism [D]. Doctoral Dissertation. 2012, pp. 2, 43.
13. Liu Jie. Analysis of Moralism in Contemporary International Relations [J]. World Economy and Politics. 1996 (11), pp. 54–57.
14. Liu Hongliang. India-US Relations: Politics of Power and Social Construction of Identity and Interests [J]. Southeast Asian and South Asian Studies. 2013 (3), pp. 14–18, 108.

¹ The work was supported by the 2021 Humanities and Social Sciences Youth Fund Project of the Ministry of Education of China “Study on the Evaluation of Chinese and Russian Political Discourse”, project number: 21YJC740055.

Позднее родительство как социокультурный феномен: социологический анализ

Кузеванова Ангелина Леонидовна,

д-р социол. наук, профессор кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: angelina2000@list.ru

Ефимов Евгений Геннадиевич,

д-р социол. наук, профессор кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета
E-mail: ez07@mail.ru

Надежкина Елена Юрьевна,

канд. биол. наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; доцент кафедры эколого-биологического образования и медико-педагогических дисциплин Волгоградского государственного социально-педагогического университета; ассистент кафедры фундаментальной медицины и биологии Волгоградского государственного медицинского университета
E-mail: gurinae@mail.ru

Алешина Лариса Ивановна,

канд. пед. наук, доцент кафедры эколого-биологического образования и медико-педагогических дисциплин Волгоградского государственного социально-педагогического университета
E-mail: aleshina_lara@mail.ru

Меркулова Лилия Сергеевна,

студент Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: liliamerkulova858@gmail.com

В статье на основе анализа данных авторского социологического исследования изучается сложный социокультурный феномен позднего родительства, отражающий изменения в современном российском обществе. Авторы приходят к выводу о том, что распространение этого феномена связано с трансформацией семейных ценностей, изменением экономических условий в нашей стране и развитием репродуктивной медицины. В статье отмечается, что для многих женщин решение о позднем материнстве продиктовано стремлением к самореализации и желанием посвятить себя воспитанию ребенка. При этом молодые люди сознательно откладывают рождение детей, так как хотят сначала реализовать себя как полноценную личность. Результаты исследования свидетельствуют о значительной трансформации отношения общественности к позднему родительству. В настоящее время данный феномен постепенно переходит из разряда исключений в группу социально приемлемых моделей репродуктивного поведения. Современное российское общество демонстрирует толерантное отношение к моделям позднего родительства, воспринимая рождение детей в зрелом возрасте как рациональную жизненную позицию.

Ключевые слова: родительство, материнство, семья, семейные ценности, ценностные установки.

Позднее родительство стало в современном российском обществе в последние годы достаточно распространенным явлением, приобретая характер определенно фиксируемой тенденции, которая отражает серьезные изменения в репродуктивных установках женщин [1, с. 14]. Выбор такой модели репродуктивного поведения становится вызовом традиционным представлениям о возрастных рамках материнства. Подобные изменения в поведении современных женщин стали мировым трендом, отражающим трансформацию их представлений о своей роли в жизни общества, возможностях самореализации и вариативности жизненных стратегий [2]. Очевидно, что распространение позднего материнства в нашей стране обусловлено рядом социально-экономических, социокультурных и личностно-психологических факторов и влечет за собой как положительные, так и негативные последствия, что актуализирует исследование этой тематики в социологическом дискурсе [3, с. 127].

Для изучения практик позднего родительства нами была выбрана качественная социологическая стратегия, в ходе реализации которой было проведено 20 глубинных интервью с женщинами, родившими ребенка после 35 лет, проживающими в г. Волгограде. Исследование проводилось с 1 февраля по 15 марта 2025 года. Выборочная совокупность формировалась с помощью метода снежного кома.

В ходе проведения глубинных интервью информантам было предложено ответить на вопрос о причинах выбора модели репродуктивного поведения, предусматривающей позднее материнство. В процессе анализа полученных данных выяснилось, что значительная часть женщин приняла решение о рождении ребенка в более позднем возрасте по причине того, что некому было подарить свою заботу и любовь, появилась настоятельная необходимость придать собственной жизни новый смысл, вновь ощутить радость материнства.

Скучно было, и хотелось сына, но Боженька подарил вторую дочь, шла за сыном (женщина, 46 лет).

Всё было естественно. Старшие дети повзрослели, мы с мужем очень любим детей, поэтому очень захотелось ещё малыша (женщина, 45 лет).

Да, конечно, я получила очень много позитивных эмоций, восторг какой-то у меня, жизненное удовлетворение, я закрыла гештальт, как это сей-

час модно говорить. Я всегда мечтала о втором ребёнке, но я никогда не думала, что он будет такой поздний. Такой будет только приносить счастье, радость нам, удовлетворение (женщина, 45 лет).

Важно отметить, что одной из значимых причин позднего материнства стало вступление информантов в новый брак, что предполагает рождение общего для супругов ребенка, способствующего укреплению новой семьи и брачных отношений.

У меня второй брак, я считаю, что я вполне могу себе позволить, и возраст мой позволял мне. Да, я хотела еще одного ребенка, он у меня четвертый (женщина, 47 лет).

Важно также отметить, что в ходе исследования подтвердилась гипотеза, которая предполагала, что одной из причин позднего деторождения является проблема найти в молодом возрасте надежного партнера для создания семьи. Часть информантов отметила, что не смогли запланировать беременность ранее, так как отсутствовал мужчина, на которого можно было положиться, и именно поэтому им приходилось откладывать рождение ребенка.

Другой причиной позднего материнства становится желание родителей начать новый этап своей жизни, получить ощущение «второй молодости», заново открыть для себя родительство, вновь ощутить радость бытия. Ребенок вносит новизну в жизнь родителей с устоявшимися порядками. У информантов открывается «второе дыхание», появляется внезапное ощущение обновления, то есть в данном случае ребенок – это не просто член семьи, а это именно новый толчок для изменений в жизни. Именно с появлением позднего ребенка родители начинают видеть жизнь через призму детского восприятия.

При появлении маленького ребёнка совершенно другая жизнь и чувства другие, и как бы заново родился, понимаете? Это так, как бы вторая жизнь открылась, молодость, интерес (женщина, 47 лет).

Не менее значимой причиной позднего родительства, как показал анализ данных глубинных интервью, является желание родителей достичь успеха в процессе самореализации через осознанный отказ от деторождения в молодом возрасте. Для ряда современных родителей ребенок может выступать как некий ограничитель свободы, по этой причине они откладывают рождение детей из-за желания реализоваться в профессиональной сфере, из-за стремления «пожить в своё удовольствие». Важно отметить, что для таких родителей рождение ребенка в более осознанном возрасте – это продолжение насыщенной и яркой жизни, но уже в роли матери.

Скажу больше, я рада, что не родила раньше. У меня была очень яркая и активная жизнь до пандемии, я посетила около 30 стран, была в США раз 13–15, в Британии раз 5, в Индии несколько раз, по семестру преподавала в нескольких стра-

нах, посетила десятки конференций от Колумбии до Вены, Австрии, поэтому не задумывалась о детях, всё было весело и задорно, и сомнений потом не было, рожать или нет (женщина, 44 года).

Информантам было предложено выступить в роли экспертов и определить причины достаточно широкого распространения позднего материнства в нашей стране. По мнению большинства участников исследования, таких причин несколько, главной из них стали современные возможности медицины, которые позволяют родить ребенка в более позднем возрасте без ущерба для здоровья.

Ну, потому что больше возможностей стало в медицине, больше появилось людей, которые следят за своим образом жизни, которые чувствуют, что у них есть силы продолжать свой род, и вообще люди стали свободнее (женщина, 48 лет).

Значительная группа информантов отметила, что причиной распространения позднего родительства является стремление современных родителей обрести финансовое благополучие для того, чтобы материально обеспечить будущего ребенка. Для нынешних родителей важно дать ребенку качественное образование и максимально удовлетворить его потребности, что требует больших капиталовложений.

Люди стали задумываться, что детей надо рожать, когда у тебя есть фундамент, когда у тебя уже крепкие отношения, и дать ребёнку воспитание, когда ты уже более мудрый, крепко стоишь на ногах. Мне кажется, сейчас люди более осознанно подходят к этому вопросу и хотят построить карьеру, чтобы был фундамент. Ну и, конечно, ещё раз повторюсь, фундамент, чтобы ребёнок ни в чём не нуждался (женщина, 45 лет).

Осознанность репродуктивного решения также, по мнению информантов, стала одной из ключевых причин выбора модели позднего материнства: *«На мой взгляд, люди стали более осознанно подходить к родительству. Я не считаю, что это плохо. Я считаю, что как раз люди эмоционально дорастают до того, чтобы стать родителями. Мне кажется, это вообще неплохо. Потому что ты ребёнку должен что-то дать. Безусловно, куча любви, заботы, это априори важно и нужно, бесспорно. Но хотелось бы ребёнку дать ещё хорошее образование, хотелось бы ему показать, что есть мир за пределами этого двора, что есть масса всего интересного. И мне кажется, что люди только с возрастом, получив сами весь этот опыт, могут передать его детям»* (женщина, 44 года). Иными словами, для зрелых родителей возраст – это накопленный культурный капитал, который можно передать своему ребенку.

Стоит отметить, что большинство опрошенных информантов отметили ускоренный темп современной жизни как одну из важных причин распространения позднего родительства. Жизнь совре-

менного человека стала очень динамичной, поэтому традиционные возрастные рамки рождения детей утрачивают свое значение, поскольку в силу занятости и желания достичь поставленных жизненных целей люди не успевают родить ребенка в молодом возрасте.

Молодёжь не стремится сильно рано рожать. Я много вижу молодых семей, которым по 28 лет, но они не спешат. Хотя, казалось бы, уже возраст такой, да? Мне так кажется, что из-за нашего вот этого темпа жизни, все хотят всё успеть, поэтому затягивают, соответственно, с семьёй. Ну, то есть с ребёнком, ребёнок якобы будет мешать (женщина, 55 лет).

Одна из достаточно интересных причин распространения позднего родительства связана с межпоколенческим разрывом. Современные родители не могут реализовать себя в роли бабушек и дедушек, так как их дети рожают очень поздно, из-за этого родителям приходится рожать вторых или третьих детей в более позднем возрасте.

Я думаю, что если бы взрослые дети дарили бы нам быстрее внуков, то, думаю, может быть, позднее родительство не было бы так распространено (женщина, 41 год).

В качестве гипотезы исследования рассматривалось предположение о том, что влияние западной культуры является одной из причин распространения практик позднего материнства в нашей стране. Гипотеза подтвердилась отчасти, поскольку мнения информантов по данному вопросу разделились. Одни считают, что западные тенденции в отношении репродуктивного поведения никак не повлияли на их модель поведения в этом вопросе, рождение ребенка в позднем возрасте стало абсолютно рациональным и самостоятельным поступком. Информанты подчеркивают, что их решения основаны только на личных обстоятельствах и убеждениях.

Я не знаю, как там они на Западе. Я только понимаю, что когда человек желает, тогда пусть и рождает. Это дело каждого, выбор каждого. Лично на меня западная культура не оказала никакого влияния, я родила тогда своего ребенка, когда посчитала нужным (женщина, 52 года).

Думаю, что это не западная культура, хотя все говорят, что на Западе рожают поздно. Сейчас очень много соблазнов для молодежи, очень много возможностей, поэтому родительство оставляют на более поздний возраст только из-за образа жизни сегодняшнего, но точно не из-за западной культуры (женщина, 41 год).

Что касается второй группы информантов, то согласно их позиции, культура стран Запады все-таки оказывает влияние на рост популярности практик позднего родительства. Важную роль в оказании этого влияния играет пропаганда западного образа жизни с помощью киноиндустрии, средств массовой информации, Интернета.

Ну, знаете, под влиянием фильмов, наверное, какая прекрасная жизнь, когда ты уже встал на ноги, тебе за 35, у тебя свой дом, работа хорошая, ты спокойно можешь пойти рожать ребёнка, ни о чём не думая. Это гораздо лучший вариант, чем когда тебе 18 лет, 20, ты студент, учишься, работаешь и как-то это выводишь. Просто нельзя сравнить две вещи, по-моему, понятно, в чём польза и что лучше (женщина, 45 лет).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что позднее родительство как социокультурный феномен подставляет собой достаточно сложное социальное явление, которое сформировалось в связи с экономическими и социокультурными изменениями в нашей стране, а также в связи с развитием репродуктивной медицины.

Основными причинами распространения позднего родительства выступают:

- социально-экономические причины: современные родители стали осознанно откладывать рождение детей, пока не достигнут финансовой независимости и карьерного роста;
- психологические причины: рождение позднего ребенка напрямую связано с внутренней потребностью матери наполнить свою жизнь новым смыслом;
- семейные обстоятельства: многие родители решаются на «позднего» ребенка из-за создания новой семьи, для того чтобы укрепить новый брак;
- развитие репродуктивной медицины, которая позволила изменить временные рамки для рождения ребенка;
- динамичный современный образ жизни, при котором молодые люди сознательно откладывают рождение детей, стремясь к профессиональной самореализации;
- влияние западных моделей репродуктивного поведения, которые связаны с поздним родительством.

Таким образом, феномен позднего родительства в современных российских условиях – это многоаспектное явление, которое обусловлено комплексом причин, свидетельствующее о наличии глубокой трансформации современного общества, имеющей как положительные, так и негативные последствия.

Литература

1. Галиева Э.Р. Традиционные и современные модели репродуктивного поведения // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 1. – С. 12–15.
2. Сульдайкина Н.В. Отношение женщин к позднему деторождению и материнству // Ogarov-Online. – 2017. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-zhenschin-k-pozdnemu>

detorozhdeniyu-i-materinstvu (дата обращения 18.07.2025)

3. Амбарова П.А. Родятся дети, и жизнь повторится сначала... Пожилое родительство как стратегия «преодоления возраста» // Вестник Нижегородского университета. Серия «Социальные науки». – 2016. – № 4. – С. 127–134.

LATE PARENTHOOD AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Kuzevanova A.L., Efimov E.G., Nadezhkina E.Yu., Aleshina L.I., Merkulova L.S.
Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd State Technical University, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd State Medical University

Based on the analysis of the author's sociological research data, the article examines the complex socio-cultural phenomenon of late parenthood, reflecting changes in modern Russian society. The authors conclude that the spread of this phenomenon is associated with the transformation of family values, changing economic conditions in our country and the development of reproductive medicine. The article notes that for many women, the decision to become a late mother is dictated by the desire for self-realization and the desire to

devote themselves to raising a child. At the same time, young people consciously postpone having children, as they want to realize themselves as a full-fledged person first. The results of the study indicate a significant transformation in public attitudes towards late parenthood. Currently, this phenomenon is gradually moving from the category of exceptions to the group of socially acceptable models of reproductive behavior. Modern Russian society demonstrates a tolerant attitude towards models of late parenthood, perceiving the birth of children in adulthood as a rational life position.

Keywords: parenthood, motherhood, family, family values, value orientations.

References

1. Galieva E.R. Traditional and modern models of reproductive behavior // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2021. – No. 1. – pp. 12–15.
2. Suldyaikina N.V. Women's attitude to late childbearing and motherhood// Ogarev-Online. – 2017. – No. 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-zhenschin-k-pozdnemu-detorozhdeniyu-i-materinstvu> (accessed 07/18/2025)
3. Ambarova P.A. Children will be born, and life will repeat itself from the beginning... Elderly parenthood as a strategy for "overcoming age" // Bulletin of Nizhny Novgorod University. The series «Social Sciences». – 2016. – No. 4. – pp. 127–134.

Концептуализация понятия «сложный городской конфликт»

Осьмук Людмила Алексеевна,

доктор социологических наук, профессор, директор Института социальных технологий ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»
E-mail: osmuk@corp.nstu.ru

Отто Зоя Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, начальник управления информационной политики ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»
E-mail: z.sergeeva@corp.nstu.ru

В статье доказывается необходимость концептуализации понятия «сложный городской конфликт», объясняется, что процесс усложнения конфликтов в современном обществе обусловлен сложностью самого общества и усложнением городской среды. Дается определение сложного городского конфликта, объясняется, чем он отличается от элементарного городского конфликта. Описываются условия появления сложных городских конфликтов в современном городе. Предполагается, что содержание сложного городского конфликта определяется: количеством субъектов, вовлеченных в конфликт, и уровнем их сплоченности и организованности; сложностью предмета городского конфликта; территорией города, на которую распространяется конфликт; сложностью социальных механизмов, привлекаемых для разрешения конфликта; сложностью конфликтной ситуации; сложностью проблем, возникающих вокруг конфликтной ситуации, и остротой последствий; продолжительностью конфликта.

Ключевые слова: сложный городской конфликт, сложность, концептуализация, городские сообщества, городское пространство.

Введение

В последнее время в социальных и гуманитарных науках все чаще говорят о необходимости концептуализации понятий и концептуализации социально-гуманитарного знания в целом [3], что является признаком развития науки и появления новых научных направлений и школ. Концептуализация – это всегда претензия на раздвижение границ устоявшегося научного поля. Для социологии города и социологии конфликта концептуализация понятия «сложный городской конфликт» – принципиальный шаг вперед в изучении городских конфликтов. Последнее продиктовано социальной реальностью, в которой горожане сталкиваются с конфликтными ситуациями, разрешать которые становится все труднее. Сложность разрешения связана с увеличением количества участников конфликтов, имеющих разные интересы, ресурсы и компетенции, со сложностью самого предмета конфликта и использованием в конфликте разных механизмов разрешения. Однако понимание сложности конфликта выходит за рамки простой суммы перечисленных критериев, а это новое, но уже сложившееся в городских практиках эмерджентное явление, требующее релевантного объяснения.

Увеличение сложности общества и все социальных конфликтов приводит к появлению принципиально новых социальных отношений и в целом «пересборке социального» (Б. Латур), что отражается на научной рефлексии социологов: Л. Болтански и Л. Тевено [2], Б. Латур [4], Н. Флигстин и Д. Макадам [8], а также тревожности социальных субъектов по этому поводу. Необходимость объяснения процесса усложнения конфликтов в городе и специфики сложного городского конфликта связана не только с потребностью описания новой социальной ситуации, но и с поисками эффективных институтов конфликтоуправления. В свою очередь, от этого зависит организация социальной жизни горожан и новые правила, обеспечивающие порядок, а, следовательно, снижение социальной неопределенности и агрессивности города.

Анализ результатов исследования

Для понимания, что представляет собой сложный городской конфликт, стоит обратиться к проблеме социальной сложности в социологии. Тезис о сложности всех без исключения социальных явлений окончательно оформился в методологический прин-

цип социологии к середине XX столетия (Т. Парсонс, Р. Мертон и др.), а к 80–90-ым годам этого столетия понимание социальной сложности сместилось к проблеме особого характера сложности современного общества (Н. Луман, З. Бауман и др.), что было связано с быстрым развитием, непрекращающимися изменениями, неопределенностью и усиливающейся ролью дисфункциональных институтов. Сложность может описываться как непредсказуемое, недетерминированное поведение системы (С.А. Кавченко) и рассогласованность множества социальных миров (Л. Тевено). Другими словами, сложность современного общества уже описывается с позиции различных парадигмальных подходов.

Методологическая значимость тезиса о социальной сложности подтверждается тем, что эволюция представлений о социальной сложности всегда соответствовала уровню развития социологической рефлексии. Так, научная интерпретация социальной сложности начиналась с обращения к экспоненциальному росту и взаимосвязанности социальных контактов, позже она основывалась на идее эмерджентной сущности сложных социальных систем и, наконец, сейчас мы можем говорить об отражении сложности структур и многочисленности контактов в сознании социальных субъектов, о так называемой парадигме сложности (Э. Морен) [5].

Концепция сложного городского конфликта вполне укладывается в парадигму социальной сложности в ее современном понимании. Очевидно, что усложнение социального дискурса не может не затронуть социальное поведение субъектов и социальные отношения. Усложнение конфликтов (конфликтных взаимодействий) есть реакция на новые условия и ситуации, которые приходится решать с учетом множества взаимосвязанных вводимых. Ни одна из сторон не может игнорировать растущую сложность ситуации, в противном случае она закономерно проигрывает, часто не успевая перейти к каким-либо серьезным действиям.

Усложнение социальных отношений в городе не означает, что усложняются все без исключения конфликты: конфликты, возникающие в повседневной жизни горожан по поводу проблем, имеющих отношение к интересам города и его территорий (районов, микрорайонов, дворов и др.) являются простыми, фокусированными на ограниченном круге проблем, или даже элементарными, конфликтами. Эти конфликты часто оказываются разногласиями, разрешаемыми без особых проблем, или же горожане, будучи не готовы к продолжительному и ресурсозатратному противостоянию, принимают их затухание или нейтрализацию. Тем не менее, город есть территория с высокой плотностью населения, в частности, крупные российские города в последнее время активно растут вверх. Можно предположить, что плотность населения влияет на количество простых, возмож-

но локальных, конфликтов. Стихийным способом ухода от конфликтов становится социальная изоляция в собственных квартирах, избегание общения с соседями, однако какое-то количество конфликтов все же остается и создает атмосферу отчужденности и напряжения. Агрессивность города задается его конфликтогенностью, которая зависит от обозначенных факторов. Часть простых (элементарных) конфликтов может перерасти в конфликты сложные. В свою очередь, и элементарный, и сложный конфликты, происходящие в городе, носят признаки городского конфликта.

Городской конфликт является частным случаем социального конфликта, его специфика определяется спецификой субъектов, проблем и контекста, которым выступает город. Со ссылкой на принцип «права на город» городской конфликт многими исследователями рассматривается «как внешнее проявление столкновения интересов жителей города в связи с использованием ими городского пространства, сочетающее в себе и межгрупповую, и экологическую, и экономическую, и другие составляющие» [7, с. 5]. Поскольку участниками городского конфликта часто становятся власть, бизнес и городское сообщество (сообщества), а сам он перемещается из социального пространства в юридическое поле, городской конфликт, рассматривается не только в социальном, но и в юридическом дискурсе [7]. В последнее время и социологи, и юристы отмечают увеличение так называемой «сложности», в том числе, и в вопросе урегулирования. Появляется все больше случаев, когда усложнение становится очевидным, явным, наблюдаемым со стороны. Сложность проявляется через участников (их количество, компетентность, ресурсы, активность), через многоакторность, многопредметность, через механизмы вовлечения сторонних субъектов, через увеличение социальных контактов и социальных сетей, через использование юридизированных институтов конфликтного разрешения.

Основанием для роста сложности городского конфликта и появления феномена сложного городского конфликта выступает архитектурная (территориальная), социальная и культурная сложность города. При этом, очевидно, чем больше город, тем сложнее его архитектурное пространство. Наверное, архитектурную сложность описать проще всего, она характеризуется разрастанием города (о чем уже говорилось выше) с возникновением транспортных проблем и проблем застроек незастроенного пространства; усиления городской сегрегации. В таком пространстве легко заблудиться без навигатора, но человек ограничивает свое передвижение функциональными маршрутами (дом-работа, дом-магазин и др.)

Социальная сложность связана не только с увеличением социальных субъектов, происходящим за счет воспроизводства нового поколения и ми-

грационных потоков, но и с увеличением социальных ролей, усложнением социальной структуры города и динамикой двух процессов: социальной интеграции и социальной дифференциации. Динамика социальных процессов в городе воспринимается внешне как «жизнь города» и «ритмы города» (Дж. Аллен). Другими словами, социальные процессы и социальная организация в городе связаны с городским пространством, проявляются в нем, равно также как изменения в пространстве города отражаются на социальных процессах и социальной структуре города. Такая очевидная сложность города имеет еще одну сторону: культурную. Очевидно, что и территориальная, и социальная сложность требуют упорядоченности и структуризации, в противном случае сложность приводит к хаосу: «Город предполагает творческий беспорядок, поучительную неразбериху, интерполяционное пространство, где воображение несет нас по всем направлениям, даже в сторону ранее немислимого» [5, с. 44].

Выделение структурных и социальных ограниченных пространств, к которым может относиться, например, микрорайон или же пространство любой организации, благодаря социальной жизни наполняется своими смыслами, языком, символами, традициями – те. в каждом сегменте создается своя культура, что делает общее пространство города культурно мозаичным. Структурированность противостоит хаосу, но является основой современной социальной сложности города.

Можно предположить, что сложный характер городского пространства обеспечивает сложную и динамичную (быстро меняющуюся) сеть социальных контактов (коммуникаций) для каждого социального субъекта и в каждой ситуации. В свою очередь, социальные контакты кристаллизуются в сеть социальных связей, более устойчивых по отношению к социальным контактам структур. Социальные связи – это взаимодействия между субъектами, находящимися в городском пространстве, они являются условием и лежат в основании формирования социальных сообществ в городе (территориальных и не территориальных). Укрепление социальных связей в рамках конкретных ситуаций приводит к формированию социальных отношений, другими словами, устойчивых, осмысленных и эмоционально окрашенных связей. Социальная сложность социальных связей и отношений в городе, вырастающая из сложности его пространства, подразумевает сложность городских конфликтов, если они касаются интересов сообществ и интересов самого города. Если городской конфликт, как вид социального конфликта, определяемый спецификой городского пространства, является одной из форм социальных взаимодействий и отношений, то очевидно, городское пространство наполнено конфликтами, разными по уровню сложности.

Итак, сложность городского конфликта определяется: 1) количеством субъектов, вовлеченных в конфликт, и уровнем их сплоченности и организованности; 2) сложностью предмета городского конфликта; 3) территорией города, на которую распространяется конфликт; 4) сложностью социальных механизмов, привлекаемых для разрешения конфликта; 5) сложностью конфликтной ситуации; 6) сложностью проблем, возникающих вокруг конфликтной ситуации, и остротой последствий; 7) продолжительностью конфликта. Выделение четких критериев сложности позволяет выделить сложные городские конфликты в отдельную категорию, заслуживающую научного внимания. Но сложный социальный конфликт, определяемый вышеперечисленными критериями, создает целые социальные практики по защите права на город. В этих практиках рождаются организованные действия, распределяются роли, более того, создаются и укрепляются ценности. Таким образом, сложный городской конфликт имеет собственную природу, которая и ощущается участниками как «сложная».

Здесь можно говорить о нескольких социальных закономерностях, связанных с возникновением сложных социальных конфликтов: 1) чем крупнее город, тем больше в нем сложных конфликтов; 2) чем более организовано городское пространство: архитектурное/территориальное, социальное, культурное, – тем больше в нем сложных конфликтов; 3) чем сложнее и дифференцирование социальная структура города, тем больше в нем сложных конфликтов; 4) чем сложнее и дифференцированнее культурное пространство, чем больше в нем представителей различных национальных культур, тем больше в нем сложных конфликтов; 5) чем менее прозрачна система муниципального управления и чем меньше в ней механизмов и площадок конфликторазрешения, тем больше в городе сложных конфликтов.

Выводы

Подведем некоторые итоги. Сложный городской конфликт – явление, которое не просто реально существует, но которое становится привычной практикой для города, и, прежде всего, крупного города. Развитие городов, увеличение населения, изменение архитектурного и культурного облика, появление агломераций делают сложный городской конфликт проблемой, которую игнорировать нельзя. Состояние города и практика сложных социальных конфликтов взаимосвязаны:

1. Крупный город располагает множеством ресурсов: сама территория (земельные участки), здания, зеленые зоны, сервисы, структуры власти, арт объекты, культурные площадки и др. Эти ресурсы каким-то образом располагаются на территории города и кем-то присвоены. Если ресурсы

попадают в поле интересов нескольких субъектов, конфликты вокруг данных ресурсов скорее всего будут иметь сложный характер. Крупный город – это и большое количество населения (горожан), имеющих разные потребности и интересы, очевидным является и объединение горожан в сообщества для более эффективного удовлетворения потребностей и защиты совпадающих интересов.

2. Сложноорганизованная социальная жизнь крупного города должна способствовать разрешению сложных городских конфликтов, что связано с хабитуализацией необходимых социальных практик, разрешающих и/или профилирующих сложные конфликты. Как следствие, формируются социальные механизмы и социальные институты, а сложный городской конфликт становится управляемым. Значительную роль в организации социальной жизни и готовности горожан к сложным социальным конфликтам играет уровень развития городских сообществ и степень демократичности муниципальной власти.

3. Сложная социальная структура города предполагает большое количество сообществ, организованных по разным признакам (территориальному, социально-демографическому, статусному, организационному), которые имеют тенденцию в большей или меньшей степени привыкли мобилизоваться для защиты своих интересов, из них чаще всего рекрутируются субъекты в защитные сообщества в случае конкретного конфликта.

4. Сложное культурное пространство многонационального современного города наполнено разными традициями и ценностями. Представители этнических сообществ имеют паттерны поведения, которые могут не приниматься другими. Этот фактор усиливает сложность городских конфликтов, может развернуть этот конфликт в другую сторону.

5. Муниципальная власть современного крупного города оказалась неготовой к сложным городским конфликтам, которые множатся с ростом города. Поэтому практики управления и разрешения таких конфликтов едва развиты, что нарушает стабильность города.

Сложный городской конфликт – конфликт, характеризующийся множественностью элементов, связанностью с другими конфликтами, устойчивостью протекания и структурной подвижностью [6]. Так, И.А. Скалабан и Ю. Лобанов дают определение «сложный городской конфликт» через характеристики этого конфликта. Город усложняется сам и «представляет собой сплав зачастую рассогласованных процессов и социальной гетерогенности, местом взаимосвязи близкого и далекого, последовательностью ритмов; он всегда растекается в новых направлениях» [1, с. 2], соответственно, усложняются все элементы и все взаимодействия.

Литература

1. Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии Градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 126–129.
3. Ланге-Соболева Т.А. Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике // Наука и образование сегодня. – 2021. – № 6 (65). – С. 27–32.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд-во дом ВШЭ, 2014. URL: <https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур%20текст%20сайт.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).
5. Морен Э. О сложности / Институт общегуманитарных исследований. 2019. М., 2019. – 284 с.
6. Скалабан И.А., Лобанов Ю. Сложный городской конфликт: концептуальные основания анализа и эмпирическое описание // Социологическое обозрение. – 2025. – № 1. – С. 242–264.
7. Таболин В.В. Городской конфликт: понятийные версии. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/09/28/2028216207/Городской%20конфликт%20понятийные%20версии%20.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).
8. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: Изд-во лом ВШЭ, 2022.

CONCEPTUALIZING COMPLEX URBAN CONFLICT

Osmuk L.A., Otto Z.N.

Novosibirsk State Technical University

The article proves the need to conceptualize the concept of “complex urban conflict,” explains that the process of complicating conflicts in modern society is due to the complexity of society itself and the complication of the urban environment. A definition of a complex urban conflict is given, explaining how it differs from an elementary urban conflict. Describes the conditions for the emergence of complex urban conflicts in a modern city. It is assumed that the content of a complex urban conflict is determined by: the number of actors involved in the conflict and the level of their cohesion and organization; the complexity of the subject of urban conflict; the territory of the city to which the conflict applies; the complexity of the social mechanisms involved in resolving the conflict; complexity of the conflict situation; the complexity of the problems arising around the conflict situation and the severity of the consequences; duration of the conflict.

Keywords: complex urban conflict, complexity, conceptualization, urban communities, urban space.

References

1. Amin E., Trift N. Intelligibility of Everyday City URL: <https://ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf> (Accessed: 19.07.2025).
2. Boltanski L., Thevenot L. Critique and rationale for comparability: Essays on the sociology of Gradov. M.: New Literary Review, 2013. S. 126–129.
3. Lange-Soboleva T.A. The problem of disclosing the term “conceptualization” in modern linguistics/Science and education today. – 2021. – № 6 (65). – С. 27–32.

4. Latour B. Social reassembly: an introduction to actor-network theory. M.: HSE Publishing House, 2014. URL: <https://id.hse.ru/data/2014/02/24/1331207213/Латур%20текст%20сайт.pdf> (access date: 19.07.2025).
5. Morin E. On Complexity/Institute for General Humanitarian Studies. 2019. M., 2019. – 284 s.
6. Scalaban I.A., Lobanov Yu. Complex urban conflict: conceptual foundations of analysis and empirical description//Sociological review. – 2025. – № 1. – S. 242–264.
7. Tabolin V.V. Urban conflict: conceptual versions. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/09/28/2028216207/Городской%20конфликт%20понятийные%20версии%20.pdf> (access date: 19.07.2025).
8. Fligstein N, Macadam D. Field theory. M.: HSE Publishing House, 2022.

Социальная ответственность бизнеса: стратегические задачи развития общественного потенциала фирмы

Ушаков Евгений Владимирович,

к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

В современном мире социальная ответственность бизнеса рассматривается как необходимое условие для успешной деятельности. Одним из фундаментальных следствий социально ответственного поведения компании является повышение репутации, которая расценивается в настоящее время как базисный нематериальный актив компании. Существует множество версий концепции социальной ответственности бизнеса. В статье предлагается понятие общественного потенциала как концепта, отражающего совокупность связей и видов деятельности частной организации, направленных на тесное и эффективное взаимодействие с окружающей социальной средой. Рассматриваются вопросы развития общественного потенциала фирмы как одного из постоянных компонентов ее деятельности. Для систематического продвижения в данном направлении рекомендуется разработка специальной стратегии либо формирование общей концепции, включающей установки, цели, ценности компании в отношении ее взаимодействия с социальным контекстом.

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, устойчивое развитие, бизнес и общество, корпоративное гражданство, бизнес и власть, корпоративная социальная ответственность.

В современных условиях понятие социальной ответственности бизнеса (или корпоративной социальной ответственности) фактически стало одним из базовых регулятивов для деловой активности частных организаций. В академических исследованиях представлена развернутая аргументация в пользу того, что корпоративная социальная ответственность является необходимым условием для успешного введения бизнеса, что интеграция идей социальной ответственности в деятельность компаний положительно влияет на их рыночный успех; и наоборот, неспособность адекватно реализовать концепции социальной ответственности может иметь ряд негативных последствий. В частности, это может привести к снижению репутации, утрате бренда, негативному общественному восприятию компании и др. [1]. Более того, это может нести угрозу долгосрочным целям компании и, таким образом, ее выживанию [2].

В современных исследованиях изучаются также: влияние корпоративной социальной ответственности на эффективность и финансовые показатели деятельности компаний, факторы, опосредующие это влияние и многие другие темы. [3], [4]

Так, в исследованиях было обнаружено, что практика ответственного поведения влечет положительную реакцию заинтересованных сторон и ведет к повышению эффективности экономической деятельности частных организаций. [5]

Таким образом, корпоративная социальная ответственность рассматривается ведущими компаниями не как дополнительный (факультативный) компонент их деловой активности, а как неременная часть основной экономической деятельности, встроенная в том числе в корпоративную стратегию. [6]

Развитие концепции социальной ответственности привело к появлению множества новых идей и концептов, акцентирующих те или иные аспекты в русле общей философии корпоративной ответственности бизнеса. Примерами могут служить концепции корпоративного гражданства, этики бизнеса, устойчивого развития, целенаправленного бизнеса, создания общей ценности, тройного результата, сознательного капитализма и другие.

Эти новые подходы отражают в том числе определённые изменения в способах ведения бизнеса, в технологических и экономических возможностях фирм, в ожиданиях общественности и властей

в отношении деятельности современного развитого частного сектора.

То, что реализация идей социальной ответственности (или родственных идей) рассматривается как часть корпоративной стратегии, подтверждает и тот факт что в ряде компаний учреждениям должностных сотрудников (или менеджеров) по устойчивому развитию, корпоративному гражданству и т.п.

В работе [7] было введено понятие общественного потенциала фирмы в качестве одного из вариантов уточнения и конкретизации общей идеи социальной ответственности. Под общественным потенциалом фирмы понимается динамический комплекс связей и взаимоотношений частной организации с окружающим ее социальным контекстом, а также совокупность программ и мероприятий, направленных на плотное взаимодействие компании с ее непосредственной социальной средой (потребителями, местными сообществами, органами местной власти, структурами гражданского общества и т.п.).

Понятие общественного потенциала фирмы как развитие идеи социальной ответственности предполагает контекстуализированное видение деятельности частной организации в окружающей ее местной среде. Такая деятельность включает:

1) хорошее знание особенностей данной территории (экономических, социальных, культурных, исторических, географических, экологических и др.);

2) вытекающее из этого отчетливое понимание потребностей групп населения, властей, территории в целом;

3) отслеживание возможных тенденций (экономических, технологических, социальных и т.п.), формирующихся в данном регионе, новых возможностей для бизнеса, а также умение предвидеть и заранее адаптироваться к будущим изменениям (в том числе за счет модификации основной деятельности фирмы);

4) понимание ключевых направлений сотрудничества с властями и обществом в широком и взаимовыгодном формате.

Общественный потенциал компании может проявляться в различных видах деятельности на локальном уровне.

Примерами могут служить: работа в муниципально-частных (или государственно-частных) партнерствах, развертывание программ для трудоустройства и обучения работников из местных сообществ, производство таргетированной продукции для различных групп населения, помощь волонтерским движениям, участие в местных проектах по развитию культуры, благоустройству территорий, охране окружающей среды, участие в различных экспертизах (экологических, гуманитарных и т.п.) по поводу тех или иных местных проектов, внедрение в работу фирмы зе-

ленных технологий, проведение различных благотворительных мероприятий и т.п.

Мы полагаем, что развитие и укрепление общественного потенциала фирмы должно быть постоянным устремлением частной организации, а точнее отдельным и постоянным направлением ее деятельности, скоординированным с основной стратегией фирмы или же выделенным в отдельную подстратегию (тесно связанным с направлениями PR и GR в работе компании).

Развитие общественного потенциала фирмы должно начинаться уже с разработки самой миссии компании и общей концепции бизнеса, которая должна быть выстроена в формате «бизнес как сотрудничество». Последнее означает формирование твердой и последовательной установки на ответственное ведение бизнеса, на открытые и доверительные отношения с заинтересованными сторонами, на готовность адаптировать деятельность компании к нуждам и потребностям местных сообществ.

В разрабатываемой стратегии должен быть отражен также следующий принципиальный момент. Развитие общественного потенциала базируется на основной экономической деятельности фирмы, что означает прежде всего:

1) производство высококачественной продукции (включая высокий уровень сопутствующего сервиса);

2) создание продукции действительно необходимой для данной территории; в том числе это означает, что, в зависимости от специфики деятельности компании, она должна быть готова модифицировать свою продукцию специально для нужд данной местности;

3) поддержание устойчивых связей со своими клиентами, потребителями, а также другими участниками в создании ценности сторонами (поставщиками, партнерами и т.п.).

В стратегии развития общественного потенциала должны быть определены основные направления сотрудничества компании с обществом. Например, это могут быть векторы взаимодействия с органами муниципальной власти, потребителями, представителями общин, волонтерскими движениями и т.д.

При накоплении опыта сотрудничества основные области взаимодействия могут изменяться, расширяться, обновляться (в частности, за счет появления новых форм взаимоотношений и совместной деятельности).

Знание реальных потребностей местных сообществ может приобретаться естественным путем посредством накопления опыта за время работы на данной территории. Однако могут применяться и специальные методы: изучение территориальных данных (экономических, демографических и т.п.), проведение встреч с властями, общественностью (консультации, фокус-группы), проведение опросов и т.п.

Отдельно стоит отметить ценность участия в муниципально-частных (или государственно-частных) партнерствах. Прежде всего, это дает полезный опыт взаимодействия с властями, который может быть в дальнейшем развит, расширен, применен для других совместных проектов и т.д. Такая практика улучшает репутацию фирмы в глазах властей и общественности. Например, нередко партнерства подобного рода имеют выраженную социальную ориентацию, направлены на улучшение жизни местных сообществ, и участие в них демонстрирует высокую социальную ответственность компании.

Муниципально-частные проекты могут быть довольно выгодны для компаний, в том числе потому, что они могут создавать устойчивое направление для экономической деятельности фирмы. В ряде случаев такие партнерства оказываются долгосрочными, что способствует достижению более надежного экономического положения фирмы.

Что касается вопроса о необходимости разработки отдельной стратегии развития потенциала, то, по-видимому, этот вопрос должен решаться индивидуально для каждой компании.

Например, это может быть не собственно стратегия в полноценном смысле слова, а просто общая концепция наращивания, развития и укрепления общественного потенциала, которая должна включать общие установки, цели и ценности компании в отношении взаимодействия с социальной средой.

К компонентам такой концепции можно отнести: установку на постоянное изучение потребностей местных сообществ; анализ опыта других организаций, проявляющих высокую степень социальной ответственности; изучение возможностей для сотрудничества с властями и сообществами; регулярное прогнозирование в отношении складывающихся тенденций на данной территории (социальных, экономических, демографических, экологических и т.п.).

Концепция должна утверждать готовность компании к формированию собственных инициатив, программ, проектов – например, для муниципально-частных партнерств. Концепция должна также предполагать постоянную активность по взаимодействию с социальным окружением: например, встречи с представителями общественности, потребителями, отдельными группами населения, волонтерскими движениями, активистами в сфере охраны и оздоровления окружающей среды и т.п.

Концепция должна формировать общую настроенность частной организации на взаимодействие и сотрудничество с социальной средой, оставляя компании свободное пространство для различных идей, решений и т.д. Это может способствовать при открывающихся возможностях по-

явлению спонтанных (или эмерджентных) стратегий в смысле Г. Минцберга и Дж. Уотерса. [8]

Разумеется, для развития общественного потенциала фирмы требуется ряд благоприятных условий. Прежде всего, необходимо устойчивое рыночное положение частной организации. Сложная или нестабильная экономическая позиция фирмы может заставить ее в большей степени заниматься проблемами выживания на рынке или же только вопросами краткосрочной прибыли, что помешает устанавливать долгосрочные стратегические цели.

Необходима также стабильная внешняя социально-политическая среда деятельности компании. Очевидно, что частая смена муниципального руководства на территории, где действует фирма, не способствует установлению эффективных взаимоотношений бизнеса и власти. Препятствовать развитию и укреплению общественного потенциала могут также изначальное недоверие властей и общественности к бизнесу, отсутствие опыта взаимовыгодного взаимодействия с бизнесом на данной территории и др.

Важнейшим позитивным следствием развития общественного потенциала для компании является повышение ее репутации.

Деловая репутация рассматривается сегодня как важнейший нематериальный актив частной организации. [9], [10] Хорошая деловая репутация содействует привлечению клиентов и потребителей, формирует доверие поставщиков и партнеров, обеспечивает приток квалифицированных работников, доступ к инвестициям, государственным заказам и т.п., то есть в итоге является важнейшим конкурентным преимуществом и способствует устойчивому положению фирмы на рынке и в обществе, а также дальнейшему успешному развитию компании.

Для лучшей (в том числе опережающей) адаптации к окружающему контексту компании могут понадобиться особые внутренние ресурсы, или так называемые динамические способности. Концепция динамических способностей сегодня широко обсуждается в области стратегического планирования и управления. [11], [12]

Данная концепция сформировалась в русле ресурсного подхода к стратегическому управлению, который акцентирует необходимость выявления и развития собственных стратегических ресурсов, которые фирма может использовать для достижения устойчивых конкурентных преимуществ. [13] Вкратце, под динамическими способностями фирмы понимаются возможности фирмы по интеграции, созданию и реконфигурации внутренних и внешних компетенций в ответ на быстрые изменения окружающей среды (Д. Тис и соавт.). [14]

В основе динамических способностей лежат знания и компетенции фирмы, а также возможности их развития и рекомбинации, которые позво-

ляют компаниям настраивать и перенастраивать свой ресурсный потенциал для разработки стратегий и принятия решений в изменчивых условиях окружающей среды.

Динамические способности в отношении развития общественного потенциала необходимы компании в том числе, чтобы адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, поскольку местный контекст может находиться в процессе крупных трансформаций – например, если компания работает в бурно развивающемся регионе, где возникают новые возможности (а также, вероятно, новые проблемы, которые часто сопровождают быстрое развитие). Одним из примеров вызовов для современных фирм является обострение конкуренции (в том числе за доступ к государственным заказам, государственно-частным партнерствам и т.п.)

Итак, концепция общественного потенциала фирмы представляет собой дальнейшее развитие общей идеи социальной ответственности бизнеса. Она отражает специфику деятельности частной организации, направленной на укрепление взаимодействия с местной окружающей средой и выражающейся в различных формах социально ответственного поведения компании. Развитие общественного потенциала фирмы должно быть предметом ее постоянного устремления, что означает непрерывное и последовательное продвижение компании к укреплению сотрудничества с властью и обществом. Базисным ориентиром для осуществления этого устремления может быть специальная стратегия или же общая концепция развития общественного потенциала фирмы.

Литература

1. Pelozo J., Shang J. How can corporate social responsibility activities create value for stakeholders? A systematic review. *Academy of Marketing Science Journal*, 2011, 39 (1): 117–135.
2. Saeidi S. P., Sofian S., Saeidi P., Saeidi S.A. (2015). How does corporate social responsibility contribute to firm financial performance? The mediating role of competitive advantage, reputation, and customer satisfaction. *Journal of Business Research*, 2015, 68(2), 341–350.
3. Chen R.C.Y., Tang H., Hung S. Corporate social responsibility and firm performance. *Journal of American Business Review*, 2013, Cambridge 2 (1): 181–188.
4. Heltzer W. The asymmetric relationship between corporate environmental responsibility and earnings management. *Managerial Auditing Journal*, 2011, 26 (1): 65–88.
5. Porter M.E., Kramer M.R. Creating shared value. *Harvard Business Review*, 2011, 89 (1): 2–17.
6. Hammann E. M., Habisch A., Pechlaner H. Values that create value: Socially responsible business

practices in SMEs – Empirical evidence from German companies. *Business Ethics: A European Review*, 2009, 18(1), 37–51.

7. Ушаков Е.В. Понятие общественного потенциала фирмы как качества деятельности в современных условиях социальной ответственности бизнеса. *Социально-гуманитарные знания*. 2025. № 5. С 197–199.
8. Mintzberg H., Waters J.A. Of Strategies, Deliberate and Emergent Strategic Management Journal, 1985, Vol. 6, N. 3, pp. 257–272
9. Vito D. Corporate Reputation as Strategic Intangible Asset. An analysis of management processes, measurement methods and impact on bank and auditors' decisions. Springer Nature, 2025
10. Chun R. Corporate reputation: Meaning and measurement. *International Journal of Management Reviews*, 2005, 7 (2): 91–109.
11. Pisano G.P. Toward a prescriptive theory of dynamic capabilities: Connecting strategic choice, learning, and competition. *Industrial and Corporate Change*, 2017, 26(5), 747–762.
12. Teece D.J. Explicating dynamic capabilities: The nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance. *Strategic Management Journal*, 2007, 28(13), 1319–1350.
13. Barney J.B. Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management*, 1991, 17(1), 99–120.
14. Teece D.J., Pisano G.P., Shuen A. Dynamic capabilities and strategic management. *Strategic Management Journal*, 1997, 18, 509–533.

SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: STRATEGIC OBJECTIVES FOR DEVELOPING THE COMPANY'S SOCIAL POTENTIAL

Ushakov E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the modern world, business social responsibility is considered as a necessary condition for successful corporate activity. One of the fundamental consequences of socially responsible company behavior is the increase of reputation, which is currently regarded as a basic intangible asset of the company. There are many versions of the concept of business social responsibility. The article proposes the concept of public potential as a concept that reflects the set of connections and activities of a private organization aimed at close and effective interactions with the surrounding social environment. The article discusses the development of a company's public potential as one of the permanent components of its activities. To systematically promote this direction, it is recommended to develop a special strategy or create a general concept that includes the company's attitudes, goals, and values regarding its interaction with the social context.

Keywords: Social responsibility of business, sustainable development, business and society, corporate citizenship, business and government, corporate social responsibility.

References

1. Pelozo J., Shang J. How can corporate social responsibility activities create value for stakeholders? A systematic review. *Academy of Marketing Science Journal*, 2011, 39 (1): 117–135.
2. Saeidi S. P., Sofian S., Saeidi P., Saeidi S.A. How does corporate social responsibility contribute to firm financial perfor-

- mance? The mediating role of competitive advantage, reputation, and customer satisfaction. *Journal of Business Research*, 2015, 68(2), 341–350.
3. Chen R.C.Y., Tang H., Hung S. Corporate social responsibility and firm performance. *Journal of American Business Review*, 2013, Cambridge 2 (1): 181–188.
  4. Heltzer W. The asymmetric relationship between corporate environmental responsibility and earnings management. *Managerial Auditing Journal*, 2011, 26 (1): 65–88.
  5. Porter M.E., Kramer M.R. Creating shared value. *Harvard Business Review*, 2011, 89 (1): 2–17.
  6. Hammann E. M., Habisch A., Pechlaner H. Values that create value: Socially responsible business practices in SMEs – Empirical evidence from German companies. *Business Ethics: A European Review*, 2009, 18(1), 37–51.
  7. Ushakov E.V. The concept of a company's public potential as a quality of activity in modern conditions of social responsibility of business. *Social and humanitarian knowledge*. 2025. № 5. P. 197–199
  8. Mintzberg H., Waters J.A. Of Strategies, Deliberate and Emergent *Strategic Management Journal*, 1985, Vol. 6, N. 3, pp. 257–272
  9. Vito D. Corporate Reputation as Strategic Intangible Asset. An analysis of management processes, measurement methods and impact on bank and auditors' decisions. *Springer Nature*, 2025
  10. Chun R. Corporate reputation: Meaning and measurement. *International Journal of Management Reviews*, 2005, 7 (2): 91–109.
  11. Pisano G.P. Toward a prescriptive theory of dynamic capabilities: Connecting strategic choice, learning, and competition. *Industrial and Corporate Change*, 2017, 26(5), 747–762.
  12. Teece D.J. Explicating dynamic capabilities: The nature and microfoundations of (sustainable) enterprise performance. *Strategic Management Journal*, 2007, 28(13), 1319–1350.
  13. Barney J.B. Firm resources and sustained competitive advantage. *Journal of Management*, 1991, 17(1), 99–120.
  14. Teece D.J., Pisano G.P., Shuen A. Dynamic capabilities and strategic management. *Strategic Management Journal*, 1997, 18, 509–533.

Реципрокность и гуаньси как ключевые концепты социальной идентичности китайских мигрантов в принимающем российском обществе, их проявления в социальных практиках

Цыбульник Екатерина Александровна,

аспирант, ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет
E-mail: katia-ts84@mail.ru

В статье представлена теоретическая трактовка (с позиции теории обмена, теории социального капитала, сетевой концепции) феноменов взаимности, реципрокности и гуаньси (обуславливающих стратегию поведения мигрантов из КНР в принимающем российском социальном пространстве, сохранение и развитие в инокультурной среде стандартов социальной коммуникации, традиционно свойственных для китайского социума), а также характеристика основных подходов отечественной и зарубежной социологии в классификации данных понятий. С целью выявления основных факторов, объединяющих и отличающих содержание концептов реципрокности и гуаньси, являющихся ключевыми компонентами системы межличностных взаимодействий и определяющими формирование социальной идентичности мигрантов из Поднебесной, автором проведен анализ примеров реализации социальных практик выходцев из Китайской Народной Республики, проживающих на постоянной основе в дальневосточном регионе Российской Федерации от 6-ти месяцев до 15-ти лет (с целью обучения в местных ВУЗах, прохождения долгосрочных стажировок, реализации различных форм трудовой деятельности), во взаимодействии с соотечественниками и представителями принимающего сообщества.

Ключевые слова: реципрокность, «гуаньси», «лицо» («мяньцзы», «лянь»), взаимность, взаимные обязательства, социальная идентичность

Введение

В контексте непрерывно трансформирующегося современного общества с постоянно нарастающими миграционными потоками социологической наукой существенное место отводится осмыслению и трактовке концептов реципрокности и гуаньси как факторов, определяющих социальные отношения и социальные практики индивидов, в том числе мигрантов в принимающем общественном пространстве, и, как следствие, формирование новой культуры социальных взаимодействий. Особую значимость приобретает данный вопрос в плоскости исследования социальной идентичности китайских мигрантов в российском социальном пространстве в условиях геополитического, культурного и социального сближения России и Китая и увеличения числа мигрантов из КНР в постковидный период.

В рамках данного исследования мы опираемся на гипотезу существования базовых конструкторов, определяющих этническую идентичность выходцев из Китайской Народной Республики и находящих своё проявление в социальных практиках не только в исходной, но и принимающей инокультурной социальной среде. Это облегчает процесс адаптации мигрантов в новом социуме, а также позволяет сохранять и поддерживать ранее сформированную идентичность.

В современной отечественной и иностранной социологической литературе проблематика исследования феноменов реципрокности как принципа конструирования социальных отношений и практик взаимопомощи в местных сообществах (Барсукова С.Ю., Блау П., Никулин А.М., Реутов Е.В., Штейнберг И.Е. и др.) и гуаньси как фактора, влияющего на деловую этику, а также на взаимодействие выходцев из КНР в пределах мигрантских сообществ (Абрамсон С.З., Камерон Л., Леонтьев С.В., Луцкая Е.Е., Лю И.И., Лю В. и др.), в отдельности уже в значительной мере разработана. Однако в своей работе мы осуществляем попытку осмысления и сравнительного анализа концептов реципрокности и гуаньси как базовых структур, определяющих социальные практики китайских мигрантов, обусловленные особенностями их социальной идентичности, в принимающей инокультурной среде.

Материалы и методы

Эмпирической базой нашего исследования послужили данные включённого наблюдения (со встроенными беседами) в ходе работы в российском филиале китайской компании (в течение десяти лет) и сотрудничества с китайскими коллегами из предприятий, осуществляющих коммерческую деятельность на территории РФ (результаты наблюдений были систематизированы в серию дневниковых нарративов, включающих беседы, описание бытовых ситуаций и содержания повседневных коммуникаций с китайскими коллегами и клиентами компании); данные 25 глубинных неформализованных интервью с китайскими мигрантами (в возрасте от 19 до 56 лет, проживающими на постоянной основе более 3-х лет в городах дальневосточного региона России), собранные в период с 2014 по 2025 г. По причине закрытости указанной мигрантской группы и отсутствия данных о генеральной совокупности для отбора респондентов применялась методология снежного кома.

При анализе и интерпретации полученных данных использовалось сочетание стратегий восходящего и нисходящего нарративного анализа [10, с. 39–49]. Триангуляция выявленных результатов осуществлялась с использованием материалов авторов, проводивших исследование по сходной тематике: Абрамсон С.З., Гуриева С.Д., Джими-ев П.Р., Камерон Л., Леонтьев С.В., Лю И.И. и др.

Литературный обзор

Под реципрокностью в современной социологии принято понимать «принцип межличностных и социальных отношений, предполагающих наличие явных и латентных взаимных обязательств», образующих фундамент человеческого поведения [12, с. 202; 18]. Реципрокность (англ. Reciprocity) – «взаимность, сотрудничество между отдельными родственниками или индивидами, не связанными родственными отношениями, способствующее выживанию общности этих людей» [5, с. 239], представляющее собой определённый тип социального взаимодействия, отличающийся от товарного обмена.

Проблемное поле исследования феномена реципрокности как принципа создания социальных отношений в социологии в настоящее время в значительной мере сформировано благодаря таким социологическим теориям, как теория обмена, теория социального капитала, сетевая концепция. Согласно теории социального обмена, социальное поведение индивидов основывается на взаимодействии, базирующемся на принципе реципрокности и предполагающем непрерывный обмен материальными и нематериальными ресурсами [12; 19]. Обмен – это не только акт и обязательства, обусловленные предоставлением и получением, его сила проявляется в установлении отношений

и закреплении социальных связей, приобретении статуса и социального положения, а также ресурсов, которые необходимы для воспроизводства людей и обществ [8; 13].

С точки зрения П. Блау, социальные отношения могут рассматриваться как процессы обмена, только в случае их нацеленности на достижение определённых целей, реализация которых возможна только в ходе взаимодействия с другими людьми и для достижения которых необходимы средства, доступные и другим людям. Таким образом, реципрокность выступает как особый механизм формирования и воспроизводства относительно прочных и устойчивых сетей взаимопомощи [11; 16].

В отечественной и зарубежной социологии (в исследованиях С.Ю. Барсуковой, Г.В. Градосельской, И.Е. Штейнберга и др.) разрабатываются различные аспекты теории социальных сетей, в рамках которой реципрокность определяется как один из факторов устойчивости и интенсивности социальных коммуникаций, предполагающий обмен ресурсами на нерыночной основе. К основным функциям такого обмена принято относить экономическую взаимопомощь, кооперацию усилий и средств, создание неформального кредитования, установление стабильных контактов (равноправных или доминантных), моральную поддержку в рамках сети, трансляцию ценностей, религиозных и этнических традиций [1, 3]. При всей «неэквивалентности» обменов, И.Е. Штейнберг подчеркивает, что неэквивалентность может существовать лишь в специфической системе взаимодействий, предполагающих «иную рациональность», т.е. стремление к поддержанию доверительных отношений [14].

Неопределённость эквивалентности социальных обменов позволяет классифицировать реципрокность по трём категориям: обобщённую (характеризует близкие отношения, при которых акт оказания услуги не подразумевает обязательных ответных действий), сбалансированную (обмен ресурсами идентичной ценности) и негативную (имеет место в отношениях, нацеленных исключительно на получение каких-либо благ без намерения ответных действий) [22]. К основным формам реципрокности принято относить: прямую или чистую реципрокность (предполагающую эквивалентный обмен), обобщённую (оказание услуги без надежды на компенсацию), статусно-ролевую (предоставление услуги в зависимости от выполняемой социальной роли), реципрокность социальных экспектаций (участники социальных отношений заранее предполагают, чего им ожидать друг от друга в зависимости от их статусов) [12; 24].

Следовательно, реципрокные отношения (вне зависимости от формы проявления) неразрывно связаны с понятием «дара». По мнению А.М. Ни-

кулина «идеальный дар в неформальных экономиках должен быть как можно более щедрым по ценности, как можно более неопределённым по времени. Он подразумевает такой же щедрый, неожиданный и неопределённый ответ. ...Этот обмен дарами порой перерастает в настоящую «гонку вооружений», в которой обе стороны несут крест взаимного жертвоприношения ради сохранения и развития своих человеческих взаимоотношений» [9, с. 221].

Так, дары, в отличие от товаров, формируют паутину реципрокности, т.е. некую систему взаимного обмена дарами между членами социальной сети, объединяющей представителей одного или разных социокультурных полей. Социальная ценность такого обмена состоит в его способности создавать новые и сохранять ранее установленные социальные связи.

Акт дарения иногда считается более важным, чем сам подарок как совокупность потребительских свойств. Дар не обязательно имеет вещественную форму, он также может представлять собой ситуацию, вплетённую в социальные отношения, элементом которой будет являться предоставление некой услуги. К основным функциям дара принято относить следующие:

1. оказание знака внимания;
2. передачу скрытого текста как некоего закодированного послания;
3. конструирование репутации;
4. материальную инвестицию, т.е. размещение плодов своего труда с отсроченной и неоговоренной заранее формой их возврата;
5. поддержание социальных контактов и формирования на их основе сетей;
6. подтверждение социальных ролей [8].

Следует отметить, что противопоставление реципрокности рыночному обмену исторически прочно укоренилось в социологической традиции. Так, А. Шик под реципрокным обменом понимает «такие трансакции, в ходе которых экономические субъекты обмениваются трудом на основе «нерыночного принципа» [23, с. 180]. Однако наряду с «нерыночным» восприятием реципрокных взаимодействий не отрицается и определённая степень расчетов сетевых трансфертов (отданного и полученного), следовательно, реципрокность не переходит в разряд альтруизма. Обмен услугами или продуктами, не приобретающими форму товара, поддерживает сообщество, придавая ему устойчивость и жизнеспособность.

Следует отметить, что взаимность – это концепция, глубоко укоренившаяся в структуре человеческих отношений во всём мире, выходящая за рамки границ и культур, принимающая уникальные формы и выражения в разных обществах и социальных пространствах. Проявление взаимности, непосредственно связанное с понятием реципрокности, можно найти и в китайской культуре

ной традиции, известное как концепт «гуаньси», оказывающий значительное влияние на формирование социального поведения представителей Поднебесной не только в китайском обществе, но и в рамках принимающего инокультурного социума.

Так, термин гуаньси, вольно переводимый с китайского языка как «отношения» или «связь» представляет собой многогранное понятие, проявление которого выходит далеко за рамки простого общения. Он охватывает сложную сеть социальных связей, доверия и взаимных обязательств, которые индивиды развивают и поддерживают на протяжении всей своей жизни. В контексте гуаньси взаимность играет сложную и тонкую роль, которая формирует личные и деловые взаимодействия выходцев из КНР как в исходной социальной среде, так и в принимающем инокультурном социуме.

Гуаньси – реципрокные, а не патрон-клиентские отношения: как и другим реципрокным отношениям, гуаньси свойственна значительная степень неопределённости вида или формы дара, а также сроков ответных актов, в сети взаимодействия гуаньси отсутствует иерархия, свойственная организациям, гуаньси меньше зависят от изменений формального порядка, роли дающего и принимающего в них чередуются, а не являются жестко закреплёнными [2].

Сложная структура гуаньси базируется на доверии и взаимных обязательствах, формировании связей с другими членами социального пространства, основанных на общем социальном опыте посредством семейных отношений, взаимодействий с коллегами, друзьями, знакомыми членами иных социальных групп по интересам. Доверие, в свою очередь, устанавливается посредством выполнения обязательств, т.е. оказание услуги, влекущее за собой невысказанное ожидание взаимности (возвращение услуги, оказание поддержки в трудную минуту, содействие полезным знакомствам). Этот обмен услугами не является транзакционным, но глубоко укоренён в идее построения и поддержания отношений. Зачастую индивиды могут вкладываться в отношения, понимая, что обмен услугами может не принести немедленной выгоды. Подобного рода вклад на перспективу необходим для создания прочных, устойчивых связей. Краткосрочная взаимность, с другой стороны, ориентирована на немедленную выгоду и может не быть столь важной для подхода гуаньси [17].

При всей, на первый взгляд, схожести понятий реципрокности и «гуаньси» их различия можно проследить через факторы, лежащие в основе классификаций их разновидностей. В отличие от категорий и видов реципрокности, классифицируемых в зависимости от эквивалентности даров и обязательности ответных действий, категоризация форм отношений-гуаньси опирается на фак-

тор степени социальной, родственной и эмоциональной близости участников, в зависимости от которой они подразделяются на: «цзяжэнь» – самые близкие отношения между родственниками или с людьми, заслужившими доверия; «шужэнь» – отношения, возникающие между земляками или членами каких-либо социальных групп и сообществ; «шэнжэнь» – отношения с незнакомцами, людьми, с которыми контакт происходит впервые, без участия рекомендовавших их знакомых-посредников, т.е. база для формирования доверия отсутствует [4; 6].

В построении отношений – сетей гуаньси, в том числе в принимающем инокультурном социуме, решающее значение имеет древняя традиция «сохранения лица», прочно укоренившаяся в социальных практиках носителей китайской культуры (проявляющаяся через концепты «мяньцзы», «лянь» – «лицо»), затрагивающая социальное положение, репутацию и достоинство человека. Взаимность играет важную роль в поддержании и сохранении лица, неспособность ответить взаимностью может нанести ущерб репутации, положению в социальной сети или её полному обрыву.

Результаты и обсуждение

Относительно вопроса распространения гуаньси как особой формы реципрокных отношений вне исходной китайской социальной среды в современных социологических исследованиях за авторством китайских учёных нам удалось выявить два полярных суждения. Во-первых, в рамках исследований культуры гуаньси на примере китайских мигрантов, проживающих в Южной Африке (Йоханнесбург) и Таиланде (Пхукет) авторы (Жунжуан Д., Лю И.И.) трактуют данный феномен скорее как форму социальной практики, реализуемой вновь прибывшими китайскими мигрантами с земляками, длительное время пребывающими в иностранном социальном пространстве, в период своей адаптации. При этом в кейсе, рассматривающем китайских мигрантов на острове Пхукет, отмечается, что зависимость от культуры «гуаньси» среди новых мигрантов со временем имеет тенденцию на снижение [20; 21]. В свою очередь, приверженцы второй позиции утверждают, что, несмотря на глубокие корни гуаньси в традиционной китайской культуре, принципы доверия, обязательств и взаимности, свойственные для данной формы отношений, вышли далеко за рамки географических границ. Абрамсон С.Ч. и Камерон Л. подчеркивают не только высокую степень адаптивности данной формы отношений к различным социальным пространствам, но и общую универсальность и привлекательность построения взаимодействий на основе гуаньси в современном глобализованном мире вне зависимости от культурного и этнического происхождения индивидов [15; 17].

Построение более крепких связей в отношениях – сложный процесс, часто основанный на фундаментальном принципе взаимности. Эта базовая концепция имеет большое значение в установлении и развитии отношений, будь то в личной, профессиональной или социальной сферах. Взаимность воплощает динамику, которую можно сформулировать как: «брать, отдавая», когда люди отвечают на действия тем же, способствуя взаимному обмену поддержкой, доверием и доброй волей. Построение гуаньси посредством взаимности охватывает эмоциональные и психологические аспекты человеческого взаимодействия, создавая чувство взаимозависимости и сотрудничества.

Китайские социологи (вне зависимости от приверженности к ранее описанным точкам зрения на распространение гуаньси в инокультурной социальной среде) подчеркивают, что взаимность имеет существенное значение, крайне важно избегать превращения отношений в чисто транзакционные. Отношения, построенные исключительно на ожидании получения взамен, могут стать напряжёнными или неискренними. Настоящая взаимность подразумевает искреннюю заботу и внимание, а не подсчёт очков или ожидание немедленной отдачи. Чтобы развивать более глубокие и значимые связи, важно принять дух дарения без ожидания немедленного вознаграждения [15; 17; 20].

По мнению Луцкой Е.Е., в «цзяжэнь» или семейном – исторически первом виде гуаньси, который содействовал укреплению связей внутри рода и повышал его шансы на выживание в тяжелых социальных условиях, реципрокность желательна, но не обязательна, следовательно, возможна определённая доля альтруизма (в отличие от более поздней формы гуаньси – отношений гуаньси-помощника и бизнес-гуаньси, отличающихся строгой взаимной реципрокностью и внутренней оценкой эквивалентности обмена) [7].

В рамках нашего исследования концептов гуаньси и реципрокности через социальные практики китайских мигрантов в контексте формирования социальной идентичности в принимающем российском социальном пространстве нам представляются объективными менее категоричные выводы. Так, к максимально реципрокным формам гуаньси, по нашему мнению, можно причислить взаимоотношения китайских мигрантов с родственниками и соотечественниками, также проживающими в России. Данные отношения отличаются высокой степенью доверия, основанной на общности культурного и этического бэкграунда, нацелены на обеспечение устойчивости, жизнеспособности общности, установление прочных сетей взаимопомощи членам данной группы. Сами респонденты в рамках неформализованных интервью отмечают: «Мы, китайцы, должны помогать друг другу, находясь вдали от Родины». При-

мерами такого взаимодействия, в рассмотренных нами кейсах являются:

- помощь в уходе за детьми (*безвозмездно присмотреть за маленькими детьми родственников или знакомых, пока родители на работе; встретить ребенка из школы, если дети учатся вместе или место работы респондента ближе, чем у родителей ребенка*);
- безвозмездные услуги репетитора китайского языка (*знание китайского языка ребёнком имеет высокую ценность в среде китайских мигрантов, проживающих в России: дети, обучаясь в русских детских садах и школах, свободно владеют русским языком, однако быстро теряют навык общения на китайском, зачастую не владеют иероглифическим письмом ввиду высокой занятости родителей и невозможности дополнительно заниматься со своим ребенком. Так, незнание или недостаточное владение китайским языком может стать причиной «утраты лица» родителями и семьей в целом, т.к. старшее поколение в глазах соотечественников не в достаточной мере выполнило свой долг – не смогло вырастить «настоящего китайца»*);
- беспроцентный заем крупных сумм денежных средств на длительный срок (без письменного оформления долговых обязательств) для оплаты обучения детей или совершения иных остро необходимых покупок;
- помощь при взаимодействии с официальными органами, содействие в решении иных бытовых вопросов.

Кроме того, реципрокность подобного рода взаимодействия подтверждается обязательной взаимностью в оказании услуги или любезности. Хотя акт «возврата» услуги в данном случае зачастую не отличается эквивалентностью и пропорциональностью (может выражаться в приглашении разделить совместную трапезу или в преподнесении солидного «красного конверта» – традиционного в китайской культуре подарка по случаю праздника, или дорогостоящего презента, в том числе в виде продуктов питания), но непременно обязателен для поддержания взаимного доверия, гармоничности и прочности гуаньси, а также «сохранения лица».

Во-вторых, по нашему мнению, к 100% реципрокным можно также причислить отношения гуаньси помощников-коллег в рамках российского социального пространства, где один из участников взаимодействия – китайский мигрант, владеющий русским языком, а второй – россиянин, обладающий глубокими знаниями китайского языка и китайской культуры. Наиболее ярким примером могут являться взаимоотношения российского и китайского переводчиков, осуществляющих трудовую деятельность в двух разных компаниях-партнёрах и часто совместно работающих на общих бизнес-переговорах или на полях более крупных междуна-

родных бизнес-форумов. Так, оказывая друг другу профессиональную помощь, они нацелены на общий результат, заинтересованы в поддержании не только профессиональных, но и дружеских отношений. Оба участника взаимодействия «шужэнь» (в том числе, что немаловажно, и носитель российской культуры) в полной мере осознают, что сувенир к празднику или без повода, угощение обедом или чаем, акт какой-либо помощи – это не просто ни к чему не обязывающая любезность, а неотъемлемый элемент отношений-гуанси, который работает на их поддержание и развитие и повлечёт за собой, пусть и отдалённое во времени, обязательство ответных действий.

Основываясь на результатах включённого наблюдения и неформализованных интервью, проведённых в рамках нашего исследования, мы можем предполагать, что остальные случаи установления гуаньси китайскими мигрантами с представителями принимающего российского социума, являются реципрокными лишь отчасти: безусловно, респонденты нацелены на установление доверительных, долгосрочных отношений, основанных на взаимности, но фактор обеспечения устойчивости и жизнеспособности общности через оказание взаимопомощи её членам и распределение общего ресурса отсутствует. В данном случае представляется возможным судить о сознательно рациональном подходе со стороны мигрантов к созданию эмоциональной связи в сети гуаньси с представителями принимающего сообщества. Такие отношения не являются предзаданными, а скорее, целенаправленно сконструированными для обеспечения доступа к необходимому дефицитному ресурсу.

Данный факт также связан со стереотипным отношением к иностранцу как к чужому, переносимым из исходной социальной среды в принимающее российское социальное пространство. Это основано не только на историческом восприятии иностранца как аутсайдера «шэньжэнь», с которым нет и не может быть ничего общего, но и ощущении определённой степени своего превосходства, связанного с ростом экономического и политического влияния Китая на мировой арене, а как следствие, ростом благосостояния большинства выходцев из КНР. В кейсах, связанных с включённым наблюдением в китайской компании (в которой работают как российские, так и китайские сотрудники) и международном отделе ВУЗа, данный феномен нашёл отражение в модели поведения мигрантов при взаимодействии с российскими сотрудниками данных учреждений. Так, обращаясь за услугой в подразделение компании или университета и не обнаружив соотечественников среди специалистов офиса, зачастую от мигрантов можно услышать фразу: «是不是没有人?» («Неужели никого нет?»), которая сопровождается отсутствием желания установить контакт с кем-либо из при-

сутствующих или попытками пригласить китайских сотрудников, несмотря на способность российских специалистов свободно изъясняться на китайском языке. Таким образом, переход гуанси с большинством носителей русской культуры в принимающем социуме в форму близких «шужень», когда чужой-иностранец будет восприниматься как член сообщества (за исключением кейсов официальных смешанных браков), мало вероятен.

Кроме того, гуаньси, ввиду отсутствия понимания данного феномена российскими участниками взаимодействия, т.е. «правил игры», на основании которых китайские мигранты реализуют свои социальные практики (как в личной, так и деловой сфере) зачастую воспринимаются представителями российского социума как некая «ловушка», форма манипуляции, которая не имеет ничего общего с взаимными реципрокными отношениями. Китайские социологи (Абрамсон С. Ч., Камерон Л.) объясняют такой факт вовсе не рациональностью соотечественников, а различиями восприятия и проявления взаимности, а также понимания этичности в восточной и европейской культурах.

Т.е. то, что может считаться этичным и добродетельным в одной культуре, может рассматриваться как недобросовестное или неуместное в другой: в западных культурах часто поощряется прямая и прозрачная взаимность с сильным акцентом на справедливости и равенстве, напротив, в контексте гуаньси, отсутствие прозрачности и неравный обмен услугами не только допускаются, но и ожидаются. Данное обстоятельство может привести к возникновению ощущения манипуляции и чувства недоверия у носителей европейской культуры. Примером может служить деловая сделка, где одна сторона предлагает, казалось бы, альтруистическую услугу, а затем просит непропорциональное преимущество взамен [15; 17].

Приведем пример из наших наблюдений: директор, китайской компании, осуществляющей коммерческую деятельность на территории дальневосточного региона России, обращается к своему российскому бизнес-партнёру, ссылаясь на долгую дружбу и сотрудничество, с просьбой оказания безвозмездной услуги, требующей от второго значительных финансовых и трудовых затрат. На свой запрос (следует отметить, что ожидаемо для себя) получает вежливый отказ. По прошествии достаточно длительного времени (более полугода), когда ситуация с прежней просьбой, казалось бы, для российского партнёра уже исчерпана и забыта, китайский бизнесмен выходит с предложением оказать аналогичную услугу российской компании на безвозмездной основе. Для российской компании такое предложение не является остро актуальным, однако может открыть для неё хорошие перспективы получения прибыли в будущем. В данном случае согласие российской стороны, с позиции: «Посмотрим, что получится, вдруг

выгорит», может повлечь за собой вероятность оказаться в описанной ранее «ловушке», т.к. положительный ответ на данное предложение повлечёт за собой возврат китайской стороны к первоначальной просьбе (невыгодной и неинтересной для российского партнёра) уже в более настойчивой форме, обязательство к удовлетворению которой, не осознавая того, может взять на себя российская сторона. В такой ситуации вежливый отказ от услуги со стороны российского визави может сохранить возможность для дальнейшего развития этих бизнес-гуаньси, в то время как отказ от оказания ответной услуги приведёт к полному разрыву партнёрских отношений и «потере лица».

Заключение

Таким образом, концепция взаимности, заключённая в понятиях реципрокности и гуаньси, определяющих устойчивость и интенсивность отношений индивидов, находит уникальные формы выражения в рамках многообразных общностей и социальных пространств и может трактоваться через призму различных социальных теорий (теория обмена, теория социального капитала, сетевая концепция). Однако в контексте исследования социальной идентичности китайских мигрантов в российском обществе через социальные практики, реализуемые выходцами из Поднебесной во взаимодействии с соотечественниками и представителями принимающего социального пространства, нам представляется возможность прийти к заключению, что понятия гуаньси и реципрокность не эквивалентны, далеко не все отношения-гуаньси, в которые вступают мигранты в инокультурной среде, реципрокны. К реципрокным мы причисляем гуаньси-отношения с родственниками и соотечественниками (как способ сохранения традиционных для носителей китайской культуры стандартов социальной коммуникации), а также взаимодействия с российскими коллегами (партнёрами), владеющими китайским языком и глубокими знаниями китайской культуры. Остальные внешние коммуникации, выстраиваемые мигрантами, имеют выраженный уклон в сторону прагматичности и ввиду рационального подхода к созданию эмоциональных связей в сетях гуаньси с российскими участниками взаимодействия, нацеленного на достижения доступа к дефицитным ресурсам, а также отсутствия прямой, прозрачной взаимности и стереотипного восприятия иностранца как чужого, переносимого из исходной в принимающую социальную среду, по нашему мнению, считаться реципрокными не могут.

Литература

1. Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 52 с.

2. Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования, 2004, № 9, С. 20–29.
3. Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными Трансфертами // Социологический журнал, 1999, № 1/2. С. 156–163.
4. Гуриева С.Д., Джимиев П.Р. Социально-психологический феномен «гуаньси» как регуляторная функция поддержания социального капитала группы современного китайского общества // Современные технологии управления. 2021. № 4 (96/1). URL: <https://sovman.ru/article/96106> (дата обращения 10.05.2022).
5. Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. – М.: Проспект, 2018. – 352 с.
6. Леонтьева Э.О., Цыбульник Е.А. Гуаньси как базовый конструкт идентичности китайских мигрантов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 136–146. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/136-146>
7. Луцкая Е.Е., Леонтьев С.В., Лю В. Китайская система взаимоотношений «гуаньси» и ее влияние на деловую этику и организационное поведение // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-sistema-vzaimootnosheniy-guansi-i-ee-vliyanie-na-delovuyu-etiku-i-organizatsionnoe-povedenie> (дата обращения: 04.10.2024).
8. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. В кн. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М.: КДУ, 1996. – С. 83–222.
9. Никулин А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Дело, 1998. – С. 218–229.
10. Практики анализа качественных данных в социальных науках: учеб. пособие / отв. ред. Е.В. Полухина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 383 с.
11. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Проблемы и перспективы общественного участия в регионе // Вестник Белгородского государственного университета им. В.Г. Шухова. 2015. № 4. С. 209–212.
12. Реутова М. Н., Реутов Е.В., Шавырина И.В. Реципрокность в социальных отношениях: нерыночный обмен ресурсами в современной экономической системе // Вестник БГТУ имени В.Г. Шухова. 2017. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsiproknost-v-sotsialnyh-otnosheniyah-nerynochnyy-obmen-resursami-v-sovremennoy-ekonomicheskoy-sisteme> (дата обращения: 13.01.2025). DOI: 10.12737/article_5940f01b71aaa2.44953122.
13. Фомашин В.С. Дарообмен как основа социального взаимодействия // Гуманитарный вестник. 2020. № 3 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/daroobmen-kak-osnova-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 13.01.2025). DOI: 10.18698/2306-8477-2020-3-667.
14. Штейнберг И. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-neekvivalentnyh-obmenov-v-setyah-sotsialnoy-podderzhki-gorodskih-i-selskih-semey> (дата обращения: 03.01.2025).
15. Abramson S.Z. Solving the mystery of Guanxi – a sociological explanation of social exchange and social networking in Guanxi practice. Florida International University, 2002. – 102 p. DOI: 10.25148/etd.FI13101514.
16. Blau P. Exchange and Power in Social Life. N. Y.: Wiley, 1986. P. IX. – 372 p. <https://doi.org/10.4324/9780203792643>
17. Cameron L. Guanxi and Gift Exchange: A Study of Reciprocity Within Business Relationships in Contemporary China. University of Victoria, 2011. – 137 p.
18. Gehlen A. Moral und Hypermoral – Eine pluralistische Ethik. Frankfurt, Bonn: Athenäum, 1969. – 192 s.
19. Homans G.C. Social Behavior as Exchange. American Journal of Sociology. Vol. 63. 1958. Pp. 597–606. <http://dx.doi.org/10.1086/222355>
20. Liu Yingying. Exploring Guanxi in a Cross-Cultural Context. The Case of Cantonese-Speaking Chinese in Johannesburg // Journal of Chinese Overseas. 2007. № 13. Pp. 263–268. DOI:10.1163/17932548-12341357
21. Rungruang J. A study of the Guanxi Culture Dependency of the New Chinese Migrants in Phuket // Journal of International Studies. Prince of Songka University. 2023. № 13(2). Pp. 13–25.
22. Sahlins M. Zur Soziologie des primitiven Tauschs. Berliner Journal für Soziologie. 1999. Nu. 9. S. 149–178.
23. Sik E. The Peculiarities of Research on the Hidden Economy in Hungary // Hidden economy in Hungary (The hidden economy as it is seen through the households). Budapest: Hungarian Central Statistical Office, 1998.
24. Stegbauer C. Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. 174 S.

RECIPROCITY AND GUANXI AS KEY CONCEPTS OF CHINESE MIGRANTS' SOCIAL IDENTITY IN THE HOST RUSSIAN SOCIETY, THEIR APPEARANCE IN SOCIAL PRACTICES

Тцыбульник Е.А.
Pacific National University

This article presents a theoretical interpretation (from the standpoint of exchange theory, social capital theory, network concept) of the phenomena of mutuality, reciprocity and guanxi (which determine the strategy of Chinese migrants' behavior in the host Russian social space, the preservation and development of social communication standards traditionally appropriate to Chinese society in a foreign cultural environment), as well as a description of the main approaches to the classification of these concepts in domestic and foreign sociology. With the purpose of identification of the main factors that unite and distinguish the content of reciprocity and guanxi concepts, which are the key components of the system of interpersonal interactions and determine the formation of the social identity of people from the PRC, the author analyses the examples of social practices' implementation of migrants from China living in the Far Eastern region of the Russian Federation from 6 months to 15 years (for the purpose of studying, undergoing long-term internships, implementing various forms of labor activity), in interaction with compatriots and representatives of the host community.

Keywords: reciprocity, "guanxi", "face" ("mianzi", "lian"), mutuality, mutual obligations, social identity

References:

1. Barsukova S.Y. Non-market Exchanges between Russian households: Theory and Practice of Reciprocity. Preprint WP4/2004/02. Moscow: State University Higher School of Economics, 2004. 52 p. (In Russ.)
2. Barsukova S.Y. Reciprocal Interactions. Essence, Functions, Specificity // *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, 2004, No. 9. Pp. 20–29. (In Russ.)
3. Gradoselskaia G.V. Social Networks: Exchange of Private Transfers // *Sociological Journal*, 1999, No. 1/2. Pp. 156–163. (In Russ.)
4. Gurieva S.D., Dzhimiev P.R. Socio-psychological Phenomenon of «Guanxi» as a Regulatory Function of Maintaining Social Capital of a Group in Modern Chinese Society // *Sovremennyye tekhnologii upravleniya = Modern management technologies*. 2021. No. 4 (96/1). URL: <https://sovman.ru/article/96106> (accessed 10.05.2022). (In Russ.)
5. Kravchenko A.I. Brief sociological dictionary. – Moscow: Prospect, 2018. – 352 p. (In Russ.)
6. Leonteva E.O., Tsybulnik E.A. Guanxi as a Basic Construct of Chinese Migrants' Identity // *Ojkumena. Regional researches*. 2024. No. 2. Pp. 136–146. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/136-146> (In Russ.)
7. Lutskaia E.E., Leontev S.V., Liu W. Chinese System of Relationships «Guanxi» and its Influence on Business Ethics and Organizational Behavior // *Social and humanitarian knowledge*. 2017. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-sistema-vzaimootnosheniy-guansi-i-ee-vliyanie-na-delovuyu-etiku-i-organizatsionnoe-povedenie> (accessed: 04.10.2024). (In Russ.)
8. Moss M. Essay on the Gift. Form and Basis of Exchange in Archaic Societies. In the book. *Societies. Exchange. Personality: Works on social anthropology*. – Moscow: KDU, 1996. – Pp. 83–222. (In Russ.)
9. Nikulin A.M. Enterprises and Families in Russia: Socio-cultural symbiosis // *Where is Russia Heading? Transformation of the Social Sphere and Social Policy* / Ed. by T.I. Zaslavskaya. – Moscow: Delo, 1998. Pp. 218–229. (In Russ.)
10. Practices of Qualitative Data Analysis in Social Sciences: textbook / Ed. E.V. Polukhina; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. 383 p. (In Russ.)
11. Reutov E. V., Reutova M.N., Shavryina I.V. Problems and Prospects of Public Participation in the Region // *Bulletin of the Belgorod State University named after V.G. Shukhov*. 2015. No. 4. Pp. 209–212. (In Russ.)
12. Reutova M. N., Reutov E.V., Shavryina I.V. Reciprocity in Social Relations: Non-market Exchange of Resources in the Modern Economic System // *Bulletin of the Belgorod State University named after V.G. Shukhov*. 2017. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsiprokno-st-v-sotsialnyh-otnosheniyah-nerynochnyy-obmen-resursami-v-sovremennoy-ekonomicheskoy-sisteme> (accessed: 13.01.2025). DOI: 10.12737/article_5940f01b71aaa2.44953122. (In Russ.)
13. Fomashin V.S. Gift exchange as a basis for social interaction // *Humanitarian Bulletin*. 2020. No. 3 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/darobmen-kak-osnova-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (date of access: 13.01.2025). DOI: 10.18698/2306-8477-2020-3-667. (In Russ.)
14. Shteynberg I. Psychology of Nonequivalent Exchanges in Social Support Networks of Urban and Rural Families // *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*. 2004. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-neekvivalentnyh-obmenov-v-setyah-sotsialnoy-podderzhki-gorodskih-i-selskih-semy> (accessed: 03.01.2025). (In Russ.)
15. Abramson S.Z. Solving the Mystery of Guanxi – a Sociological Explanation of Social Exchange and Social Networking in Guanxi Practice. Florida International University, 2002. – 102 p. DOI: 10.25148/etd.FI13101514.
16. Blau P. Exchange and Power in Social Life. New York: Wiley, 1986. P. IX. – 372 p. <https://doi.org/10.4324/9780203792643>
17. Cameron L. Guanxi and Gift Exchange: A Study of Reciprocity Within Business Relationships in Contemporary China. University of Victoria, 2011. – 137 p.
18. Gehlen A. Morality and Hypermorality – A Pluralistic Ethics. Frankfurt, Bonn: Athenaem, 1969. – 192 p. (In Dutch)
19. Homans G.C. Social Behavior as Exchange. *American Journal of Sociology*. Vol. 63. 1958. Pp. 597–606. <http://dx.doi.org/10.1086/222355>
20. Liu Yingying. Exploring Guanxi in a Cross-Cultural Context. The Case of Cantonese-Speaking Chinese in Johannesburg // *Journal of Chinese Overseas*. 2007. No. 13. Pp. 263–268. DOI:10.1163/17932548-12341357
21. Rungruang J. A Study of the Guanxi Cultural Dependency of the New Chinese Migrants in Phuket // *Journal of International Studies*. Prince of Songka University. 2023. No. 13(2). Pp. 13–25.
22. Sahlins M. On the sociology of primitive exchange. *Berlin Journal of Sociology*. 1999. No. 9. Pp. 149–178. (In Dutch)
23. Sik E. The Peculiarities of Research on the Hidden Economy in Hungary // *Hidden economy in Hungary (The hidden economy as it is seen through the households)*. Budapest: Hungarian Central Statistical Office, 1998.
24. Stegbauer C. Reciprocity. Introduction to social forms of reciprocity. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. – 174 p. (In Dutch)

Стратификация российского общества: протокол для диагностики барьеров мобильности и цифрового неравенства

Щербинина Зинаида Николаевна,

преподаватель-исследователь, Аспирантура Академии труда
и социальных отношений

E-mail: optionjet@gmail.com

В исследовании разработан авторский протокол стратификации российского общества для диагностики барьеров образовательной мобильности и цифрового неравенства. Актуальность обусловлена двойственным эффектом цифровизации, как обеспечения равных возможностей и усугубления социального неравенства одновременно. Протокол интегрирует четыре критерия: экономический (30%), институциональный (25%), культурный (25%) и цифровой капитал (20%), выделяя четыре страты: низы (12%), базовый слой (41%), стратегический слой (23%) и элита (3%).

Ключевые слова: социальная стратификация, цифровой капитал, образовательное неравенство, социальная мобильность, барьеры мобильности, цифровой разрыв, высшее образование.

Введение

Актуальность: Цифровизация образования в России, позиционируемая как драйвер модернизации и равных возможностей, может приобрести двойственный характер, выступая не только инструментом трансформации, но и значимым фактором углубления социального неравенства. Распространение онлайн-платформ, цифровых образовательных ресурсов и гибридных форматов обучения, ускоренное пандемией, объективно расширило доступ к знаниям для части населения. Однако, как свидетельствуют данные Росстата и мониторингов (НИУ ВШЭ, RLMS-HSE) [8; 9; 10; 11; 12], неравномерность распределения ключевых ресурсов, например, доступа к качественной цифровой инфраструктуре (высокоскоростной интернет, современные устройства на одного учащегося), цифровых компетенций (особенно у родителей и педагогов в удаленных регионах) и финансовых возможностей для приобретения премиального контента или сервисов привела к формированию нового измерения социальной дифференциации. Вместо нивелирования традиционных барьеров, цифровизация зачастую наслаивается на существующую стратификацию российского общества [5], воспроизводя и даже усиливая разрывы: дети из обеспеченных семей с высоким цифровым капиталом [2] получают конкурентные преимущества через персонализированные траектории и глобальные ресурсы [14; 16], тогда как значительные группы населения, особенно в сельской местности, малых городах и семьях с низким экономическим статусом, сталкиваются с «цифровой эксклюзией» [7]. Это выражается в ограниченной возможности полноценно участвовать в дистанционном обучении, использовать развивающие платформы или получать актуальные цифровые навыки, критичные на современном рынке труда [14], что создает риски долгосрочной маргинализации и консервации социального неравенства через образовательный канал [1; 4; 6]. Таким образом, исследование взаимосвязи социальной стратификации [5; 15] и цифрового неравенства [3; 13] в образовании становится ключевым для понимания реальных возможностей инклюзивной модернизации системы.

Проблема ограниченной социальной мобильности («застывшей мобильности») остается острой для России. Данные ВШЭ (2023 г.) [8] показывают, что около 85% респондентов сохраняют социально-экономический статус, сопоста-

вимый со статусом их родителей, при этом лишь 7–10% демонстрируют устойчивую восходящую мобильность. Особенно выражена стагнация в нижних стратах: среди лиц, чьи родители относились к наименее обеспеченной квинтильной группе, около 73% остаются в ней или перемещаются лишь в смежную низшую группу [8]. Цифровые барьеры выступают значимым фактором этой блокировки. Например, в сельской местности и малых городах (где проживает до 35% населения РФ по данным Росстата, 2024 г.) [11] до 40% домохозяйств с детьми школьного возраста сталкиваются с нехваткой устройств или нестабильным интернетом (Мониторинг экономики образования НИУ ВШЭ, 2023) [9, с. 45], что напрямую ограничивает доступ к качественным образовательным ресурсам и онлайн-подготовке к ЕГЭ. Вместе с этим, лишь 15% семей из нижних доходных квинтилей могут позволить платные образовательные платформы (типа Skyeng или Foxford) [10], создавая цифровой потолок и воспроизводя образовательное неравенство [6, с. 50].

Существующие модели социальной стратификации демонстрируют ограниченную применимость к современным российским реалиям. Традиционные западные схемы (например, классовая модель Эриксона-Голдторпа или неомарксистская модель Райта), фокусирующиеся на отношениях собственности и рыночной позиции в стабильных капиталистических экономиках [15], недооценивают ключевые особенности России: ведущую роль государственного сектора (где занято около 32% трудоспособного населения по данным Росстата [11]), влияние большого ресурсного сектора на структуру экономики и занятости, а также значимость неформальных практик и сетевых связей как каналов мобильности [4; 5]. Советские модели, основанные на формальном статусе в иерархии плановой экономики (рабочие, ИТР, служащие) или партийной номенклатуре, полностью утратили актуальность в условиях рыночной трансформации, не отражая ни реалий новых профессий (IT, digital-маркетинг) [14], ни феномена самозанятости (охватывающей около 16% трудоспособного населения в 2023 г. [11, с. 85]), ни глубокой региональной дифференциации [5]. Ни одна из этих моделей не интегрирует цифровой капитал как системообразующий критерий стратификации в цифровую эпоху [2; 3; 16], что критично для анализа барьеров в образовании [6].

Отсутствие протокола, интегрирующего три ключевых измерения: многоуровневую стратификацию (адаптированную к российской институциональной среде [4; 5]), типологию барьеров мобильности («системное ограничение горизонта» для низов, «фильтры» для средних слоев [5; 15]) и цифровое неравенство в образовании как катализатор этих барьеров [3; 6; 13] препятствует созданию точной «карты» социальных лифтов и огра-

ничений в РФ, ведет к фрагментации исследований и может повлечь за собой снижение эффективности мер, направленных на устранение общественных диспропорций.

Целью исследования является разработка и эмпирическое обоснование авторского протокола стратификации, синтезирующего социально-экономические [8; 10; 12], институциональные [4] и цифровые [3; 9; 13] критерии для диагностики барьеров образовательной мобильности в России, с последующей апробацией его как инструмента анализа цифрового неравенства и формирования образовательной политики [1; 6].

Задачи:

1. Определить и операционализировать критерии выделения страт. Выделить экономические (душевой доход, имущество, долговая нагрузка), институциональные (доступ к госструктурам/корпорациям, членство в профессиональных сообществах), культурные (уровень образования, цифровая грамотность, языковые компетенции) и цифровые (индекс доступности EdTech, навыки работы с LMS) индикаторы.

2. Описать механизмы стратоспецифичных барьеров мобильности.

3. Верифицировать связь «страта – тип барьера – цифровой капитал».

Гипотезы:

1. Страты 1 и нижний сегмент Страты 2 преимущественно подвержены «системному ограничению горизонта», проявляющемуся в комплексе инфраструктурно-цифровых барьеров. Эти факторы напрямую коррелируют ($r \geq 0,5$) с отказом от продолжения образования после 9 класса.

2. Средние/верхние сегменты Страты 3 сталкиваются с культурно-сетевыми «фильтрами»: >70% представителей не могут преодолеть финансовые барьеры платных EdTech (SkyEng/Foxford $\geq 15\%$ бюджета на образование) и отсутствие связей в профсообществах (82% инженеров вне РСПП/«Сколково»), что статистически значимо ($p < 0,01$) ограничивает доступ к премиальным образовательным траекториям.

3. Цифровой капитал домохозяйства – это ключевой предиктор типа барьера: контролируя экономический статус, он объясняет $\geq 40\%$ дисперсии в вероятности «системного ограничения горизонта» для Страт 1–2 ($OR \leq 0,7$) и возможностях преодоления «фильтров» для Страты 3 ($\beta \geq 0,55$). Этот эффект усиливается в кризис.

Методы

Концептуальная основа исследования интегрирует:

1. Теорию П. Бурдьё о формах капитала (экономическом, культурном, социальном) [2], объясняющую воспроизводство иерархий через неравный доступ к ресурсам;

2. Институциональный подход Д. Норта [4], акцентирующий роль формальных/неформальных правил в блокировке мобильности;

3. Концепцию «цифрового разрыва 3.0» (ван Дейк) [3], где цифровое неравенство – это следствие комбинации материального доступа, навыков и социальных возможностей.

На этой базе вводятся авторские концепты:

«Системное ограничение горизонта» – системное сужение горизонта возможностей, отсутствие возможностей для зарождения мотивации;

«Фильтр» – механизм селекции средних страт через культурно-сетевые барьеры (недоступность платных EdTech + закрытость профессиональных сообществ → «застревание» в карьере).

Синтез этих рамок позволяет анализировать барьеры мобильности не как универсальные, а как стратоспецифичные и институционально обусловленные в российском контексте [4; 5].

Операционализация страт (Протокол) (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые критерии

Критерий	Индикаторы (примеры для РФ)	Вес в модели
Экономический	Душевой доход (% от медианы Росстата), имущество (недвижимость, авто), долговая нагрузка	30%
Институциональный	Доступ к «закрытым» институтам (элитные вузы, госкомпании), членство в клубах (РСПП, «Деловая Россия»), наличие «связей»	25%
Культурный	Уровень образования (ВО+/ученая степень), знание языков (англ. B2+), цифровая грамотность (PIAAC), ценности (установка на рост)	25%
Цифровой	Образовательно-специфичный индекс: Наличие ПК/планшета на ребенка, скорость ШПД, доступ к платным EdTech (Учи.ру PRO), навыки работы в LMS, траты на цифр. ресурсы	20%

Формула стратификации: Страта = (Экономический индекс $\times 0,3$) + (Институциональный индекс $\times 0,25$) + (Культурный индекс $\times 0,25$) + (Цифровой индекс $\times 0,2$)

Пороги страт (пример):

Страта 1 (Низы): $< 0,35$ балла

Страта 2 (Базовый слой): $0,35–0,55$

Страта 3 (Стратегический слой): $0,55–0,75$

Страта 4 (Элита): $> 0,75$

Анализ:

Кластерный анализ для верификации страт.

Регрессионные модели для проверки H1–H3 (зависимая переменная: тип/сила барьера).

Сравнение средних (ANOVA) цифрового капитала между стратами.

Контент-анализ биографических интервью (кейсы «сбивов» и «фильтров»).

Методы сбора/анализа данных

Источники: RLMS-HSE (основной), Росстат, Мониторинг экономики образования НИУ ВШЭ, опросы ВЦИОМ.

Результаты

1. Валидация стратификационного протокола (табл. 2).

Таблица 2. Распределение населения РФ по стратам (адаптированный протокол, 2024 г.)

Страта	Критерии	%	N (млн)	Ключевые барьеры
Низы	$< 50\%$ медианного дохода; низкий институц. доступ; дефицит культ. капитала	12	17,6	Системное ограничение горизонта (СОГ)
Базовый слой	$50–150\%$ медианного дохода; ограниченный доступ к «лифтам»	41	60,3	Предфильтры
Стратегический слой	$150–400\%$ медианного дохода; ВО+; цифровые навыки	23	33,8	Фильтры
Элита	$> 400\%$ медианного дохода; контроль ресурсов; доступ к закрытым институтам	3	4,4	Барьер удержания позиций
Не классифицировано	Работники неформального сектора, временно безработные и др.	21	30,9	-
Итого:	-	100	147	-

Обоснование распределения:

1. Страта 1 (12%): Низы – доход $< 18,4$ тыс.руб./мес (50% медианы $36,8$ тыс.руб.); отсутствие соц-

связей для трудоустройства; потребление контента с установкой «образование бесполезно» (68% по ВЦИОМ). Показатель 12% практически совпа-

дает с данными Росстата о населении с доходами ниже прожиточного минимума + дефицитом цифрового/культурного капитала (RLMS).

– Ключевой барьер: Системное ограничение горизонта (школа без интернета → незнание о существовании олимпиад → установка «мой удел – ПТУ»).

2. Страта 2 (41%): Базовый слой – доход 18,4–55,2 тыс.руб./мес; занятость в госсекторе/МСП; базовое цифровое владение (соцсети, госуслуги), но без навыков для EdTech. Группа охватывает 32% госслужащих/бюджетников (Росстат) + 9% «устойчивых» рабочих/продавцов с доходами выше ПМ.

– Барьер: Недоступность платных ресурсов (годовая подписка на Foxford = 15 тыс.руб. → 25% мес. расходов на образование для семьи учителя).

3. Страта 3 (23%): Стратегический слой – доход 55,2–147,2 тыс.руб./мес [13]; ВО+; использование MOOC/Coursera (хотя бы 1 курс/год [9]); попытки карьерного роста. Оценка доли специалистов в IT, нефтегазовом и фармацевтическом секторе с потенциалом роста (данные HeadHunter: 21–25% вакансий для квалиф. кадров).

– Барьер: «Фильтр» – невозможность войти в РСПП или «Сколково» без связи (82% инженеров не имеют доступа).

4. Страта 4 (3%): Элита – доход >147,2 тыс.руб./мес; собственность на активы; членство в закрытых клубах (Ротэри, Деловая Россия). Объем 3% совпадает с долей топ-менеджмента госкомпаний и владельцев среднего бизнеса (Forbes РФ, 2024).

5. Не классифицировано (21%): временно безработные, студенты дневной формы, декретный отпуск, рабочие на ротационной работе, то есть группы с нестабильным статусом (учтены для честности расчетов).

Таблица не просто показывает проценты, она доказывает работоспособность авторского протокола через соответствие эмпирике РФ и объяснение механизмов блокировки мобильности. Это основа для анализа цифрового неравенства в дискуссии.

Обсуждение

Результаты настоящего исследования демонстрируют эвристическую ценность предложенного протокола стратификации, подтверждая центральную гипотезу о стратоспецифичной природе барьеров образовательной мобильности в современной России. Для низших страт (Страта 1, 12% населения) характерно «системное ограничение горизонта», проявляющееся не в форме прямого «сбива» мотивированных индивидов, а как комплекс условий, препятствующих самой возможности формирования осмысленных восходящих траекторий. Этот феномен представляет собой синтез цифровой изоляции,

культурного вакуума, где доминирование низкопробного медиаконтента формирует искаженные референции успеха, о чем свидетельствуют данные ВЦИОМ [13]: 68% подростков в учреждениях среднего профессионального образования считают высшее образование экономически неэффективным и институционального пессимизма, передающегося межпоколенчески. Системное ограничение горизонта объясняет устойчивость «застывшей мобильности» (RLMS-HSE [8] фиксирует сохранение низкого статуса у 73% выходцев из данной группы), поскольку сужает когнитивные горизонты до уровня, исключающего саму постановку амбициозных образовательных целей, проблема заключается не в отсутствии героических усилий единиц, а в невозможности для большинства даже представить альтернативные жизненные сценарии.

Напротив, для стратегического слоя (Страта 3–23%) ключевыми оказываются селективные «фильтры», функционирующие как механизм управляемого отбора. Эти барьеры не блокируют мобильность тотально, но обуславливают ее доступность лишь для ограниченного круга лиц, обладающих специфическими ресурсами. Экономические «фильтры» проявляются в недоступности премиальных образовательных ресурсов (65% инженеров и специалистов с доходом 150–400% от медианного [10] не могут позволить себе ежегодные расходы на сертификационные программы Coursera или специализированные EdTech-платформы [14], эквивалентные 15–25% их бюджета на образование), в то время как сетевые ограничения связаны с закрытостью профессиональных сообществ и элитных клубов (по данным опросов [13; 14], 82% представителей этой страты не имеют значимых контактов в структурах типа РСПП или «Сколково»). Важно подчеркнуть, что выявленная дихотомия барьеров для низов против «фильтров» для стратегического слоя отражает фундаментально различные логики социального исключения [2; 4; 5] и если в первом случае речь идет о подавлении потенциала на этапе его генезиса, то во втором о селективном регулировании доступа к привилегированным позициям.

Цифровой капитал продемонстрировал свою значимость не просто как дополнительный ресурс, а как критический буфер, смягчающий воздействие барьеров, особенно для базового (Страта 2–41%) и стратегического слоев. В контексте Страты 2 (учителя, медики, госслужащие) высокий уровень цифрового капитала, выражающийся в навыках эффективного поиска и использования открытых образовательных ресурсов, работе с цифровыми образовательными средами (типа «Сферум»), способен компенсировать ограниченность экономических возможностей. Данные Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ (2023) [9] показывают, что семьи данной страты с индексом цифрового капитала выше 0,7 в три раза чаще

успешно адаптируют бесплатные платформы (Учи.ру, Stepik, «Яндекс.Учебник») для поддержания образовательного уровня детей в условиях финансовых ограничений, что снижает риски «скатывания» при экономических кризисах. Для Страты 3 цифровой капитал трансформируется в инструмент стратегического преодоления «фильтров»: умение создавать цифровое портфолио (GitHub, Behance, профессиональные блоги) или находить альтернативные каналы трудоустройства через международные фриланс-платформы (YOUDO, Profi, Toptal) позволяет частично нивелировать эффект закрытости локальных элитных сетей, около 45% респондентов данной группы с развитым цифровым капиталом сообщают об успешном обходе традиционных «фильтров» через цифровые каналы (опросы HeadHunter, 2024) [14]. Однако парадоксальным образом в условиях стратегического ограничения горизонтов (Страта 1) цифровой капитал теряет свою буферную функцию из-за комплексного дефицита: даже при наличии технических устройств (смартфоны есть у 83% по RLMS [8]) их использование редко ориентировано на образовательные цели, а применяется для потребления развлекательного и деструктивного контента. Этот контраст подчеркивает, что эффективность цифрового капитала как буфера возможна лишь при наличии базовой институциональной включенности и культурных предпосылок [2; 3; 4].

Этот вывод имеет важное практическое следствие для образовательной и социальной политики. Программы цифровизации образования требуют дифференциации, основанной на стратоспецифичности барьеров [6]. Борьба со структурным ограничением горизонта в низших стратах не должна сводиться к механической раздаче устройств, она требует комплексных мер по изменению информационно-культурной среды (продвижение позитивных образовательных кейсов через социальные сети, интеграцию в школьные программы информации о реальных социальных лифтах, развитие цифровой грамотности с акцентом на образовательные возможности) и преодолению инфраструктурных дефицитов [1; 13]. Для базового и стратегического слоев приоритетом становится поддержка цифрового капитала как буфера: субсидирование доступа к качественным платформам, развитие программ цифрового наставничества, содействие формированию профессиональных онлайн-сообществ [6; 9; 14]. Игнорирование выявленной стратификационной логики барьеров обрекает даже хорошо финансируемые инициативы на низкую эффективность, не затрагивая глубинных механизмов воспроизводства неравенства [4; 5]. Таким образом, предложенный протокол стратификации может послужить не только аналитическим инструментом, но и основой для проектирования адресных интервенций, направленных на преодоление конкретных огра-

ничений, характерных для каждой социальной группы в российском контексте [1; 5; 6].

Предложенная модель стратификации демонстрирует значимые преимущества перед классическими подходами. Например, в отличие от методологии Тихоновой Н.Е. [5], опирающейся на дуализм объективного дохода и субъективной самоидентификации, протокол интегрирует цифровой капитал как стратообразующий критерий [2] и механизмы барьерности. Это позволяет не только фиксировать статичное положение групп, но и прогнозировать динамику мобильности. Например, данные RLMS-HSE [8] показывают, что 32% респондентов, относимых Тихоновой Н.Е. [5] к «устойчивому среднему классу» по доходу и самооценке, фактически находятся в зоне риска «скатывания» из-за дефицита цифровых навыков (неспособность использовать LMS, онлайн-курсы) [3; 6], что не улавливается традиционной моделью.

Для западных схем, таких как классовая модель Oesch [15], ключевым ограничением является игнорирование институциональной специфики России: существенной роли госсектора (где сосредоточено 32% занятых по данным Росстата [11]), влияния неформальных практик [4] и региональных диспропорций в цифровой инфраструктуре (разрыв между Москвой и, например, Псковской областью по скорости интернета достигает 78%). Введение цифрового капитала [2; 3] в модель не просто дополняет экономические критерии, а реконфигурирует саму логику стратификации, делая видимыми новые линии неравенства (например, IT-фрилансер в Воронеже с доходом 60 тыс.руб. может обладать большим потенциалом мобильности, чем учитель в Москве с 90 тыс.руб., но без цифровых компетенций [3; 14]).

Разработанный протокол может послужить методологической платформой для решения трех критических задач. Во-первых, он обеспечивает инструментарий для прогноза долгосрочных образовательных траекторий с учетом стратоспецифичных барьеров: например, ребенок из сельской местности (Страта 1) с вероятностью 82% (RLMS [11]) не получит высшего образования, тогда как для представителя Страты 3 ключевым предиктором становится доступ к платным EdTech-ресурсам ($p=0,67$) [6; 9; 14]. Во-вторых, модель позволяет оценивать эффективность государственных программ типа «Цифровая образовательная среда» [1] не через абсолютные показатели «подключения школ к интернету», а через призму стративного воздействия [6]. В-третьих, стандартизация критериев (доход [8; 10; 12] + институциональный доступ [4; 5] + цифровой капитал [2; 3; 9]) открывает возможности для сравнительных региональных исследований, выявляя, почему в одних субъектах РФ цифровой разрыв преодолевается через интеграцию цифрового капитала в социальные лифты

[3; 6], а в других усугубляет системное ограничение горизонта [5].

Выявленная стратоспецифика барьеров диктует необходимость дифференцированных решений. Для преодоления Системного ограничения горизонта в Страте 1 недостаточно разовых мер; требуется комплекс: (а) адресное устранение инфраструктурных дефицитов (приоритетное подключение к широкополосному доступу к интернет – 38% непокрытых сёл [9]), (б) системная работа с культурным капиталом [2] через продвижение позитивных образовательных нарративов в медиасреде (контрпример низкопробному контенту [13]). Для Страты 2 ключевым становится смягчение «предфильтров»: субсидирование доступа к базовым EdTech-платформам (типа «Яндекс. Учебник» [9]), программы цифровой грамотности для родителей [13], поддержка сетей взаимопомощи. В Страте 3 фокус смещается на нейтрализацию «фильтров»: гранты на получение образовательных сертификатов, квоты на студенческие обмены между ВУЗами, создание альтернативных профессиональных сообществ (например, платформы для IT-специалистов [6; 14]). Ключевым инструментом для Минобрнауки мог бы стать алгоритм распределения ресурсов на основе стратовой диагностики, где финансирование проектов зависит от их способности решать конкретные барьеры [1; 6]. Такой подход трансформирует универсальные инициативы в точные инструменты снижения неравенства [4; 5].

Таким образом, предложенный протокол стратификации, несмотря на ограничения, доказал свою релевантность для анализа стратоспецифичных барьеров мобильности и роли цифрового капитала как буфера в российских условиях [2; 3; 9]. Его преимущество перед классическими моделями (Тихонова [5], Oesch [15]) в интеграции объективных (инфраструктура [9], доход [8; 10; 12]) и субъективных (культурные дефициты [2; 13], сетевой доступ [4; 5]) факторов, что особенно значимо в кризисных контекстах. Для практики образования это означает необходимость замены универсальных программ на стратоориентированные решения:

- Борьба с «системным ограничением горизонта» через инфраструктуру [9] и изменение нарративов успеха [13],
- Смягчение «фильтров» грантами на EdTech [6; 9; 14] и альтернативными сетевыми площадками [4; 6].

Перспективы в создании «Индекса образовательной мобильности», превращающего протокол в инструмент мониторинга эффективности политики для регионов РФ [1; 6; 11].

Выводы

Разработанный протокол стратификации продемонстрировал свою методологическую применимость

для анализа социальной структуры современной России, выявив четыре качественно дифференцированные страты с уникальными барьерами мобильности: системное ограничение горизонта для низших групп (12%), предфильтры для базового слоя (41%), и селективные фильтры для стратегического слоя (23%).

Ключевыми положениями работы являются:

1. Предложение введения определения «системное ограничение горизонта», объясняющего не внешнее блокирование мотивированных индивидов, а генерацию условий, препятствующих формированию восходящих устремлений через синтез цифровой изоляции, культурного вакуума и институционального пессимизма.

2. Доказательство роли цифрового капитала как критического буфера, способного:

- Для Страты 2 компенсировать экономические ограничения через адаптацию открытых образовательных ресурсов (3-кратный рост доступности образования при высоком индексе цифрового капитала),
- Для Страты 3 создавать условия для применения альтернативных траекторий обхода «фильтров» (45% успешных кейсов через фриланс-платформы),
- Но теряющего эффективность в условиях «системного ограничения горизонта» из-за деформации целеполагания для Страты 1.

3. Создание основы для точной образовательной политики, требующей стратоспецифичных решений:

- Против «системного ограничения горизонта»: Инфраструктура + трансформация медиаландшафта,
- Против «фильтров»: Гранты на EdTech-ресурсы и доступ к сетевым платформам.

Перспективы модели связаны с разработкой «Индекса образовательной мобильности» – инструмента мониторинга для регионов страны, превращающего теоретический протокол в практический инструмент для преодоления неравенства.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.02.2024) «Об образовании в Российской Федерации». – Режим доступа: [\[http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745\]](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745)(<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745>) (дата обращения: 15.07.2025).
2. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74. – Пер. с фр. М.С. Добряковой.
3. Ван Дейк Я. Динамика цифрового разрыва: От тотального доступа к дифференцированному использованию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные пере-

- мены. – 2020. – № 5. – С. 4–23. – Пер. с англ. И.В. Забаева.
4. Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
  5. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: ИС РАН, 2018. – 320 с.
  6. Демидова О. А., Косарецкий С.Г. Цифровизация школьного образования: ожидания, риски, перспективы // Образовательная политика. – 2022. – № 3 (91). – С. 44–59.
  7. Мареева С. В., Слободенюк Е.Д. Бедность и социальная эксклюзия в России в период кризисов // Социологические исследования. – 2023. – № 10. – С. 43–54.
  8. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Когорта 1994–2023 гг. Волны XXXI–XXXII (2022–2023 гг.). – М.: НИУ ВШЭ. – Режим доступа: https://www.hse.ru/rlms/ (дата обращения: 15.07.2025). – База микроданных.
  9. Мониторинг экономики образования. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – 150 с. – Режим доступа: https://memo.hse.ru/ (дата обращения: 15.07.2025).
  10. Росстат. Денежные доходы и расходы населения в 2024 году (предварительные данные): Стат. бюллетень. – М.: Росстат, 2025. – 45 с. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 15.07.2025).
  11. Росстат. Образование в Российской Федерации: 2024: Стат. сб. – М.: Росстат, 2025. – 220 с.
  12. Росстат. Распределение населения по величине денежных доходов: 2024 г. (предв. данные). – М.: Росстат, 2025. – Пресс-выпуск. – Режим доступа: https://76.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/denezhnye_dohody_naseleniya_v_2024.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
  13. ВЦИОМ. Наша цифровая повседневность. – М.: ВЦИОМ, 2024. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost (дата обращения: 15.07.2025).
  14. HeadHunter Research (hh.ru). IT-ранок труда в 2024 году: ситуация, тенденции и прогноз на 2025 год [Электронный ресурс] // Хабр. – 2025. – URL: <https://habr.com/ru/companies/hh/articles/895994/> (дата обращения: 15.07.2025).
  15. Oesch D. Redrawing the Class Map: Stratification and Institutions in Britain, Germany, Sweden and Switzerland. – London: Palgrave Macmillan, 2006. – 304 p.
  16. Castells M. The Rise of the Network Society. – 2nd ed. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. – 656 p.

STRATIFICATION OF RUSSIAN SOCIETY: A PROTOCOL FOR DIAGNOSING BARRIERS TO MOBILITY AND DIGITAL INEQUALITY

Shcherbinina Z.N.

Postgraduate school of the Academy of Labor and Social Relations, Moscow

The study developed the author's protocol for the stratification of Russian society to diagnose barriers to educational mobility and digital inequality. The relevance is due to the dual effect of digitalization, as ensuring equal opportunities and exacerbating social inequality at the same time. The protocol integrates four criteria: economic (30%), institutional (25%), cultural (25%) and digital capital (20%), identifying four strata: the lower classes (12%), the basic layer (41%), the strategic layer (23%) and the elite (3%).

Keywords: Social stratification, digital capital, educational inequality, social mobility, mobility barriers, digital divide, higher education.

References

1. Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 24.02.2024) "On Education in the Russian Federation". – Access mode: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745 (date of access: 15.07.2025).
2. Bourdieu P. Forms of capital // Economic sociology. – 2002. – Vol. 3, No. 5. – Pp. 60–74. – Translated from French by M.S. Dobryakova.
3. Van Dijk J. Dynamics of the digital divide: From total access to differentiated use // Monitoring public opinion: economic and social changes. – 2020. – No. 5. – P. 4–23. – Translated from English by I.V. Zabaeva.
4. North D.K. Institutions, institutional changes and functioning of the economy. – М.: Fund of economic books "Beginnings", 1997. – 180 p.
5. Tikhonova N.E. Social stratification in modern Russia: an empirical analysis. – М.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2018. – 320 p.
6. Demidova O. A., Kosaretsky S.G. Digitalization of school education: expectations, risks, prospects // Educational policy. – 2022. – No. 3 (91). – P. 44–59.
7. Mareeva S. V., Slobodenyuk E.D. Poverty and social exclusion in Russia during crises // Sociological studies. – 2023. – No. 10. – P. 43–54.
8. Russian Long-Term Monitoring Survey of the Economic Situation and Health of the Population of the National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE). Cohort 1994–2023. Waves XXXI–XXXII (2022–2023). – Moscow: National Research University Higher School of Economics. – Access mode: https://www.hse.ru/rlms/ (date of access: 15.07.2025). – Microdatabase.
9. Monitoring the economy of education. / National Research University "Higher School of Economics". – М.: HSE University, 2024. – 150 p. – Access mode: https://memo.hse.ru/ (date of access: 15.07.2025).
10. Rosstat. Cash income and expenditure of the population in 2024 (preliminary data): Stat. bulletin. – М.: Rosstat, 2025. – 45 p. – Access mode: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (date of access: 15.07.2025).
11. Rosstat. Education in the Russian Federation: 2024: Stat. collection. – М.: Rosstat, 2025. – 220 p.
12. Rosstat. Distribution of population by monetary income: 2024 (preliminary data). – М.: Rosstat, 2025. – Press release. – Access mode: https://76.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/denezhnye_dohody_naseleniya_v_2024.pdf (date of access: 15.07.2025).

13. VCIOM. Our digital everyday life. – M.: VTsIOM, 2024. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (date of access: 15.07.2025).
14. HeadHunter Research (hh.ru). IT labor market in 2024: situation, trends and forecast for 2025 [Electronic resource] // Habr. – 2025. – URL: <https://habr.com/ru/companies/hh/articles/895994/> (date of access: 15.07.2025).
15. Oesch D. Redrawing the Class Map: Stratification and Institutions in Britain, Germany, Sweden and Switzerland. – London: Palgrave Macmillan, 2006. – 304 p.
16. Castells M. The Rise of the Network Society. – 2nd ed. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. – 656 p.

Государственная политика в сфере управления качеством образования (на примере Иркутской области)

Журавлева Ирина Александровна,

кандидат философских наук, доцент, директор Института
социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье представлен системный анализ государственной политики в сфере управления качеством образования. На примере управления образованием Иркутской области показываются сильные и слабые стороны, риски и перспективы развития регионального образования. Рассматриваются стратегии социального моделирования и через инструменты социологического воображения строятся механизмы развития системы образования региона.

Ключевые слова: образование, риски образования, угрозы образования, перспективы образования, возможности изменения образования, развитие региона, социальное моделирование, социологическое воображение.

Управление качеством общего образования становится стратегическим направлением государственной политики, особенно в условиях социально-экономических и демографических вызовов. В связи с этим для более глубокого понимания особенностей функционирования региональной системы управления качеством образования и выработки направлений ее совершенствования необходимо провести комплексный анализ управления качеством образования.

Вопросы развития качества образования могут касаться условий социальной безопасности общества (Р.Г. Ардашев, [3] А.Н. Адилов [4]), обучение и трудоустройство выпускников (П.А. Баев [5,6], М.Б. Буланова [7]), уровень удовлетворения получаемыми знаниями и возможностями их применения на практике (Д.В. Мальцев [11]) и качество оценки высшего образования (В.А. Колесников [10], Ю.С. Пархоменко [13], О.А. Полюшкевич [14]). Отдельно стоит выделить механизмы государственного управления образованием (А.М. Манукян [12]) и критериями оценки качества образования (И.А. Журавлева [8,9], И.Е. Семенко [15] и другие).

В работе предлагается аналитический анализ управления качеством образования. Он строится на социальном моделировании и символическом анализе смыслов контекстов публикаций, связанных с развитием государственной политикой в сфере образования. На примере развития образования в Иркутской области проводится комплексный анализ сильных и слабых сторон, а также рисков и угроз развития образования в регионе. Данный механизм позволяет представить условия и прогнозировать основные перспективы развития образования.

Методами анализа выступают: статистический анализ, символический анализ, социальное моделирование. Концептуальной рамкой исследования является механизм социологического воображения и социального моделирования. Материалами исследования постудили официальные статистические и аналитические материалы органов власти, а также вторичные данные, позволяющие конструировать общую систему развития образования в регионе.

В результате проведённого анализа мы получили системный комплекс сильных и слабых сторон, а также рисков и возможностей развития образования в Иркутской области в настоящее время.

Сильные стороны

Нормативная и программная поддержка общего образования осуществляется в рамках государственной программы Иркутской области «Развитие образования». Программа базируется на нормативно-правовых актах как федерального, так и регионального уровня, обеспечивая согласование приоритетов и задач с общенациональной стратегией развития. В числе ключевых задач – повышение доступности, качества и преемственности образования на всех этапах, от дошкольного до профессионального, с акцентом на создание цифровой и инклюзивной образовательной среды. Данная программа позволяет не только поддерживать устойчивые результаты, но и реагировать на изменения внешней среды, формируя условия для модернизации образовательной системы.

Система цифрового сопровождения образовательного процесса, основанная на применении платформ «Моя школа», «ЦОП ИО» и «Сферум», стала ресурсом повышения качества образовательных практик в регионе. По данным на конец 2024 года, «к ГИС «ЦОП ИО» подключились 275511 обучающихся и 27799 педагогов, к федеральной государственной информационной системе «Моя школа» – 38885 обучающихся и 16020 педагогов, к информационно-коммуникационной образовательной платформе «Сферум» – 190044 обучающихся и 29089 педагогов» [1].

Функционирование цифровой инфраструктуры обеспечивает не только оперативное информационное взаимодействие между всеми участниками образовательного процесса, но и создает среду для постоянной обратной связи, мониторинга учебных достижений и повышения прозрачности управленческих решений. Использование цифровых инструментов способствует развитию новых профессиональных компетенций у педагогов и руководителей – в частности, в области анализа данных, адаптации образовательных маршрутов и индивидуализации обучения. Это усиливает адаптивность всей системы и ее способность соответствовать потребностям конкретных обучающихся и актуальным вызовам времени.

Региональная система оценки качества образования, охватывающая ВПР, диагностические процедуры, независимую оценку и адресное методическое сопровождение, демонстрирует устойчивый потенциал в обеспечении объективности и управляемости образовательных процессов. Ее функционирование опирается на регулярную многоуровневую проверку результатов, включающую анализ как когнитивных достижений учащихся, так и уровня профессиональных компетенций педагогов. Так, например, «в 2024 году ВПР выполнили более 153 тыс. обучающихся 4–8-х и 11-х классов из 832 общеобразовательных организаций... Результаты, полученные по итогам проведения

ВПР-2024, свидетельствуют о положительной динамике по достижению обучающимися минимального уровня подготовки по русскому языку и математике» [1]. Такой подход позволяет не только фиксировать общие тенденции, но и выявлять локальные дефициты, что, в свою очередь, обеспечивает основу для оперативного управления образовательными рисками и целенаправленной поддержки школ с низкими результатами.

Укрепление материально-технической базы общеобразовательных организаций за счет строительства, капитального ремонта и оснащения современным оборудованием представляет собой одно из ключевых условий реализации государственной политики, направленной на обеспечение равного доступа к качественному образованию. Например, по данным отчета Министерства образования Иркутской области за 2024 год, «в 39 образовательных организациях обновлена материально-техническая база для внедрения цифровой образовательной среды. Объем финансирования данного мероприятия составил 121,0 млн рублей» [1].

Реализация масштабных проектов модернизации школьной инфраструктуры способствует снижению диспропорций между городскими и сельскими учреждениями, обеспечивая соответствие условий обучения современным санитарным, техническим и педагогическим требованиям. Строительство новых школ и обновление зданий позволяет не только увеличить вместимость системы, но и создать безопасную, инклюзивную и технологически насыщенную образовательную среду, ориентированную на потребности XXI века.

Развитие профессионального потенциала педагогов через функционирование методических центров, реализацию региональных проектов и организацию курсов повышения квалификации формирует институциональную основу устойчивого повышения качества образования. Сформированная в Иркутской области система непрерывного профессионального роста строится на принципах адресности, актуальности и соответствия современным образовательным стандартам. Педагоги получают возможность регулярно обновлять компетенции, осваивать новые методики и участвовать в сетевых образовательных инициативах, что укрепляет их профессиональную идентичность и стимулирует вовлеченность в инновационные практики.

Так, по данным на 2024 год, на базе ГАУ ДПО «Институт развития образования Иркутской области» «прошли повышение квалификации 16930 педагогических и руководящих работников образовательных организаций, переподготовку – 300 человек» [1].

Слабые стороны

Высокий процент учащихся, обучающихся во вторую смену в школах крупных городов и пригород-

ных территорий, указывает на наличие устойчивых структурных дефицитов в сфере планирования и пространственной организации образовательной сети. Так, «до 10% школьников обучаются во вторую смену в 15 муниципальных образованиях г. Братске, Тулуне, Усольском, Заларинском, Балаганском, Нукутском, Тулунском, Усть-Удинском, Зиминском, Нижнеилимском, Черемховском, Киренском, Братском, Боханском районах, г. Бодайбо и район. Наибольшая доля школьников, обучающихся во вторую смену, в городе Иркутске – 42% и Иркутском районе – 41%» [1].

Нагрузка на школьные здания, вызванная несоответствием темпов инфраструктурного развития текущим демографическим и миграционным изменениям, приводит к ряду негативных последствий. Условия второй смены ограничивают возможности для полноценной внеурочной деятельности, снижают доступность индивидуального сопровождения учащихся и затрудняют соблюдение санитарно-гигиенических норм. Все это снижает общую эффективность образовательного процесса и способствует формированию скрытого неравенства в доступе к качественному обучению.

Территориальный дисбаланс в обеспечении кадрами и острый дефицит учителей-предметников в сельских и отдаленных школах подрывают целостность образовательного пространства, усиливая уже существующие проявления социального неравенства. Отсутствие квалифицированных специалистов по ключевым дисциплинам ограничивает возможности для полноценной реализации образовательных стандартов и снижает общий уровень подготовки учащихся. В силу кадрового дефицита многие учителя преподают одновременно несколько предметов либо работают еще и в других местах.

Слабая привлекательность работы в малых населенных пунктах обусловлена не только уровнем заработной платы, но и недостаточным развитием социальной инфраструктуры, ограниченными условиями для профессионального роста и слабой мотивацией со стороны молодых педагогов. Механизмы целевого обучения и система стимулирующих выплат частично компенсируют отток кадров, но не создают долгосрочных оснований для закрепления специалистов в сельской местности. В результате воспроизводится устойчивая структура неравного доступа к качественному образованию, что затрудняет реализацию стратегических задач образовательной политики.

Дополнительным вызовом для формирования качественной образовательной среды выступает физический и технологический износ инфраструктуры школьных пищеблоков и санитарно-технических систем. Изношенные инженерные коммуникации, устаревшее оборудование и несоответствие санитарным требованиям создают препятствия для обеспечения безопасного и сба-

лансированного питания учащихся, одновременно повышая риски, связанные с их здоровьем. Между тем школьное питание рассматривается не только как элемент системы социальной поддержки, но и как важный компонент формирования культуры здорового образа жизни, что закреплено в ряде федеральных и региональных программ. Отметим, что «в 2023–2024 учебном году общий охват одноразовым горячим питанием в школах составляет 91%» [7].

Низкий уровень учебных достижений по итогам ВПР и ГИА в ряде общеобразовательных организаций отражает устойчивые различия в качестве педагогических практик и доступности ресурсов. Такие результаты свидетельствуют не только о слабом освоении школьных предметов, но и указывают на более глубокие проблемы – от неэффективной организации учебного процесса и недостаточной подготовки педагогов до слабой вовлеченности родителей в образовательную деятельность. При этом общие показатели региона остаются высокими: «успешно сдали русский язык 32 169 (99,5%) выпускников, математику 32 246 (99,4%) выпускников 9-го класса; по итогам кампании ГИА-11 98,6% выпускников текущего подтвердили освоение основных образовательных программ среднего общего образования и получили аттестат о среднем общем образовании» [1]. Однако локализация неудовлетворительных результатов в отдельных школах говорит о территориальной и институциональной дифференциации.

Низкое участие обучающихся Иркутской области в заключительном этапе всероссийской олимпиады школьников и федеральных конкурсах демонстрирует ограниченную эффективность системы поиска и сопровождения одаренных детей. «По результатам регионального этапа в заключительном этапе ВсОШ приняли участие 35 человек по 21 предмету...при этом завоевав 1 диплом победителя» [1]. Проблема в большинстве случаев не связана с отсутствием академического потенциала, а скорее указывает на низкую результативность механизмов раннего выявления способных обучающихся, отсутствие системной мотивации и слабо выраженные традиции наставничества. Недостаточная представленность региона в финальных этапах интеллектуальных состязаний сужает возможности школьников, снижает уровень притязаний и ослабляет конкурентоспособность региональной системы образования в общероссийском контексте.

В отдельных школах отсутствует целенаправленная подготовка к олимпиадам, что объясняется как перегрузкой педагогов текущими задачами, так и нехваткой специализированных программ, направленных на развитие исследовательских умений и углубленное изучение предметов. Кроме того, меры региональной поддержки одаренных учащихся зачастую не охватывают удаленные

школы, в результате чего сохраняется неравномерность доступа к возможностям.

Возможности

Участие в федеральных программах, направленных на строительство и капитальный ремонт школ с целью устранения второй смены и модернизации инфраструктуры, открывает для Иркутской области возможности преодоления системных ограничений в обеспечении доступности качественного образования. Так, «капитальный ремонт российских школ проходит по государственной программе Российской Федерации «Развитие образования», рассчитанной на период с 2022 по 2026 год». Присоединение к данной программе позволяет региону привлечь дополнительные федеральные инвестиции, что способствует созданию принципиально новой образовательной среды, соответствующей требованиям цифровой трансформации и принципам инклюзии.

Развитие цифровых образовательных технологий как инструмента персонализации обучения и устранения образовательных дефицитов открывает новые горизонты для повышения адресности педагогического взаимодействия и адаптации учебного процесса к индивидуальным особенностям школьников. Применение аналитических платформ и интеллектуальных систем позволяет не только отслеживать динамику результатов в режиме реального времени, но и позволяет педагогам адаптировать свои инструкции к потребностям и характеристикам отдельных учащихся, учитывая темп обучения, когнитивные способности и уровень подготовки. Такая трансформация снижает риски учебного отставания, усиливает внутреннюю мотивацию и способствует формированию активной, субъектной позиции ученика в образовательной среде.

Расширение практик участия родителей, учеников и широкой общественности «наряду с государством в оценке качества образования способствует более объективному анализу учебного процесса и делает систему образования открытой, доступной и прозрачной» [2]. Вовлечение внешних по отношению к школе акторов позволяет учитывать широкий спектр ожиданий и требований, усиливая легитимность принимаемых управленческих решений и обеспечивая более точную оценку реального состояния образовательной среды. Регулярная обратная связь от различных заинтересованных групп становится основой для гибкой адаптации образовательной политики к специфике конкретной школы и социокультурному контексту местного сообщества.

Формирование сети профильного и предпрофильного обучения открывает возможности для персонализации образовательных траекторий, снижая влияние шаблонных подходов и усили-

вая ориентацию на интересы и способности учащихся. Предпрофильное обучение предназначено для оценки школьниками способностей к обучению по различным профилям, соответствующим склонностям и интересам [9]. Расширение спектра направлений и форматов обучения позволяет учащимся соотносить содержание образования с собственными интересами и профессиональными планами, что способствует росту внутренней мотивации и формированию осознанных образовательных целей.

Внедрение профильных моделей обучения создает условия для более гибкого распределения ресурсов и эффективного использования кадрового потенциала. Предпрофильные курсы и межшкольные образовательные форматы помогают компенсировать дефицит ресурсов в малокомплектных учреждениях, обеспечивая равный доступ к углубленному изучению предметов. Возможность осознанного выбора направления обучения снижает уровень тревожности и способствует успешной социализации выпускников.

«Важными направлениями работы является усовершенствование системы целевого обучения (особенно по дефицитным педагогическим специальностям), закрепление в профессии начинающих педагогов» [8]. Целевая подготовка представляет собой инструмент управляемого пополнения кадрового потенциала с учетом территориальной специфики и потребностей отдельных муниципалитетов, прежде всего в сельских и отдаленных районах. Такая стратегия позволяет не только закрывать вакансии, но и выстраивать механизмы качественного вхождения молодых специалистов в профессиональную среду через системное сопровождение, наставничество и адаптацию к образовательному контексту региона.

Одновременно развитие системы повышения квалификации обеспечивает гибкость и непрерывность профессионального роста, фокусируя внимание педагогов на актуальных вызовах — цифровизации образования, инклюзии, обновлении содержания и методик преподавания. Разнообразие образовательных форматов, включая курсы, стажировки и менторские практики, создает условия для обмена опытом, профессиональной рефлексии и саморазвития, способствуя укреплению кадровой стабильности и снижению риска профессионального выгорания.

Угрозы

Усиление инфраструктурного и материально-технического неравенства между сельскими и городскими школами представляет собой серьезную угрозу для реализации государственной политики в сфере управления качеством общего образования. Эта тенденция способствует устойчивому воспроизводству территориального разрыва, в ре-

зультате чего учащиеся из сельской местности оказываются в условиях ограниченного доступа к современным образовательным ресурсам, цифровым технологиям и обновленной учебной среде. Подобные ограничения негативно сказываются не только на уровне учебных достижений, но и на формировании мотивации, затрудняя выбор осознанной образовательной траектории и снижая потенциал самореализации школьников.

Разрыв в материально-техническом обеспечении дополнительно обостряется ограниченностью кадровых и финансовых ресурсов на уровне муниципалитетов, что затрудняет системное обновление школьной инфраструктуры. В таких условиях сельские школы становятся особенно уязвимыми перед лицом депопуляции и миграционных оттоков. «Переезд семей в центр, перевод своих детей в другие, более современные и намного развитые школы» [10], – все это усиливает территориальные диспропорции. При отсутствии региональной политики, нацеленной на выравнивание образовательных условий, сохраняющееся неравенство может подорвать целостность образовательного пространства и существенно снизить результативность предпринимаемых мер по обеспечению качества обучения.

Рост оттока молодых педагогов из системы общего образования в регионе в силу низкой мотивации и неблагоприятных условий труда представляет собой критическую угрозу устойчивости образовательной политики. Даже «несмотря на постоянную востребованность на рынке труда, образовательные организации находятся в ситуации хронической нехватки педагогических кадров» [11]. Среди основных причин – отсутствие конкурентной заработной платы, слабая система социальной поддержки, ограниченные горизонты профессионального роста, что в совокупности снижает привлекательность профессии и затрудняет закрепление выпускников педагогических вузов в образовательных учреждениях.

Кадровая нестабильность, порождаемая высокой текучестью, нарушает преемственность в образовательных коллективах и осложняет реализацию программ, направленных на повышение качества образования. Отток молодых специалистов ослабляет инновационный потенциал школ, препятствует внедрению цифровых решений и современных педагогических практик, а также ослабляет профессиональные сообщества. Возникает замкнутый цикл: кадровый дефицит усиливает нагрузку на оставшихся сотрудников, что ведет к их профессиональному выгоранию и дальнейшему снижению мотивации. При отсутствии эффективных стратегий удержания молодых педагогов эта тенденция способна нивелировать позитивные результаты реализации государственных инициатив.

Сокращение финансирования образовательных программ на фоне социально-экономической

нестабильности становится еще одним фактором риска, способным подорвать устойчивость образовательной системы. Ограничение бюджетных ассигнований приводит к «снижению уровня материально-технического обеспечения учреждений, низкому уровню оплаты преподавательского состава и уменьшению из-за этого числа квалифицированных преподавателей» [12]. В условиях перераспределения ресурсов между секторами социальной сферы образование часто теряет приоритетность, несмотря на свою стратегическую роль в развитии человеческого капитала. Такая ситуация усиливает неравенство между территориями, препятствует модернизации образовательной среды и снижает доверие к системе в целом.

Недостаточный уровень цифровой грамотности среди педагогов и учащихся как фактор неравномерного освоения цифровых ресурсов представляет собой серьезную угрозу для успешной реализации образовательной политики, ориентированной на цифровую трансформацию. Так, например, «переход на дистанционный формат обучения в период пандемии выявил низкий уровень цифровой грамотности педагогов, что препятствует эффективной организации учебного процесса инструментами онлайн» [3]. Отсутствие базовых умений работы с информационно-коммуникационными технологиями ограничивает использование образовательных платформ, снижает результативность цифровых средств диагностики и делает сам процесс обучения фрагментарным и нестабильным. Особенно остро эта проблема проявляется в сельских школах и образовательных учреждениях социально неблагополучных районов, где доступ к технической поддержке и сопровождению затруднен или вовсе отсутствует.

Профессиональная деятельность современного учителя предполагает эмоциональное насыщение, высокую степень факторов, вызывающих стресс и психофизическое истощение [13], поэтому рост профессионального выгорания педагогов в условиях увеличения нагрузки и эмоционального напряжения также становится риском для реализации государственной политики в области качества образования. Интенсификация труда, расширение круга обязанностей и постоянное давление со стороны контрольных органов снижают психологическую устойчивость педагогов, ослабляют профессиональную мотивацию и приводят к эмоциональной отстраненности от обучающихся.

Проведенный анализ позволил выделить наиболее острые проблемы реализации государственной политики в сфере управления качеством общего образования в Иркутской области:

1. Снижение общего качества инфраструктуры общеобразовательных учреждений, включая недостаточное количество новых школ, износ материально-технической базы пищеблоков и санитарных помещений, что является факто-

ром обеспечения качества общего образования.

2. Территориальный дисбаланс в кадровой обеспеченности особенно в сельских и отдаленных муниципальных образованиях, что формирует неравенство условий получения качественного образования и затрудняет выравнивание учебных результатов между школами.
3. Низкое качество преподавания в сельских и удаленных муниципальных образованиях, что сказывается на эффективности образовательного процесса и результаты ВПР и ГИА.
4. Недостаточная цифровая грамотность педагогов, родителей и учащихся осложняет внедрение и распространения цифровых технологий, что снижает устойчивость реализации образовательных программ в условиях цифровой трансформации.

Итак, проведенный анализ реализации государственной политики в сфере управления качеством общего образования в Иркутской области позволил комплексно оценить текущее состояние системы. В рамках анализа были выявлены ключевые проблемы реализации данной политики. Так, сохраняющаяся высокая доля школьников, обучающихся во вторую смену, увеличивает нагрузку на инфраструктуру и препятствует соблюдению санитарно-гигиенических требований. Территориальный дисбаланс в кадровом обеспечении и дефицит педагогов-предметников в сельской местности способствуют воспроизводству неравенства в доступе к качественному обучению. Стабильно низкие результаты ВПР и ГИА в отдельных школах, а также слабая представленность региона на заключительных этапах олимпиад свидетельствуют о дефицитах качества и недостаточном уровне мотивации участников образовательного процесса. Недостаточная цифровая грамотность у части педагогов и обучающихся снижает готовность системы к цифровой трансформации, ограничивая потенциал для инновационного обновления образования.

Перспективные направления

На основании проведенного анализа реализации государственной политики в сфере управления качеством общего образования в Иркутской области, нами были определены перспективные направления ее развития с учетом успешного опыта в субъектах Российской Федерации:

1. Разработка и реализация регионального проекта по модернизации школьной инфраструктуры, включающий строительство малокомплектных модульных школ и пристроек при действующих учреждениях для сокращения доли учащихся, обучающихся во вторую смену, что ограничивает возможности организации образовательного процесса в соответствии

с санитарными нормами и снижает общее качество учебной среды, выступающей условием обеспечения качества общего образования.

2. Расширение системы целевого набора и распределения молодых специалистов с обязательным сопровождением наставниками и предоставлением компенсационных мер для работы в удаленных и сельских территориях.
3. Внедрение цифровой платформы диагностики учебных достижений учащихся с автоматизированным формированием программ коррекции и интеграцией в систему внутришкольного мониторинга эффективности педагогических практик.
4. Расширение программы повышения квалификации преподавательского состава общеобразовательных учреждений, включая обязательное обучение цифровой грамотности для всех категорий работников образования с последующим формированием цифровых профилей школ и стандартов цифровой среды.

Разберем более подробно каждое из направлений, определив ключевые целевые действия и основных субъектов реализации.

Разработка и реализация регионального проекта по модернизации школьной инфраструктуры. В условиях значительного территориального разброса населенных пунктов и неоднородного распределения численности обучающихся особую значимость приобретает гибкость архитектурных решений и оперативность развертывания новых учебных пространств. Модульные школы позволяют быстро реагировать на местные дефициты инфраструктуры в районах с ограниченным доступом к капитальному строительству – прежде всего в территориях с сезонной миграцией и нестабильной численностью детского населения. Их применение обеспечивает временное, но функциональное решение проблемы доступности образования в условиях инфраструктурной неопределенности.

Параллельно строительство пристроек к уже действующим школам выступает эффективным инструментом разгрузки в быстрорастущих муниципальных образованиях, позволяя сохранить преемственность образовательного процесса и избежать чрезмерного увеличения учебной нагрузки на педагогов. Приоритетными направлениями в этой сфере становятся анализ демографических и миграционных трендов на уровне муниципалитетов, разработка согласованных с органами архитектурного надзора типовых проектных решений и организация межведомственного взаимодействия при выборе площадок для строительства.

Также программа должна включать модернизацию инфраструктуры школьного питания. Актуальность рассматриваемой меры обусловлена не только необходимостью соблюдения санитарно-гигиенических норм, но и социаль-

ной значимостью обеспечения равного доступа к качественному горячему питанию, особенно в сельских школах и учреждениях с изношенной материально-технической базой. «В России в течение 3 лет успешно функционирует автоматизированная система мониторинга питания обучающихся младших классов, в которой участвуют 39 тыс. пищеблоков, предоставляющих питание 7,6 млн учащихся» [2], поэтому внедрение аналогичной системы в общеобразовательных учреждениях Иркутской области позволит организовать регулярную диагностику состояния оборудования, фиксировать отклонения и оперативно передавать информацию органам контроля.

Ключевым направлением реализации должно стать формирование регионального реестра пищеблоков с указанием технического состояния оборудования, сроков его эксплуатации и текущих потребностей в модернизации. Включение требований к сервисному обслуживанию и обновлению оборудования в условия государственных и муниципальных контрактов позволит избежать фрагментарных, неэффективных ремонтов и перейти к системному сопровождению полного жизненного цикла объектов. Подобная модель управления повышает прозрачность бюджетных расходов и закрепляет ответственность подрядных организаций за соблюдение эксплуатационных стандартов. Кроме того, цифровой мониторинг может быть интегрирован в систему оценки эффективности управленческих решений в сфере организации школьного питания, обеспечивая обратную связь и контроль на всех уровнях.

Ответственный исполнитель – управление ресурсного обеспечения и проектной деятельности министерства образования Иркутской области. Источники финансирования: региональный бюджет, субсидии из федерального бюджета.

Расширение системы целевого набора и распределения молодых специалистов с обязательным сопровождением наставниками и предоставлением компенсационных мер для работы в удаленных и сельских территориях направлено на преодоление устойчивого дефицита квалифицированных педагогов в труднодоступных районах Иркутской области. Комплексное решение кадровой проблемы требует не только формирования устойчивой профессиональной мотивации у выпускников педагогических вузов, но и развитие механизмов, способствующих их успешной адаптации и закреплению на местах. Использование целевого приема с последующим распределением позволяет региональным системам образования выстраивать кадровую политику в соответствии с актуальными территориальными потребностями, ориентируясь на конкретные дефициты по предметам и уровням образования.

Реализация таких инициатив также во многом зависит от качества системы наставничества, ко-

торая обеспечивает «передачу опыта, знаний, формирование навыков, компетенций, метакомпетенций и ценностей через неформальное взаимодействие, основанное на доверии и партнерстве» [66]. Не менее важную роль играют также меры материальной поддержки: компенсация расходов на аренду жилья, предоставление подъемных выплат, возмещение транспортных затрат, а также приоритетное участие в программах повышения квалификации. Эти инструменты повышают привлекательность трудоустройства в удаленных территориях и способствуют снижению уровня текучести. Эффективное организационное сопровождение должно опираться на детальный анализ территориальной обеспеченности кадрами и учитывать индивидуальные образовательные маршруты студентов, что позволит выстроить адресную и результативную систему подготовки и удержания педагогических кадров.

Ответственный исполнитель – управление профессионального образования министерства образования Иркутской области. Источники финансирования – региональный бюджет.

«Система оценки планируемых результатов требует создания соответствующих условий на основе использования апробированных управленческих механизмов» [9]. В этой связи внедрение цифровой платформы для диагностики учебных достижений с функцией автоматического формирования программ коррекции и интеграцией в систему внутришкольного мониторинга создает условия для более точной и управляемой оценки качества образования. Подобная система позволяет не только отслеживать уровень освоения учебного материала, но и выявлять скрытые пробелы в знаниях, формируя индивидуальные образовательные маршруты. В ее основе должны быть аналитические модули, адаптивное тестирование и инструменты конструирования коррекционных программ, что делает платформу эффективным инструментом современной школы.

Ключевым направлением становится разработка методики внутришкольного мониторинга, в рамках которой цифровая платформа играет системообразующую роль. Интеграция результатов диагностики в механизм оценки профессиональной деятельности педагогов обеспечивает объективность анализа и позволяет формировать обоснованные рекомендации по повышению квалификации. Одновременно необходима сопряженность платформы с региональными информационными системами для передачи данных и обобщения результатов на уровне субъектов. При этом важно обеспечить защиту персональных данных обучающихся и соблюдение этических норм при использовании цифровых алгоритмов.

Ответственный исполнитель – управление ресурсного обеспечения и проектной деятельности министерства образования Иркутской области

при поддержке Министерства цифрового развития и связи Иркутской области. Источники финансирования – региональный бюджет.

Расширение программы повышения квалификации преподавательского состава общеобразовательных учреждений предполагает системное обновление содержания и форматов педагогического обучения с акцентом на современные образовательные технологии, метапредметные компетенции и работу с детьми с особыми образовательными потребностями. Особое значение приобретает внедрение модульных курсов, ориентированных на профессиональные дефициты и муниципальные особенности образовательного пространства, включая цифровую трансформацию, профилактику выгорания и управление школьной средой.

Ключевыми действиями выступают регулярная актуализация программ в соответствии с требованиями ФГОС, развитие сетевого взаимодействия между учреждениями ГАУ ДПО «Институт развития образования Иркутской области» и школами, а также стимулирование участия педагогов в индивидуальных траекториях развития.

Отдельно отметим, что повышение цифровых компетенций педагогов и управленческого персонала становится ключевым условием для результативного применения образовательных платформ, управления цифровыми ресурсами, а также внедрения электронных инструментов контроля и мониторинга. Программы повышения квалификации должны включать как освоение базовых ИКТ-навыков, так и специализированные блоки, учитывающие особенности преподавания конкретных предметов и специфику управленческой деятельности.

Создание цифровых профилей школ, отражающих уровень инфраструктурной оснащенности, степень интеграции цифровых технологий в образовательный процесс и уровень ИКТ-компетентности сотрудников, позволяет комплексно оценить готовность учреждения к работе в цифровой среде. На этой базе возможно формирование региональных стандартов цифровой образовательной среды, включающих требования к техническому обеспечению, методам цифрового преподавания, защите персональных данных и участию учащихся в онлайн-платформах. Последовательное внедрение такого подхода обеспечивает устойчивость цифровой трансформации и снижает риски неравенства между школами в различных муниципальных зонах.

Ответственный исполнитель – управление профессионального образования министерства образования Иркутской области при поддержке Министерства цифрового развития и связи Иркутской области. Источники финансирования – региональный бюджет.

На основе проведенного анализа были выделены ключевые направления развития государственной политики в сфере управления качеством общего образования в Иркутской области. Особое внимание уделяется реализации регионального проекта по устранению второй смены путем строительства модульных малокомплектных школ и пристроек к существующим зданиям.

Также предлагается развитие системы целевого набора молодых специалистов с последующим распределением и обязательным включением программы наставничества. Комплекс компенсационных мер, включая социальную и финансовую поддержку, позволит повысить привлекательность работы в сельских и труднодоступных районах.

Важным шагом к повышению образовательных результатов становится внедрение цифровой платформы для диагностики учебных достижений. Она будет автоматически формировать индивидуальные программы коррекции и встраиваться в систему внутришкольного мониторинга, делая управление обучением более точным и адресным. Финальным и одновременно сквозным направлением развития является обязательное включение модуля цифровой грамотности в курсы повышения квалификации педагогов. Это позволит формировать цифровые профили школ и единые стандарты цифровой образовательной среды, что создает основу для устойчивой трансформации образования на региональном уровне.

Литература

1. Отчет министерства образования Иркутской области за 2024 год [Электронный ресурс] // Министерство образования Иркутской области. – URL: <https://irkobl.ru/sites/minobr/working/forum/> (дата обращения: 26.06.2025 г.)
2. Участие родителей в оценке качества образования школьников [Электронный ресурс] // Образовательная социальная сеть. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/materialy-dlya-roditelei/library/2016/06/01/statya-uchastie-roditeley-v-otsenke-kachestva> (дата обращения: 26.06.2025 г.)
3. Ардашев Р.Г. Социальная безопасность в сознании сибиряков // Социология. 2024. № 7. С. 59–64.
4. Ардашев Р. Г., Адилов А.Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26–30.
5. Баев П.А. Парадоксы трудовых ценностей современной молодежи // Социология. 2024. № 10. С. 63–67.
6. Баев П.А. Трудовые и профессиональные притязания студентов // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2025. № 4. С. 26–29.

7. Буланова М.Б. Проблемы и перспективы трудоустройства и занятости молодых российских педагогов // Наука. Культура. Общество. 2024. № 3. С. 94–113
8. Журавлева И.А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.
9. Журавлева И.А. Проблемы российской системы высшего образования: качественный анализ // Социология. 2022. № 2. С. 134–142.
10. Колесников В. А., Полюшкевич О.А. Высшее образование в нелинейном обществе // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12. С. 28.
11. Мальцев Д.В. Удовлетворенность обучающихся качеством образовательных услуг технического университета // Высшее образование в России. 2020. т. 29. № 5. С. 45–52
12. Манукян А.М. Система государственного управления образованием в России // Форум молодых ученых. 2019. № 11 (39). С. 267–272
13. Пархоменко Ю. С., Полюшкевич О.А. Идеология компетентности в высшем образовании // Третьи университетские социально-гуманитарные чтения 2009 года. Материалы: в 2 томах. Иркутск, 2009. С. 488–493.
14. Полюшкевич О.А. Развитие человеческого капитала высшей школы: региональное измерение просоциальной патриотической активности // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 135–138.
15. Семенко И.Е. Модернизация системы образования: основные проблемы и перспективы // Московский экономический журнал. 2021. № 11. С. 529–535.

STATE POLICY IN THE SPHERE OF EDUCATION QUALITY MANAGEMENT (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

Zhuravleva I.A.

Irkutsk State University

The article presents a systemic analysis of state policy in the sphere of education quality management. On the example of education management in the Irkutsk region, the strengths and weaknesses, risks and prospects for the development of regional education are shown. Strategies of social modeling are considered and mechanisms for the development of the regional education system are built through the tools of sociological imagination.

Keywords: education, risks of education, threats to education, prospects for education, possibilities for changing education, regional development, social modeling, sociological imagination.

References

1. Report of the Ministry of Education of the Irkutsk Region for 2024 [Electronic resource] // Ministry of Education of the Irkutsk Region. – URL: <https://irkobl.ru/sites/minobr/working/forum/> (date of access: 06/26/2025)
2. Participation of parents in assessing the quality of education of schoolchildren [Electronic resource] // Educational social network. – URL: <https://nsportal.ru/shkola/materialy-dlya-roditelei/library/2016/06/01/statya-uchastie-roditeley-v-otsenke-kachestva> (date of access: 06/26/2025)
3. Ardashev R.G. Social security in the minds of Siberians // Sociology. 2024. No. 7. P. 59–64.
4. Ardashev R.G., Adilov A.N. Social security and social threats in the views of young people // Sociology. 2025. No. 1. P. 26–30.
5. Baev P.A. Paradoxes of labor values of modern youth // Sociology. 2024. No. 10. P. 63–67.
6. Baev P.A. Labor and professional aspirations of students // Alma Mater (Higher School Bulletin). 2025. No. 4. P. 26–29.
7. Bulanova M.B. Problems and prospects of employment and employment of young Russian teachers // Science. Culture. Society. 2024. No. 3. P. 94–113
8. Zhuravleva I.A. Assessment of the development of state educational policy (expert analysis) // Sociology. 2021. No. 4. P. 63–74.
9. Zhuravleva I.A. Problems of the Russian Higher Education System: Qualitative Analysis // Sociology. 2022. No. 2. P. 134–142.
10. Kolesnikov V.A., Polyushkevich O.A. Higher Education in a Nonlinear Society // Modern Studies of Social Problems (electronic scientific journal). 2012. No. 12. P. 28.
11. Maltsev D.V. Satisfaction of Students with the Quality of Educational Services of a Technical University // Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29. No. 5. P. 45–52
12. Manukyan A.M. The System of Public Administration of Education in Russia // Forum of Young Scientists. 2019. No. 11 (39). P. 267–272
13. Parkhomenko Yu.S., Polyushkevich O.A. Ideology of competence in higher education // Third university social and humanitarian readings of 2009. Materials: in 2 volumes. Irkutsk, 2009. P. 488–493.
14. Polyushkevich O.A. Development of human capital of higher education: regional dimension of prosocial patriotic activity // Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. P. 135–138.
15. Semenko I.E. Modernization of the education system: main problems and prospects // Moscow Economic Journal. 2021. No. 11. P. 529–535.

Социальные риски и вызовы современных моделей корпоративного управления

Коротков Никита Игоревич,

аспирант, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный институт)

E-mail: ort-korotkov@mail.ru

В статье рассматриваются современные модели корпоративного управления с точки зрения социологических важных аспектов внутри коллектива, а также их совместной работы. Анализируются возможные социальные риски и угрозы, которые могут возникать в процессе проектной деятельности, а также ежедневного труда сотрудников. Такие риски возможно по причине того, что меняются потребности общества, повышается уровень информированности населения о товарах, услугах, видах деятельности, вместе с чем возрастает и социальная ответственность компаний. В теоретической части работы разбирается понятие «корпоративное управление», оно рассматривается с разных ракурсов и точек зрения. Также изучается классификация социальных рисков, на основании чего делается вывод о необходимости усовершенствования подходов корпоративного управления в современных реалиях.

Методы исследования включают теоретический обзор, метод синтеза, метод анализа, дедукции и обобщения.

Научная новизна состоит в том, что обновлены знания по корпоративному управлению в контексте социологических аспектов, а также предложен новый подход в виде модели корпоративного управления с учетом возможных социальных рисков и вызовов.

Результаты работы описывают перспективные направления дальнейшего развития корпоративного управления, а также подчёркивают важность разработки новых моделей, способных учитывать риски и угрозы.

Ключевые слова: корпоративное управление, социальные риски, модели, перспективы, аспекты.

Введение

Актуальность данной темы обуславливается тем, что в связи с изменениями в обществе, доступности информации в сети интернет, а также меняющимися потребностями возрастает внимание населения к деятельности компаний и предприятий. Вместе с этим актуальными становятся вопросы формирования социальной ответственности. Потребители все чаще предъявляют высокие требования к прозрачности, этичности предпринимательства. Также на повестке дня в рамках международного ведения товарно-денежных отношений стоят вопросы, касающиеся соблюдения стандартов ESG-принципов (экологическое, социальное и корпоративное управление). Современное поколение готово работать по новым правилам, предъявляя их работодателям, суть которых сводится к справедливым условиям труда.

Кроме этого, происходящая цифровизация бизнеса усиливает сложность управления социальными рисками. Речь идет в первую очередь о различиях в культурах, нормативно-законодательной базе, информационной доступности.

Методология исследования включает изучение научных статей и публикаций, монографий по корпоративному управлению, а также интеграции социологических факторов в специфику такого управления. В работе применены такие методы, как теоретический обзор, метод синтеза, метод анализа, дедукции и обобщения.

В теоретическом плане термин «корпоративное управление» имеет несколько важных интерпретаций. Зарубежный исследователь Р. Баукол в 2002 году определил данное понятие следующим образом: «система ценностей организации лежит в основе корпоративного управления и ответственности» [6]. По мнению Дж. Сноффи корпоративное управление должно ориентировать компании на исполнение их социальных обязательств [7]. В отличие от общепринятых взглядов, Р. Баукол предположил, что «корпорациям свойственна близорукость и эгоизм, которым необходимо противодействовать через эффективное управление» [6]. Определение корпоративного управления, предложенное Дж. Сноффи, представляется особенно ценным для понимания данного механизма.

Корпоративное управление, как междисциплинарное явление, невозможно ограничить рамками

одной профессиональной области. Отечественные исследователи также внесли вклад в изучение понятия, выделив в нем главные особенности. По мнению исследователей И. Беликова и В. Вербицкого, взаимодействие между собственниками и руководством компании, различными категориями акционеров, а также между организацией и заинтересованными сторонами (стейкхолдерами) формирует систему корпоративного управления. Эта система направлена на защиту интересов всех участников корпоративных взаимоотношений и обеспечение эффективности. Соответствие управленческой практики организации общественным интересам и социально значимым целям придает особую значимость данной формулировке [1].

В современном экономическом словаре корпоративное управление предполагает систему взаимодействия между руководством, акционерами и иными заинтересованными сторонами для достижения их главных целей. Такое определение охватывает административные и экономические механизмы, позволяющие реализовывать акционерные права собственности и формировать структуру контроля в корпорации. Взаимоотношения между советом директоров компании и различными участниками корпоративных отношений регулируются через данную систему управления.

С точки зрения социологического аспекта интересна интерпретация А.В. Никитина, который рассматривает корпоративное управление как систему достижения равновесия между стратегическими перспективами развития и решением текущих социально-экономических задач. Такой подход направлен на согласование интересов всех участников социальных взаимоотношений. Стоит сказать, что в компаниях с корпоративной структурой именно менеджеры берут на себя ответственность за эти оперативные управленческие функции, что отражает сущность ежедневных процессов администрирования [3].

Итак, можно сказать, что на современном этапе развития общества корпоративное управление является новым фактором профессионализации управленческих кадров и развития предприятий современной России. Корпоративная этика и корпоративная собственность требуют своего рассмотрения в системе механизмов управления с позиций социологического анализа.

Основная часть

На данный момент существует несколько моделей корпоративного управления, сформировавшиеся на основе практического опыта. Главное различие между этими моделями заключается в том, как распределяются полномочия между исполнительным руководством и Советом директоров, а также насколько активно привлекаются другие заинтересо-

ванные стороны. Каждая система имеет собственные достоинства и характерные черты [4]. На рисунке 1 представлена классификация, которую стоит проанализировать подробнее.

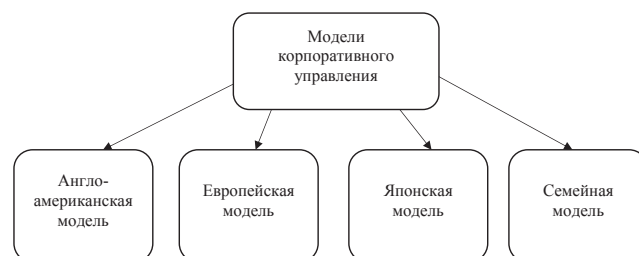

Рис. 1. Классификация моделей управления

Источник: составлено автором на основании [4]

Корпоративное управление в англо-американской модели основывается на рыночной свободе и персональной ответственности за общие достижения, что существенно отличает её от иных управленческих моделей. Ответственность за реализацию стратегических задач организации возлагается на генерального директора, которого назначает директорат. Также данная модель строится на таких фундаментальных концепциях, как независимость судов, разграничение властных полномочий, предпринимательская свобода и обеспечение защиты инвестиционных прав [2,4].

Акционеры избирают автономных представителей, осуществляющих надзор за деятельностью генерального директора и имеющих полномочия для его смены или назначения нового руководителя. Прозрачность информации о деятельности компаний и обеспечение интересов акционеров составляют главный элемент американской модели, а именно защиту прав инвесторов.

Европейская модель корпоративного управления основана на правилах и принципах социально-ответственного бизнеса и правового государства. Поддержка инновационной деятельности, обеспечение здоровой конкурентной среды и защита интересов потребителей составляют базовые принципы данной модели. Стратегическое руководство компаний осуществляет генеральный директор, чье назначение находится в компетенции правительственных органов или парламента. Именно перед этими институтами директор несет ответственность за реализацию стратегических задач компании. Мониторинг деятельности генерального директора также осуществляется правительством или парламентом, которые обладают полномочиями принимать решения по его дальнейшей работе. Такой принцип руководства типичен для скандинавских и центрально-европейских государств, но реже встречается во Франции и Бельгии, где иначе рассматривают перестановки на высших должностях, включая вопросы назначения нового руководителя или ухода предыдущего [4].

Эффективность и функциональность мирового управления корпорациями особенно ярко проявляется в японской модели. Открытость, эффективность и честность являются основополагающими особенностями данной системы. Ответственность перед владельцами акций составляет важнейший аспект японской модели корпоративного управления. Руководители обязаны отчитываться за достигнутые результаты своей деятельности перед инвесторами.

Стратегическое принятие решений невозможно без активного участия держателей акций. В японской модели акционерам предоставляется возможность присутствовать на собраниях наблюдательного совета и влиять на формирование долгосрочной стратегии развития организации.

Права и интересы персонала заслуживают уважения со стороны руководителей и это основная ценность в управлении. Компании требуются постоянные новшества, поэтому менеджмент обязан поощрять креативность и внедрение передовых идей.

Семейная модель управления характеризуется тем, что она строится на бизнесе, передающемся из поколения в поколение. Решения и функционирование компании значительно зависят от такой структуры. Именно эти факторы формируют базис корпоративного управления в организациях подобного типа. В данной системе, подобно европейскому подходу, руководитель высшего звена утверждается государственными органами и несет ответственность за реализацию стратегических задач организации. Семейная структура основывается на принципах, где каждый участник обладает равными правами, все члены общества уважают друг друга и совместно несут ответственность за деятельность поколений.

Что касается особенностей социального корпоративного управления в России, то в организациях могут возникать внутренние нефинансовые риски, которые на данный момент занимают лидирующую позицию по значимости. Это объясняется разнообразием и многочисленностью социальных акторов, вовлеченных в управленческие процессы. Среди них выделяются основатели компании, управленческие кадры, сотрудники, участвующие в общественных управляющих структурах, а также внешние стейкхолдеры. К последней категории можно отнести инвесторов, работодателей и потребителей продукции организации, которые нередко интегрируются в общественные органы управления [5].

В современном контексте наиболее значимое воздействие среди вызовов и рисков социального характера могут оказывать опасности при осуществлении учредительных прав, потенциальные проблемы в функционировании управленческих структур предприятия, а также вызовы, связанные

с информационной прозрачностью и раскрытием данных.

Стоит сказать, что недостаточный уровень корпоративного управления является основным фактором, провоцирующим конфликты в социальной среде. Успешные и экономически стабильные предприятия зачастую становятся объектом для создания препятствий по ведению эффективной предпринимательской активности через механизмы нелегитимного перераспределения активов. Фондовый рынок страны сталкивается с серьезными трудностями развития из-за данной проблематики. Инвестиционный климат в российской экономике характеризуется повышенными рисками, а компании страдают от возрастающих транзакционных затрат и снижения привлекательности для потенциальных инвесторов.

Для снижения потенциальных угроз корпорациям следует разработать специализированную структуру внутреннего мониторинга. Такая система должна функционировать исключительно в сфере управления социальными рисками, не совмещая эти обязанности с иными задачами. Это особенно важно для организаций, использующих финансовый рынок как источник привлечения капитала.

Также среди наиболее распространенных рисков социального характера стоит выделить трудовые риски, в качестве которых могут быть возможные нарушения трудовых прав сотрудников, недостаточный уровень мотивации, вызывающий текучесть персонала. Также слабо развитая корпоративная культура внутри организации может негативно сказываться на деятельности. Имеют место быть и риски, которые связаны с нарушением этических стандартов, то есть коррупция, злоупотребление служебным положением, неверно сформированные отчеты о проделанной работе.

Если говорить об управлении компанией в авторитарном жестком режиме, то руководители таких предприятий часто не учитывают мнения работников, создавая тем самым новые конфликты, снижая вовлеченность персонала и инновационность деятельности. Гибкие корпоративные подходы к управлению также могут создавать риски «размытия ответственности» и недостаточного контроля за соблюдением стандартов.

Итак, для того, что минимизировать социальные риски и конфликтные ситуации в коллективах в процессе корпоративного управления, целесообразно придерживаться комплексного подхода или модели, которая будет строиться на поэтапном выполнении задач (рисунок 2).

Предлагаемый подход образует циклическую форму, так как каждый этап повторяется. Он поможет компаниям периодически выявлять, а также систематизировать и предотвращать социальные риски и угрозы со стороны. Каждый из этих этапов

цикла подразумевает, что руководство и персонал будут максимально вовлечены в процесс.

Рис. 2. Процессная модель корпоративного управления для минимизации социальных рисков

Источник: составлено автором

Заключение

Таким образом, можно сказать, что корпоративное управление с точки зрения социологических аспектов представляет собой сложное и многофункциональное явление, в котором задействованы различные стороны социальных взаимоотношений. Дальнейшее перспективное развитие корпоративного управления должно строиться на балансе интересов всех сторон и принципов публичности, открытости и соответствии EGS-повестки. Связующим звеном в этом отношении является концепция корпоративной социальной ответственности.

Литература

1. Беликов И., Вербицкий В. Корпоративное управление, его стандарты и их внедрение // Общество и экономика. – 2005. – № 10–11. – С. 112–139.
2. Лазарева А. С., Стазаева И.В. Понятие корпорации и модели корпоративного управления организацией // Гуманитарный научный журнал. 2023. № 4 (1). С. 65–69.
3. Никитин, А.В. Формирование механизма и системы управления развитием корпорации: дис. ... канд. экон. наук / А.В. Никитин. СПб., 2007.
4. Павлова А.А. Модели корпоративного управления и их сравнительная характеристика // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2020. № 9. С. 488–493.

5. Перцева Е.Ю., Скобарева В.Ю., Теленков Е.Е. Устойчивое развитие и управление рисками // Проблемы анализа риска. Т. 18. 2021. № 4. С. 16–27.
6. Baukol R. Corporate governance and social responsibility [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cauxroundtable.org> (дата обращения 24.07.2025).
7. Cioffi J.W. Governing globalization? The state, and structural change in corporate governance // Journal of Law and Society. 2000. № 27 (4). Pp. 572–600.

SOCIAL RISKS AND CHALLENGES OF MODERN CORPORATE GOVERNANCE MODELS

Korotkov N.I.

MADI (Moscow Automobile and Road Construction Institute)

The article examines modern models of corporate governance from the point of view of important sociological aspects within the team, as well as their joint work. Possible social risks and threats that may arise in the course of project activities, as well as the daily work of employees, are analyzed. Such risks are possible due to the fact that the needs of society are changing, the level of public awareness about goods, services, and activities is increasing, along with increasing the social responsibility of companies. The theoretical part of the paper examines the concept of “corporate governance”, it is considered from different angles and points of view. The classification of social risks is also studied, on the basis of which it is concluded that it is necessary to improve corporate governance approaches in modern realities.

Research methods include theoretical review, synthesis method, analysis method, deduction and generalization.

The scientific novelty lies in the fact that knowledge on corporate governance has been updated in the context of sociological aspects, and a new approach has been proposed in the form of a corporate governance model, taking into account possible social risks and challenges.

The results of the work describe promising areas for further development of corporate governance, as well as emphasize the importance of developing new models that can take risks and threats into account.

Keywords: corporate governance, social risks, models, prospects, aspects.

References

1. Belikov I., Verbitsky V. Corporate governance, its standards and their implementation // Society and Economics. – 2005. – № 10–11. – pp. 112–139.
2. Lazareva A. S., Stazaeva I.V. The concept of a corporation and models of corporate governance of an organization // Humanitarian Scientific Journal. 2023. No. 4 (1). pp. 65–69.
3. Nikitin, A.V. Formation of the mechanism and management system for the development of a corporation: dissertation of the Candidate of Economic Sciences / A.V. Nikitin, St. Petersburg, 2007.
4. Pavlova A.A. Models of corporate governance and their comparative characteristics // Scientific and educational journal for students and teachers “StudNet”. 2020. No. 9. pp. 488–493.
5. Pertseva E.Yu., Skobarev V.Yu., Telenkov E.E. Sustainable development and risk management // Problems of risk analysis. Vol. 18. 2021. № 4. pp. 16–27.
6. Baukol R. Corporate governance and social responsibility [Electronic resource]. URL: <http://www.cauxroundtable.org> (accessed 07/24/2025).
7. Cioffi J.W. Governing globalization? The state, and structural change in corporate governance // Journal of Law and Society. 2000. № 27 (4). Pp. 572–600.

Предъявляемые требования к комплексу черт, навыков и компетенций сотрудников в цифровую эпоху

Литаш-Сорокина Елена Александровна,
независимый исследователь
E-mail elena@lita.sh;

В условиях стремительной цифровой трансформации исследование предлагает трёхуровневую модель личностных черт, навыков и компетенций, необходимую для профессиональной успешности. Основное внимание уделяется таким качествам, как любознательность, толерантность к неопределённости и способность к самоуправлению. Разработанная модель полезна для HR-специалистов, руководителей и преподавателей, обеспечивая эффективный подбор, развитие и оценку персонала. Исследование подчёркивает важность адаптации сотрудников к новым требованиям и непрерывного обучения, представляя инструмент для оптимизации кадрового менеджмента и повышения конкурентоспособности организаций.

Ключевые слова: цифровая трансформация, профессиональная эффективность, компетенции, черты личности, навыки, адаптация, непрерывное обучение, инновационность, успех.

Введение

Цифровая трансформация охватывает оптимизацию рабочих процессов, развитие компетенций сотрудников и создание условий для личностного роста, что существенно меняет структуру человеческого капитала, усложняя повседневные требования и затрудняя прогнозирование нужных навыков. Изменения технологий и рабочих практик повышают спрос на комплекс компетенций необходимых для проектирования, эксплуатации и адаптации технологий. Благодаря технологическим нововведениям, обновлению навыков и личностному росту сотрудников растёт производительность. Информационная прозрачность способствует укреплению гуманистических ценностей, улучшению социальной мобильности и развитию креативности. Термин «навыки XXI века» возник благодаря преобразованиям, вызванным цифровизацией, и объединяет синонимы: soft skills, метанавыки, гибкие навыки, универсальные компетенции. Трансформация мирового пространства стимулирует формирование новой компетентности. Компаниям приходится менять стратегии найма, выбирая сотрудников с развитым мышлением, адаптивностью и готовностью к непрерывному обучению ввиду ускоренного технологического прогресса и социальных изменений¹.

Материалы и методы

В деятельностном подходе А.Н. Леонтьева личность формируется благодаря самоопределению, противостоящему случайным импульсам и внешним раздражителям реальной жизни. Профессиональная эффективность зависит от сочетания факторов, центральным из которых является внутренняя целевая установка («самость»), определённая Юнгом как подсознательный образ жизненных устремлений, свободный от волевых установок и страхов сознания. Когнитивно-адаптивные механизмы влияют на выявление перспектив, постановку целей и последующие эмоциональные реакции, зависящие от достижений или неудач в профессиональной деятельности. Необходимо рассмотреть, как цифровая трансформация, открывая возможности и ставя преграды достижения целей, формируя требования к чертам, навыкам и компетенциям, определяющим

¹ 8 reasons why digital transformations still fail // URL: <https://www.cio.com/article/228268/12-reasons-why-digital-transformations-fail.html>

эффективность и психологическое благополучие, отражается на личности. Для того, чтобы сформировать модель черт, компетенций и навыков, необходимый человеку для достижения личностно-профессиональной эффективности в цифровом мире (1) проведем ретроспективный анализ существующих методов исследования черт; (2) рассмотрим изменения требований цифровых компаний в России к компетенциям сотрудников за последние десять лет; (3) проанализируем влияние цифровой трансформации на требуемые.

Определение личностных черт и компетенций эффективных сотрудников

В условиях экономической нестабильности и неопределённости важно формировать оптимальный штат специалистов. Качественный подбор, рациональное распределение по должностям, требование к быстрой адаптации и поддержание высокой эффективности делают актуальной психологическую диагностику на этапах отбора и аттестации. Более 60% российских компаний привлекают психологов для оценки соискателей (Николаева и др., 2021). Хорошо организованная психодиагностика помогает решать управленческие задачи. Специалистами подбора персонала подчёркивается важность оценки как при найме, так и для максимального использования сильных сторон сотрудников, учета их слабых сторон, индивидуальное развитие которых требует оценки компетенций и сопоставления их с требованиями рынка¹.

Личностные характеристики служат индикаторами эффективности работы на разных должностях и необходимы для анализа личностных конструкций каждой роли (Jenkins et al., 2004). Однако, единые стандарты для оценки личностных черт отсутствуют. В России применяются: биографические интервью (около 15%), структурированные интервью (25–27%), анкеты (40–45%). Ассесмент-центр, объединяющий тесты и практические задания, предлагает точность до 70–80%.² Тест 16PF эффективен для фундаментальных исследований личности (Николаенко, 2024), тест Майерса-Бриггса популярен у работодателя, но не признан научным сообществом² (Букалов, 1996). Методика Большой Пятёрки (BFI) описывает личность через пять базовых факторов (Николаенко, 2024), используется в науке и частично связывается с производительностью (Jenkins et al., 2004; Barrick et al., 2001; Linden et al., 2010; McDonnell, 2011). Свойства характера, связанные с успешной карьерой, определили Макрей и Фернхэм, пред-

ложив инструмент измерения высокого личностного потенциала из шести признаков (High Potential Traits Inventory – HPTI), каждый из которых связан с личным восприятием успеха в профессиональной деятельности (Teodorescu et al., 2017). Модель используется в научных трудах для анализа личностного потенциала. Предикторы успеха на работе согласно модели HPTI. (1) Добросовестность – черта, определяющая дисциплинированность, организованность и возможность контролировать личные импульсы (Costa et al., 1992). Анализ психологических конструкторов подтверждает, данная характеристика относится к факторам высшего порядка, состоит из: работоспособности, упорядоченности действий, самоконтроля, чувства ответственности, приверженности ценностям и морально-нравственное начало, и выступает умеренным прогностическим показателем успеха в профессиональном труде независимо от вида выполняемой деятельности и критериев оценки успешности (Judge et al., 1997), и, наряду с невротизмом, является наиболее сильным предиктором производительности (Manea, Ilescu, 2021), достаточно стабилен во времени, его составляющие: сдержанность импульсивных реакций, надёжность и формальность поведения, способны возрастать с увеличением возраста (Jackson, 2009). (2) Конкурентоспособность – способствует саморазвитию, стимулирует личную и командную результативность, поддерживает мотивацию развития и выступает предпосылкой эффективного исполнения функций, имеет важную роль среди индивидуально-психологических свойств, отражающих одну из существенных граней концепции потребности в достижении успехов Макклелленда (1965), составляющих характеристик личности типа А, однако, не гарантирующим автоматический рост производительности (Wang et al., 2002). (3) Саморегуляцию рассматривают как адаптивное завершение свойства невротичности пятифакторной модели личности (FFM), которое проявляется устойчивостью стрессу и положительным восприятием (Costa, McCrae, 1992). Лица с развитой саморегуляцией имеют повышенную продуктивность. Невротичность низкого адаптивного уровня связана с пониженной самооценкой благополучия и степени удовлетворённости профессией (Judge, Locke, 1992). Отдельно выделяются предикторы успеха для руководителей. (1) Способность преодолевать отрицательные, тревожащие чувства и увеличивать спектр поведенческих реакций определяется понятием мужества. Согласно теории позитивной психологии Б. Фредриксон (2001), негативные эмоции ограничивают варианты поведения. Страх формирует защиту от угроз, но ограничивает спектр действий. Мужество позволяет использовать смелость и решительность для преодоления страха, сохраняя твёрдость позиций (Hannah et al., 2007), может проявляться

¹ Олеся Москевич, Оценка сотрудников: современные методы анализа работы персонала. // URL: <https://spectrumdata.ru/blog/proverka-soiskatelya/otsenka-sotrudnikov-sovremennyye-metody-analiza-effektivnosti-personala/>

² Nothing personal: The questionable Myers-Briggs test. // URL: <https://www.theguardian.com/science/brain-flapping/2013/mar/19/myers-briggs-test-unscientific>

Окончание

в расчётливом риске, открытом взаимодействии, эффективном решении задач и моральной стойкости (Norton et al., 2009). (2) Под термином «принятие неопределённости» Фернхэм предлагает понимать процесс восприятия и обработки человеком ситуаций, связанных с новизной или противоречивостью обстоятельств, который позволяет справляться с новыми или плохо структурированными задачами, оперативно адаптироваться к изменениям в целях и обязанностях, извлекать пользу из непредсказуемости, включать оценку разнообразия, сложных перспектив, незнакомости и изменений, – так снижая стресс на должностях с многообразием функций и повышая вероятность успеха в принятии решений на неоднородных данных (Keenan et al., 2011). (3) Любопытство (открытость) – отражает повышенный интерес к новому знанию, впечатлениям и необычным обстоятельствам, проявляется интересом к новому, творческой инициативности, готовностью воспринимать разные точки зрения, включает рефлекссию и новаторство. Открытые сотрудники чаще удовлетворены работой, достигают высоких карьерных позиций (Judge et al., 1999). Линден (2010) выявил прямую связь открытости с производительностью труда и скоростью освоения новой информации. Баррике (2003), обнаружил влияние на образовательные навыки, но слабее чем добросовестности и адаптивности.

Модели компетенций цифровых организаций, объединяющих навыки мышления, социальные и эмоциональные навыки, цифровые навыки, продолжают эволюционировать, фокусируясь на развитии общечеловеческих качеств. (Таблица 1) Изменения происходят в следствии технического прогресса: недавно ключевыми считались навыки анализа данных и управления автоматизацией, анализ данных, системная интеграция и программирование считались «новыми» цифровыми. Сейчас уже компании всё больше полагаются на навыки искусственного интеллекта и масштабной автоматизации¹. ИИ берёт на себя обработку данных и интерпретацию, человеку остается проверка и принятие решений.

Таблица 1. Предлагаемые компетентностные модели в российской практике

Образование XXI века При поддержке Сбера ²	Модель компетенций команды цифровой трансформации ³	Модель компетенций Сбера 2023 ⁴	Целевая модель компетенций 2025 ⁵
2018	2020	2023	2025

¹ Sida Peng, Eirini Kalliamvakou, Peter Cihon, Mert Demirer, The Impact of AI on Developer Productivity: Evidence from GitHub Copilot. // URL: <https://arxiv.org/html/2302.06590>

Образование XXI века При поддержке Сбера ²	Модель компетенций команды цифровой трансформации ³	Модель компетенций Сбера 2023 ⁴	Целевая модель компетенций 2025 ⁵
Знания Традиционные Математика Иностранные языки и т.п. Современные Робототехника Предпринимательство Навыки Креативность Критическое мышление Коммуникация Кооперация Характер Любознательность Внимательность Смелость Развитое мышление Лидерство	Профессиональные компетенции Управление цифровым развитием Развитие организационной культуры Инструменты управления Управление и использование данных Применение цифровых технологий Развитие Цифровой инфраструктуры	Профессиональные навыки Цифровые навыки Развитие продуктов Работа с данными Применение технологий Кибербезопасность Мягкие навыки Системное мышление и решение проблем Управление результатом и ответственностью Управление собой Развитие команд и сотрудничество Клиентоцентричность	Цифровые навыки Создание систем Управление информацией Мягкие навыки Системное мышление и решение проблем Управление результатом и ответственностью Управление собой Развитие команд и сотрудничество Клиентоцентричность

Трансформация деятельности в условиях цифровизации

Происходят изменения в качестве задач: они слабоформализованы и зачастую не имеют аналогов в прошлом. Децентрализация принятия решений организационных структур⁶, изменчивость среды – требуют непрерывного обучения, развития адаптивной рабочей силы. Сотрудничество становится важным активом любой организации. Авто-

² Современное образование, // URL: <https://vbudushee.ru/education/>

³ Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления // URL: <https://cdto.work/2020/03/12/model/>

⁴ Встреча с представителями ПАО «Сбербанк» // URL: <https://elsu.ru/news/13857-vstrecha-s-predstaviteljami-pao-sberbank.html>

⁵ Источник: консенсус-мнение экспертов – представителей Сбербанка, RosExpert/Korn Ferry, Высшей школы экономики, WorldSkills Russia, Global Education Futures и BCG. // URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf

⁶ LeSS Framework, Координация Интеграция. // URL: <https://less.works/ru/less/framework/coordination-and-integration>

матизация рутинных задач и усложнение глобализированной экономики ведут к смещению фокуса с узкопрофильных навыков на широкие аналитические способности, переходу от регламентированной деятельности к самостоятельной работе в условиях кооперации и гибкого сотрудничества¹. Сотрудникам для выполнения задач, принятия решений и межличностного общения требуются гибкость и самостоятельность. Раньше такие навыки нужны были лишь менеджерам и экспертам. Если говорить о навыках как постоянных (основные) и контекстных, контекстные привязаны к среде и технологиям, основные – универсальны, относятся к высоким уровням познания и помогают в адаптации (Kay, Greenhill, 2011). Меняющийся технологический, экономический и социальный ландшафт требует целенаправленного развития основных навыков. Перемены требуют непрерывного образования в мире, где прогресс технологий должен сопровождаться и развитием сотрудников, чтобы гарантировать их профессионализм, содействовать самопознанию и поиску самоуважения (Delors, 2013) По словам Г. Грефа, «Цифровая трансформация Сбербанка была бы немыслима без созданной в Сбере системы профессионального образования и персональных траекторий развития сотрудников»². Первоочередным становится развитие навыков: познание мира, критическое мышление, управление сложностью, толерантность к неопределённости, самоэффективность (Dishon et al, 2020), развитие творческих способностей (Kolade et al, 2022), приобретение знаний, развитие любознательности, умения непрерывно учиться и стремиться к лучшему пониманию действительности и окружения³. Креативность, подпитываемая энтузиазмом и беспокойством, открывает новые горизонты, ставя под сомнение устои и практику. Аффективные и творческие возможности видятся последним рубежом преимущества над технологиями. Развитие основных навыков становится парадигмой цифровой эпохи. «Успешные люди будут иметь простую философию любопытства – они будут думать о своем развитии как о «учиться, разучиваться, перечувствовать»» считает глава цифровизации Genpract. «Недооцененная способность – оказывать влияние на людей, которых вы не контролируете, вакансии в сфере ИТ еще три-пять лет не нуждались в этом», – отмечает старший партнер West Monroe⁴. (Lodi et al., 2020)

¹ Mayer, Schnettler, Aisenbrey, The Process and Impacts of Educational // URL: https://www.researchgate.net/publication/228950511_The_process_and_impacts_of_educational_expansion_findings_from_the_German_life_history_study#fullTextFileContent

² V Международная конференция «Больше, чем обучение: вызовы новой нормальности» // URL: https://sberuniversity.ru/edutech-club/events/3039/?utm_source=press-release2020

³ 21st Century Skill // URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/21st-century-skill>

⁴ 13 essential skills for accelerating digital transformation, CIO // URL: <https://www.cio.com/article/481387/13-essential-skills-for-accelerating-digital-transformation.html>

В нестабильной среде работники вынуждены овладеть навыками управления внутренними изменениями и внешними обстоятельствами, следить за состоянием рынка труда, оценивать собственные возможности трудоустройства. Трудоустроенность становится характеристикой самоотношения, обостряя потребность в самосовершенствовании, росте осознанности, развитии метакогнитивных способностей, что важно для позитивной оценки опыта⁵, трансформации стрессовых событий в возможности роста и устойчивости, реализуя самотрансформацию (рисунок 1). Организации нуждаются в сотрудниках с адаптивным поведением, за рамками традиционных представлений: не просто потенциальной готовности к изменениям, а активной реальной демонстрации адаптивных качеств при выполнении обязанностей. Эмпирические исследования подтверждают важность показателя для оценки эффективности труда (McLoughlin et al, 2021).

Наряду с индивидуальными отличиями в уровне эффективности деятельности в стабильных производственных условиях наблюдаются аналогичные вариации среди работников в нестабильных или быстроизменяющихся контекстах.

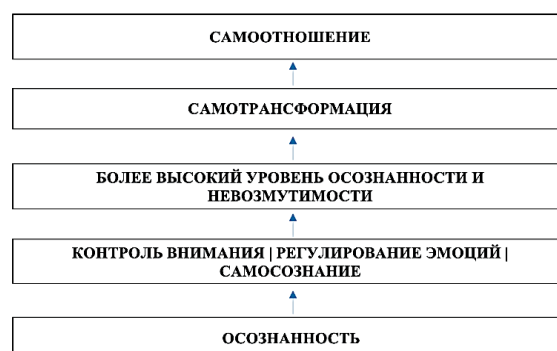

Рис. 1. Процесс позитивной самооценки в ходе самотрансформации

Высокопроизводительные сотрудники проявляют большую адаптивность в непредсказуемой среде. Динамизм рабочей обстановки ставит организацию перед необходимостью глубокого понимания ключевых характеристик адаптивности. (Loughlin, 2021) Для выявления конкретных составляющих адаптивной эффективности труда Пулакос (2000) предложил классификацию: «(1) умение функционировать в отсутствии четких ориентиров и предсказуемости, (2) адекватность реагирования на критические ситуации и кризисы, (3) креативный подход к решению задач, (4) способность эффективно справляться с профессиональными нагрузками и эмоциональным напряжением, (5) готовность к новым знаниям, технологиям и процедурам, (6) проявление социальной гибкости и толерантности в отношениях

⁵ Tang, Y. Y., & Tang, R. (2015). Rethinking Future Directions of the Mindfulness Field. Psychological Inquiry // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1047840X.2015.1075850>

с коллегами, (7) способность учитывать культурные особенности и адаптироваться к разнообразному окружению, (8) поддержание физической выносливости и здоровья.» Адаптивность зависит от вида профессиональной деятельности – чувствительна к динамике рабочей среды (Dam, 2013). Инструменты оценки адаптивности разработаны отдельно для энергетики, гостиничного бизнеса и прочих отраслей (Sony, Mekoth, 2022). Проводником технологий и инноваций становится человекоцентрированный подход, поддержка сотрудников определяет успех цифровой трансформации. Лишь некоторые примеры успеха расширения возможностей сотрудников: Интернет-магазин Zappos предоставил сотрудникам свободу самостоятельных решений, что повысило их вовлечённость, как следствие, лояльность клиентов. В Microsoft генеральный директор инициировал культурную трансформацию, внедряя «мышление роста». «Отрасль ценит инновации, а не традиции, первым шагом к правильной корпоративной культуре является такое мышление», считает Наделла. Компания Buffer практикует принцип полной прозрачности, раскрывая внутренние показатели, зарплаты и процессы принятия решений, вовлекая сотрудников и окружение в жизнь компании.

Заключение

Концептуальная модель личностных черт, навыков и компетенций, обеспечивающих профессиональную эффективность сотрудников в условиях цифровой трансформации интегрирует три базовые категории: (1) Диагностика личностных черт: включает устойчивые во времени характеристики, такие как добросовестность, которые подлежат измерению на этапе подбора персонала. (2) Динамичные факторы развития: представляют собой качества, способствующие постоянному личностному профессиональному росту, включая конкурентоспособность и любознательность. (3) Адаптивные черты личности: характеристики, обеспечивающие успешную адаптацию к изменяющимся условиям труда, такие как саморегуляция, мужество и толерантность к неопределённости. Основываясь на синтезе обзора литературы и эмпирических исследований, модель подтверждает значимость рассмотренных компонентов для личностно-профессиональной эффективности сотрудников. Исследование дает ответы на заявленные цели и гипотезы, поднимает вопросы для дальнейших исследований, разработке инструментов диагностики выделенных качеств и изучение их влияния на производительность. Перспективы работы включают продолжение изучения применимости модели и разработку практических рекомендаций для подбора и развития персонала в условиях цифровизации.

Обсуждение результатов

Разработана трехуровневая модель личностных черт, навыков и компетенций для сотрудников в условиях цифровой трансформации. Результаты подтверждают их вклад в личностно-профессиональную эффективность сотрудников. Возникают вопросы для дальнейших исследований: разработка инструментов диагностики адаптируемых качеств, проверка универсальности модели в разных культурах и сферах, а также влияния этих качеств на производительность и удовлетворенность работой. Исследование дополняет предыдущие выводы о важности адаптивных качеств, подчеркивая их взаимосвязь с устойчивыми чертами и факторами развития. Полученная модель приближает нас к лучшему пониманию требований к сотрудникам в цифровую эпоху, требуя дальнейшего анализа и разработки специализированных методик диагностики и поддержки.

Ограничения

Исследование основано на литературном обзоре и теоретическом анализе, что позволяет выявить актуальность вопроса и формирует концептуальную основу, требует дальнейшего эмпирического подтверждения и практической проверки в реальных организациях.

Литература

1. Букалов, А. (1996). Достоверна ли американская статистика типов и инертных отношений по тесту И.Майерс-Бриггс?. Соционика, ментология и психология личности, (4), 61–64.
2. Николаева Ю.В., Мусатова О.А., Ферапонтова М.В., Футин В.Н. Оценка эффективности психодиагностической деятельности психолога организации // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 2. С. 68–72. DOI: 10.24412/2658-638X-2021-2-68-72
3. Полозов А. А., Штарк М.П., Полозова К.А., Мальцева Н.А., Ахметзянов А.Р. Определение типа характера личности сверточной нейронной сетью на примере методики MMPI // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2023. № 1. С. 149–163. doi:10.21685/2227-8486-2023-1-10
4. Я. Н. Николаенко, Структурная валидность Миннесотского многофазного опросника (MMPI), 16-факторного личностного опросника Кеттелла (16PF), модели личности большой пятерки (BFI) и нейролингвистического профилирования (Профайлер+) в комплексной оценке личности. // URL: https://doi.org/10.25696/EI-sys_MPVT_07_ru06
5. Barrick, M. R., Mount, M. K., & Judge, T. A. (2001). Personality and Performance at the Begin-

- ning of the New Millennium: What Do We Know and Where Do We Go Next? *International Journal of Selection and Assessment*, 9, 9–30. // URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2389.00160>
6. Costa Jr., P. T., & McCrae, R. R. (1992). Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) Professional Manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources. // URL: <https://www.scrip.org/journal/paperinformation?paperid=102267>
  7. Dishon, G., & Gilead, T. (2020). Adaptability and its discontents: 21st-century skills and the preparation for an unpredictable future. *British Journal of Educational Studies*, 69(4), 393–413. // URL: <https://doi.org/10.1080/00071005.2020.1829545>
  8. E.D. Pulakos, S. Arad, M.A. Donovan, K.E. Plamondon Adaptability in the workplace: development of a taxonomy of adaptive performance *J. Appl. Psychol.*, 85 (4) (2000), pp. 612–624
  9. Fredrickson, B. L. (2001). The Role of Positive Emotions in Positive Psychology: The Broaden-and-Build Theory of Positive Emotions. *American Psychologist*, 56, 218–226.
  10. Jackson, J. J., Bogg, T., Walton, K. E., Wood, D., Harms, P. D., Lodi-Smith, J., Edmonds, G. W., & Roberts, B. W. (2009). Not All Conscientiousness Scales Change Alike: A Multimethod, Multi-sample Study of Age Differences in the Facets of Conscientiousness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 96, 446–459 // URL: <https://doi.org/10.1037/a0014156>
  11. Jacques Delors. The treasure within: Learning to know, learning to do, learning to live together and learning to be. What is the value of that treasure 15 years after its publication? DOI 10.1007/s11159-013-9350-8
  12. Jenkins, M. & Griffith, R. (2004) Using Personality Constructs to Predict Performance: Narrow or Broad Bandwidth. *Journal of Business and Psychology*, Volume 19, Issue 2, pp 255–269
  13. Judge, T. A., & Locke, E. A. (1992). The Effect of Dysfunctional Thought Processes on Subjective Well-Being and Job Satisfaction. *Journal of Applied Psychology*, 78, 475–490. // URL: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.78.3.475>
  14. Judge, T. A., Higgins, C. A., Thoresen, C. J., & Barrick, M. R. (1999). The Big Five Personality Traits, General Mental Ability, and Career Success across the Lifespan. *Personnel Psychology*, 52, 621–652. // URL: <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1999.tb00174.x>
  15. Judge, T. A., Martocchio, J. J., & Thoresen, C. J. (1997). Five-Factor Model of Personality and Employee Absence. *Journal of Applied Psychology*, 82, 745–755. // URL: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.82.5.745>
  16. Hannah, S., Sweeney, P. J., & Lester, P. B. (2007). Toward a Courageous Mindset: The Subjective act and Experience of Courage. *Journal of Positive Psychology*, 2, 129–135. // URL: <https://doi.org/10.1080/17439760701228854>
  17. Kay, Ken & Greenhill, Valerie. (2011). Twenty-First Century Students Need 21st Century Skills. doi:10.1007/978-94-007-0268-4_3
  18. Keenan, A., & McBain, G. D. M. (2011). Effects of Type A Behaviour, Intolerance of Ambiguity, and Locus of Control on the Relationship between Role Stress and Work-Related Outcomes. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 52, 277–285. // URL: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1979.tb00462.x>
  19. Lodi, E.; Zammitti, A.; Magnano, P.; Patrizi, P.; Santisi, G. Italian Adaption of Self-Perceived Employability Scale: Psychometric Properties and Relations with the Career Adaptability and Well-Being. *Behav. Sci.* 2020, 10, 82. DOI: 10.3390/bs10050082 // URL: <https://www.mdpi.com/2076-328X/10/5/82>
  20. Linden, D., Nijenhuis, J., & Bakker, A. B. (2010). The General Factor of Personality: A Meta-Analysis of the Big Five Intercorrelations and a Criterion-Related Validity Study. *Journal of Research in Personality*, 44, 315–327. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2010.03.003>
  21. Manea, A. I., & Iliescu, D. (2021). Development of a New Personality-Oriented Work Analysis Questionnaire: First Steps Towards Validation. *Psihologia Resurselor Umane*, 19(1). <https://doi.org/10.24837/pru.v19i1.484>
  22. MacRae, I. and Furnham, A. (2020) A Psychometric Analysis of the High Potential Trait Inventory (HPTI). *Psychology*, 11, 1125–1140. DOI: 10.4236/psych.2020.118074.
  23. Norton, P. J., & Weiss, B. J. (2009). The Role of Courage on Behavioral Approach in a Fear-Eliciting Situation: A Proof-of-Concept Pilot Study. *Journal of Anxiety Disorders*, 23, 212–217. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2008.07.002>
  24. Nicole Mirra, Antero Garcia «I Hesitate but I Do Have Hope»: Youth Speculative Civic Literacies for Troubled Times, *Harvard Educational Review* (2020) 90 (2): 295–321., <https://doi.org/10.17763/1943-5045-90.2.295>
  25. Oluwaseun Kolade, Adebowale Owoseni, Employment 5.0: The work of the future and the future of work, *Technology in Society*, Volume 71, 2022, 102086, ISSN 0160-791X, // URL: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102086>.
  26. Sony, M., & Mekoth, N. (2022). Employee adaptability skills for Industry 4.0 success: a road map. *Production & Manufacturing Research*, 10(1), 24–41. // URL: <https://doi.org/10.1080/21693277.2022.2035281>
  27. Teodorescu, A., Furnham, A., & Macrae, I. (2017). Trait Correlates of Success at Work. *International Journal of Selection and Assessment*, 25, 36–42. // URL: <https://doi.org/10.1111/ijsa.12158>

28. Teodorescu, A., Furnham, A., & Macrae, I. (2017). Trait Correlates of Success at Work. *International Journal of Selection and Assessment*, 25, 36–42. // URL: <https://doi.org/10.1111/ijsa.12158>
29. Van Dam, K. (2013). Employee adaptability to change at work: A multidimensional, resource-based framework. In S. Oreg, A. Michel, and R. By (Eds.), *The Psychology of Organizational Change: Viewing Change from the Employee's Perspective* (pp. 123–142). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9781139096690.009
30. Wang, G., & Netemeyer, R. G. (2002). The Effect of Job Autonomy, Customer Demandingness, and Trait Competitiveness on Salesperson Learning, Self-Efficacy and Performance. *Journal of the Academic Study of Marketing Science*, 30, 217–227. // URL: <https://doi.org/10.1177/0092070302303003>

REQUIREMENTS FOR A SET OF TRAITS, SKILLS AND COMPETENCIES OF EMPLOYEES IN THE DIGITAL ERA

Litash-Sorokina E.A.

In the face of rapid digital transformation, the research proposes a unique three-tier model of personality traits, skills, and competencies necessary for professional success. It focuses particularly on qualities like curiosity, tolerance of uncertainty, and self-regulation. The developed model is beneficial for HR professionals, leaders, and educators, providing effective tools for recruitment, development, and assessment of staff. The study emphasizes the importance of employee adaptation to new demands and continuous learning, offering a toolkit for optimizing talent management and boosting organizational competitiveness.

Keywords: Digital transformation, professional efficiency, competencies, personality traits, skills, adaptation, continuous learning, innovation, success.

References

1. Bukalov, A. (1996). Are American statistics of types and inter-type relationships according to the I. Myers-Briggs test reliable?. *Socionics, mentology and psychology of personality*, (4), 61–64.
2. Nikolaeva Yu.V., Musatova O.A., Ferapontova M.V., Futin V.N. Evaluation of the effectiveness of psychodiagnostic activities of an organizational psychologist // *Psychology and pedagogy of service activities*. 2021. No. 2. P. 68–72. DOI: 10.2441/2/2658-638X-2021-2-68-72
3. Polozov A. A., Stark M.P., Polozova K.A., Maltseva N.A., Aklhmetzyanov A.R. Determination of personality type by a convolutional neural network using the MMPI technique as an example // *Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. 2023. No. 1. P. 149–163. doi:10.21685/2227-8486-2023-1-10
4. Ya. N. Nikolaenko, Structural validity of the Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI), Cattell's 16-factor personality questionnaire (16PF), the Big Five personality model (BFI) and neurolinguistic profiling (Profiler+) in a comprehensive personality assessment. // URL: https://doi.org/10.25696/Elsys_MPVT_07_ru
5. Barrick, M. R., Mount, M. K., & Judge, T. A. (2001). Personality and Performance at the Beginning of the New Millennium: What Do We Know and Where Do We Go Next? *International Journal of Selection and Assessment*, 9, 9–30. // URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2389.00160>
6. Costa Jr., P. T., & McCrae, R. R. (1992). Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI) Professional Manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources. // URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=102267>
7. Dishon, G., & Gilead, T. (2020). Adaptability and its discontents: 21st-century skills and the preparation for an unpredictable future. *British Journal of Educational Studies*, 69(4), 393–413. // URL: <https://doi.org/10.1080/00071005.2020.1829545>
8. E.D. Pulakos, S. Arad, M.A. Donovan, K.E. Plamondon Adaptability in the workplace: development of a taxonomy of adaptive performance *J. Appl. Psychol.*, 85 (4) (2000), pp. 612–624
9. Fredrickson, B. L. (2001). The Role of Positive Emotions in Positive Psychology: The Broaden-and-Build Theory of Positive Emotions. *American Psychologist*, 56, 218–226.
10. Jackson, J. J., Bogg, T., Walton, K. E., Wood, D., Harms, P. D., Lodi-Smith, J., Edmonds, G. W., & Roberts, B. W. (2009). Not All Conscientiousness Scales Change Alike: A Multimethod, Multisample Study of Age Differences in the Facets of Conscientiousness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 96, 446–459 // URL: <https://doi.org/10.1037/a0014156>
11. Jacques Delors. The treasure within: Learning to know, learning to do, learning to live together and learning to be. What is the value of that treasure 15 years after its publication? DOI 10.1007/s11159-013-9350-8
12. Jenkins, M. & Griffith, R. (2004) Using Personality Constructs to Predict Performance: Narrow or Broad Bandwidth. *Journal of Business and Psychology*, Volume 19, Issue 2, pp 255–269
13. Judge, T. A., & Locke, E. A. (1992). The Effect of Dysfunctional Thought Processes on Subjective Well-Being and Job Satisfaction. *Journal of Applied Psychology*, 78, 475–490. // URL: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.78.3.475>
14. Judge, T. A., Higgins, C. A., Thoresen, C. J., & Barrick, M. R. (1999). The Big Five Personality Traits, General Mental Ability, and Career Success across the Lifespan. *Personnel Psychology*, 52, 621–652. // URL: <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1999.tb00174.x>
15. Judge, T. A., Martocchio, J. J., & Thoresen, C. J. (1997). Five-Factor Model of Personality and Employee Absence. *Journal of Applied Psychology*, 82, 745–755. // URL: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.82.5.745>
16. Hannah, S., Sweeney, P. J., & Lester, P. B. (2007). Toward a Courageous Mindset: The Subjective act and Experience of Courage. *Journal of Positive Psychology*, 2, 129–135. // URL: <https://doi.org/10.1080/17439760701228854>
17. Kay, Ken & Greenhill, Valerie. (2011). Twenty-First Century Students Need 21st Century Skills. doi:10.1007/978-94-007-0268-4_3
18. Keenan, A., & McBain, G. D. M. (2011). Effects of Type A Behaviour, Intolerance of Ambiguity, and Locus of Control on the Relationship between Role Stress and Work-Related Outcomes. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 52, 277–285. // URL: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1979.tb00462.x>
19. Lodi, E.; Zammitti, A.; Magnano, P.; Patrizi, P.; Santisi, G. Italian Adaption of Self-Perceived Employability Scale: Psychometric Properties and Relations with the Career Adaptability and Well-Being. *Behav. Sci.* 2020, 10, 82. DOI: 10.3390/bs10050082 // URL: <https://www.mdpi.com/2076-328X/10/5/82>
20. Linden, D., Nijenhuis, J., & Bakker, A. B. (2010). The General Factor of Personality: A Meta-Analysis of the Big Five Intercorrelations and a Criterion-Related Validity Study. *Journal of Research in Personality*, 44, 315–327. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2010.03.003>
21. Manea, A. I., & Iliescu, D. (2021). Development of a New Personality-Oriented Work Analysis Questionnaire: First Steps Towards Validation. *Psihologia Resurselor Umane*, 19(1). <https://doi.org/10.24837/pru.v19i1.484>
22. MacRae, I. and Furnham, A. (2020) A Psychometric Analysis of the High Potential Trait Inventory (HPTI). *Psychology*, 11, 1125–1140. DOI: 10.4236/psych.2020.118074.
23. Norton, P. J., & Weiss, B. J. (2009). The Role of Courage on Behavioral Approach in a Fear-Eliciting Situation: A Proof-of-Concept Pilot Study. *Journal of Anxiety Disorders*, 23, 212–217. // URL: <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2008.07.002>
24. Nicole Mirra, Antero Garcia «I Hesitate but I Do Have Hope»: Youth Speculative Civic Literacies for Troubled Times, Har-

- vard Educational Review (2020) 90 (2): 295–321., <https://doi.org/10.17763/1943-5045-90.2.295>
25. Oluwaseun Kolade, Adebawale Owoseni, Employment 5.0: The work of the future and the future of work, *Technology in Society*, Volume 71, 2022, 102086, ISSN 0160-791X, // URL: <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2022.102086>.
26. Sony, M., & Mekoth, N. (2022). Employee adaptability skills for Industry 4.0 success: a road map. *Production & Manufacturing Research*, 10(1), 24–41. // URL: <https://doi.org/10.1080/21693277.2022.2035281>
27. Teodorescu, A., Furnham, A., & Macrae, I. (2017). Trait Correlates of Success at Work. *International Journal of Selection and Assessment*, 25, 36–42. // URL: <https://doi.org/10.1111/ij-sa.12158>
28. Teodorescu, A., Furnham, A., & Macrae, I. (2017). Trait Correlates of Success at Work. *International Journal of Selection and Assessment*, 25, 36–42. // URL: <https://doi.org/10.1111/ij-sa.12158>
29. Van Dam, K. (2013). Employee adaptability to change at work: A multidimensional, resource-based framework. In S. Oreg, A. Michel, and R. By (Eds.), *The Psychology of Organizational Change: Viewing Change from the Employee's Perspective* (pp. 123–142). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9781139096690.009
30. Wang, G., & Netemeyer, R. G. (2002). The Effect of Job Autonomy, Customer Demandingness, and Trait Competitiveness on Salesperson Learning, Self-Efficacy and Performance. *Journal of the Academic Study of Marketing Science*, 30, 217–227. // URL: <https://doi.org/10.1177/0092070302303003>

Социологический аспект управления с целью повышения конкурентоспособности

Коротков Никита Игоревич,
независимый исследователь
E-mail: ort-korotkov@mail.ru

В статье анализируются социологические основы и подходы управления в компаниях как один из главных ориентиров конкурентоспособной деятельности современных предприятий. Основной акцент делается на том, что факторами повышения конкурентоспособности являются такие факторы как социальная ответственность предприятия, а также наличие различных компетенций у сотрудников. В теоретическом обзоре рассматривается термин «конкурентоспособность», изучаются подходы авторов к данному понятию. Обеспечение и планирование конкурентоспособности в текущих реалиях развития экономики неразрывно связано с формированием и использованием на предприятиях инновационной системы управления, что подтверждается различными статистическими данными.

Научная новизна состоит в том, чтобы предложить авторскую модель главных социальных аспектов управления, которые помогут повысить социальную устойчивость и конкурентоспособность стратегически важных предприятий. Также в работе обновлены знания, касающиеся развития конкуренции в современных экономических условиях.

Методология исследования включает изучение и анализ статистических данных, а также изучение научных работ, касающихся конкурентоспособности предприятий. В работе применены методы анализа, статистики, теоретический обзор, метод дедукции и обобщения.

Результаты работы подтверждают важность внедрения цифровых средств как главных инструментов, стимулирующих производство конкурентоспособной продукции, а также налаживающих грамотное управление проектами и кадровыми ресурсами. Одновременно с такими параметрами как ценовые характеристики, способность противостоять другим конкурентам, эффективная финансовая и производственная политика, особую роль сейчас имеет кадровый потенциал организации, индивидуальные и коллективные компетенции, организационно-управленческий ресурс.

Ключевые слова: инновационные подходы, управление, менеджмент, конкурентоспособность, цифровые инструменты.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что современные реалии, отражающие текущее развитие экономики, диктуют совершенно иные требования к предприятиям с точки зрения социальных факторов и ответственности по выпуску продукции, товарам и услугам. Это объясняется тем, что потребности изменились, усложнились, повысились требования, касающиеся компетенций сотрудников, в связи с чем рынок стал более конкурентным. Современные предприятия пришли к выводу о необходимости пересмотра своих методов управления, особенно по причине стремительной цифровизации.

Устойчивое развитие компаний является важным условием для роста ее конкурентных преимуществ, что должно быть приоритетной целью. Тем не менее, многие организации просто борются за выживание или поддерживают текущее положение, не справляясь с внешними вызовами и необходимым уровнем конкурентоспособности. В таких обстоятельствах стратегии социально-ориентированного и ответственного управления потенциалом становится исключительно важным инструментом. Направленное на долгосрочную перспективу развития, они играют важнейшую роль в обеспечении будущего успеха предприятия в условиях нестабильности рынка [2].

Как известно, эффективность деятельности любого предприятия является залогом удовлетворения потребностей всех заинтересованных сторон. Собственники получают прибыль благодаря достижению установленных ими целей. Одновременно работники обеспечиваются соответствующим материальным вознаграждением, а клиенты приобретают продукцию высокого качества. То есть, все участники бизнес-процесса, включенные в сферу коммерческих отношений с организацией, получают ожидаемые результаты от её деятельности.

В теоретическом контексте термин «конкурентоспособность» имеет несколько значений. Исследование М. Портера с его теорией конкурентного преимущества лежит в основе понимания сущности данного понятия. Его теория предполагает, что оценка конкурентоспособности возможна только при сравнении с предприятиями аналогичной отраслевой принадлежности [5].

Развивая идеи М. Портера, более современные научные исследования работы расширили концеп-

цию конкурентоспособности, представив ее как комплексное экономическое явление. Ученые стали рассматривать конкурентоспособность на различных уровнях экономической системы, включая производство единичного продукта, а также социальные аспекты, культурные и организационные ценности, что привело к формированию многоаспектного подхода к пониманию термина [5].

По мнению отечественного исследователя Андрианова В.Д., национальная конкурентоспособность включает в себя продуктовую конкурентоспособность. Многогранность данного явления проявляется через влияние политических, социальных и экономических аспектов на рыночное положение производителей или целых государств, как на внутренних, так и на международных торговых площадках [1].

В условиях свободного рынка страна демонстрирует свою конкурентную эффективность через способность создавать продукцию, отвечающую глобальным стандартам. Разделение управления конкурентными преимуществами может осуществляться по нескольким этапам, среди которых выделяется микроуровень, образующий сферу координации конкурентных позиций продуктов и компаний. Данная структура включает также отраслевую конкурентоспособность и потенциал производственных субъектов.

Исследования конкуренции в социальном контексте, проведенные учеными Гришиной Н.В., Андреевой Г.М. и Агеевым В.С., показывают, что конкурентное поведение рассматривается прежде всего как форма социального взаимодействия между индивидами. Психологическая же наука, представленная работами К. Хорни и З. Фрейдом, наоборот, отвергает биологическую детерминированность конкуренции, утверждая, что «это явление формируется культурной средой и социальными факторами, которые стимулируют соревновательность на протяжении всей жизни человека» [7, 9].

В экономической социологии подход к конкуренции отличается тем, что в центре внимания находятся взаимодействия между конкурирующими субъектами. Согласно мнению ученого В.В. Радаева, конкуренция определяется как «действия двух и более участников рынка, направленные на получение одного и того же ограниченного ресурса, доступного при определенных усилиях с их сторон». Такой взгляд рассматривает конкуренцию с точки зрения поведенческих характеристик участников, а не как простой параметр структуры рынка. Это существенно меняет акцент исследования, расширяя его с рыночных моделей на конкретные действия экономических агентов в их социальном контексте [6].

То есть, в социальных исследованиях конкуренция интерпретируется как специфический вариант межсубъектных отношений, обусловленный обще-

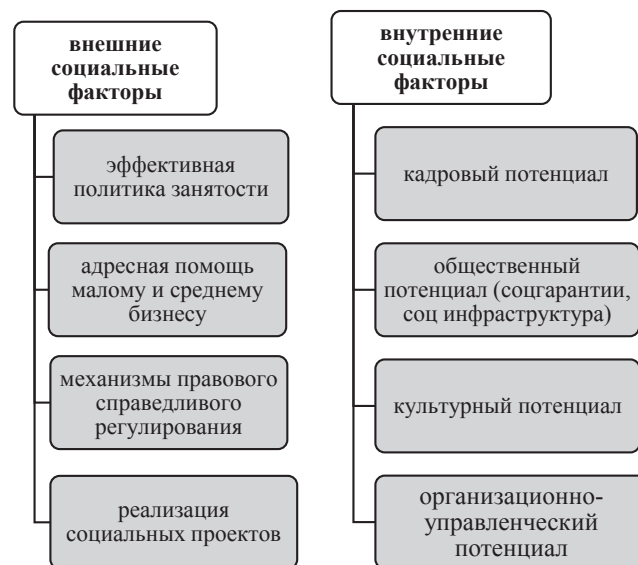
ственными механизмами, а не врожденными инстинктами.

Основная часть

Современная экономическая конкурентоспособность и рост производства неразрывно связаны с внедрением инноваций, касающихся грамотных подходов к управлению предприятиями. Создание новых продуктов и сервисов, экологические и социальные вызовы находят решения благодаря инновационным подходам. Повышение качества, эффективности и продуктивности производственных процессов становится возможным именно благодаря инновациям.

Как известно, современная структура экономики претерпевает трансформацию, выражающуюся через модернизацию существующих и принципиально новых отраслевых направлений, рыночных сегментов. Кроме этого, происходит диверсификация производства.

Говоря о социальных факторах конкурентоспособности, стоит их разделить на внешние и внутренние. Схематически такую классификацию можно увидеть на рисунке 1.

Рис. 1. Внешние и внутренние социальные факторы

Источник: составлено автором

Рассмотренные на рисунке 1 социальные факторы содержат ряд важных аспектов. Они являются залогом устойчивости бизнес-структур, которая сейчас значительно зависит от социальной составляющей их функционирования. Стоит сказать, что их можно измерить различными индикаторами. К таким индикаторам относятся:

- доля выручки от социально значимых товаров и услуг,
- затраты на проведение общественных мероприятий ежегодно,
- разница в оплате труда между руководством и низкооплачиваемыми сотрудниками [8].

Формула, по которой можно рассчитать долю выручки от социально значимых товаров и услуг, следующая:

$$B = C_{ст} * K, \quad [3]$$

Где В – это выручка,
C_{ст} – цена социально значимого товара с НДС,
К – количество проданного товара.

Большое значение имеют также инвестиции в обучение персонала, стабильность кадрового состава и сравнение среднемесячных зарплат в компании с региональным уровнем. Особое внимание уделяется коэффициенту совершенствования профессиональных навыков, так как квалифицированные работники рассматриваются как главный ресурс для поддержания конкурентоспособности предпринимательской деятельности. Формула расчета выглядит следующим образом:

$$K_{спн} = \frac{Упнпосл - Упннач}{Упннач} * 100\%, \quad [2]$$

Где К_{спн} – коэффициент совершенствования профессиональных навыков,
Упнпосл – уровень профессиональных навыков после прохождения обучения,
Упннач – уровень профессиональных навыков до начала обучения.

Данный показатель выражается результат в баллах.

Также деятельность предприятий в социальной сфере можно анализировать через определенные индикаторы, которые выявляют положительные или отрицательные тренды. Выявление проблем и разработка стимулирующих мер в соответствии с актуальными потребностями становится возможным при тщательном анализе этих показателей.

Стоит сказать, что многие заинтересованные сообщества и потребители оказываются в фокусе внимания социальных аспектов, которые находятся за пределами прав сотрудников отдельной организации. Ответственность бизнеса адекватно отражается в социальной политике, затрагивающей различные стороны охраны прав человека и труда, определенные конвенциями Международной организации труда. Именно поэтому система оценки социальных показателей отличается разнообразием и комплексностью подхода [4].

Стабильное коммуникационное и инновационное поведение, ответственное поведение в обществе как раз являются важными составляющими, которые характеризуют социальную ответственность предприятий. Многоаспектность различных форм общественного влияния формирует основу социальной ответственности бизнес-структур. Конкурентоспособность организаций, придерживающихся принципов социальной ответственности, усиливается благодаря повышению репутации

в деловых кругах и формированию позитивного общественного восприятия компании.

Укрепление взаимоотношений с клиентами и партнерами, создание благоприятного инвестиционного климата, обеспечение комфортной рабочей атмосферы для персонала и формирование позитивного восприятия среди конкурирующих организаций являются сейчас залогом повышения конкурентоспособности.

Так как на текущем этапе развития экономики большую роль играют цифровые решения и инновации, то социологические аспекты управления должны опираться на современные технологии и инструменты. К таковым сейчас относятся искусственный интеллект, блокчейн, большие данные, средства оптимизации и автоматизации. Кроме этого, для достижения максимальной эффективности стратегии социальной ответственности требуется соблюдение основных принципов: системный подход, адаптивность, последовательность и непрерывное совершенствование.

Адаптивность к динамике рыночных условий – это важная составляющая гибкости. Как известно, инновационная деятельность требует постоянного внимания и непрерывных усилий. Системность характеризуется методичным и целеориентированным подходом к стратегическому социальному управлению. Финансовый рост компании достигается через успешное внедрение инноваций, что непосредственно влияет на увеличение прибыли организации.

Итак, на основе всего вышеизложенного предлагается авторская модель социологических аспектов управления конкурентоспособностью. Данная модель является комплексной и включает ряд важных элементов (рисунок 2).

Данная модель характеризуется тем, что в основе главных социологических аспектов лежит внедрение современных цифровых платформ и средств, которые могут быть представлены в виде корпоративного портала, системы управления знаниями, сервисов онлайн. Корпоративная социальная ответственность формируется благодаря проведению онлайн мероприятий и цифровому распространению ценностей, а также благодаря эко-проектам. В свою очередь, внутренние коммуникации могут быть осуществлены с помощью чатов, knowledge base (цифровое хранилище данных и всей нужной информации).

Заключение

Таким образом, можно сказать, что управление, ориентированное на социологическое развитие аспектов и инновации компании, предполагают принятие решений, направленных на укрепление рыночных позиций. Руководству необходимо выявить инструменты и технологии, которые будут способствовать наращиванию организационного

потенциала. Применение цифровых средств, платформ в социальной ответственности управленче-

ских стратегий принесет прибыль предприятию и укрепить его позиции на конкурентном рынке.

Рис. 2. Модель социологических аспектов управления конкурентоспособностью

Источник: составлено автором

Литература

1. Андрианов В.Д. Конкурентоспособность России в мировой экономике // Мировая экономика и международные отношения, 2000. – № 3.
2. Арсеньев С.Н. Роль устойчивого развития в формировании конкурентоспособности предприятий // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – № 2. – С. 56–64.
3. Власова В. В., Гохберг Л.М., Грачева Г.А. Индикаторы инновационной деятельности: 2025: статистический сборник и др.//Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ. 2025.
4. Климова А.В. Социальные аспекты конкурентоспособности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. –2014. – Т. 14, вып. 2. – С. 142–154.
5. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. – М.: Альпина Паблишер, 2015.
6. Радаев В.В. Что такое экономическое действие?// Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. № 5. – С. 16–25.
7. Смирнова К.Д. Классификация видов конкурентного поведения предприятий//Вестник

Удмуртского Университета. – 2024. – Т. 34. Вып. 1. – С. 82–89.

8. Умнова М.Г. Современное понимание концепции устойчивого развития организаций // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11, № 12. – С. 2637–2658.
9. Форрестер С.В., Петросян Л.Б. Инновационные стратегии в управлении конкурентоспособностью современного предприятия с целью укрепления его экономической безопасности// Экономика и бизнес. – 2024. – № 3–2 (109). – С. 159–163.

THE SOCIOLOGICAL ASPECT OF MANAGEMENT IN ORDER TO INCREASE COMPETITIVENESS

Korotkov N.I.

This article analyzes the sociological foundations and management approaches in companies as one of the main guidelines for the competitive activities of modern enterprises. The main emphasis is placed on the fact that factors such as the social responsibility of the enterprise, as well as the availability of various competencies among employees, are factors of increasing competitiveness. The theoretical review examines the term “competitiveness” and examines the authors’ approaches to this concept. Ensuring and planning competitiveness in the current realities of economic development is inextricably linked with the formation and use of an innovative management system at enterprises, which is confirmed by various statistical data.

The scientific novelty consists in offering the author’s model of the main social aspects of management, which will help to increase the

social stability and competitiveness of strategically important enterprises. The work also updated the knowledge concerning the development of competition in modern economic conditions.

The research methodology includes the study and analysis of statistical data, as well as the study of scientific papers related to the competitiveness of enterprises. The methods of analysis, statistics, theoretical review, deduction and generalization are used in the work.

The results of the work confirm the importance of introducing digital tools as the main tools that stimulate the production of competitive products, as well as establish competent management of projects and human resources. Along with such parameters as price characteristics, the ability to withstand other competitors, effective financial and production policies, the personnel potential of the organization, individual and collective competencies, organizational and managerial resources now play a special role.

Keywords: innovative approaches, management, management, competitiveness, digital tools.

References

1. Andrianov V.D. Competitiveness of Russia in the global economy // *World Economy and International Relations*, 2000, No. 3.
2. Arsenyev S.N. The role of sustainable development in the formation of competitiveness of enterprises // *Regional and sectoral economics*. – 2024. – No. 2. – pp. 56–64.
3. Vlasova V. V., Gokhberg L.M., Gracheva G.A. Indicators of innovative activity: 2025: statistical collection, etc.//National research University of Higher School of Economics, Moscow: HSE, 2025.
4. Klimova A.V. Social aspects of competitiveness // *Vestn. Novosibirsk State University. Series: Socio-economic sciences*. 2014. Vol. 14, issue. 2. Pp. 142–154.
5. Porter M. International competition. Competitive advantages of countries. Moscow: Alpina Publisher, 2015.
6. Radaev V.V. What is economic action? // *Economic Sociology*. 2002. T. 3. No. 5. pp. 16–25.
7. Smirnova K.D. Classification of types of competitive behavior of enterprises//*Bulletin of the Udmurt University*. 2024. Vol. 34. Issue 1. pp. 82–89.
8. Umnova, M.G. Modern understanding of the concept of sustainable development of organizations / M.G. Umnova // *Economics, Entrepreneurship and Law*. – 2021. – Vol. 11, No. 12. – pp. 2637–2658.
9. Forrester S.V., Petrosyan L.B. Innovative strategies in managing the competitiveness of a modern enterprise in order to strengthen its economic security//*Economics and business*. 2024. No.3–2 (109). pp. 159–163.

Саморегулирование социальных норм и видов социальной и экономической ответственности работников современных предприятий

Потемкин Валерий Константинович,

доктор экономических наук, профессор, научный
руководитель кафедры социологии и управления персоналом,
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета

E-mail: dept.ksocupr@unecon.ru

Развитие человекоориентированного управления предприятиями и организациями обуславливает более детальное исследование процессов формирования социальных норм, определяющих весь спектр социально-профессионального взаимодействия работников в процессе производственно-экономической деятельности и видов социальной и экономической ответственности. В частности, в статье обращается внимание, что на социальные нормы все чаще оказывают влияние система преобладающих ценностей, призванных обеспечить интеллектуальное, духовное, нравственное развитие личности; способы понимания роли человека в структуре коллективной деятельности и процесс саморегулирования поведения в контексте социальной и экономической ответственности за результаты труда. На основании теоретических обобщений и данных эмпирических исследований делается вывод о возможности саморегулирования работником социальных норм и видов социальной и экономической ответственности в деятельности предприятия.

Ключевые слова: Общественные отношения, социальные нормы, виды ответственности, социально-трудовые отношения, социально-профессиональное взаимодействие, социальные ожидания, социальный механизм, поведение, коммуникации, социальное воображение, осознание ответственности, удовлетворенность, ценности, работник, личность, коллектив, способности, роли, сознание.

Обращение к социальным нормам экономической и социальной ответственности работников предприятий обусловлено тем, что в процессе коллективной деятельности решаются научно-технические, производственно-экономические, информационно-цифровые и социальные задачи, которые связаны непосредственно с развивающейся социальной системой и социальными практиками формирования качественно новых общественных отношений. Множественность социальных зависимостей, присущих социальной системе, порождает неопределенность социально-профессиональных взаимодействий в коллективе и, как следствие, создает предпосылки возникновения противоречий в социальных ожиданиях работников, удовлетворенности социально-трудовыми отношениями в процессе труда и условиями его оценки как на индивидуальном, так и коллективном уровне. На протяжении многих лет исследователи отмечали, что отсутствует нормативная упорядоченность структурных элементов, составляющих предметно ориентированную деятельность работников в достижении поставленных целей и задач [15]. Как отмечал Д. Майерс, тенденция «судить о реальности, основываясь на своих ожиданиях, является основным фактом, известным о человеческом сознании» [6, с. 35]. И в этом контексте возникает объективная необходимость экспектации социального поля возникновения конфликтных ситуаций в коллективе предприятия, оценки соответствия социальных ожиданий и требований относительно норм исполнения индивидами социальных ролей, условий социально-профессиональных коммуникаций, норм поведения и ответственности за результаты своего труда. При этом экспектация (экспектация – *социальное поле возникновения конфликтных ситуаций на предприятиях и в организациях* [8, с. 20–21]) воплощает в себе две стороны социально-профессионального взаимодействия различных профессионально-квалификационных и статусных групп работников, а именно: обязанность таким образом организовывать свое поведение, чтобы оно соответствовало ожиданиям других участников; право на взаимные ожидания соответствия поведения коллег ролевым предписаниям.

В процессе коллективной деятельности на предприятии, видимо, необходимо различать: *экспектации предписывающие*, которые опреде-

ляют направленность, основные характеристики и деятельные позиции исполнения работниками своей социально-профессиональной роли; *экспектации предсказывающие* вероятный характер функционально-ролевых установок работников, исходя из фактических или прогнозируемых компетенций, опыта работы, свойств личности и ценностно-мотивационных смыслов профессиональной деятельности. Заметим, что экспектации в условиях многообразия факторов, определяющих возможности достижимости поставленных целей и задач, могут носить и нормативный характер, то есть фиксацию, оценку социальных норм, системообразующих своеобразное поле ответственного поведения работников. Социальные нормы определяют весь спектр социально-профессионального взаимодействия работников: комплексность решения поставленных задач, целостность сетевого выполнения работ; взаимозависимость функционально-ролевых отношений в коллективе; профессиональную ответственность, возникающую в случае нанесения ущерба третьим лицам при выполнении работником определенной профессии своих обязанностей. По своей сути социальные нормы на конкретном предприятии или в коллективе проявляют себя как специфическое социальное поле, в котором они воспринимаются: как самостоятельная среда профессионального взаимодействия; как социальный ресурс эффективной деятельности; как средство социальной регуляции поведения работников и групп; как социальный механизм определения параметров ответственности: административной, организационной, правовой, экономической и социальной. При многообразии социальных норм их влияние на поведение работников может носить лишь «желательный» характер и гарантировано в каждом конкретном случае [13].

Я.И. Гилинский предполагает, что «социальная норма выражает... интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, групп, социальных ожиданий... социальные нормы складываются (конструируются) как результат отражения в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества» [3]. На современных предприятиях в процессе исследования (1999–2024) нами установлено, что имеет место тенденция установления надкорпоративных норм поведения в ситуациях неопределенности осуществления производственного процесса, необходимости чрезмерной интенсификации труда, завышенных требований к выполнению большего объема работы при сохранении или уменьшении объемов поощрения работников и т.п. Одновременно социальные нормы выступают как общественные образцы поведения индивидов и обуславливают необходимость их усвоения в общественных практиках. Тем самым социальная норма предполагает, что на предприя-

тии создаются условия ее усвоения каждой личностью, осуществляется саморегулирование поведения, его ориентация на ответственность в процессе производственной деятельности.

«Воздействуя на человека, – пишет В.И. Сперанский, – на его жизнедеятельность через систему критериев и оценок актов поведения индивида как члена общества, социальная норма способствует превращению общественных требований и обязанностей в личные убеждения» [11].

Личное восприятие требований и обязанностей в процессе производственной деятельности регламентируется временными параметрами труда и качеством выполненных работ. При этом у работника осуществляется приобщение к социальным нормам через призму таких факторов взаимодействия, как:

- *внушение*, сущность которого состоит в бездоказательном восприятии работником личных распоряжений руководителя как бесспорно разумных ввиду высокого профессионального престижа;
- *эталонное, референтное влияние*, представляющее проявление харизматической власти. Этот тип приобщения к социальным нормам выражается в желании объекта влияния перенимать черты влияющего человека в силу восхищения его личностью;
- *легитимный тип власти или влияние через традицию* представляет собой приобщение к социальным нормам ввиду внутренней уверенности объекта влияния в том, что влияющий наделен правом командовать, а долг подчиненных в повиновении принимаемым решениям и их реализации;
- *влияние, основанное на убеждении*, когда приобщение к нормам основывается на критическом восприятии и добровольном принятии во внимание логических доводов руководителя и осознанное подчинением указаниям;
- *влияние, основанное на совместно принятом решении* предполагает, что подчиненный работник вовлечен в процессы поиска рациональных решений и воспринимает принятые решения как совместные, как следствие, осознанно включается в выполнение плана работ согласно утвержденным нормам [4].

В формировании признаков ответственного поведения работника, к сожалению, практически не учитывается социально-психологический аспект, отражающий неопределенность участия индивидов в социально-профессиональной среде, эрозию традиционных ценностей, установок и убеждений в полезности выполняемых работ, отношения работодатель – наемный работник и т.п. [2]. В то же время совершенно очевидно, что в настоящее время преобладающим в управлении предприятиями и определении мер социальной и экономической ответственности работников яв-

ляется «человекоориентированное управление» [10].

Среди руководящего состава предприятий личность работника во многом характеризуется как этико-сенсорный интроверт: ответственная, работающая, скромная, склонная служить общему делу, которой свойственен консерватизм в суждениях и осторожность. Эти свойства личности работника не предполагают социально-профессиональное взаимодействие различных профессионально-квалификационных и статусных групп персонала, тогда как среди наемных работников предпочтение отдаётся взаимодействию на основе взаимного доверия – 20,5%, на основе делового сотрудничества – 25,5%. Характер взаимодействия работника с руководителем по принуждению отвергается – 92,0%, взаимодействие всегда ситуационно – отмечают 14,5% опрошенных, взаимодействие «просто невозможно из-за постоянных конфликтных ситуаций» – 20,5% [1, с. 233].

Можно высказать предположение, что в сознании работников предприятий в отношении социальных норм взаимодействия различных профессионально-квалификационных и статусных групп работников и экономической и социальной ответственностью, всегда присутствует социальное воображение, отражающее связь между собственной жизнью, деятельностью на предприятии, жизнеспособностью решать производственные и социальные задачи, а также жизнеобеспечением.

Как отмечает Ч.Г. Миллс, данные противоречия порождаются самой структурой социальных взаимоотношений, в которые вовлечены работники и управляющие, поэтому без трансформации общей структуры невозможно искоренение проблем отчужденности, конфликтов, напряженности [7, с. 115].

Социальное воображение работников предприятия всегда охватывает социальную и социально-профессиональную сферы жизнедеятельности. При этом процесс социального воображения может быть наглядно-образным и наглядно-действенным. Степень их использования в практической деятельности зависит от волевого восприятия индивидом своего места в структуре социально-профессиональных взаимоотношений, выполнения видов работ, условий личного саморазвития и объективизации, возможностей самооценивания уровня ответственности в коллективной деятельности предприятия. Так на схеме 1 (рис. 1) представлена степень осознания ответственности инженерно-техническими работниками за состояние различных видов деятельности.

Материальное и моральное стимулирование результатов профессиональной деятельности являются определяющими степени удовлетворенности содержанием труда (см. схему 2):

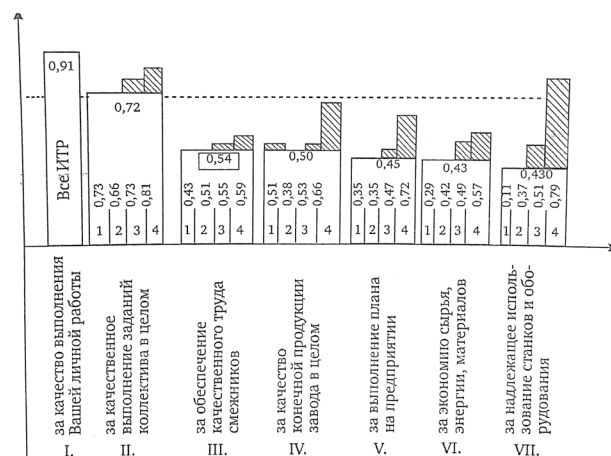

Рис. 1. Степень осознания ответственности ИТР (max, min = 1.00) [9]

Примечание. 1-конструкторы; 2-технологи УГТ; 3-технологи производства; 4-мастера

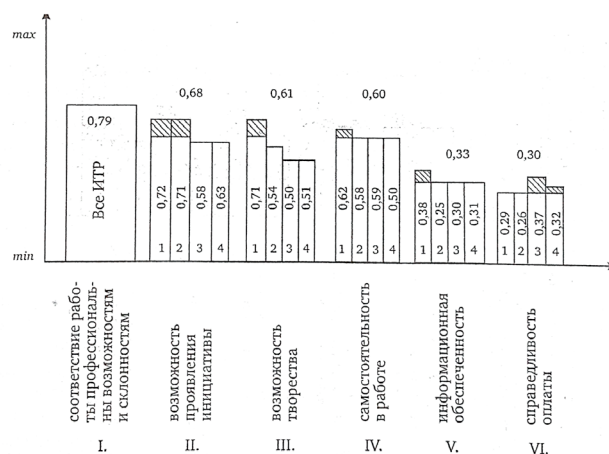

Рис. 2. Степень удовлетворенности ИТР элементами содержания труда (max, min = 1.00) [9]

Примечание. 1-конструкторы; 2-технологи УГТ; 3-технологи производства; 4-мастера

Примечательно, что более 75,0% работников фиксируют состояние психологической подавленности и угнетенности в результате работы, в то время как физическая усталость характерна лишь для 61,0% ИТР. Это говорит о том, что работа ИТР обладает признаками стрессогенности, особенно, учитывая влияние стресса на возникновение ощущения физической усталости.

Анализируя ответы респондентов, которые на вопрос о частоте проявлений нервных расстройств и угнетенных, тревожных состояний, дали ответы «постоянно» и «очень часто», мы выявили связь психического состояния с другими характеристиками респондентов. Так, среди *неудовлетворенных работой* таких людей в два раза больше, чем среди *удовлетворенных*; среди *неудовлетворенных возможностями творчества* – в 1,6 раза; *самостоятельностью* – в 1,25; *возможностью проявления инициативы* – в 1,5; *справед-*

ливостью оплаты – в 1,6; отношениями в коллективе – в 1,5 раза. Среди тех, чьи предложения и заявления взяты на учет, но не реализованы, и тех, чьи предложения отклонены, в 1,6 раза больше ощущающих дистресс, а среди тех, кто не получил ответа на свое обращение, в два раза больше таких людей, чем среди тех, к чьему мнению прислушались. Среди тех, у кого квалификация выше, чем требует работа, таких 26,3%, у кого соответствует – 19,4%, а у кого не соответствует – 40,0%! Здесь мы имеем соотношение 1,3: 1,0: 2,0. Сравнивая данные по дистрессам с оценкой деловых качеств, мы также обнаружили зависимость психического состояния от того, насколько эти качества развиты. Количество страдающих нервными расстройствами среди тех, у кого деловые качества хорошо развиты, в 1,5–2 раза меньше, чем среди тех, у кого они развиты слабо.

Отметим также, что в социально-профессиональных ожиданиях работников предприятий наибольшее значение приобретают: чуткость и внимание к людям – 0,86; тактичность и вежливость во взаимоотношениях с подчиненными 0,87; справедливость – 0,82; внедрение новых экономических методов работы – 74,5; создание системы экономического, правового, информационного и социально-психологического обеспечения работы – 63,8; формирование хозрасчетных подразделений в структуре управления предприятий – 63,8. Данные социально-профессиональные ожидания инженерно-технических работников (N275) и рабочих (N397) не совпадают с аналогичными ожиданиями руководящего состава предприятий (N62), для которых наиболее значимы: деловой и профессиональный авторитет – 91,1 и 98,0%; персональный авторитет, харизма 96,0%; обладание всеми видами информации – 86,1%; идентификация или представленность в деловой среде – 96,0%.

Теоретический и эмпирический материал, полученный в процессе исследования взаимозависимости социальных норм и экономической и социальной ответственности, показывает, что на современных предприятиях развито понимание необходимости уделять большое внимание приобретению работниками новых знаний, опыта, навыков в работе, культуре поведения и коммуникации, которые, как подчеркивал В. Иноземцев, являются «невидимым» и «неосознанным» активом, не проходящим через бухгалтерию, но оказывающим огромное влияние на доходность компании, её «оценку» [5].

Не вызывает сомнений и то, что исторически изменяющаяся в процессе развития общественных отношений система ценностей человека призвана обеспечить интеллектуальное, духовное, нравственное развитие личности, что находит свое отражение в понимании как формируемых на предприятиях социальных норм и основ ответственного поведения коллектива. Именно эти свойства

личности становятся первопричиной не только поведения, но и чувствования, способов понимания роли человека в системе производственно-экономических отношений, формировании мышления, сконцентрированного на результаты коллективной деятельности и определение форм профессиональных и межпрофессиональных коммуникаций с последующей констатацией применения видов ответственности. Необходимо обратить внимание на идеи группы исследователей, сформировавших концепцию управления предприятием с позиции науки о поведении. В частности, Д. Мак-Грегор писал, что «мы можем усовершенствовать управленческие способности только в том случае, если признаем, что контроль состоит в избирательной адаптации к человеческой природе, а не попытках подчинить человека нашим желаниям» [14]. Необходимость ориентации управления на работника не как на элемент производства, а прежде всего как на личность, что предполагает кооперацию человеческой деятельности, подчеркивал и Ч. Бернанд, одновременно полагая, что это является признаком дихотомии результативности и эффективности [12]. По сути, данные выводы позволяют утверждать, что и социальные нормы поведения, и применяемые на практике виды ответственности могут становиться саморегулируемыми, основанными на самооценках и оценивании социальных показателей в коллективной деятельности. На рисунках представлены социальные индикаторы неформального лидерства, используемые в саморегуляции социальных норм поведения и степени применения видов ответственности рабочими (N397), инженерно-техническими работниками (N275), руководителями среднего звена (N62): самооценки интеллектуальных способностей, черт деловой активности, инновационного мышления, социально-психологической устойчивости, отношения к власти: ресурсам власти, основаниям власти, авторитету (см. Рис. 3–6).

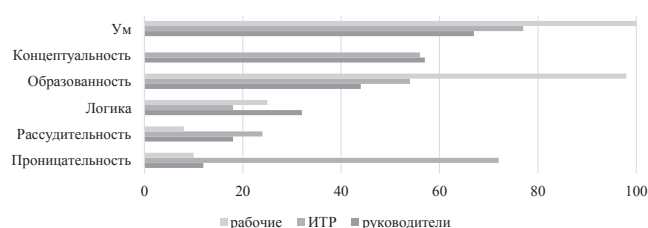

Рис. 3. Самооценки интеллектуальных способностей (%)

Данные показатели, видимо, можно рассматривать в контексте сложившихся социально-трудовых отношений и степени их влияния на саморегуляцию применения социальных норм и видов ответственности. Легитимность показателей зависит не от степени их формализации в практике управления предприятием, а от того, насколько они общеприняты в коллективной деятельности

предприятия и отражены в разработке и реализации управленческих решений.

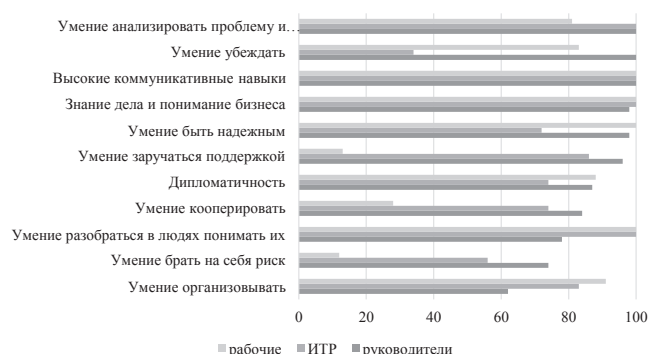

Рис. 4. Самооценки черт деловой активности (%)

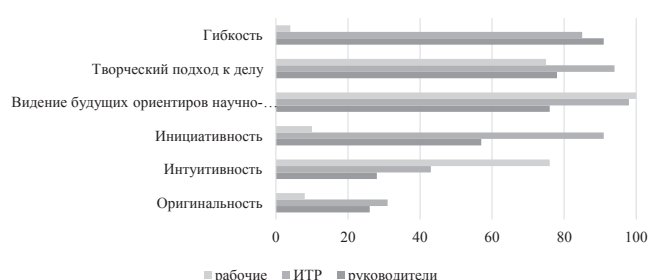

Рис. 5. Самооценки инновационного мышления (%)

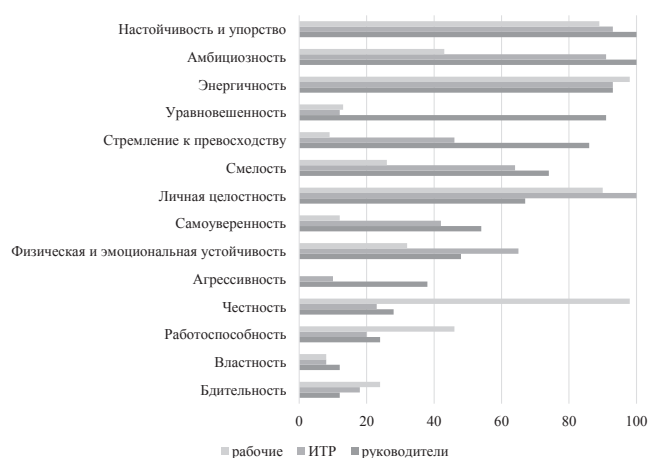

Рис. 6. Самооценки социально-психологических составляющих (%)

Какой можно сделать обобщающий вывод?

Во-первых, социальные нормы мотивируют работников к высокой степени ответственности в труде, стремлению достигать качественных результатов, являются конструктом организационной культуры, формирующей среду для самореализации и самооценки потенциала личности, достижения личностью общественного признания. Более того, социальные нормы выступают в качестве признака, определяющего меру социальной и экономической ответственности личности за командные результаты. Во-вторых, социальные нормы являются важнейшим регулятором социально-трудовых взаимоотношений на предприятиях, очерчивая контуры межличностного, межгруппо-

вого взаимодействия в процессе совместного труда. В-третьих, социальные нормы конструируют основания для оценки и самооценки поведения в ходе реализации производственного процесса.

В теории организации сложилось единое – для естественных и общественных наук – понимание нормы как предела, меры допустимого (в целях сохранения и изменения системы). Социальная норма определяет исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм физических и биологических процессов, социальные нормы складываются как результат адекватного или искаженного отражения в сознании и поступках людей объективных закономерностей функционирования общества.

Литература

1. Васильев О.В., Потемкин В.К., Тарасов А.Ю. Управленческие инновации: исследование, проектирование, социальные результаты. СПб.: Изд-во Инфо-Да, 2013.
2. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. Для руководителя практика. – М., 1994.
3. Гишинский Я.И. Социология девиантности и социального контроля как специальная социологическая теория // Социологические исследования. – 1991. – № 4. – С. 163–183.
4. Деятельная позиция личности работника как основа развития экономической и социальной ответственности // Потемкин В.К. Инновационный менеджмент персонала предприятий. – СПб.: Изд-во Инфо-Да, 2011.
5. Иноземцев В. За пределами экономического общества // Расколота цивилизация. – М.: Academia, 1990.
6. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: 1997.
7. Миллс Ч.Г. Социологическое воображение. – М.: Nota Bene, 2001.
8. Потемкин В.К., Вельмисова Д.В. Конфликтология: учебник для вузов. – СПб.: Изд-во СПб-ГЭУ, 2021.
9. Потемкин В.К. Мотивирование роста профессиональных компетенций работников в структуре стратегии развития предприятий // В.К. Потемкин // Социология. – 2023. – № 1. – С. 193–204.
10. Потемкин В.К. Социальные проблемы человекоориентированного управления предприятиями и организациями. – СПб.: Изд-во Инфо-Да, 2021. – 320 с.
11. Сперанский В.И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1987. – 100 с.

12. Фалмер Р. Энциклопедия современного управления. Т. 2. – М.: 1992.
13. Geser H. Organizations as Social Actors. In: Sociology in Switzerland: Sociology of Work and Organization. Online Publications. Zürich 2002. URL: http://socio.ch/arbeit/t_hgeser5.htm
14. Mc Gregor D. The human side of enterprise. – N.Y. 1960.
15. Parsons T. The structure of social actions. – N.Y. Free Press, 1937. – 43 p.

SELF-REGULATION OF SOCIAL NORMS AND TYPES OF SOCIAL AND ECONOMIC RESPONSIBILITY OF MODERN ENTERPRISES EMPLOYEES

Potemkin V.K.

Saint Petersburg State University of Economics

The development of human-oriented management of enterprises and organizations determines a more detailed study of the processes of formation of social norms that determine the entire spectrum of social and professional interaction of employees in the process of production and economic activity and types of social and economic responsibility. In particular, the article draws attention to the fact that social norms are increasingly influenced by the system of prevailing values designed to ensure the intellectual, spiritual, moral development of the individual; ways of understanding the role of a person in the structure of collective activity and the process of self-regulation of behavior in the context of social and economic responsibility for the results of work. Based on theoretical generalizations and empirical research data, a conclusion is made about the possibility of self-regulation of social norms and types of social and economic responsibility in the activities of the enterprise by the employee.

Keywords. Public relations, social norms, types of responsibility, social and labor relations, social and professional interaction, social expectations, social mechanism, behavior, communications, social imagination, awareness of responsibility, satisfaction, val-

ues, employee, personality, team, abilities, roles, consciousness.

References

1. Vasiliev O.V., Potemkin V.K., Tarasov A. Yu. Management innovations: research, design, social results. SPb.: Info-Da Publishing House, 2013.
2. Woodcock M., Francis D. Liberated manager. For the manager-practitioner. – M., 1994.
3. Gillsky Ya.I. Sociology of deviance and social control as a special sociological theory // Sociological studies. – 1991. – No. 4. – P. 163–183.
4. Active position of the employee's personality as a basis for the development of economic and social responsibility // Potemkin V.K. Innovative management of enterprise personnel. – SPb.: Info-Da Publishing House, 2011.
5. Inozemtsev V. Beyond the economic society // Split civilization. – M.: Academia, 1990.
6. Myers D. Social Psychology. – SPb.: 1997.
7. Mills C.G. Sociological Imagination. – M.: Nota Bene, 2001.
8. Potemkin V.K., Velmisova D.V. Conflictology: a textbook for universities. – SPb.: Publishing house of St. Petersburg State University of Economics, 2021.
9. Potemkin V.K. Motivating the growth of professional competencies of employees in the structure of enterprise development strategy / V.K. Potemkin // Sociology. – 2023. – No. 1. – P. 193–204.
10. Potemkin V.K. Social problems of human-oriented management of enterprises and organizations. – SPb.: Info-Da Publishing House, 2021. – 320 p.
11. Speransky V.I. Social responsibility of the individual: the essence and features of formation. – M.: Moscow University Publishing House, 1987. – 100 p.
12. Falmer R. Encyclopedia of modern management. V.2. – M.: 1992.
13. Geser H. Organizations as Social Actors. In: Sociology in Switzerland: Sociology of Work and Organization. Online Publications. Zürich 2002. URL: http://socio.ch/arbeit/t_hgeser5.htm
14. Mc Gregor D. The human side of enterprise. – N.Y. 1960.
15. Parsons T. The structure of social actions. – N.Y. Free Press, 1937. – 43 p.

Роль социальной и цифровой среды на физическую активность в подростковом возрасте

Плещёва Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Матвеев Дмитрий Вячеславович,

канд. техн. наук, доцент кафедры дискретного анализа, ФГБОУ «Ярославский государственный университет»
E-mail: diman@uniyar.ac.ru

Плещёв Игорь Евгеньевич,

канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com

Каракчиев Дмитрий Андреевич,

студент Института педиатрии и репродуктивного здоровья, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: dkarakchiev@mail.ru

Молодое поколение в возрастном диапазоне 10–24 лет составляет почти четверть (24%) мирового населения, что составляет примерно 1,7 миллиарда человек. Стратегические вложения в сферу их здоровья обеспечат комплексный эффект, который исследователи определяют как «тройную выгоду»: сегодня, во взрослой жизни и для следующего поколения. Современная научная база данных о физической активности молодых людей характеризуется существенными диспропорциями в возрастном представлении. Анализ существующих исследований выявляет преобладание работ, сфокусированных на младшей подростковой группе (10–14 лет), что создаёт значительные пробелы в понимании паттернов физической активности старших возрастных групп.

Предложенные в статье направления охватывают как организационные, так и технологические аспекты повышения физической активности подростков, что делает их основой для дальнейшей разработки комплексных программ поддержки здоровья молодёжи.

Цель исследования – провести комплексный анализ воздействия социальной и цифровой среды на уровень физической активности подростков для выявления ключевых факторов, определяющих их двигательное поведение. Результаты. Установлено двойственное влияние социальной среды: семья и школа формируют базовые установки к физической активности, а влияние сверстников может как стимулировать, так и подавлять двигательную активность. Цифровая среда демонстрирует амбивалентный эффект: с одной стороны, чрезмерное использование гаджетов способствует развитию гиподинамии и сопутствующих заболеваний, с другой – современные цифровые технологии, включая мобильные приложения и фитнес-трекеры, могут эффективно мотивировать подростков к повышению физической активности.

Ключевые слова: физическая активность, подростки, социальная среда, цифровые технологии, здоровый образ жизни, профилактика гиподинамии.

Введение

Молодые люди в возрасте 10–24 лет составляют 24% населения мира [1]. Сюда входят три подгруппы, младшие подростки (10–14 лет), старшие подростки (15–19 лет) и молодые люди (20–24 лет). Эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и комиссия журнала «Lancet», пришли к выводу, что инвестирование в здоровье и благополучие подростков принесет «тройную выгоду» – сегодня, во взрослой жизни и для следующего поколения [2]. Хотя подростковый возраст обычно считается здоровым периодом, многие неинфекционные заболевания, которые проявляются позже, отчасти являются результатом модифицируемого рискованного поведения, сложившегося в это время, такого как курение, нездоровое питание и низкий уровень физической активности [1, 3]. И хотя за последние 25 лет во многих странах наблюдалось снижение бремени болезней среди подростков, почти каждый пятый (324 мил. /18%) подросток во всем мире в настоящее время имеет лишний вес или ожирение [4], а также растёт количество психических расстройств здоровья среди подростков (депрессию и тревожность) [5]. По оценкам, 962 миллиона подростков (53% во всем мире) в настоящее время живут в странах где они сталкиваются с проблемами со здоровьем (включая инфекционные заболевания), травмами и насилием [4]. Поэтому поощряются более активные усилия по разработке глубокого понимания и потенциальных решений для здоровья и благополучия в подростковом возрасте [3].

Физическая неактивность (ФН) связана со многими неинфекционными заболеваниями и значительными экономическими издержками в мировом масштабе [6]. Хотя ФН и признана глобальной пандемией, большая часть доказательств получена в ходе исследований среди взрослых, когда последствия для неинфекционных заболеваний (НИЗ) становятся очевидными [7]. Однако последние данные свидетельствуют о заметном увеличении распространенности НИЗ (например, диабет, тип 2) [8] и факторов риска неинфекционных заболеваний, включая гипертонию и ожирение [1]. Из-за тревожно низкого уровня физической активности, именно сейчас, крайне важно своевременно переориентировать глобальную повестку на профилактики ФН в подростковом возрасте.

Крайне важно, чтобы мы лучше понимали физическую активность подростков, чтобы можно

было реализовать эффективные стратегии. Реализация политики и вмешательств по поощрению физической активности может способствовать достижению многих целей устойчивого развития. Глобальный план действий ВОЗ по физической активности (ФА) на 2018–2030 годы, подтверждается научными фактами и доказательствами того, как физическая активность связана с академической успеваемостью [9], уровнем воспитания и общего развития [10]. В России ситуация также вызывает обеспокоенность: по данным ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения), среди подростков и молодежи в возрасте 13–29 лет систематически занимаются физической активностью только 41%, что значительно ниже показателей детей младшего возраста (67% для детей 6–12 лет).

Подростковый возраст является ключевым периодом развития человека, поскольку психологические и биологические изменения происходят быстро в течение этой фазы жизни [3]. Подростковый возраст и юность представляют собой значительный переход в обязанностях и образе жизни во многих культурах, поскольку молодые люди переходят от школьной среды к различным пересекающимся векторам, включая высшее образование, семью, армию, рабочую силу или безработицу [6].

Неактивные подростки: потенциальные решения

Многoletние научные изыскания сосредоточены на выяснении факторов, определяющих различия в уровне физической активности у людей. Исследователи анализируют корреляции и детерминанты двигательного поведения с целью идентификации групп повышенного риска и выявления модифицируемых причин малоподвижного образа жизни, что служит основой для разработки персонализированного подхода к физической активности [1]. Параллельно с этим во всем мире реализуются многочисленные программы вмешательств, нацеленные на поиск эффективных стратегий борьбы с гиподинамией, с различной степенью результативности [11]. В последние годы проблема недостаточной физической активности получила новое концептуальное осмысление как комплексная системная проблема, порождаемая и поддерживаемая многоуровневыми взаимосвязанными факторами. Данная переосмысленная концепция требует от исследователей кардинального изменения методологических подходов. Вместо традиционного вопроса об эффективности отдельных вмешательств, ключевым становится понимание того, каким образом и в какой степени конкретные меры способствуют позитивной трансформации всей системы. Подобная парадигмальная трансформация нашла отражение в стратегическом документе ВОЗ– «Глобальном плане действий по физической активности», ос-

нованном на системном подходе и направленном на формирование активного общества через воздействие на среду, людей и систему в целом [12]. Особое внимание следует уделить трем фундаментальным элементам системы, влияющим на физическую активность подростков:

1. *Образовательная среда* – представляющая собой критически важный канал воздействия, поскольку школы и другие учебные заведения служат основными площадками для продвижения двигательной активности среди молодежи.
2. *Социально-цифровая среда*, которая характеризуется двойственной природой, одновременно создавая препятствия и открывая новые возможности для модификации поведенческих паттернов в сфере физической активности.
3. *Городская инфраструктура* – признается в качестве стратегически значимого и перспективного направления популяционного подхода к преодолению проблемы физической пассивности населения [2].

Роль школ и образовательных учреждений

Во всем мире школы считаются важным средством укрепления здоровья, охватывающим подростков в значительной степени независимо от их фоновых характеристик. Значение школы, также доминирует в литературе по содействию физической активности подростков. Чтобы лучше понять возможности и проблемы, которые предоставляет эта среда, мы опираемся на доказательства о коррелятах и детерминантах поведения, связанного с ФА, и о вмешательствах по изменению поведения, связанного с физической активностью [13]. В совокупности эти доказательства свидетельствуют о том, что наличие внутришкольных видов спорта и активности в определенных школьных зонах положительно связано с общей физической активностью подростков. А к примеру, доступ к спортивному инвентарю, надзор со стороны учителей/сотрудников и количество предоставляемых услуг по физическому воспитанию (ФВ) не были связаны с уровнями физической активности подростков. Следует отметить, что наиболее активными занятиями физкультурой были те, которые способствовали атмосфере мастерства (т.е. фокусировались на индивидуальном/командном развитии, а не на соревновании), проводились на открытом воздухе и включали командные игры [14]. Создание в школах спортивных секций – является ключевым средством, с помощью которого школы могут способствовать продвижению физической активности. Факты свидетельствуют о том, что качество и содержание этих занятий, в дополнение к абсолютному количеству, имеют решающее значение. В частности, предложение внутришкольных спортивных соревнований и занятий физкультурой на открытом воздухе, во время занятий физ-

культурой, должны, являться важными целями для школ. Высококачественные программы по спорту и физической культуре необходимы для развития физической грамотности подростков, что создаст возможности для развития навыков физической активности на протяжении всей жизни [7].

Проблемы и возможности социальной и цифровой среды

В период взросления подростки активно стремятся к самостоятельности, что характеризуется постепенным смещением авторитетов от взрослых наставников к ровесникам. Этот этап развития отличается формированием новой системы ценностей и приоритетов, где мнение сверстников приобретает особую значимость, нередко превосходя влияние родителей и педагогов. Научные исследования убедительно демонстрируют, что поддержка со стороны близкого окружения играет ключевую роль в формировании здоровых привычек подростков. Особенно заметна эта закономерность в отношении физической активности – когда семья и друзья демонстрируют позитивный пример и оказывают поддержку, подростки значительно чаще вовлекаются в регулярные занятия физической культурой и спортом [15]. Связь с поддержкой учителей была неоднозначной. Данное утверждение подчёркивает неизменную значимость родительской поддержки и личного примера для подростков в ходе формирования их как личности. Помимо этого, важно осознать роль сверстников и их социальных сетей, которые выступают ключевыми каналами передачи актуальной для молодых людей информации и оказывают влияние на их социальное развитие.

Цифровая революция последних десятилетий радикально изменила образ жизни и общения, особенно среди молодых поколений. В 2017 году 95% подростков во всем мире в возрасте 13–15 лет имели доступ к Интернету дома, а наличие смартфона к этому возрасту выявлено у 89%. Во время этой цифровой революции глобальная распространенность физической неактивности среди подростков в возрасте 11–17 лет оставалась относительно стабильной на уровне около 80%, что позволяет предположить, что возросший доступ к цифровым медиа и их использование, возможно, не являются ключевым фактором физической неактивности среди подростков [16]. Вместо этого цифровые медиа могут заменить другие традиционные формы малоподвижного поведения: процент 16–17-летних подростков, которые читают книги/журналы ежедневно, снизился с 60% в конце 1970-х годов до 16% к 2017 году, а в период с 2010 по 2018 годы 13–18-летние подростки значительно сократили использование «традиционных медиа» (книг, журналов, газет, фильмов и телевидения) [17]. Исследования демонстрируют, что продолжительное нахождение в интеллектуально нестимулирующем

состоянии с ограниченной физической активностью, особенно при взаимодействии с цифровыми устройствами (телевизионными экранами, мобильными устройствами), способно существенно повлиять на ментальное благополучие человека. Можно предположить, что эффективность воздействий по продвижению ФА с использованием цифровых технологий (электронное здравоохранение, мобильные приложения и фитнес – трекеры), имеет огромный потенциал для изменения поведения подростков в краткосрочной перспективе, особенно при интеграции с другими компонентами вмешательства (такими как изменения окружающей среды в школе), и должны быть изучены более подробно [18].

Подростки и городская среда

Современные данные свидетельствуют о том, что 58% мирового населения сосредоточено в городских районах, причем эта тенденция продолжает усиливаться в большинстве стран [1]. По прогнозам, к 2035 году доля городского населения достигнет 62%, что подчеркивает необходимость адаптации городской инфраструктуры к потребностям растущего числа городских жителей. Исследования показывают, что архитектурно-планировочные решения городской среды могут существенно влиять на уровень физической активности населения. Целенаправленное улучшение городских пространств для стимулирования активного передвижения, включая ходьбу и велосипедные прогулки, признано эффективной стратегией укрепления общественного здоровья. Особую значимость имеет влияние городской среды на физическую активность подростков. Исследования демонстрируют, что элементы городского пространства, способствующие как активным играм (включая спортивные и фитнес-активности), так и пешим прогулкам, оказывают положительное воздействие на уровень физической активности подростков. Доказано, что многофункциональная организация городской среды имеет решающее значение для стимулирования физической активности подростков, особенно по мере их взросления. Такие пространства должны учитывать меняющиеся потребности и интересы подрастающей молодежи разных возрастных групп [2].

Активный туризм представляет собой ещё одну форму ФА, которая оказывает комплексное положительное влияние на физическое и психологическое развитие подрастающего поколения [12]. Активный туризм также способствует формированию экологической культуры подрастающего поколения, закладывают основы бережного отношения к окружающей среде. В современном мире, где дети всё больше времени проводят с гаджетами, туристические походы становятся эффективным способом отвлечь их от экранов и познакомиться с окружающим миром. Туризм решает сра-

зу несколько важнейших задач в развитии ребенка: оздоровление, воспитание самостоятельности и формирование социальных навыков

Активные путешествия (туризм) являются важным фактором подростковой физической активности, а содействие этого вида активности является одним из основных критериев, определенных ВОЗ в Глобальном плане по физической активности на 2018–2030 годы. Увеличение распространенности активного туризма среди подростков, должно привести к уменьшению вредных привычек в данной возрастной группе и общему ее оздоровлению. смертности из-за увеличения активных путешествий [20].

В условиях современного городского образа жизни, характеризующегося малоподвижностью и отчуждением от природы, детско-юношеский туризм становится одной из самых эффективных оздоравливающих и воспитательных технологий.

Выводы

Период взросления представляет собой ключевую фазу формирования привычек здорового образа жизни, однако исследования двигательной активности молодежи и ее влияния на будущее благополучие остаются фрагментарными. Современные данные свидетельствуют о значительном дефиците физических нагрузок среди подрастающего поколения, причем эта проблема проявляется с различной интенсивностью как в рамках конкретной страны, так и внутри ее отдельных сообществ (город, регион). Преодоление сложившейся ситуации требует комплексного реформирования, затрагивающего социальную структуру, окружающую среду и системные механизмы посредством объединения усилий различных научных дисциплин и общественных секторов. В то время как интегрированные программы с персонализированной поддержкой образовательных учреждений демонстрируют наибольший потенциал эффективности, значительная часть молодых людей нуждается в инновационных подходах, включающих модификацию городской инфраструктуры и внедрение современных технологических решений. Существуют многообещающие наблюдательные и интервенционные данные о поведении подростков в области физической активности, однако остаются серьезные проблемы с их реализацией, и срочно необходимы дополнительные исследования подростков старшего возраста и молодых людей, переживающих серьезные жизненные переходы, чтобы достичь обещания тройной выгоды от укрепления здоровья подростков.

Социальная и цифровая среда оказывают комплексное влияние на физическую активность подростков. С одной стороны, семья, школа и сверстники могут создавать благоприятные условия для формирования активного образа жизни. С другой стороны, цифровизация жизни подрост-

ков часто приводит к снижению физической активности и связанным с этим проблемам со здоровьем.

Однако цифровые технологии также могут быть использованы для стимулирования физической активности через специализированные приложения и социальные сети. Для эффективного решения проблемы недостаточной физической активности подростков необходим комплексный подход, включающий меры на уровне семьи, школы и общества в целом, а также разумное использование потенциала цифровых технологий.

Только при сбалансированном подходе к формированию социальной и цифровой среды можно обеспечить достаточный уровень физической активности подростков, необходимый для их здорового физического и психологического развития.

Литература

1. van Sluijs EMF, Ekelund U, Crochemore-Silva I, et al. Physical activity behaviours in adolescence: current evidence and opportunities for intervention. *Lancet*. 2021;398(10298):429–442. doi:10.1016/S0140-6736(21)01259-9
2. Sawyer S.M., Azzopardi P.S., Wickremarathne D, Patton G.C. The age of adolescence. *Lancet Child Adolesc Health*. 2018;2(3):223–228. doi:10.1016/S2352-4642(18)30022-1
3. Patton G.C., Sawyer S.M., Santelli J.S., et al. Our future: a Lancet commission on adolescent health and wellbeing. *Lancet*. 2016;387(10036):2423–2478. doi:10.1016/S0140-6736(16)00579-1
4. Azzopardi P.S., Hearps SJC, Francis K.L., et al. Progress in adolescent health and wellbeing: tracking 12 headline indicators for 195 countries and territories, 1990–2016. *Lancet*. 2019;393(10176):1101–1118. doi:10.1016/S0140-6736(18)32427-9
5. Gu T, Hao P, Chen P, Wu Y. A Systematic Review and Meta-Analysis of the Effectiveness of High-Intensity Interval Training in People with Cardiovascular Disease at Improving Depression and Anxiety. *Evid Based Complement Alternat Med*. 2022;2022:8322484. doi:10.1155/2022/8322484
6. Ding D, Lawson KD, Kolbe-Alexander TL, et al. The economic burden of physical inactivity: a global analysis of major non-communicable diseases. *Lancet*. 2016;388(10051):1311–1324. doi:10.1016/S0140-6736(16)30383-X
7. Shilton T, Milton K. Achieving Advocacy Success: The International Society for Physical Activity and Health's Long-Term Strategy to Advance Physical Activity as a Priority in Global Health Policy. *J Phys Act Health*. 2024;21(12):1446–1452. doi:10.1123/jpah.2024-0214
8. Bjornstad P, Chao LC, Cree-Green M, et al. Youth-onset type 2 diabetes mellitus: an urgent challenge. *Nat Rev Nephrol*. 2023;19(3):168–184. doi:10.1038/s41581-022-00645-1

9. Плещев И.Е., Шишкин А.А., Плещева Т.Н., Дианова Е.А. Влияние физической активности на соматическое здоровье и академическую успеваемость студентов различных курсов медицинского вуза // Глобальный научный потенциал. – 2025. – № 3–2 (168). – С 167–171
10. Singh AS, Saliassi E, van den Berg V, et al. Effects of physical activity interventions on cognitive and academic performance in children and adolescents: a novel combination of a systematic review and recommendations from an expert panel. *Br J Sports Med.* 2019;53(10):640–647. doi:10.1136/bjsports-2017-098136
11. Varela AR, Pratt M, Harris J, et al. Mapping the historical development of physical activity and health research: A structured literature review and citation network analysis. *Prev Med.* 2018;111:466–472. doi:10.1016/j.ypmed.2017.10.020
12. Rutter H, Cavill N, Bauman A, Bull F. Systems approaches to global and national physical activity plans. *Bull World Health Organ.* 2019;97(2):162–165. doi:10.2471/BLT.18.220533
13. Morton KL, Atkin AJ, Corder K, Suhrcke M, van Sluijs EM. The school environment and adolescent physical activity and sedentary behaviour: a mixed-studies systematic review. *Obes Rev.* 2016;17(2):142–158. doi:10.1111/obr.12352
14. Zhou Y, Wang L. Correlates of Physical Activity of Students in Secondary School Physical Education: A Systematic Review of Literature. *Biomed Res Int.* 2019;2019:4563484. doi:10.1155/2019/4563484
15. Cassar S, Salmon J, Timperio A, et al. Adoption, implementation and sustainability of school-based physical activity and sedentary behaviour interventions in real-world settings: a systematic review. *Int J Behav Nutr Phys Act.* 2019;16(1):120. doi:10.1186/s12966-019-0876-4
16. Guthold R, Stevens GA, Riley LM, Bull FC. Global trends in insufficient physical activity among adolescents: a pooled analysis of 298 population-based surveys with 1.6 million participants. *Lancet Child Adolesc Health.* 2020;4(1):23–35. doi:10.1016/S2352-4642(19)30323-2
17. Twenge JM, Martin GM, Spitzberg BH. Trends in U.S. Adolescents' media use, 1976–2016: The rise of digital media, the decline of TV, and the (near) demise of print. *Psychology of Popular Media Culture.* 2019;8(4):329–45.
18. Shin Y, Kim SK, Lee M. Mobile phone interventions to improve adolescents' physical health: A systematic review and meta-analysis. *Public Health Nurs.* 2019;36(6):787–799. doi:10.1111/phn.12655
19. Геложина Л.М. Комфортная городская среда: понятие и роль общественного участия в развитии городской среды // Экономика и социум. 2021. № 9 (88).
20. Hamilton I, Kennard H, McGushin A, et al. The public health implications of the Paris Agreement: a modelling study [published correction appears

in *Lancet Planet Health.* 2021 May;5(5): e259. doi: 10.1016/S2542-5196(21)00083-8.]. *Lancet Planet Health.* 2021;5(2): e74–e83. doi:10.1016/S2542-5196(20)30249-7

THE ROLE OF THE SOCIAL AND DIGITAL ENVIRONMENT ON PHYSICAL ACTIVITY IN ADOLESCENCE

Pleshcheva T.N., Matveev D.V., Pleshchev I.E., Karakchiev D.A.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The young generation aged 10–24 years accounts for almost a quarter (24 percent) of the global population—approximately 1.7 billion people. Strategic investments in their health will yield a comprehensive “triple dividend” effect: benefits realized today, in adulthood, and for the next generation. The current scientific database on youth physical activity displays substantial age-related imbalances. A review of existing studies reveals a predominance of research focused on the younger adolescent subgroup (10–14 years), leaving significant gaps in our understanding of physical activity patterns among older age cohorts.

The directions proposed in this article encompass both organizational and technological strategies to enhance adolescents' physical activity, providing a foundation for the development of integrated youth health-promotion programs.

The aim of this research is to conduct a comprehensive analysis of how social and digital environments influence adolescents' levels of physical activity, in order to identify the key factors that determine their movement behaviors. Results. The social environment exerts a dual influence: family and school establish fundamental attitudes toward physical activity, while peer influence can either motivate or inhibit movement. The digital environment shows an ambivalent effect: on one hand, excessive gadget use fosters sedentariness and related health issues; on the other hand, modern digital technologies—including mobile apps and fitness trackers—can effectively motivate adolescents to increase their physical activity.

Keywords: physical activity, adolescents, social environment, digital technologies, healthy lifestyle, prevention of physical inactivity.

References

1. van Sluijs EMF, Ekelund U, Crochemore-Silva I, et al. Physical activity behaviours in adolescence: current evidence and opportunities for intervention. *Lancet.* 2021;398(10298):429–442. doi:10.1016/S0140-6736(21)01259-9
2. Sawyer SM, Azzopardi PS, Wickremarathne D, Patton GC. The age of adolescence. *Lancet Child Adolesc Health.* 2018;2(3):223–228. doi:10.1016/S2352-4642(18)30022-1
3. Patton GC, Sawyer SM, Santelli JS, et al. Our future: a Lancet commission on adolescent health and wellbeing. *Lancet.* 2016;387(10036):2423–2478. doi:10.1016/S0140-6736(16)00579-1
4. Azzopardi PS, Hearps SJC, Francis KL, et al. Progress in adolescent health and wellbeing: tracking 12 headline indicators for 195 countries and territories, 1990–2016. *Lancet.* 2019;393(10176):1101–1118. doi:10.1016/S0140-6736(18)32427-9
5. Gu T, Hao P, Chen P, Wu Y. A Systematic Review and Meta-Analysis of the Effectiveness of High-Intensity Interval Training in People with Cardiovascular Disease at Improving Depression and Anxiety. *Evid Based Complement Alternat Med.* 2022;2022:8322484. doi:10.1155/2022/8322484
6. Ding D, Lawson KD, Kolbe-Alexander TL, et al. The economic burden of physical inactivity: a global analysis of major non-communicable diseases. *Lancet.* 2016;388(10051):1311–1324. doi:10.1016/S0140-6736(16)30383-X
7. Shilton T, Milton K. Achieving Advocacy Success-The International Society for Physical Activity and Health's Long-Term Strategy to Advance Physical Activity as a Priority in Global Health Policy. *J Phys Act Health.* 2024;21(12):1446–1452. doi:10.1123/jpah.2024-0214

8. Bjornstad P, Chao LC, Cree-Green M, et al. Youth-onset type 2 diabetes mellitus: an urgent challenge. *Nat Rev Nephrol.* 2023;19(3):168–184. doi:10.1038/s41581-022-00645-1
9. Pleshchev I. E., Shishkin A.A., Pleshcheva T.N., Dianova E.A. The influence of physical activity on somatic health and academic performance of students of various courses of medical university // *Global scientific potential.* 2025. No. 3–2 (168). Pp. 167–171
10. Singh AS, Saliassi E, van den Berg V, et al. Effects of physical activity interventions on cognitive and academic performance in children and adolescents: a novel combination of a systematic review and recommendations from an expert panel. *Br J Sports Med.* 2019;53(10):640–647. doi:10.1136/bjsports-2017-098136
11. Varela AR, Pratt M, Harris J, et al. Mapping the historical development of physical activity and health research: A structured literature review and citation network analysis. *Prev Med.* 2018;111:466–472. doi:10.1016/j.ypmed.2017.10.020
12. Rutter H, Cavill N, Bauman A, Bull F. Systems approaches to global and national physical activity plans. *Bull World Health Organ.* 2019;97(2):162–165. doi:10.2471/BLT.18.220533
13. Morton KL, Atkin AJ, Corder K, Suhrcke M, van Sluijs EM. The school environment and adolescent physical activity and sedentary behaviour: a mixed-studies systematic review. *Obes Rev.* 2016;17(2):142–158. doi:10.1111/obr.12352
14. Zhou Y, Wang L. Correlates of Physical Activity of Students in Secondary School Physical Education: A Systematic Review of Literature. *Biomed Res Int.* 2019;2019:4563484. doi:10.1155/2019/4563484
15. Cassar S, Salmon J, Timperio A, et al. Adoption, implementation and sustainability of school-based physical activity and sedentary behaviour interventions in real-world settings: a systematic review. *Int J Behav Nutr Phys Act.* 2019;16(1):120. doi:10.1186/s12966-019-0876-4
16. Guthold R, Stevens GA, Riley LM, Bull FC. Global trends in insufficient physical activity among adolescents: a pooled analysis of 298 population-based surveys with 1.6 million participants. *Lancet Child Adolesc Health.* 2020;4(1):23–35. doi:10.1016/S2352-4642(19)30323-2
17. Twenge JM, Martin GM, Spitzberg BH. Trends in U.S. Adolescents' media use, 1976–2016: The rise of digital media, the decline of TV, and the (near) demise of print. *Psychology of Popular Media Culture.* 2019;8(4):329–45.
18. Shin Y, Kim SK, Lee M. Mobile phone interventions to improve adolescents' physical health: A systematic review and meta-analysis. *Public Health Nurs.* 2019;36(6):787–799. doi:10.1111/phn.12655
19. Gelozhina L.M. Comfortable urban environment: the concept and role of public participation in the development of the urban environment // *Economics and Society.* 2021. No. 9 (88).
20. Hamilton I, Kennard H, McGushin A, et al. The public health implications of the Paris Agreement: a modelling study [published correction appears in *Lancet Planet Health.* 2021 May;5(5):e259. doi: 10.1016/S2542-5196(21)00083-8.]. *Lancet Planet Health.* 2021;5(2): e74–e83. doi:10.1016/S2542-5196(20)30249-7

Представление прошлого на экране: тексты Вальтера Беньямина и Жюль Делёза в фокусе социологии культуры

Закеров Дамир Алиевич,

преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук, ПИМУ
E-mail: damir.zakerov@yandex.ru

В статье автором ставится задача выявить степень и характер влияния кинематографического произведения на специфику восприятия человеком прошлого в рамках культурного пространства. Сравниваются конструктивистская версия Вальтера Беньямина и вариация теории репрезентации Жюль Делёза. Конструктивизм, в том числе беньяминовский, представляет историческое кино моделью, чья основная задача сводится к созданию такого образа прошлого, который не призван отразить историческую реальность, но побудить зрителей к социальным изменениям. Стратегия репрезентации, в том числе делёзовская, превращает историческое кино в пространство, в котором пересекаются прошлое и настоящее, отражая прошлое в текущем изображении. Автором подчёркивается, что специфика кинематографа включает в себя как конструктивистское, так и репрезентативное начала.

Ключевые слова: конструктивизм, репрезентация, кинематограф, историческое кино, В. Беньямин, Ж. Делёз.

Введение

Зарождение кинематографа на рубеже XIX–XX веков повлекло за собой формирование нового способа восприятия человеком окружающей его реальности. На первых порах, считаясь даже собственными создателями – братьями Люмьер – «изобретением, у которого нет будущего», кино, тем не менее, прошло долгий путь в собственном развитии, достигнув востребованности и массового распространения. Так, начиная со второй половины XX-ого века, данное медиа оказывает значительное влияние на формирование различных представлений о прошлом, всё более вытесняя текстовые формы трансляции информации, получивших статус классических. Исторические драматические и документальные фильмы, мини-сериалы – все эти кинопродукты становятся принципиально важными категориями не только в нашем отношении к прошлому, но и в понимании социокультурных процессов. Нельзя не отметить, что в обозначенном контексте кинопроизведения представляют собой нечто большее, чем лишь череду сменяемых друг другом изображений, зафиксированных на полиэстере либо цифровом носителе. Характер и формы взаимосвязи кино и истории оказались в центре внимания в трудах множества зарубежных исследователей и медиатеоретиков [1; 2; 10]. Подчеркнём тот факт, что в историческом кинематографе распространены сюжеты, движущей силой которых являются социальные изменения, конфликты и войны. Исследовательский взгляд на эти вопросы через призму кино помогает лучше понять, как различные группы населения воспринимали и реагировали на эти события, а также как они были представлены в массовой культуре. В связи с этим важно провести анализ зарубежных исследований с целью установить, какое воздействие оказывает кинематографическое произведение на природу восприятия человека в рамках культурного пространства.

Для обозначенного выше анализа были выбраны труды Вальтера Беньямина и Жюль Делёза, принимая во внимание их значимость как исследователей культуры в целом и кинематографа в частности. Беньямин, рассуждая о механической репродукции творчества, рассматривает, как технический прогресс изменил саму природу искусства, а также оказал воздействие на его восприятие. Эта теория может быть применена к исследованию влияния технологий и медиа на культуру.

В свою очередь, концепция кинематографических образов французского философа Жюль Делёза обладают значительным потенциалом для применения в социологическом исследовании культурных процессов. Они помогают глубже понять механизм восприятия и интерпретации кинематографических текстов и их влияние на формирование культурного сознания.

В. Беньямин и техническая воспроизводимость диалектического образа

Начнём с Вальтера Беньямина, чьи взгляды на взаимодействие истории и творчества представлены в труде «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» [4]. Кино Беньямин считает принципиально новым медиумом, несущим в себе возможность изменить мировосприятие человека, что он выделяет как несомненное достоинство: «В истории каждой формы искусства есть критические моменты, когда она стремится к эффектам, которые без особых затруднений могут быть достигнуты... в новой форме искусства» [4, с. 55].

Ключевой позицией в обозначенной теории является желание постичь, каким образом происходит данное «стремление к эффектам», какие возможности оно открывает в ключе психоэмоционального воздействия на кинозрителя.

Согласно точке зрения Беньямина, трансформация человеческого восприятия становится возможной постольку, поскольку кино несёт в себе новый тип переживаний, который, в свою очередь, требует нового типа взаимодействия человека и транслируемой информации. Такая возможность зародилась до появления кино, но лишь благодаря его техническим возможностям она смогла реализоваться в полной мере. Техническая воспроизводимость привела к тому, что исчезли какие-либо различия между оригиналом и копией. До появления кинематографа, оригинал в искусстве вёл к сакрализации, ритуализации, связанным с приватным восприятием. В кино же оригинал утратил свою специфическую ауру, связанную с его подлинностью, став массовым искусством.

Обозначенные выше метаморфозы подчёркивались и обуславливались теми социальными и политическими изменениями, свидетелем которых стал Беньямин: «В течение значительных исторических временных периодов вместе с общим образом жизни человеческой общности меняется также и чувственное восприятие человека» [4, с. 23]. Однозначно выросло значение масс в жизни социума. Теперь принципиально важным становится не сам фильм, как материальное изображение, а то, как он воздействует на общество. Эта концепция заставляет задуматься, как меняются культура и искусство, изменяя при этом нас самих, что подчёркивает беспрецедентность появления нового технического медиа.

В отношении кинематографа Беньямин развивает теорию «диалектического образа», ставшего новой формой референциальности [5]. Указанный процесс предписывает иной способ обращения с историческим материалом как базисом для конструирования исторического образа. Описанный акт не ставит своей основной целью как можно более реалистичное воспроизведение событий прошлого. История, конструируемая произведениями искусства, не должна создавать эффект переноса в прошлое, когда зрителем наблюдаются со стороны его ход и развитие. Кино представляет собой не зеркало, отражающее жизнь, но средство, меняющее её.

Нельзя не отметить, что тезисы Беньямина в отношении кино явно коррелируют с его политическими воззрениями, при которых новое медиа становится фактором, способствующим социальным изменениям. Примечательно, что концепция Вальтера Беньямина в некотором роде предвосхитила идею «историофотии» Хейдена Уайта как о способе представления истории не текстовыми, а альтернативными, новыми визуальными образами [3].

Ж. Делёз: от «образа-движения» к «образу-время»

Далее рассмотрим взгляды Жюль Делёза, изложенные им в труде «Кино», в котором автор детально представляет и разбирает два принципиально отличных по своей сути кинообраза: образ-движение и образ-время [6].

Образ-движение, который доминировал в киноискусстве с самого его генезиса и до окончания Второй мировой войны, включает в себя определённое количество так называемых «невидимых» монтажных склеек, подчинённых ходу повествования и создающих некую неразрывность внутреннего кинематографического пространства, когда конец одного отрезка является началом следующего. События внутри такого кинопродукта линейны, расположены в последовательном хронологическом порядке и легко воспринимаются зрителем посредством причинно-следственных связей. Внутренний нарратив чётко разграничен трёхактной структурой на начало, середину и развязку, которая ясна и понятна. Двигателем для продвижения сюжета являются действия и развитие персонажей.

Таксономия Ж. Делёза включает в себя «большую» и «малую» формы образа-движения. «Большая форма» может быть представлена структурой САС', когда главный герой реагирует на диспозицию С определёнными действиями А, в ходе чего возникает изменённая диспозиция С' [6, с. 172–173]. Противоположная этому «малая форма», выражается структурой АСА': действия протагониста А влекут за собой диспозицию С, что влечёт за со-

бой новое действие А' [6, с. 189]. В рамках исторического кино к «большой форме» Ж. Делёз относит художественные фильмы, а к «малой форме» костюмированную драму.

Многие ставшие уже классическими голливудские исторические фильмы, отечественные кинопроизведения советской эпохи строятся на принципах образа-движения. История в таком кино представляется последовательностью событий, связанных причинно-следственными связями. Персонажи действуют в ответ на внешние обстоятельства, и зритель воспринимает исторический процесс как линейный и предсказуемый.

Отметим, что образ-движение по своему характеру можно соотнести с диалектическим образом конструируемой реальности Беньямина. Чёткая внутренняя структура и «невидимый» монтаж конструируют пространство и время внутри фильма, они непрерывны и линейны, формируя гносеологические способности кинозрителя – понимать кинотекст как единое целое. Настоящее и будущее являются продолжением прошлого, результатом последовательности его событий. Также кинематограф образа-движения соотносится со свидетельствами достоверности, тогда как «новая волна» в свою очередь «намеренно порвала с формами истинного и заменила их жизненными потенциями, возможностями кинематографа, которые считаются более глубокими» [6, с. 394]. Однако в полной мере поставить знак равенства между этими типами образов нельзя. Концепция Беньямина уделяет особое внимание философским и культурным аспектам кинематографа и сосредоточена на понимании того, какие эмоциональные реакции вызывает киноискусство и как техническая воспроизводимость помогает донести конкретную идею.

Образ-время Делёз противопоставлял предшествующему образу-движению. Исследователь соотносит зарождение образа-времени с концом Второй мировой войны и становлением итальянского неореализма, французской «новой волны», а также немецкого нового кино, послевоенного японского кино, которые теперь были призваны не конструировать кинематографическую реальность, но репрезентировать, отражать повседневную жизнь. Главной отличительной чертой образа-времени является нарушение сенсорно-моторной связи кинозрителя в ходе просмотра фильма, которая подчёркивала линейную непрерывность, темпоральную целостность образа-движения. Отрезок, разграничивающий внутреннее пространство кинопродукта, в случае образа-времени не является началом или концом какого-либо сегмента, а представляет собой автономную часть произведения.

В отличие от образа-движения, образ-время не делает акцент на восприятии фильма единым целым. Вместо этого восприятие кино выража-

ется в когнитивном акте, позволяющем отображать на киноэкране различные воспоминания или флешбэки, которые могут быть использованы для передачи внутренних конфликтов и эмоций персонажей, переживающих исторические события, а также прошлое в текущем, видимом изображении.

Режиссёры современных исторических фильмов довольно часто прибегают к приёмам, относящимся к образу-времени. Они могут включать в себя нелинейные повествования, темпоральные смещения, субъективные точки зрения на представленные события и другие техники, которые подчёркивают сложность и многослойность исторического процесса.

Образ-время, иными словами, разрывает пространственно-временную линейность, которая была характерна для бенъяминовского диалектического образа и образа-движения. Такой фильм представляет собой кинематографическое место, в котором настоящее и прошлое пересекаются подобно самой истории, существующей в настоящем, однако относящейся к событиям, имевшим место в прошлом. Однозначно, что такой комплекс позволяет не только репрезентировать события прошлого, но и проводить рефлексию над ними. Причём данная рефлексия будет носить двойственный характер – одновременный с восприятием кино и последующий за ним.

Отметим, что отличительной чертой репрезентации в кино характерное чувство «присутствия». Кинозритель находится в режиме вовлечения в кинематографический образ, иными словами находится внутри него. Данная виртуальная реальность весьма успешно имитирует реальность исходную, что актуализирует вопрос о первичности той или иной реальности: «С изобретением кинематографа уже не образ становится миром, но мир – собственным образом» [6, с. 76].

Конструктивизм vs репрезентация

Подчеркнем, что принципиальное значение имеет не только сам факт конструирования или репрезентации исторической реальности в кинематографе, но и то, как именно кино создаёт образ этой реальности, каким средствами происходит его репродукция. Обозначенная проблема представляется важной при определении сущности такого медиа как кинематограф. В целом, соотношение конструирования и отражения в произведениях искусства представляется вопросом, относящимся к онтологии и гносеологии, затрагивающим наше восприятие бытия, наше место в окружающей реальности, которая формировалась в ходе исторического процесса. Действительность не может быть отражённой в полной мере, равно как и сконструированной [7; 9]. То, что воспринимается кинозрителем, неизбежно будет предопределено кодами этого восприятия [8].

Действительно, сама внутренняя сущность кинематографа находится как бы в пограничной позиции между конструкцией и отражением. Представляя на целлулоидном или электронном носителе прошлое, кино использует определённые архетипы, символические структуры, которые соответствуют зрительским ожиданиям, вписываются в представления о прошедшей эпохе. Иными словами, конструирует определённый, иногда даже однобокий исторический образ. Тогда как жизнь в прошлом, историческая реальность, могла в себя включать гораздо больше нюансов, будучи на много более многогранной.

Но в то же время кинотворцы, такие как режиссёры и сценаристы порой даже неосознанно приносят в художественное произведение свой взгляд на прошлое, что отражает субъективное видение исторических событий. Деятели кинематографа могут выделять одни аспекты истории, умалчивая о других, чтобы вызвать определённый эмоциональный отклик у зрителей или же донести свою точку зрения на описываемые события.

Нельзя не сказать и том, что в каждом историческом кино присутствует не только то время, события которого оно представляет, но и то, в которое этот фильм был снят. Социальный, политический и культурный аспекты времени, та реальность, которая окружает кинотворца, влияют на содержание создаваемого им произведения. Иными словами, кино отражает реальность и эпоху своего создания.

Представляется, что кино одновременно и конструирует, и отражает историческую реальность, поскольку оно сочетает в себе элементы художественного творчества, субъективных интерпретаций в рамках технических возможностей. Конструктивизм субъективен изначально в своей сути. Отражение же, стремясь к объективным реалиям, сталкивается с субъективностью субъекта, в данном случае кинотворца.

Заключение

В теории Вальтера Беньямина кинопроизведение рассматривается не как репрезентация исторической реальности, но как способ особого, политизированного взгляда на эту реальность. История становится материалом, базисом, набором фрагментов, из которого образ конструируется, а после транслируется на киноэкран. Используя «невидимый монтаж», фильмы диалектического образа создают отдельную реальность, созерцание которой призвано побудить массы к социальным изменениям. Диалектический образ имеет линейную темпоральную структуру, при которой прошлое, настоящее и будущее представляются следующими друг за другом элементами реальности.

Концепция Жюль Делёза, в свою очередь, не наделяет кинематограф политизированным

значением, автор рассматривает медиа с учётом его внутренней сущности. Образ-движение в обозначенной концепции можно связать с беньяминовским «диалектическим» образом. При этом их нельзя приравнять в полной мере друг к другу. В отличие от Беньямина, Делёз делает акцент на техническом аспекте кинопроизводства, визуальном воздействии, но не на психоэмоциональной составляющей кинотекста. Применительно к историческому кино данные образы соотносятся с классической историографией, когда события представлены в хронологической последовательности, а зритель воспринимает кинотекст как единое целое. Образ-время, напротив, разрывает временную линейность предшествующей формы кинематографического образа, его внутренняя структура позволяет ему стать местом, в котором настоящее и прошлое пересекаются, уподобляясь истории, отражая прошлое в текущем изображении.

Обращение к теориям Беньямина и Делёза при исследовании исторического кино помогает понять, как образы в фильме соотносятся, создавая целостный опыт кинопросмотра, передающего исторические события. Акт конструирования кинематографом образа прошлого невозможен в чистом виде, равно как и полное отражение исторических событий. Внутренняя сущность рассматриваемого медиа объединяет в себе как конструктивистское, так и репрезентативное начало. Однозначно можно сказать, что ключевым подходом к представлению истории на экране можно считать стратегию эстетизации. В данном ключе массовое кино представляет события прошлого в качестве некой мизансцены, на фоне которой происходят действия персонажей, влекущие за собой развитие сюжета. Значение кино велико в жизни современного социума. Это позволяет использовать кинофильм не только как источник, но и как инструмент в социально-культурном исследовании прошлого.

Литература

1. Burgoyne R. Film Nation: Hollywood Looks at U.S. History / R. Burgoyne. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 137 p.
2. Rosenstone R., Parvulescu C. A Companion to the Historical Film / R. Rosenstone, C. Parvulescu. Wiley-Blackwell, 2013. 592 p.
3. White H. Historiography and Historiophoty // The American Historical Review. 1988. № 5. P. 1193–1199.
4. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
5. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: «Аграф», 2002. 288 с.

6. Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 560 с.
7. Лекторский В.А. Конструктивизм и реализм в эпистемологии // Философские науки. 2008. № 3. С. 5–9.
8. Осборн Р. Теория кино. Краткий путеводитель. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. С. 203.
9. Фатенков А.Н. Стратегии осмысления бытия: реализм в полемике с конструктивизмом и теорией отражения // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 117–128.
10. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47–57.

REPRESENTING THE PAST ON SCREEN: TEXTS BY WALTER BENJAMIN AND GILLES DELEUZE IN THE FOCUS OF SOCIOLOGY OF CULTURE

Zakerov D.A.

Privozhsky Research Medical University

In the article, the author aims to identify the degree and nature of influence of a cinematographic work on the specifics of human perception of the past within the cultural space. A comparison is made between Walter Benjamin's constructivist version and a variation of Gilles Deleuze's theory of representation. Constructivism presents historical cinema as a typical constructivist model whose main task is to create a dialectical image of the past, which is not intended to reflect historical reality, but to induce social change in viewers. The

strategy of representation, including Delöz's, turns historical cinema into a space in which the past and the present intersect, reflecting the past in the current image. At the same time, the specificity of cinema includes both constructivist and representational origins.

Keywords: constructivism, representation, cinema, historical cinema, W. Benjamin and G. Deleuze.

References

1. Burgoyne R. Film Nation: Hollywood Looks at U.S. History / R. Burgoyne. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 137 p.
2. Rosenstone R., Parvulescu C. A Companion to the Historical Film / R. Rosenstone, C. Parvulescu. Wiley-Blackwell, 2013. 592 p.
3. White H. Historiography and Historiophoty // The American Historical Review. 1988. № 5. P. 1193–1199.
4. Benjamin W. The Work of Art in the Age of its Technical Reproducibility. Selected Essays. Moscow: Medium, 1996. 240 p.
5. Benjamin V. The Origin of German Baroque Drama. Moscow: «Agraf», 2002. 288 p.
6. Deleuze G. Cinema. Moscow: Ad Marginem Press: Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh», 2023. 560 p.
7. Lektorsky V.A. Constructivism and Realism in Epistemology // Filosofskie nauki. 2008. No. 3. Pp. 5–9.
8. Osborne R. Cinema Theory. A Brief Guide. Moscow: Ad Marginem Press, 2024. Pp. 203.
9. Fatenkov A.N. Strategies for Understanding Being: Realism in Polemics with Constructivism and Reflection Theory // Voprosy filosofii. 2011. No. 12. Pp. 117–128.
10. Ferro M. Cinema and History // Voprosy istorii. 1993. No. 2. Pp. 47–57.

Физическое воспитание в школе: ключ к всестороннему развитию, здоровью и успеху учащихся

Плещёва Татьяна Николаевна,

старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Плещёв Игорь Евгеньевич,

канд. мед. наук, доцент кафедры физической культуры
и спорта, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
медицинский университет» Минздрава России
E-mail: doctor.pleshyov@gmail.com

Зачиналов Дмитрий Сергеевич,

студент Института педиатрии и репродуктивного здоровья,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский
университет» Минздрава России
E-mail: ddimonych1@vk.com

В статье анализируется важность физического воспитания и спорта в начальной и средней школе. Традиционно физическому воспитанию придавалось меньшее значение, чем другим предметам в образовательном контексте. Однако недавние исследования показали, что физическое воспитание играет жизненно важную роль в обеспечении всестороннего образования. Физическое воспитание и спорт обладают множеством преимуществ, так как способствует общему физическому и эмоциональному здоровью детей. Кроме того, физическое воспитание предоставляет возможность для социального роста и повышения культурной компетентности учащихся, а также, способствует развитию когнитивных способностей, что приводит к улучшению результатов на экзаменах и повышению общей успеваемости. Наконец, физическое воспитание в начальной и средней школе прививает учащимся позитивный образ жизни, приобщая их к формированию здоровых привычек на протяжении всей взрослой жизни.

Ключевые слова: физическое воспитание, спорт, школа, успеваемость, здоровье, социальное благополучие, преподаватели.

Введение

Польза физической активности для здоровья молодёжи хорошо известна, поскольку более высокий уровень физической активности связан с улучшением кардиореспираторной и мышечной выносливости, здоровья костей и веса [1]. Физическая активность (ФА) также связана с академическими, учебными и социально-эмоциональными результатами. В частности, исследования выявили положительную связь между ФА и результатами промежуточного тестирования, успеваемостью по математике, академической успеваемостью [2], готовностью к школе, вниманием, временем, затрачиваемым на выполнение заданий, и поведением учащихся [3].

Учитывая многочисленные преимущества ФА, национальные и глобальные рекомендации советуют молодёжи заниматься 60 минутной аэробной физической активностью от умеренной до интенсивной каждый день. Школы играют важную роль в содействии вовлечению молодёжи в физическую активность и им также рекомендуется предоставлять ≥ 30 минут физической активности во время школьных часов [4]. Традиционно физическое воспитание и перемены были основными источниками школьной физической активности учащихся, хотя фискальное и политическое давление привело к сокращению этих возможностей. В результате руководство школ рекомендует дополнять уроки физического воспитания и перемены несколькими упражнениями для поддержки ФА, включая дополнительные занятия и использование активного транспорта (велосипед) по дороге в школу и обратно [5].

Несмотря на обещание создания современных подходов по физической активности, их по-прежнему сложно внедрить, даже если это предписано региональной или федеральной политикой. К распространённым препятствиям для внедрения относятся конкурирующие приоритеты, нехватка времени, ресурсов и кадрового потенциала, а также, поддержки со стороны сотрудников и руководства [6]. К примеру, исследования, изучающие точки зрения тех, кто внедряет многокомпонентные подходы к физической активности, сообщили о важности получения поддержки руководства и о том, что основные учебные предметы обычно имеют приоритет над инициативами по ФА. Кроме того, недавний метаанализ Дейли-Смит А. с коллегами (2021), по исследованию повышения уровня ФА

в школах, показывает наличие сложностей связанных с внутренними (мотивация, самооффективность) и внешними (обучение, ресурсы) факторами. Это возможно связано с тем, что школы работают в условиях ограниченных возможностей, где время и ресурсы (персонал или материалы) для возможностей физической активности, напрямую конкурировать с другими более приоритетными академическими дисциплинами, поскольку школы реагируют на давление основанное на стандартизированном тестировании, тем самым, сокращая время для физической активности, чтобы увеличить часы академического обучения [7]. Поскольку решения о расписании и распределении ресурсов принимаются на местном уровне, необходимо чтобы педагогический коллектив школы более серьезно относился к значению физической активности для учеников младших и средних классов [1].

Преимущества физического воспитания и спорта в школе

Физическое воспитание (ФВ) и спорт ассоциируются с пользой для здоровья, социальной сферы, учебы и конечно же личной дисциплины [8]. Эти преимущества приводят к улучшению качества здоровья и повышению чувства благополучия у людей всех возрастов. Однако наибольшую пользу от занятий ФВ получают дети в возрасте от 7 до 15 лет, так как в это время происходит их активное развитие всех сферах: физической, социальной, эмоциональной и психологической. Таким образом, родители и педагоги должны обеспечить благоприятную среду и возможности для содействия оптимальному росту и развитию этой конкретной группы. Физическое воспитание и спорт представляют собой приоритетные дисциплины, которые имеют важное значение в процесс гармоничного развития детей данной возрастной группы [6].

Кроме того, приобщение в раннем возрасте к физической культуре и спорту, позволяет своевременно выявлять способности у детей. Таким образом, родители и педагоги могут принять необходимые меры для развития этих навыков и одаренности. Преимущества физического воспитания и спорта проявляются на уровне класса, в их повседневной жизни, в их социальном опыте и в их будущем [3].

Можно утверждать, что когда среднестатистический человек задумывается о влиянии физического воспитания на здоровье, на ум приходит польза для здоровья. Это распространенное мнение справедливо, поскольку ФВ связано с множеством преимуществ для здоровья человека. Для детей младшего и среднего школьного возраста физическое воспитание является важнейшим элементом, поскольку на этом этапе развития их внешний вид претерпевает значительные измене-

ния. Доказано, что физическое воспитание стимулирует и усиливает двигательное развитие детей, особенно в младших классах начальной школы, а также способствует развитию у учащихся навыков общей и мелкой моторики, равновесия, осанки, координации и организации личного времени [9]. Чтобы получить пользу для здоровья, необходимо уделять особое внимание силовым упражнениям/прыжкам и интенсивным интервальным тренировкам, так как эти упражнения включают в себя сложные задания и приводят к повышению физической подготовки. Кроме того, улучшение двигательных навыков, координации и равновесия достигается с помощью игр (волейбол, теннис, футбол), которые требуют когнитивных функций, а не аэробных упражнений [10]. Практика, повторения и творческие движения тела во время занятий физкультурой и спортом способствуют достижению этих положительных результатов для физического здоровья. Кроме того, занятия физической активностью способствуют развитию здоровых и крепких костей и способствуют лучшему сну у детей младшего школьного возраста. Аэробные нагрузки, проводимые во время занятий спортом и ФА, также были связаны с улучшением здоровья сердца и дыхательных путей [1].

Еще одним признанным преимуществом физического воспитания и спорта является его роль в поддержании здорового веса и показателей массы тела (ИМТ) у детей школьного возраста. Избыточный вес и ожирение представляют собой наиболее серьезные проблемы в поддержании оптимального физического здоровья среди детей, особенно в развитых и развивающихся странах. Возросший доступ к быстрому и калорийному питанию способствовал формированию нездорового образа жизни среди детей. Склонность населения в целом к малоподвижному образу жизни ухудшила состояние здоровья детей, а с развитием технологий они все чаще проводят больше времени за цифровыми экранами, вместо того чтобы вести активный образ жизни [11].

Повышенный уровень избыточного веса и ожирения напрямую связан с сахарным диабетом, сердечно – сосудистыми и респираторными заболеваниями, а также высоким уровнем холестерина [12]. Занятия физической культурой и спортом среди детей школьного возраста сокращают периоды бездействия и способствуют достижению нормального веса. Следовательно, дети защищены от заражения заболеваниями, связанными с ожирением [7].

Помимо пользы для физического здоровья, занятия физической культурой и спортом также способствуют психологическому благополучию. ФВ улучшает общее самочувствие детей, тем самым повышая их самооценку, что имеет важное значение для детей младшего школьного возраста, которые претерпевают значительные физические

изменения в течение этого периода жизни [13]. Кроме того, занятия физическими упражнениями развивают у детей осознание индивидуального физического потенциала и понимание своих возможностей [10]. Следовательно, благодаря занятиям спортом учащиеся развивают более глубокое самопознание и свой потенциал, что помогает им ставить ориентиры для достижения индивидуальных целей. В результате у этих учащихся развивается большая самодисциплина, а достижение поставленных целей способствует росту уверенности в себе.

Доказано, что физическое воспитание снижает уровень стресса у людей всех возрастных групп. Несмотря на то, что дети в целом воспринимаются как беззаботная социальная группа, физические, семейные и социальные проблемы представляют собой потенциальные источники стресса. Изменения в организме в подростковом возрасте также могут привести к развитию стресса, особенно у детей, которые взрослеют быстрее, чем их сверстники. Конфликты дома между родителями или с братьями и сестрами также могут быть источником стресса [14]. Проблемы в школе, такие как плохие отношения с учителями или конфликты со сверстниками, являются еще одним источником стресса для детей младшего и среднего школьного возраста [10]. Независимо от источника, занятия физической культурой снимают эмоциональное и физическое напряжение. Кроме того, учащимся предоставляется возможность поддерживать позитивные отношения со своими учителями и сверстниками, что способствует дальнейшему снижению стресса.

Социальные преимущества физического воспитания

Физическое воспитание и спорт способствуют социальному развитию и взаимопониманию среди школьников. Взаимодействие между учащимися на уроках физкультуры связано с повышением уровня понимания, солидарности и взаимоуважения [15]. Кроме того, учащиеся начальной школы испытывают повышенную склонность к командной работе, проявляют чуткость и больше ценят различия в проявлениях физической активности среди учащихся. Совместная работа над достижением общих целей во время физкультурных занятий способствует развитию у детей важнейших коммуникативных навыков и осознанию важности сотрудничества [4]. Участвуя в соревнованиях во время занятий спортом и физкультурой, дети также учатся конструктивно ориентироваться и разрешать конфликты. Кроме того, планирование стратегий в командных играх развивает у них такие жизненные навыки, как умение решать проблемы и лидерство, которые помогают ориентироваться в социальной сфере как во время, так и после получения формального

образования. Физическое воспитание повышает осведомленность детей о своих психологических ограничениях и ограничениях их сверстников, способствуя развитию чувства собственного достоинства и уважительного отношения к другим.

Улучшение культурного взаимопонимания, компетентности и восприимчивости среди школьников из разных слоев общества – это еще одно социальное преимущество, связанное с занятиями спортом и физическим воспитанием. Спорт широко считается универсальным языком, объединяющим людей разного происхождения, экономического статуса и религиозных убеждений. Уроки физкультуры в школах охватывают учащихся, склонных к спортивному развитию, и вовлекают всех учащихся в классные комнаты. Общение во время физкультурных и спортивных занятий учит молодых людей культурному пониманию, взаимному уважению и терпимости [9]. Следовательно, дети младшего школьного возраста становятся культурно компетентными благодаря занятиям спортом и физкультурой.

Более того, физическое воспитание и спорт способствуют социальной сплоченности за счет использования энергии. Дети младшего и среднего школьного возраста часто очень энергичны, особенно те, кто вступил в подростковый возраст. Если их не контролировать, эта энергия может стать проблемой как для учителей, так и для одноклассников [15]. Избыточные запасы энергии у учащихся могут легко привести к нежелательному поведению в школе. Таким образом, занятия физической культурой и спортом позволяют учащимся продуктивно и контролируемо высвобождать дополнительную энергию. Кроме того, улучшается общее функционирование мозга и самоконтроль, что снижает вероятность плохого поведения на уроках и в социуме. Поддержание оптимального уровня энергии позволяет учащимся сохранять концентрацию в классе и избегать занятий, которые могут нарушить успеваемость в классе [16]. Следовательно, дети поддерживают позитивные отношения как со своими учителями, так и со сверстниками.

В дополнение к вышеперечисленным преимуществам, физическая активность предоставляет учащимся возможность для самовыражения и творчества [15]. На этих занятиях дети веселятся и проявляют творческий подход, не беспокоясь о конкуренции или оценках. Следовательно, учащиеся, не склонные к учебе, могут проявить себя и раскрыть врожденные способности /интеллект, которые остались бы незамеченными. Благодаря этому занятию дети получают возможность продемонстрировать свою индивидуальность и уникальность. Кроме того, застенчивые или замкнутые дети получают возможность взаимодействовать со своими сверстниками в менее опасной обстановке. Следовательно, у этих учащихся повышается

ется уверенность в себе и способность к конструктивному взаимодействию за рамками занятий физкультурой [13].

Академические преимущества физического воспитания

Среди преимуществ физического воспитания, пожалуй, одним из самых желанных является повышение успеваемости. Согласно исследованию Гарсия-Эрмосо с коллегами (2021), физическое воспитание и спорт стимулируют когнитивные функции, такие как внимание, сосредоточенность, мышление, память и поиск информации [16]. Благодаря такому когнитивному развитию у учащихся начальной школы улучшается успеваемость в школе. Выполнение упражнений повышает насыщение кислородом и концентрацию нейромедиаторов в областях мозга, отвечающих за внимание, мышление и память. Физические упражнения также улучшают общий обмен веществ и приток крови к мозгу, что еще больше улучшает функционирование мозга и неврологическое здоровье [11]. Гиппокамп, отдел мозга, отвечающий за обучение и память, играет более важную роль у людей в хорошей физической форме, чем у менее здоровых людей. Повышенная концентрация внимания, более четкая память и более быстрые навыки обработки информации, связанные с физической активностью, облегчают академическое обучение детей.

Кроме того, снижение стресса и усталости, связанных с физической активностью, улучшает память, внимание и концентрацию [17]. Занятия физической культурой у детей школьного возраста стимулируют выработку эндорфинов. Эти эндорфины повышают уровень энергии и настроения, снижая уровень тревоги и стресса и управляя им [18]. Кроме того, занятия физической культурой связаны с улучшением режима и качества сна, что влияет на когнитивные функции, концентрацию внимания и умственную активность в течение дня, улучшая процесс обучения и восприятия информации. Учащиеся, которые регулярно занимаются физическими упражнениями, развивают языковые навыки быстрее, чем их сверстники, ведущие малоподвижный образ жизни [6]. Эти преимущества в развитии указывают на положительную корреляцию между успеваемостью и физической активностью учащихся.

Примечательно, что уроки физкультуры нарушают монотонность, связанную с обычными классными занятиями, обеспечивая дополнительную мотивацию учащихся к выполнению школьной работы. Уроки физической культуры и спорта являются одними из самых ожидаемых занятий детей в начальной школе. Эти занятия наполняют их позитивной энергией, активизируя участие в различных видах классной работы [18]. В своем исследовании Дейли-Смит и др. было обнаружено, что

школьники были более активны и принимали участие в уроках более активно после занятий физкультурой по сравнению с уроками до занятий [7]. Уроки физкультуры часто сопровождаются приятными заданиями, требующими концентрации внимания, и/или спортивными мероприятиями. Благодаря этим занятиям дети, как со спортивными талантами, так и без них, повышают уровень своей физической активности и, следовательно, могут извлекать из этого пользу.

Вывод

Физическое воспитание и спорт являются важными компонентами в обеспечении начального школьного образования во всем мире. Современная педагогическая литература показывает, что физическое воспитание имеет множество преимуществ, к которым относятся улучшение успеваемости, социальной осведомленности, культурной компетентности, физического и эмоционального здоровья, а также изменение образа жизни/поведения. Занятия физкультурой также улучшают когнитивные функции за счет увеличения насыщения кислородом и концентрации нейромедиаторов в областях мозга, отвечающих за память и концентрацию внимания. Кроме того, занятия физкультурой снижают стресс и тревожность, улучшая успеваемость учащихся начальной школы. Это также объединяет студентов из разных слоев общества, поощряя социальное взаимодействие и повышая культурную грамотность.

В дополнение к сказанному, занятия спортом и физическое воспитание приносят детям широкий спектр преимуществ для здоровья, от физических до эмоциональных. Физические нагрузки способствуют достижению здорового веса, тем самым снижая вероятность избыточного веса и развития заболеваний, связанных с ожирением, таких как гипертония и диабет. Физическая активность также оказывает эмоциональное воздействие, улучшает настроение и уменьшает стресс, тревогу и депрессию.

Литература

1. Walker TJ, Craig DW, Pfladderer CD, et al. Observed and perceived benefits of providing physical activity opportunities in elementary schools: a qualitative study. *Front Sports Act Living*. 2023;5:1240382. doi:10.3389/fspor.2023.1240382
2. Singh AS, Saliasi E, van den Berg V, et al. Effects of physical activity interventions on cognitive and academic performance in children and adolescents: a novel combination of a systematic review and recommendations from an expert panel. *Br J Sports Med*. 2019;53(10):640–647. doi:10.1136/bjsports-2017-098136
3. Bai P, Johnson S, Trost SG, Lester L, Nathan A, Christian H. The Relationship between Physi-

- cal Activity, Self-Regulation and Cognitive School Readiness in Preschool Children. *Int J Environ Res Public Health*. 2021;18(22):11797. Published 2021 Nov 10. doi:10.3390/ijerph182211797
4. Szeszulski J, Lanza K, Dooley EE, et al. Y-PATHS: A Conceptual Framework for Classifying the Timing, How, and Setting of Youth Physical Activity. *J Phys Act Health*. 2021;18(3):310–317. doi:10.1123/jpah.2020-0603
  5. Daly-Smith A, Quarmby T, Archbold VSJ, et al. Using a multi-stakeholder experience-based design process to co-develop the Creating Active Schools Framework. *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2020;17(1):13. doi:10.1186/s12966-020-0917-z
  6. Walker TJ, Pfladderer CD, Craig DW, Robertson MC, Heredia NI, Bartholomew JB. Elementary school staff perspectives on the implementation of physical activity approaches in practice: an exploratory sequential mixed methods study. *Front Public Health*. 2023;11:1193442. doi:10.3389/fpubh.2023.1193442
  7. Daly-Smith A, Morris JL, Norris E, et al. Behaviours that prompt primary school teachers to adopt and implement physically active learning: a meta synthesis of qualitative evidence. *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2021;18(1):151. Published 2021 Nov 20. doi:10.1186/s12966-021-01221-9
  8. Муниров Н.А. Роль физической культуры и спорта в развитии учащихся // Проблемы науки, 2021. № 2 (61). С. 47–49.
  9. Jarnig G, Kerbl R, Jaunig J, van Poppel MNM. Effects of a daily physical activity intervention on the health-related fitness status of primary school children: A cluster randomized controlled trial. *J Sports Sci*. 2023;41(11):1073–1082. doi:10.1080/02640414.2023.2259210
  10. Kliziene I, Cizauskas G, Sipaviciene S, Aleksandraviciene R, Zaicenkoviene K. Effects of a Physical Education Program on Physical Activity and Emotional Well-Being among Primary School Children. *Int J Environ Res Public Health*. 2021;18(14):7536. Published 2021 Jul 15. doi:10.3390/ijerph18147536
  11. Habyarimana JD, Tugirimukiza E, Zhou K. Physical Education and Sports: A Backbone of the Entire Community in the Twenty-First Century. *Int J Environ Res Public Health*. 2022;19(12):7296. doi:10.3390/ijerph19127296
  12. Гудимов С. В., Осетров И.А., Плещёв И.Е., Рипачева Е.Ю. Соматическое здоровье студентов медицинского университета в течение учебного года // Пациентоориентированная медицина и фармация. 2023. № 1(1). С. 5–11. <https://doi.org/10.37489/2949-1924-0002>.
  13. Villodres GC, Salvador-Pérez F, Chacón-Cuberos R, Muros JJ. Lifestyle Behaviours, Self-Esteem and Academic Performance in Primary Education Students-A Structural Equation Model According to Sex and School Type. *Children (Basel)*. 2023;10(11):1769. doi:10.3390/children10111769
  14. Mahfouz MS, Alqassim AY, Sobaikhi NH, et al. Physical Activity, Mental Health, and Quality of Life among School Students in the Jazan Region of Saudi Arabia: A Cross-Sectional Survey When Returning to School after the COVID-19 Pandemic. *Healthcare (Basel)*. 2023;11(7):974. doi:10.3390/healthcare11070974
  15. Cale L. Physical Education: At the Centre of Physical Activity Promotion in Schools. *Int J Environ Res Public Health*. 2023;20(11):6033. Published 2023 Jun 2. doi:10.3390/ijerph20116033
  16. García-Hermoso A, Ramírez-Vélez R, Lubans DR, Izquierdo M. Effects of physical education interventions on cognition and academic performance outcomes in children and adolescents: a systematic review and meta-analysis. *Br J Sports Med*. 2021;55(21):1224–1232. doi:10.1136/bjsports-2021-104112
  17. Плещев И. Е., Ефремов К.Н., Гудимов С.В., Николаев Р.Ю. Влияние физической подготовленности на уровень остаточных знаний студентов медицинского вуза // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 9(162). – С. 95–99.
  18. Zhang Y, Yan J, Jin X, et al. Sports Participation and Academic Performance in Primary School: A Cross-Sectional Study in Chinese Children. *Int J Environ Res Public Health*. 2023;20(4):3678. Published 2023 Feb 19. doi:10.3390/ijerph20043678

PHYSICAL EDUCATION AT SCHOOL: THE KEY TO COMPREHENSIVE DEVELOPMENT, HEALTH AND SUCCESS OF STUDENTS

Pleshcheva T.N., Pleshchev I.E., Zachinalov D.S.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

This article analyzes the importance of physical education and sports in elementary and secondary schools. Traditionally, physical education has been given less importance than other subjects in the educational context. However, recent research has shown that physical education plays a vital role in providing a comprehensive education.

Physical education and sports have many advantages, as they contribute to the overall physical and emotional health of children. In addition, physical education provides an opportunity for social growth and improvement of students' cultural competence, as well as promotes the development of cognitive abilities, which leads to improved exam results and improved overall academic performance. Finally, physical education in elementary and secondary schools instills a positive lifestyle in students, introducing them to the formation of healthy habits throughout adulthood.

Keywords: physical education, sports, school, academic performance, health, social well-being, teachers.

References

1. Walker TJ, Craig DW, Pfladderer CD, et al. Observed and perceived benefits of providing physical activity opportunities in elementary schools: a qualitative study. *Front Sports Act Living*. 2023;5:1240382. doi:10.3389/fspor.2023.1240382
2. Singh AS, Saliassi E, van den Berg V, et al. Effects of physical activity interventions on cognitive and academic performance in children and adolescents: a novel combination of a systematic

- review and recommendations from an expert panel. *Br J Sports Med.* 2019;53(10):640–647. doi:10.1136/bjsports-2017-098136
3. Bai P, Johnson S, Trost SG, Lester L, Nathan A, Christian H. The Relationship between Physical Activity, Self-Regulation and Cognitive School Readiness in Preschool Children. *Int J Environ Res Public Health.* 2021;18(22):11797. Published 2021 Nov 10. doi:10.3390/ijerph182211797
  4. Szeszulski J, Lanza K, Dooley EE, et al. Y-PATHS: A Conceptual Framework for Classifying the Timing, How, and Setting of Youth Physical Activity. *J Phys Act Health.* 2021;18(3):310–317. doi:10.1123/jpah.2020-0603
  5. Daly-Smith A, Quarmbay T, Archbold VSJ, et al. Using a multi-stakeholder experience-based design process to co-develop the Creating Active Schools Framework. *Int J Behav Nutr Phys Act.* 2020;17(1):13. doi:10.1186/s12966-020-0917-z
  6. Walker TJ, Pfledderer CD, Craig DW, Robertson MC, Heredia NI, Bartholomew JB. Elementary school staff perspectives on the implementation of physical activity approaches in practice: an exploratory sequential mixed methods study. *Front Public Health.* 2023;11:1193442. doi:10.3389/fpubh.2023.1193442
  7. Daly-Smith A, Morris JL, Norris E, et al. Behaviours that prompt primary school teachers to adopt and implement physically active learning: a meta synthesis of qualitative evidence. *Int J Behav Nutr Phys Act.* 2021;18(1):151. Published 2021 Nov 20. doi:10.1186/s12966-021-01221-9
  8. Munirov N.A. The role of physical culture and sports in the development of students // *Problems of science.* 2021. No. 2 (61). pp. 47–49.
  9. Jarnig G, Kerbl R, Jaunig J, van Poppel MNM. Effects of a daily physical activity intervention on the health-related fitness status of primary school children: A cluster randomized controlled trial. *J Sports Sci.* 2023;41(11):1073–1082. doi:10.1080/02640414.2023.2259210
  10. Kliziene I, Cizauskas G, Sipaviciene S, Aleksandraviciene R, Zaicenkoviene K. Effects of a Physical Education Program on Physical Activity and Emotional Well-Being among Primary School Children. *Int J Environ Res Public Health.* 2021;18(14):7536. Published 2021 Jul 15. doi:10.3390/ijerph18147536
  11. Habyarimana JD, Tugirimukiza E, Zhou K. Physical Education and Sports: A Backbone of the Entire Community in the Twenty-First Century. *Int J Environ Res Public Health.* 2022;19(12):7296. doi:10.3390/ijerph19127296
  12. Gudimov S. V., Osetrov I. A., Pleshchev I. E., Ripacheva E. Y. Somatic health of medical university students during the academic year // *Patient-Oriented Medicine and Pharmacy.* 2023. No. 1(1). Pp. 5–11. (In Russ.) <https://doi.org/10.37489/2949–1924–0002>
  13. Villodres GC, Salvador-Pérez F, Chacón-Cuberos R, Muros JJ. Lifestyle Behaviours, Self-Esteem and Academic Performance in Primary Education Students-A Structural Equation Model According to Sex and School Type. *Children (Basel).* 2023;10(11):1769. doi:10.3390/children10111769
  14. Mahfouz MS, Alqassim AY, Sobaikhi NH, et al. Physical Activity, Mental Health, and Quality of Life among School Students in the Jazan Region of Saudi Arabia: A Cross-Sectional Survey When Returning to School after the COVID-19 Pandemic. *Healthcare (Basel).* 2023;11(7):974. doi:10.3390/healthcare11070974
  15. Cale L. Physical Education: At the Centre of Physical Activity Promotion in Schools. *Int J Environ Res Public Health.* 2023;20(11):6033. Published 2023 Jun 2. doi:10.3390/ijerph20116033
  16. García-Hermoso A, Ramírez-Vélez R, Lubans DR, Izquierdo M. Effects of physical education interventions on cognition and academic performance outcomes in children and adolescents: a systematic review and meta-analysis. *Br J Sports Med.* 2021;55(21):1224–1232. doi:10.1136/bjsports-2021-104112
  17. Pleshchev I. E., Efremov K. N., Gudimov S. V., Nikolaev R. Yu. The influence of physical fitness on the level of residual knowledge of medical university students // *Global scientific potential.* 2024. No. 9(162). pp. 95–99.
  18. Zhang Y, Yan J, Jin X, et al. Sports Participation and Academic Performance in Primary School: A Cross-Sectional Study in Chinese Children. *Int J Environ Res Public Health.* 2023;20(4):3678. Published 2023 Feb 19. doi:10.3390/ijerph20043678

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Феномен насилия в Одиссее Гомера как испытание человеческой природы: философско-антропологическая перспектива

Агаев Хубяр Фейзи оглы,

аспирант, Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского

В статье рассматривается феномен насилия в поэме Гомера *Одиссея* с позиции философской антропологии. Анализируется, каким образом насилие становится испытанием человеческой природы, проявляя границы между культурным и архаическим, личным и коллективным, справедливым и разрушительным. Особое внимание уделяется сценам мести, страдания, трансгрессии и восстановления порядка – как антропологическим структурам, через которые проходит герой в процессе возвращения к себе и миру. Автор исследует насилие не как случайное проявление жестокости, а как онтологическое и символическое испытание, через которое формируется образ человека в архаическом миропонимании. *Одиссея* интерпретируется как повествование о переходе, в котором человек утверждает свою субъектность, преодолевая хаос через насилие, имеющее сакральный и ритуальный характер.

Ключевые слова: *Одиссея*, Гомер, философская антропология, насилие, архаическое мышление, субъект, ритуал, возвращение, месть, природа человека.

Введение

Феномен насилия остаётся одной из ключевых тем философской антропологии, отражая пограничные состояния человеческого существования, в которых обнаруживается напряжение между природным и культурным, личным и коллективным, священным и профанным. В архаических формах мышления и символических структурах насилие нередко выполняет не деструктивную, а регулятивную, очищающую, сакрализующую функцию, выступая средством восстановления порядка, утверждения власти, прохождения инициации или возвращения субъекта в мир. Эпические тексты античности, будучи носителями архаического мышления, представляют особую ценность для философско-антропологического анализа механизмов и смыслов насилия.

Поэма *Одиссея* Гомера – не только повествование о странствиях и возвращении, но и глубокий архетипический текст, в котором насилие играет роль не эпизодического мотива, а структурного и смыслового ядра. Возвращение Одиссея на Итаку сопровождается не просто физическим преодолением пространства, но переходом через ситуации граничного, травматического, порогового. Насилие здесь не является хаотичным: оно следует ритуальной логике, предписанной архаическим порядком. Оно становится испытанием, через которое человек – герой, царь, муж – утверждает свою сущность и восстанавливает утраченную целостность мира.

Цель настоящей статьи – выявить философско-антропологические основания и смысловую структуру насилия в *Одиссее*, исследовать, как оно функционирует как механизм антропологического испытания, трансформации и утверждения субъекта. Анализ основывается на герменевтическом и структурно-антропологическом подходах, опираясь на труды Г. Башляра, Р. Жирара, М. Элиаде, Ж.-П. Вернана и современных исследователей архаических форм сознания.

Задачи исследования включают:

- анализ ключевых эпизодов *Одиссеи*, связанных с актами насилия;
- выявление символической и ритуальной логики этих актов;
- интерпретацию насилия как формы инициации и восстановления субъекта;

– философско-антропологическое осмысление границ человеческой природы, выявляемых через насилие.

Таким образом, *Одиссея* предстает как не только поэтический, но и антропологический текст, в котором насилие играет роль инструмента перехода, прорыва и возвращения – как на уровне личности, так и на уровне культуры.

Основная часть

Эпос как жанр изначально содержит в себе элемент конфликта, предельного напряжения, в котором формируется образ человека и мира. В архаическом эпосе – таким, каким его представляет *Одиссея* Гомера – насилие функционирует не только как средство сюжетного действия, но как символическая форма, выражающая основные онтологические и культурные установки времени. Оно выступает как переходная, трансгрессивная практика, в которой человек переходит границы обыденного и входит в сферу сакрального или кризисного. Во многих интерпретациях архаического эпоса подчеркивается, что насилие связано не с индивидуальной жестокостью, а с восстановлением разрушенного порядка. Как пишет французский историк и философ Жан-Пьер Вернан: «В архаической Греции насилие имеет функцию реинтеграции: оно не только наказывает, но и восстанавливает – возвращает космос на место хаоса» (*Vernant, J.-P. (1990). Myth and Society in Ancient Greece. Zone Books, p. 113*). Это понимание находит отражение в структурах *Одиссеи*, где кровавая расправа над женихами Телемаха и Пенелопы не выглядит жестоким излишеством, но завершением ритуального цикла возвращения – своего рода очищением дома и восстановлением справедливости в категориях архаического права. В данном контексте особенно продуктивна интерпретация насилия как механизма разрешения коллективной напряженности. Рене Жирар, анализируя миф и жертвенность, отмечает: «В архаическом сознании насилие и жертвоприношение почти неразделимы; уничтожение одного – залог мира для всех» (*Girard, R. (1972). Violence and the Sacred. Johns Hopkins University Press, p. 8*). С этой точки зрения, массовое насилие в *Одиссее* – не частный акт мести, а воспроизведение сакрального сценария, направленного на нейтрализацию разрушительного желания и восстановление социальной ткани. Наконец, мифолог Михаэль Элиаде, рассуждая о сакральной роли возвращения и ритуального повторения, подчеркивает: «В архаическом мышлении возвращение означает не просто путь домой, но возвращение к первоначальному порядку, к космогоническому моменту» (*Eliade, M. (1954). The Myth of the Eternal Return. Princeton University Press, p. 34*). В этом ключе *Одиссея* – это не только повествование о пространственном возвращении Одиссея на Итаку, но и символическая реконструкция

первоначального порядка через акт очищающего насилия. Одиссей становится тем, кто через переходные акты – обман, бой, убийство – восстанавливает свою идентичность как человек, муж, царь.

Одиссей в гомеровской «Одиссее» проходит не только путь географического возвращения, но и путь внутренней трансформации. Насилие в этом процессе играет ключевую роль: оно выступает как граничная ситуация, в которой происходит не только утверждение, но и проверка человеческой сущности. В философско-антропологической перспективе подобное испытание раскрывает не жестокость героя, а структуру становления субъекта – через страдание, сопротивление, гибкость, обман и месть. Понятие *испытания через насилие* в архаической культуре связано с ритуальными моделями инициации, которые в античном эпосе часто превращаются в эпические формы действия. Как отмечает Вальтер Буркерт, специалист по древнегреческой религии: «Инициация предполагает переход через страх, боль и кровь: это не абстрактное очищение, а телесное доказательство готовности к новому статусу» (*Burkert, W. (1985). Greek Religion. Harvard University Press, p. 265*). Насилие, совершаемое Одиссеем – в том числе обманное и коварное, как в случае с циклопом Полифемом – позволяет ему сохранить и переработать свою идентичность. Здесь он уже не просто герой силы, но человек, прибегающий к хитрости, контролю и сдержанности. Это движение от гневного к рациональному можно интерпретировать как переход от архаического вектора силы к формирующейся антропологической субъектности. Марта Нуссбаум, анализируя античные формы морали, подчеркивает: «В «Одиссее» мы видим героя, чья добродетель определяется не только победой, но самоконтролем и внутренней дисциплиной – качествами, необходимыми для устойчивого человеческого сообщества» (*Nussbaum, M. (2001). The Fragility of Goodness. Cambridge University Press, p. 44*). Таким образом, насилие в «Одиссее» – это не проявление разрушения как такового, а момент внутренней кристаллизации человека, готового вернуться не просто в дом, но в порядок. Внутреннее и внешнее возвращение сливаются: в акте насилия реализуется предельное напряжение между необходимостью разрушить старый порядок и обязанностью восстановить новый.

На этом фоне особенно важно понимать роль боли и страдания как предела телесности и условия антропологического пробуждения. Как пишет Джан-Франко Равази, итальянский теолог и культуролог:

«Тело, подвергшееся боли, – это не просто страдающее тело: это тело, в котором формируется самость, осознающая границу между животным и человеком» (*Ravasi, G. (2005). Bible and Body: The Anthropology of Pain. San Paolo Edizioni, p. 97*).

Насилие, проходящее через тело, становится медиатором перехода, а значит – местом, где человек становится человеком. Одиссей как герой *архаического порога* переживает насилие не только как акт действия, но как опыт трансформации.

Заключение

В поэме Одиссея Гомера насилие предстает не как эпизодическая жестокость или проявление грубой силы, но как глубоко укоренённая в архаическом мышлении форма перехода, очищения и антропологического самоопределения. В философско-антропологической перспективе насилие в Одиссее выполняет функцию ритуального испытания, в котором субъект – Одиссей – не только восстанавливает разрушенный порядок, но и заново утверждает собственную человеческую природу. Через боль, обман, месть и преодоление страха происходит не только возвращение героя домой, но и его внутреннее становление как человека, соединяющего в себе память архаического и зачатки нового, рационального, дисциплинированного субъекта. Анализ ключевых эпизодов Одиссеи с участием насилия выявил, что оно несёт в себе сакральную нагрузку, соотносимую с ритуальными структурами инициации, очищения и социальной реинтеграции. Таким образом, Одиссея может быть прочитана как не только поэма о путешествии, но и философско-антропологический текст о становлении человека через предел – через опыт насилия как предельной формы человеческого испытания.

Литература

1. Burkert, W. (1985). *Greek Religion*. Harvard University Press. 512 pp.
2. Girard, R. (1972). *La Violence et le sacré*. Paris: Grasset. 333 pp.

3. Nussbaum, M. (2001). *The Fragility of Goodness*. Cambridge University Press. 544 pp.
4. Ravasi, G. (2005). *Bibbia e corpo. L'antropologia del dolore*. Milano: Edizioni San Paolo. 192 pp.
5. Eliade, M. (1954). *Le Mythe de l'éternel retour*. Paris: Gallimard. 195 pp.
6. Vernant, J.-P. (1965). *Mythe et pensée chez les Grecs*. Paris: Maspero. 384 pp.

THE PHENOMENON OF VIOLENCE IN HOMER'S ODYSSEY AS A TEST OF HUMAN NATURE: A PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE

Agayev Kh.

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky

This article explores the phenomenon of violence in Homer's *Odyssey* from the perspective of philosophical anthropology. It examines how violence serves as a test of human nature, revealing the boundaries between the cultural and the archaic, the personal and the collective, the just and the destructive. Special attention is given to the scenes of revenge, suffering, transgression, and the restoration of order, interpreted as anthropological structures through which the hero undergoes a return to himself and the world. Violence is not viewed as a random outburst of brutality, but as an ontological and symbolic ordeal, through which the image of the human being is shaped within an archaic worldview. The *Odyssey* is interpreted as a narrative of transition, in which the subject is constituted by overcoming chaos through violence imbued with sacred and ritual meaning.

Keywords: *Odyssey*, Homer, philosophical anthropology, violence, archaic thinking, subject, ritual, return, revenge, human nature.

References

1. Burkert, W. (1985). *Greek Religion*. Harvard University Press. 512 pp.
2. Girard, R. (1972). *La Violence et le sacré*. Paris: Grasset. 333 pp.
3. Nussbaum, M. (2001). *The Fragility of Goodness*. Cambridge University Press. 544 pp.
4. Ravasi, G. (2005). *Bibbia e corpo. L'antropologia del dolore*. Milano: Edizioni San Paolo. 192 pp.
5. Eliade, M. (1954). *Le Mythe de l'éternel retour*. Paris: Gallimard. 195 pp.
6. Vernant, J.-P. (1965). *Mythe et pensée chez les Grecs*. Paris: Maspero.

Методологическая диспозиция схоластического и диалектического метода познания в культурном пространстве современности

Песоцкая Елена Николаевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания, Историко-социологический институт, МГУ им. Н.П. Огарева
E-mail: cerera-office@mail.ru

Мочалов Евгений Владимирович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Историко-социологический институт, МГУ имени Н.П. Огарёва,
E-mail: mochalov_ev@mail.ru

В статье рассмотрены исторический и оценочно-параметрический срезы диалектики как теоретической концепции исследования развития природы, общества и мышления. Исследуется ряд вопросов, актуальных в теоретических и прикладных целях для поиска и обобщения сложившегося культурного опыта. Сопоставляются многоплановость античной диалектики и формальная средневековая диалектика, а также сущность схоластического и диалектического методов. Категории диалектики и их использование схоластикой рассматриваются на примере практик представителей Шартрской школы, в исследованиях которой содержится стремление разрешить противоречия между философией и религией, синтезировать религию и философию, установить союз разума и веры. Мыслители школы на основе античного философского и научного наследия первыми в Европе сформулировали идеи, противоречащие догматам господствующего католицизма. Показана роль диалектики в медицине, её место в трудах древних врачей Галена, Гиппократ и Ибн Сины, которые способствуют реализации потенциала разума и овладению истинными принципами природы.

Ключевые слова: диалектика, категория, развитие, система знаний, метод, античная диалектика, средневековая диалектика, схоластическое знание, логика, религия, наука.

In everyday and professional life of a person there are often difficulties in solving problems and in choosing possible tools for this purpose. Dialectics as a theoretical concept of studying the development of nature, society and thinking offers an effective way out in such cases. The theoretical apparatus of the concept consists of categories, principles and laws that have become an integral system of cognition, which is used in the description and explanation of reality.

In the context of European culture, the dialectic has been the object of scholarly discussion for many times, and it is still relevant today. The same culture has given rise to many possible approaches within the dialectical system, trying to cognize both dialectics itself from new angles and to understand actual problems through it. Applying these systems to the domestic experience, we can observe a certain polarity of approaches, changing each other along with the epochs of state development. This makes us pay attention again to the huge body of knowledge and resources to comprehend the problem.

In order to consider the historical and evaluative-parametric slices of dialectics, let us emphasize the following points: «What did medieval dialectics look like?» «What are the categories of dialectic and how were they used by the first scholastics?» «How was dialectic applied to Christian thinking?» «How is scholastic dialectic applied to medicine?» The circle of these questions is relevant in order to search and generalize the existing experience, to propose new ones and reflections for the development of scientific cognition.

The worldview of a particular culture is a set of unconscious intellectual habits formed within that culture. It is only over time, in the context of the subsequent culture, that these habits begin to be realized and criticized. This can be seen in the thinking of the Middle Ages. It had its own system of thinking formed within the medieval culture, and only the thinking of the new age, which differed sharply from medieval thinking, revealed the dogmatism and authoritarianism of this thinking. The same is the case with artistic styles of thinking. The characteristic features of the art of modernism, which originated in the middle of the nineteenth century and existed until the middle of the twentieth century, became evident only with the emergence of postmodernism.

Dialectics as a separate section of philosophy originated not in antiquity, but in the Middle Ages. However, it remained unnoticed. In the New Age, knowledge

of medieval philosophy was superficial, and its treatment as the handmaiden of theology was dismissive. Medieval philosophers wrote in Latin, which in time became inaccessible to many. Only with the discoveries of G. Galileo did science begin to use natural languages. Dialectical logic was not associated with the principle of trinity, of which it is a development, nor with the religious interpretation of history, which it translates into the language of philosophy [5].

Medieval dialectics differed significantly from the dialectics of ancient Greek philosophers such as Heraclitus and Plato, as well as from the dialectics of later thought, for example, the system of G.F. Hegel. The medieval dialectic of the scholastics developed as formal reasoning about concepts and categories. The reasoning took place without considering the real content of the conceptual apparatus. Everything was subordinated to the authority of Christian doctrine.

The scholastic method consisted in the formal-logical operation of inference: conclusions were deduced from opposing theses, objections «for» and «against» by identifying differences.

The essence of the dialectical method can be expressed in a simplified way: first, a question was posed on the contradictory places of the authoritative text, then followed the thesis, that is, cited authorities and grounds in favor of one of the opinions, then – opposition, that is, referring to the authorities and grounds in favor of the opposite opinion. The reasoning ended with a decision showing that the grounds cited in the opposition were incorrect or that the thesis should be changed or discarded in light of the opposition. The main purpose of scholastic dialectics was to merge directly with theology.

The categories of dialectic have been shaped since the Ancient period of philosophical thought thanks to Aristotle, the founder of formal logic, who influenced the development of all Western European philosophy and science. The first treatise in Aristotle's famous «Organon», a philosophical work devoted to logic, was «Categories» – one of the earliest works of the philosopher, where for the first time 10 categories were singled out, using which we cognize and describe the surrounding reality [1]. This work has largely served as the foundation for studies of logic throughout the history of Western philosophy.

The collection also includes the «Introduction» by Porphyry, an ancient Neoplatonist philosopher, who explains all the basic concepts of the doctrine of logic in «Categories», and Aristotle's logical treatise «On Interpretation». categories are, on the one hand, the highest genera of meanings of words, or genera of sayings about reality, and on the other hand, the highest genera of definitions of being [2, p. 163] Categories have logical and ontological meaning as the most general definitions of being. Categories as genera of word meanings are described in the fourth chapter of his work «Categories», where ten such genera are distinguished: «Of the words expressed without any con-

nection, each «word» denotes either essence (Greek. «iota»), or quantity (Greek «laou»), or quality (Greek «logou»), or relation (Greek «lroi»), or place (Greek «loi»), or time (Greek «lohe»), or position (Greek «eshiag»), or possession (Greek «ehegou»), or action (Greek «echegou»), or action (Greek «echegou»), or «echegou»), or «echegou») (Greek «echegou»), or «echegou») (Greek «echegou»).

The doctrine of categories is based on the study of concepts that appear alternately in the linguistic and subject-ontological contexts. Neither on the question of the number of basic categories, nor on the question of their sequence or order in the system Aristotle for all his long time of development of his philosophy did not come to firmly established conclusions. Some authors emphasize that Aristotle himself did not always strictly adhere to the number 10 [4].

The question of what categories are is rather complicated. Aristotle, speaking of categories as meanings, nowhere precisely defines what exactly lies at their basis: the meanings of words or the meanings of being itself. Nor does he define in what relation these two basic aspects of their understanding are in. In «Categories» they mean something «expressed without any connection», accordingly not expressing, as a connected judgment, truth or falsehood. The versatility of Aristotle's understanding of categories proves not the indefiniteness of this notion, but that it expresses a direct transition from the doctrine of being to logic.

First of all, categories are distinctions of being as such. Being in itself does not exist and does not form a genus separate from things. Actual existents are singular things.

How exactly they were used by the scholastics and how they correlated with Christian doctrine is the subject of a separate consideration.

As an example of comprehension of Aristotelian categories we can consider the Chartres school founded in 990 by Fulbert. by Fulbert. It was thanks to him that ancient philosophy, especially Aristotelian philosophy, began to penetrate medieval Europe. The Chartres School became an important center for deep study of classical philosophy, primarily the works of Plato and Aristotle. By the late eleventh and early twelfth centuries, under the leadership of Bishop Yves of Chartres, it began to compete with the better-known Parisian schools.

After Fulbert, the founder of the School of Chartres, it was led by Bernard of Chartres (d.c. 1130), Gilbert of Porretagne (1076–1154), and Thierry of Chartres (d.c. 1155). Also belonging to the school are Guillaume of Conches (1080–1154) and John of Salisbury (c. 1110–1180). Notable among these thinkers is Gilbert of Porretan, whom the Catholic historian E. Gilson considers one of the most prominent philosophers of the twelfth century, along with Abelard. The philosophers of the Chartres School sought to resolve the contradictions between philosophy and religion, as well as between science and faith. Their main task was to synthesize

philosophy and religion, to establish the union of reason and faith, drawing on ancient sources such as Aristotle, Boethius, and Plato [12].

Fulbert, as the founder of the school, was familiar with science heretical to the Arab world, which facilitated the penetration of Persian and other treatises persecuted by radical Islam into Europe. Arabic and Jewish texts were translated into Latin, as well as the works of Hippocrates and Galen, which helped to spread the ideas of Democritus and Epicurus, which did not fit into the Christian worldview. The heyday of the Chartres School was in the middle of the 12th century. One of its first philosophers was Bernard of Chartres, who led the school from 1114 to 1124. His teachings are known thanks to John of Salisbury, and Bernard emphasized the importance of studying Roman poets and writers, noting their broad and atypical view of things [6]. Bernard's empirical tendency led to a revival of the ideas of Aristotelianism in the field of logic. This happened for the first time in the history of medieval European philosophy.

The ideas put forward by Bernard of Chartres were developed by Gilbert of Porretan. He supplemented Bernard's Platonism with Aristotle's ideas and in his book «On the Six Principles» he expounded and developed the Aristotelian doctrine of categories. Gilbert of Porretan's book *On Six Principles* is considered to be the first work on logic where he develops the doctrine of Aristotle's last six categories (space, time, action, suffering, state, position) [8]. He introduced the very important for medieval philosophy categories of substance and subsistence. Substance is that which has (carries with it – sub stat) a certain number of properties (accidents), and subsistence is that which has no properties (accidents). Each individual thing is characterised by some properties and is therefore a substance, while its generic idea has no properties and is therefore a subsistence. Gilbert of Porretan made the same distinction with respect to God, dividing in Him, respectively, God proper (Deus) and Deity (Deitas). God is substance, and Deity is subsistence. The difference between God and the created world is that in God substance and subsistence coincide. Therefore, God's properties are at the same time His essence (essentia); God's omnipotence and goodness are not His properties, but coincide with His essence. Therefore God is being proper, and we are incomplete being, being being only in so far as God endows substance with subsistence, for the subsistences themselves exist in the Divine mind.

No less famous scholar of the Chartres school Bernard Sylvester (d. 1167) [11, p. 169.] created a work «On the universality of the world, or the Great and Small World» («De mundi universitate») (1145–54) [13]. Influenced by Plato's dialogue *Timaeus*, he also wrote it in the form of a dialogue in which a conversation between Providence and Nature takes place. In accordance with Plato's teachings, he points out that

matter exists eternally and is opposed to the good God as an evil beginning.

Naturphilosophical interest in the *Timaeus* was also characteristic of Guillaume of Conch [10]. He wrote commentaries on Plato's *Timaeus* and Boethius' *Consolation by Philosophy*, as well as his own works – *Moral Teachings of Philosophers*, *Philosophical Dramatikon* and *Philosophy of the World*, in which he developed Neoplatonic pantheism and Epicurean atomism. Guillaume Christianises Plato, and Plato's world of ideas, on the model of which the demiurge creates the world, becomes divine wisdom, and the intrinsic cause of creation is the goodness of God.

Most philosophers of the Chartres School were realists, recognising the independent existence of ideas in the Divine Mind [8]. Gilbert of Porretan stands out from the general range of philosophers of this school by his moderate realism. From the standpoint of moderate realism, Augustinian Platonism, the philosophers of the Chartres School sought to revive the ideas of the genuine, unchristianized Plato, relying on the *Timaeus* dialogue in his Latin translation. He pointed out that ideas are not prototypes of things in the Divine Mind, but common beginnings existing in individual things [10]. Ideas exist realistically, but they exist in things themselves. The human mind, in endeavouring to cognise some individual thing, discovers these ideas in it, and in the process of cognition isolates these ideas from the singular object, abstracts and thus cognises it.

Scholastic dialectics is actively applied in medicine. In the field of medicine in medieval Europe, the main authorities were Galen, Hippocrates and Ibn Sina. Their works, selected and reviewed by church officials, were memorised by heart. Medieval scholastics excluded from Galen's teachings his outstanding experimental achievements in the field of structure and functions of the living organism, while some of his theoretical ideas (about the purposefulness of all vital processes in the human body, about pneuma and supernatural forces) were elevated to religious dogma and became the banner of scholastic medicine of the Middle Ages. Next, let us consider scholastic dialectics on the example of Galen.

One of the key theses of Galen [3] is that the human soul possesses a rational beginning that allows meaningful cognition of the surrounding world. The goal of rational-empirical activity is to achieve true knowledge. Galen believed that man is capable of consciously choosing his sphere of activity and rationally mastering technical skills, which is achieved through consistent labour and daily practical and theoretical exercises. Galen emphasised the importance of a systematic approach to rational cognition and the harmony between body and soul achieved by controlling human passions. He believed that this approach allowed the potential of reason to be realised and the true principles of nature to be mastered. Galen's writings were a powerful stimulus for the development of medicine and biology, their controversial views reflecting a com-

bination of the experimental method and the idealistic teachings of Plato and Aristotle. Galen described the human body as a harmonious system where each part contributes to the functioning of the others, which became the basis of his work.

For modern philosophy, the ethical and philosophical teachings of Galen constitute the methodological basis of medical cognition, integrating various angles of understanding of the human being as a biological system. The dialectical method, based on Galen's principles, has become the basis for a systematic approach to the problems of disease and its treatment, and ethical teachings contribute to the moral and spiritual development of the modern physician, who must remember that before him is not just an organism, but an integral human being. At the same time, the categorical apparatus of dialectics gives a systematic character to the mastering of the experience of world culture. The categories formed in a long polemic act as stages of a single cognitive process.

Литература

1. Аристотель. Категории. К толкованию. АСТ, 2023. – 111 с.
2. Ахманов А.С. Логическое учение Аристотеля. М., 2002.
3. Гален, Клавдий. Сочинения. Том I / Общ. ред., сост., вв. ст. и прим. Д.А. Балалыкина, пер. с др.-греч. А.П. Щеглова. – М.: Известия, 2014. – 654 с.
4. Дзюва Э.Н. Понятие и сущность категорий Аристотеля // Экономика и общество. 2014. № 4–6 (13) с. 184. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-kategoriy-aristotelya> (дата обращения: 07.11.2024).
5. Ивин, Александр Архипович. Что такое диалектика: Очерки философской полемики / Глава 4. Пункт 1. // URL: <http://philosophystorm.ru/page/1431>
6. Лега В.П. История западной философии. Гл. 1. Античность. Средние века. Возрождение. Гл. 2, § 6 // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/istoriya-zapadnoj-filosofii-chast-pervaja-antichnost-srednevekovoe-vozhrozhdenie/7#source> // дата обращения: 07.11.24.
7. Черкесова Д.Р. Этическое учение Галена как источник философского подхода к формированию личности современного врача / Д.Р. Черкесов // Международный исследовательский журнал. – 2015. – № 5 (36). – URL: <https://research-journal.org/archive/5-36-2015-june/eticheskoe-ucheniya-galena-kak-istochnik-filosofskogo-podhoda-formirovaniya-lichnosti-sovremennogo-vracha> (дата обращения: 11.07.2024).
8. Флатлен Х., Die «materia primordialis» in der Schule von Chartres, «Arch. Fur Geschichte der Philosophie», 1931, Bd. 40, C. 58–65.
9. Жильбер де Пуатье и его современники: Aux origins de la Loica Modernorum / Эд. Ж. Жоливе, А. де Либера. Неаполь, 1987. – 481 с.
10. Жоно Э. Использование понятия интегумантум через глоссы Гуллома де Конш // AHDLM. 1957. Т. 24. С. 35–100.
11. Лемуан М. Бернар Сильвестр // Словарь гнозиса и западного эзотеризма. – Конинклике Брилл Н.В., 2006. – С. 169.
12. Пул Л., Учителя школ Парижа и Шартра во времена Дж. Солсбери, «Английское историческое обозрение», 1920. Т. 35, с. 321–342.
13. Теодорико ди Шартр, Гульельмо ди Конш, Бернардо Сильвестр. Il divino e il megacosmo: Trattati filosofici scintifici della Scuola di Chartres / Под ред. Э. Макканьо. Миль., 1980. – 343 с.

METHODOLOGICAL DISPOSITION OF THE SCHOLASTIC AND DIALECTICAL OF COGNITION IN THE CULTURAL AND IN MEDICINE

Pesotskaya E.N., Mochalov E.V.

Mordovian State University named after N.P. Ogaryov

In the present article the historical and evaluation-parametric sections of dialectics as a theoretical concept of research of development of nature, society and thinking are considered. A number of questions relevant for theoretical and applied purposes to the search and generalisation of the existing cultural experience are investigated. The multidimensionality of ancient dialectics and formal medieval dialectics are compared, as well as the essence of scholastic and dialectical methods. The categories of dialectics and their use by scholasticism are investigated on the example of practices of the Chartres school, which research contains the aspiration to resolve the contradictions between philosophy and religion, to synthesise philosophy and religion, to establish the union of reason and faith. The thinkers of the school on the basis of ancient philosophical and scientific heritage were the first in Europe to formulate ideas contrary to the dogmas of the dominant Catholicism. The role of dialectics in medicine, its place in the works of ancient physicians Galen, Hippocrates and Ibn Sina, which allow to realise the potential of reason and master the true principles of nature, is shown.

Keywords: dialectics, category, development, system of knowledge, method, ancient dialectics, medieval dialectics, scholastic knowledge, logic, religion, science.

References

1. Aristotle. Categories. On interpretation. AST, 2023. – 111 p.
2. Akhmanov A.S. The logical doctrine of Aristo. M., 2002.
3. Galen, Claudius. Writings. Volume I / General. Ed., Comp., Entry. Art. and comment. D.A. Balalykina, transl. from ancient Greek A.P. Shcheglova. – M.: News, 2014. – 654 p.
4. Dziova E.N. The concept and essence of Aristotle's categories // Economics and Society. 2014. № 4–6 (13) c. 184. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-kategoriy-aristotelya> (access date: 07.11.2024).
5. Ivin, Alexander Arkhipovich. What is Dialectics: Essays on Philosophical Controversy / Chapter 4. Item 1. //URL: <http://philosophystorm.ru/page/1431>
6. Lega V.P. History of Western philosophy. Ch.1. Antiquity. Middle Ages. Revival Ch. 2, § 6 // URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/istoriya-zapadnoj-filosofii-chast-pervaja-antichnost-srednevekovoe-vozhrozhdenie/7#source> // access date: 07.11.24.
7. Cherkessova D.R. Galen's ethical teachings as a source of the philosophical approach to the formation of the personality of a modern doctor / D.R. Cherkessov // International Research Journal. – 2015. – № 5 (36). – URL: <https://research-journal.org/archive/5-36-2015-june/eticheskoe-ucheniya-galena-kak-istochnik-filosofskogo-podhoda-formirovaniya-lichnosti-sovremennogo-vracha>

- kak-istochnik-filosofskogo-podxoda-formirovaniya-lichnosti-sovremennogo-vracha (access date: 07.11.2024).
8. Flatlen H., Die "materia primordialis" in der Schule von Chartres, "Arch. Fur Geschichte der Philosophie" 1931, Bd. 40, S. 58–65.
  9. Gilbert de Poitiers et ses contemporains: Aux origins de la Loica modernorum / Éd.J. Jolivet, A. de Libera. Napoli, 1987. – 481p.
  10. Jeauneau E. L'usage de la notion d'integumentum à travers les glosses de Gullaume de Conches // AHDLM. 1957. T. 24. P. 35–100.
  11. Lemoine M. Bernard Silvester // Dictionary of Gnosis & Western Esotericism. – Koninklijke Brill NV, 2006. – C. 169.
  12. Poole L., The masters of the schools at Paris and Chartres in J. Salisbury times, "English Historical Review", 1920. V. 35, p. 321–342.
  13. Teodorico di Chartres, Guglielmo di Conches, Bernardo Silvestre. Il divino e il megacosmo: Trattati filosofici scintifici della Scuola di Chartres / Ed.E. Maccagnolo. Mil., 1980. – 343 p.

О структурном многообразии человека: пропедевтика к аксиологии личности (на примере *Номо оeconomicus*)

Бугаев Максим Константинович,

аспирант, кафедра философских наук, Институт гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет
E-mail: max7090@mail.ru

В статье анализируются фундаментальные метафизические и аксиологические измерения человека, которые обуславливают особые способы его проявления в социуме в качестве личности как аксиологического агента. Данные способы представляют собой выражения различных форм субъекта, лежащих в основе концептуальных философско-антропологических моделей, особой разновидностью которых служит человек экономический (*Номо оeconomicus*).

В вопросе настолько отвлеченного переосмысления человека уместным видится междисциплинарный подход, сочетающий методы метафизики, эпистемологии и аксиологии. Таким образом, становится возможным умозрительное расщепление природы человека на формы субъекта, из которых особое внимание уделяется экономической форме. Человек представляется как дух, обладающий особыми свойствами (рациональность, воление, самосознание, любовь). Духу приписывается личностный, то есть ценностный модус бытия, складывающийся из аксиологических областей «Моё» и «Другой», которые содержат внутренние ценности разного онтологического статуса. Цель работы состоит в демонстрации возможности концептуального выражения отдельной формы субъекта, в частности человека экономического, как личности в ее структурном онтологическом и аксиологическом многообразии, а также в выявлении истинной значимости личности в социуме в свете ее структуры.

Ключевые слова: человек, дух, личность, ценность, форма субъекта, *Номо оeconomicus*.

Введение

В современной философской антропологии все более отчетливо видны признаки возрождения заложенного еще в классический период античности явления человекомерности, распространяющегося на все философские изыскания. В отечественных философских кругах все чаще звучит идея антропологически ориентированного обновления философии, связываемая зачастую с антропологическим и ценностным кризисом. При этом отмечается, к примеру, что «требуется новое Просвещение, нужна новая философия, говорящая о том, что есть более высокие ценности, чем отдельный человек, – нация, человечество, биосфера Земли, Бог» [14, с. 88]. Мы видим, что вопрос природы человека фундаментален, поскольку обнимает более частные и насущные проблемы, связанные с индивидуальной и коллективной, национальной, экологической, политической, экономической и другими сторонами его жизнедеятельности. В этом свете особую актуальность приобретает вопрос системного понимания того, что есть человек.

Если в сфере научного гуманитарного познания (исторического, социологического, культурологического и др.), где принцип объективности до сих пор играет существенную роль, рамки объекта исследования зачастую исчерпываются отчужденным от субъекта внешним миром [1], то философия издревле закладывает в свой фундамент следующие вопросы: «что есть человек», «как есть человек», «почему есть человек», «зачем есть человек» [9, с. 239]. Наше исследование намеревается дать ответ на второй и четвертый вопросы, поскольку ясно, что, с одной стороны, способ человеческого бытия принципиально социален, отчего особую актуальность приобретают социально-антропологические модели; с другой стороны, цель человеческого бытия тесно связана с ценностями, могущими пребывать как в нем самом, так и в объективной социальной плоскости. Однако, на наш взгляд, стоит иметь в виду частный характер данных вопросов, которые из соображений системности и аргументативности более масштабных исследований, целесообразно подвести под общие (метафизические, онтологические и эпистемологические) основания.

Не случайно ранее цитируемая Л.А. Колесова отмечает, что обозначенный ценностный вопрос «никогда не рассматривался в рамках ка-

кой-то одной культурной, религиозной или научно-позитивной концепции или традиции» [9, с. 240]. Подобное рассмотрение вряд ли уместно, ведь аксиология, как, впрочем, и социально-философская антропология при своей безусловной самостоятельности все же пересекаются между собой как на уровне объектов исследования, так и на уровне методологии, а, следовательно, должны исходить из общих предпосылок, которые обеспечивают метафизика, онтология и эпистемология как таковые. В таком виде наше исследование приобретает междисциплинарный характер, раскрывающийся в пропедевтической проработке исходных посылок, а также социально-философских категорий, центральными из которых являются человек, личность и ценность. Таким образом, можно сказать, что вразумительный ответ на второй и четвертый вопросы предполагает необходимость прежде ответить на первый.

Человек как дух

В еще одном смысле обозначенная антропомерность находит выражение еще и в том, что человек как таковой по своему объему и содержанию тождествен реальности как таковой, поскольку не существует ничего, что бы каким-либо образом и в какой-либо мере с ним не сопрягалось. Из данного тождества следует, что все разделения, уместные при описании реальности, применимы и к человеку. С категориальной точки зрения человека возможно описать субстанциально, модально и формально. В данном случае нас будет интересовать такое измерение человека, в котором он предстанет как *дух* (субстанциально), обладающий *рационально-волевым* и *активно-ценностным* модусами и принимающий в социуме *экономическую форму*.

К слову, человек как субъект может проявляться в социуме в виде многих форм в зависимости от типов проявляемой им социальной активности. Так, субъект может выступать, в основном, как политический, экономический, правовой, праксеологический и религиозный. Метафизической основой социальной активности субъекта мы будем считать именно дух, поскольку при прагматическом подходе устоявшееся в западной традиции представление о духе (нестрого говоря, картезианское) позволяет дать органичное описание как внутренней стороне человека, его Я, так и его системе ценностей. Все это относится к сфере духа. Любая ценность с необходимостью духовна, то есть существует либо в отдельно взятом духе, либо как совокупность общего духовного содержания. Выражение «материальная ценность» имеет лишь метафорический смысл, синонимичный смыслу понятий «меновой эквивалент» или «потребительская полезность», что наглядно показано в работах теоретиков классического либе-

рализма, в частности, А. Смита и ссылающегося на него Д. Рикардо [15, с. 11–12].

По сути, дух есть наиболее полное выражение субъектности. Он включает: 1) *рациональность* – способность разумно мыслить, познавать себя и мир вокруг себя, принимать осознанные решения; 2) *свободу воли* – способность приводить в действие самого себя и мир вокруг себя; 3) *самосознание* – понимание собственного бытия в социальных условиях, обусловленное совместным действием разума и воли. Добавление третьего элемента к картезианской концепции духа позволяет отличать духовность от бездуховности не только онтологически, но и аксиологически по той простой причине, что понимание как таковое предполагает понимание ценности, то есть аксиологично по своей природе. Эту точку зрения разделяет А.А. Ивин: «Понимание неразрывно связано с ценностями и выражающими их оценками... Понимание представляет собой подведение под ценность... Понимание, подобно всякой оценке, говорит о том, что *должно быть*» [7, с. 210]. Значимость понимания в данном вопросе подчеркивает и А.В. Маслова [12].

Таким образом, утверждение С. Кьеркегора «Человек есть дух» [10, с. 29] не совсем точно: хотя сам дух и является абсолютным, его проявленность в мире относительна, на него может быть оказано воздействие как извне (из мира социума), так и изнутри (путем рефлексии). Таким образом, возможно вести речь о большей или меньшей духовности в зависимости от степени выраженности в духе трех указанных параметров. В свою очередь, бездуховность может быть связана с потерей способности рационально мыслить, ослаблением воли или утратой самосознания, причем первые два фактора также имеют значение, правда, косвенное, поскольку сказываются на третьем: немыслящий или безвольный человек вряд ли способен осознать самого себя как субъекта и, как следствие, свою систему ценностей.

Человек как личность

По всей видимости, дух в аксиологическом модуле есть не что иное, как личность. Данное определение хоть и следует из системы наших основных положений, тем не менее, является не совсем конвенциональным. В социально-гуманитарной топике личность понимается, главным образом, с трех различных сторон: *психологической*, *социологической* и *трансцендентальной*. Рассмотрим каждую из них¹.

Психологическое понимание личности как набора индивидуальных качеств выглядит уместным, разве что, в рамках психологии как узкой

¹ Правовые контексты, в которых понятие «личность» отождествляется с понятиями «лицо» и «гражданин» рассматриваться здесь не будут по причине своей семантической простоты.

дисциплины. В философском познании такой подход атомизирует личность, лишая ее неизменно присущей ей социальности. Иными словами, всеобщее и необходимое в ней подменяется единичным и случайным: вместо духа на передний план зачастую выходит характер, темперамент, способности или поведение. Похожий аргумент против эпистемологической эффективности психологизма выдвигает Г. Гегель: «Эмпирическая психология принимает как дух вообще, так и отдельные способности [духа]... за данные представления, не давая при этом с помощью выведения этих особенностей из понятия духа доказательства необходимости того, что в духе содержатся как раз эти, а не другие какие-либо способности» [4, с. 8].

Социологическое понимание личности гораздо ближе к нашим основаниям, поскольку в его основе лежит такое явление, как ее социализация. В социально-психологической теории существует мнение, что в рамках школы символического интеракционизма имеет место понимание социализации человека «как результата его социального взаимодействия с другими людьми», а также как «процесса интеграции (вхождения) личности в социум» [5, с. 95]. Раскрывая суть данного определения и интерпретируя его по-философски, можно сказать, что в «социальном взаимодействии» с последующей «интеграцией» личность покидает сугубо субъективное измерение и выходит в интересующую плоскость, то есть теперь может рассматриваться исследователем как человек-объект, не теряя при этом своих субъективных качеств. Выражаясь по-гегельянски, при социализации личность переходит из в-себе и для-себя бытия в наличное бытие. «Результатом» же здесь будет как онтологическое, так и аксиологическое изменение личности. Таким образом, личность как модус духа при социализации выступает в мире объективности, которая все же «расщепляется... на отношение одних единичных волей к другим единичным волям» [4, с. 455], то есть, в то же время, интересующая. Вместе с тем, сохраняется и собственно субъективная составляющая личности, отвечающая за выработку мотивов действий и обработку общественных смыслов при рефлексии. Из всего сказанного можно заключить, что личность как человек-объект есть дух в аксиологическом модусе, проявляющий себя в социальной действительности.

Конечно, в вопросе постижения личности говорить о строгом объективизме представляется невероятным, ведь личность, из которой исключена субъектность, немислима. Об этом говорит русский философ Н.А. Бердяев, критикуя иерархический персонализм: «Иерархическая концепция принуждена признать человеческую личность частью в отношении к иерархическому целому, она оказывается ценностью лишь в отношении к этому целому и от этого целого получает свою ценность»

[2, с. 50]. Напротив, очевидно, что личность, будучи направленным самим на себя духом, должна быть ценна сама для себя. Бердяев утверждает, что установленный в обществе объективизм приводит к порабощению личности: «Объективация... всегда антиперсоналистична, враждебна личности, означает отчуждение личности» [2, с. 51]. Философ, как нам кажется, прав в том, что личность, растворенная в надындивидуальных структурах, таких как нация, человечество или космос, вряд ли может таковой считаться в полноценном смысле. По этой же причине мы находим ложным и метод строго объективного структурного функционализма, предписывающий рассматривать человека не как личность, а скорее, как шестеренку в общественном механизме. Подобный метод описывается в центральном труде основателя социологического метода Э. Дюркгейма [6, с. 36].

Далее уместным шагом будет рассмотрение личности в ее в-себе и для-себя бытии, а именно, с трансцендентальной точки зрения. В этой связи представляется любопытным, что впервые мы встречаем прообразы понятия личности в некоторых текстах философии Нового времени. Однако мыслители того периода трактуют данное понятие метафизически, игнорируя его аксиологическую составляющую, хотя и подчеркивая его априорную природу. К примеру, когда Г.В. Лейбниц говорит о рефлексивных актах как о самосознании, под этим он подразумевает буквально обращенность монады самой на себя, раскрывая только рациональную сторону личности [11, с. 172]. Для Д. Юма «тождество личности» аналогичным образом представляется неизменным во времени априорным центром сосредоточения идей [19, с. 322].

Первым, кому удалось включить аксиологию в трансцендентальную структуру духа, стал И. Кант. Разумеется, общепризнанно, что трансцендентальная антропология немецкого философа имеет, главным образом, эпистемологическую направленность. Однако в современном кантоведении зачастую отмечается, что моральное (а значит, и аксиологическое) Я органически переплетено с трансцендентальным Я. Кантианская мораль в форме категорического императива, по сути, оказывается встроенной в трансцендентальный аппарат человека, однако вместе с тем обладающей всеобщим характером, не зависящим от субъективно-психологических свойств личности. Так, А.В. Углева пишет, что «максима поступка как субъективный принцип действия должна быть сообразна со всеобщим законом, который, в отличие от максимы, не ограничен никаким условием, что и делает его универсальным» [16, с. 127]. Иначе выражаясь, метафизическое и аксиологическое в кантовской концепции личности составляют одно целое.

От трансцендентального понимания личности впоследствии несколько отошел соотечественник

Канта А. Шопенгауэр. Тем не менее, ему, на наш взгляд удалось в чем-то превзойти своего учителя, предложив подробную аксиологическую структуру личности (в оригинальной терминологии – индивида). Классификация Шопенгауэра включает три пункта: во-первых, «что *есть* индивид – то есть личность в самом широком смысле слова», куда включены любые ее качества, в том числе психологические; во-вторых, «что *имеет* индивид – то есть всякого рода собственность и владение»; в-третьих, «чем индивид *представляется*» другим, что проявляется «в троякой форме – как честь, ранг и слава» [18, с. 5]. Анализируя все три указанные отношения под трансцендентальной линзой, их возможно представить как отношения «Я – Я» (самосознание), «Я – Моё» и «Я – Другой», что также целесообразно поместить в центр трансцендентальной структуры ценности. Заметим, что трансцендентальные мотивы в понимании личности Кантом и Шопенгауэром соединяются в точке самосознания. Именно поэтому личность как человек-субъект может быть определена как осознающий себя дух в аксиологическом модусе.

Области «Моё» и «Другой» составляют основу сознающего себя аксиологического Я, то есть субъективной стороны личности, выступающей в роли сущности. Трансцендентально область Моёго, думается, выражена в увлечениях, верованиях, привязанностях, призвании – всем том, о чем личность может искренне себе сказать: «Это моё». Другой же есть особого рода жизненный смысл, состоящий в любви к родному или близкому человеку. По сути, *любовь*, соединяющая обе области, будучи единством понятий *philia* (к Моему) и *agape* (к Другому), может быть расценена в качестве дополнительного, метафизико-аксиологического свойства духа, благодаря которому Я как таковое входит в аксиологический модус. М. Шелер даже высказывает точку зрения, согласно которой любовь предшествует всем остальным духовным способностям: «Ранее, нежели *ens cogitans* или *ens volens*, человек есть *ens amans*» [17, с. 352], иначе говоря, любящее существо, прежде чем мыслящее и волящее. Таким образом, личность как субъект актуализируется посредством любви.

Философская модель человека в репрезентации личности

Проявляясь налично, трансцендентальные области «Моё» и «Другой» принимают различные формы, сообразные с той или иной формой человека. Например, друг как внутренний смысл проявляется в дарении ему подарка на день рождения; увлечение игрой на гитаре находит проявление в регулярном посещении музыкального кружка. Это позволяет приписать определенной модели человека статус личности как с субъективной (сущностной), так и с объективной (проявленной) стороны. Стоит под-

черкнуть, что по внешним признакам личности возможно с долей уверенности судить и о ее внутреннем мире, поскольку достаточная повторяемость явления есть не что иное, как регулярность, показательная в отношении сущности. Примечательно, что А.В. Маслова выделяет две ипостаси человеческой природы, существующие в единстве: «Первый уровень, – поясняет исследователь, – это встроенность в культурно-исторический контекст, с которым происходит активное взаимодействие. Второй уровень – это уровень когнитивно-смысловой, на котором создается субъективная реальность» [12, с. 50]. Отсюда можно заключить, что единство сущности и явления применимы равно к онтологии, как и к аксиологии человеческого существа.

Следовательно, антропологические типы, эпистемологически принимающие вид моделей человека и собираемые концептуально в группу «*Ното*», принимают на себя двоякую функцию. С одной стороны, это *онтологиемы*: в таком случае они носят дескриптивный характер и отражают степень *духовности* человека, то есть его способности к рациональному принятию решений, автономности его воли, его самосознания в определенной плоскости его жизнедеятельности; а также проявленность духовности в соответствующем разрезе социального мира. С другой стороны, в качестве *аксиологем* модели «*Ното*» имеют дело с аксиологическим самосознанием человека и отражают ценностное качество личности, то есть выраженность областей «Моё» и «Другой». Будучи эксплицитно дескриптивными, они имплицитно содержат следующий вопрос: «Какой *должна быть* личность?». Соответственно, модель-аксиологема включает нормативные аспекты, связанные с вопросами ценностного обогащения, обновления или, наоборот, обесценивания личности.

Ното оeconomicus

Для демонстрации данных идей возьмем модель *экономического человека*. Ее релевантность в наше время очевидна, поскольку экономический элемент субъектности человека играет, во многом, определяющую роль в его деятельности, что было показано еще в середине XIX века в марксизме. Так, нам кажется верным, что, онтологически осмысленная, данная модель описывает такого человека, который действует рационально, исходя из соображений собственной выгоды, осознает свою экономическую природу через средство собственных желаний, потребностей и средств. Примерно такого человека рисует экономист Л. фон Мизес, когда говорит о *действующем человеке* [13, с. 11–29].

Впервые модель «*Ното оeconomicus*» как онтологема была предложена Дж.С. Миллем в его критике политической экономии классических либералов до него, где он аналогично Мизесу рисует человека полностью определенным практическими интересами, с чем он связывает такие лич-

ностные качества, как здравый эгоизм и изобретательность [20]. Однако ценностные основания данной модели стали попадать в поле зрения философской антропологии лишь в последние десятилетия, когда оформились явные признаки деградации экономического человека.

Для раскрытия сути указанной деградации необходимо учесть, что в роли аксиологемы данная модель оказывается направленной на раскрытие экономического содержания аксиологических областей личности как экономического субъекта. Так, на наш взгляд, с экономической точки зрения *моё-в-себе* есть *достаток человека*, явленный в виде *наличного моего* – *выгоды* (потенциально), *собственности* (актуально) и *денег* – их связующего звена. Что касается Другого, то думается, что данная область проявляется в виде всевозможных *операций* (купли-продажи, займа, прощения долга, вознаграждения, дарения и пр.), осуществляемых в экономическом intersубъективном пространстве. Сущность всего этого, как кажется, состоит в *уважении и доверии* одного субъекта по отношению к другому.

Если изначально, в мысли классического либерализма, аксиологема экономического человека предполагала аксиологически полноценную личность как внутренне, так и внешне, то сегодня, характеризуя современного *Homo oeconomicus*, многие исследователи, такие как цитируемый ранее А.Л. Никифоров, ссылающийся на знаменитые тезисы Римского клуба [14, с. 88–89], все больше отмечают ценностную деградацию экономического человека. Данная тенденция, по-видимому, обусловливается таким фактором, как бездумное потребление в контексте явления новой пропаганды: «Всеми средствами массовой информации, ухищрениями моды и разнообразными шоу, назойливой рекламой в сознание людей внедряется одна мысль: увеличивай, повышай количество и качество своего потребления, улучшай свой быт, повышай комфортность жизни! И это становится главной целью и смыслом жизни все большего числа людей» [14, с. 88].

Действительно, полномасштабное сохранение ценностей человека видится возможным при свободном рынке, нежели при таком экономическом строе, который в наши дни принято именовать капиталистическим. Именно свободный от монополий рынок делает возможным относительно равноправное и взаимовыгодное участие множества субъектов экономической деятельности, что позволяет каждому из них сохранить свой внутренний мир ценностей, иными словами, не ощущать себя нищим и отчужденным от других экономических агентов, которые при капитализме предстают либо как недостижимые монополисты, либо как обезличенные работники глобальных корпораций.

Введенное американским психологом Э. Бернейсом понятие *новой пропаганды* лишь усугубля-

ет очерченную тенденцию. Его суть заключается в том, что монополисты нанимают особого работника, специалиста по связям с общественностью, целью которого является подсознательное изменение системы потребительских ценностей представителей *Homo oeconomicus* из народа путем внешнего воздействия на них. Бернейс неслучайно обращает внимание на тот факт, что «пока речь шла о кустарном или мелком производстве... спрос рождал предложение; сегодня же ситуация обстоит наоборот: предложение должно формировать соответствующий спрос» [3, с. 70]. Данная мысль демонстрирует пагубное для личности формирование ее внутреннего мира полностью извне, ведущее к его объективации, тогда как источник внутренних ценностей, как мы выяснили из выводов Н.А. Бердяева, должен быть всегда активен. В случае экономического человека этот источник – естественно складывающийся спрос на потребление и стимул на производство товаров и услуг, которые тем более преумножаются, чем выше мера свободы рынка.

Заключение

Итак, при наиболее полном и системном междисциплинарном рассмотрении человек предстает как сложная, социально многогранная система, в основе которой лежит дух, обладающий трансцендентальными свойствами мышления, воления и самосознания. Переходя свое чисто метафизическое бытие, дух за счет присущей ему способности любить, оказывается в аксиологическом модусе, становясь личностью. В таком состоянии его аксиологию составляют, главным образом¹, области «Моё» и «Другой».

Вместе с тем, дух, по-видимому, способен переходить еще и свое в-себе и для-себя (субъективное) бытие, проявляясь налично (объективно). Таким образом, становится возможным вести речь не только о внутренних, трансцендентальных ценностях, но и о ценностях общественного мира, присущих человеку в той или иной социальной форме, в нашем случае – экономической. Все перечисленные элементы человека делают его онтологическую и аксиологическую природу уникальной, поскольку в ней органично переплетаются субъективная и объективная реальность, что на фундаментальном уровне отличает его от зверя – по меткому выражению Р. Декарта, бездушного механизма, а также от машины, пусть даже и обладающей искусственным интеллектом. Неслучайно последний в современной этической теории предлагается обозначать как «вычислительный моральный квазиагент (МКА) или как (квази) моральный техноагент» [8, с. 93], что довольно да-

¹ Здесь мы не рассматриваем область сакральных ценностей, включающую Бога.

леко от тождества с полноценным аксиологическим Я.

Литература

- Балахонский В.В. Объективность и субъективность в процессе проведения научного исследования: проблема соотношения в методологии исторического познания // Наука и мир. 2023. № 2. С. 41–45. URL: <https://w-science.com/ru/nauka/article/58153/view>
- Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. СПб.: Азбука, 2024. 384 с.
- Бернейс Э. Пропаганда. М.: АСТ, 2024. 192 с.
- Гегель Г. Философия духа. М.: АСТ, 2022. 576 с.
- Донцов Д. А., Поляков Е.А. Социализация личности в качестве психосоциального явления и процесса – методологический психологический анализ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. Т. 4. № 1 (96). С. 95–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-v-kachestve-psihosotsialnogo-yavleniya-i-protsesta-metodologicheskiiy-psihologicheskiiy-analiz?ysclid=m8pu1xd760796253301>
- Дюркгейм Э. Правила социологического метода. М.: АСТ, 2021. 384 с.
- Ивин А.А. Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении. М.: Проспект, 2022. 352 с.
- Игнатьев А.Г. Этико-философские проблемы проектирования искусственного морального агента // Этическая мысль. 2024. Т. 24. № 1. С. 87–100. DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2024-24-1-87-100>
- Колесова Л.А. Четвертое измерение человека // Философия науки. 2002. № 8: Синергетика человекомерной реальности. С. 239–255. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASHd5196c20c655f29d9f589e>
- Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2022. 157 с.
- Лейбниц Г.В. Монадология. М.: РИПОЛ классик, 2022. 200 с.
- Маслова А.В. Фундаментальность понимания на пути к новой антропологии // Вестник МГПУ. 2021. Сер. Философские науки. № 2 (38). С. 49–61. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.38.2.06>
- Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Москва; Челябинск, 2024. 1001 с.
- Никифоров А.Л. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 3. С. 82–95. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-82-95>
- Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: АСТ, 2023. 576 с.
- Углева А.В. Изломанные грани этического универсализма. Комментарий к книге «Универсальность в морали» // Кантовский сборник. 2022. Т. 41. № 2. С. 122–147. DOI: <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-5>
- Шелер М. Ordo Amoris // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 339–377.
- Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: АСТ, 2022. 288 с.
- Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: АСТ, 2022. 800 с.
- Mill, J.S. On the Definition of Political Economy; and on the Method of Investigation Proper to It // Collected Works. Toronto: University of Toronto Press, 1967. Vol. 4. P. 120–164.

ON STRUCTURAL DIVERSITY OF HUMAN: PROPEDEUTICS TO THE AXIOLOGY OF PERSONALITY (EXEMPLIFYING HOMO OECONOMICUS)

Bugaev M.K.

Moscow State Linguistic University

The article analyzes the fundamental metaphysical and axiological dimensions of man, which determine the special ways of his manifestation in society as an axiological agent (i.e. personality). These methods represent expressions of various forms of subject underlying the conceptual philosophical models of man, a special kind of which is the economic man (Homo oeconomicus).

In the matter of such an abstract rethinking of man, an interdisciplinary approach combining the methods of metaphysics, epistemology and axiology seems appropriate. Thus, it becomes possible to speculatively split human nature into various forms of the subject, of which special attention is paid to the economic form. Human is represented as a spirit with special properties (rationality, will, self-awareness). Spirit is attributed a personal, namely, an axiological mode of being, consisting of the axiological domains of "Mine" and "Other", which represent internal values of different ontological status.

Ultimately, the study intends to demonstrate the possibility of conceptual expression of a particular form of subject, such as Homo oeconomicus, as a personality in its structural ontological and axiological diversity, as well as to identify the true significance of personality in society in the light of its structure.

Keywords: human, spirit, personality, value, form of subject, Homo oeconomicus.

References

- Balakhonskii, V.V. Objectivity and Subjectivity in the Process of Conducting Scientific Research: The Problem of Correlation in the Methodology of Historical Cognition (2023), Science & World, 2, 41–45 (In Russ.), URL: <https://w-science.com/ru/nauka/article/58153/view>
- Berdyaev, N. A. (2024), Slavery and Freedom, Azbuka, Moscow, Russia (In Russ.).
- Bernays, E. (2024), Propaganda, AST, Moscow, Russia (In Russ.).
- Dontsov, D. A. and Polyakov, E.A. Socialization of Personality as a Psychosocial Phenomenon and Process – Methodological Psychological Analysis (2017), Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 4 (1), 95–101 (In Russ.), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-v-kachestve-psihosotsialnogo-yavleniya-i-protsesta-metodologicheskiiy-psihologicheskiiy-analiz?ysclid=m8pu1xd760796253301>
- Durkheim, E. (2021) Les Règles de la méthode sociologique, AST, Moscow, Russia (In Russ.).

6. Hegel, G. W. F. (2022), *Wissenschaft des Geistes*, AST, Moscow, Russia (In Russ.).
7. Hume, D. (2022), *A Treatise of Human Nature*, AST, Moscow, Russia (In Russ.).
8. Ignatyev, A. G. Ethical and Philosophical Problems of Designing Artificial Moral Agent (2024), *Ethical Thought*, 24 (1), 87–100 (In Russ.), DOI: <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2024-24-1-87-100>
9. Ivin, A. A. (2022), *Social Epistemology. Human Knowledge in Social Dimension*, Prospekt, Moscow, Russia (In Russ.).
10. Kierkegaard, S. (2022), *Sygdommen til Døden*, Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia (In Russ.).
11. Kolesova, L.A. The Fourth Dimension of Man (2002), *Philosophy of Science*, 8, 239–255 (In Russ.), URL: <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASHd5196c20c655f29d-9f589e>
12. Leibniz, G. W. (2022), *La Monadologie*, RIPOL klassik, Moscow, Russia (In Russ.).
13. Maslova, A.V. Fundamental Understanding on the Way to a New Anthropology (2021), Moscow State Pedagogical Publishing, 2, 49–61 (In Russ.), DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.38.2.06>
14. Mises, L. (2024), *Human Action: A Treatise on Economics*, Sotium, Moscow, Chelyabinsk, Russia (In Russ.).
15. Mill, J. S. (1967), *On the Definition of Political Economy; and on the Method of Investigation Proper to It*, Collected works, University of Toronto Press, Toronto, Canada, Vol. 4, 120–164.
16. Nikiforov, A.L. What Kind of Future Is Humanity Facing (2021), *The Philosophy Journal*, 14 (3), 82–95 (In Russ.), DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-82-95>
17. Ricardo, D. (2023), *Principles of Political Economy and Taxation*, AST, Moscow, Russia.
18. Scheler, M. (1994), *Ordo amoris*, Selected works, Gnozis, Moscow, Russia, 339–377 (In Russ.).
19. Shopenhauer, A. (2022), *Aphorismen zur Lebensweisheit*, AST, Moscow, Russia (In Russ.).
20. Ugleva, A.V. Broken Facets of Ethical Universalism. Commentary on the Book *Universality in Morality* (2022), *Kantian Journal*, 41 (2), 122–147, DOI: <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2022-2-5>

Правовой прогресс и правовой регресс в проводимой государством правовой политике: социально-философский анализ

Иванова Мария Юрьевна,

аспирант департамента философии и социальных наук,
Московский городской педагогический университет
E-mail: IvanovaMU@mgpu.ru

В статье рассмотрена философская точка зрения А. Августина, Полибия, П.А. Сорокина, А.Ю. Барсукова, С.С. Алексеева, В.Т. Азизовой на правовой прогресс и правовой регресс, выделены их признаки. Сформулировано определение правового прогресса и правового регресса, их основные сущностные характеристики. Следует подчеркнуть, что оценка правового развития в качестве прогресса или регресса зависит не только от результатов развития правовой системы, но и от критериев оценки этого процесса. Делается вывод о том, что правовой прогресс зависит от степени, с которой основополагающие принципы права представлены и воплощены на всех уровнях правовой системы: идеологическом, нормативном и функциональном.

Ключевые слова: правовой регресс, правовой прогресс, правовое развитие, правовая культура, правовое государство, общество, правопорядок

Введение

Правовой прогресс – это важный аспект развития общества, определяющий его правовую культуру и уровень соблюдения законности. Он включает в себя множество компонентов, которые ведут к формированию правового государства. Рассмотрим более подробно оба подхода к пониманию правового прогресса.

В узком смысле правовой прогресс подразумевает конкретные шаги и изменения в правовой системе, направленные на достижение ожидаемых результатов. Эти изменения могут включать в себя:

1. Актуализация законодательства: приведение законов в соответствие с современными реалиями, устранение устаревших норм.
2. Улучшение правоприменительной практики: повышение эффективности работы судебной системы и органов правопорядка.
3. Защита прав и свобод человека: разработка механизмов и институтов, способствующих защите прав граждан и их интересов.
4. Образование и просвещение: программы по повышению правовой грамотности населения.

В широком смысле правовой прогресс является более комплексным и долгосрочным процессом, который включает в себя социальные, политические и экономические аспекты жизни общества. Он предполагает:

1. Историческую эволюцию правовой системы: постепенное движение к более справедливому и эффективному правовому порядку.
2. Качественные изменения в сознании граждан: формирование правосознания, уважение к законам и институтам власти.
3. Достижение новых целей: например, интеграция международных стандартов прав человека в национальное законодательство, развитие правовой ответственности и основ демократии.
4. Системное улучшение правовой жизни: интеграция различных компонентов правовой системы (нормативных актов, правоприменения, правосознания) для обеспечения целостности и гармонии.

В целом, правовой прогресс – это динамичный процесс, который требует активного участия государства, общества, юридических профессионалов и каждого гражданина. Устойчивое развитие правовой системы зависит от взаимодействия всех этих факторов, направленных на достижение справедливости, свободы и законности.

С философской точки зрения правовой прогресс можно рассматривать как поступательное, восходящее движение к правовым ценностям. Правовой прогресс предполагает постоянное выстраивание и совершенствование правовой системы, он не является чем-то заданным и неизменным.

Правовой прогресс и регресс затрагивают важные аспекты философии права и его эволюции в контексте социального развития. Таким образом, правовой прогресс не является статичным состоянием, а представляет собой динамический процесс, который зависит от многих факторов, включая социальные, экономические, культурные и политические изменения.

Правовой прогресс можно наблюдать по росту уровня защиты прав и свобод человека, что, в свою очередь, связано с признанием и обеспечением достоинства личности. Это подтверждает взаимосвязь между правовой системой и более широкими социальными преобразованиями, ведь в условиях демократического общества права граждан часто становятся предметом государственной политики и законодательных инициатив.

Кроме того, стоит рассмотреть, каким образом правовой регресс может проявляться в современном обществе. Например, это может происходить через ухудшение правового статуса определённых групп населения, ограничения свободы слова, нарушения прав человека или изменение законов, способствующее концентрации власти. В этом контексте важно понимать, что правовой регресс не ограничивается только юридическими аспектами; он также может быть вызван экономическими или социальными кризисами, в которых на фоне нестабильности часто происходят негативные изменения.

Соколов В.В. указывает, что восприятие правового прогресса и регресса требует комплексного анализа, охватывающего не только правовые нормы, но и их реализацию на практике, а также влияние социокультурного контекста, который формирует общественные ожидания относительно права. Создание и поддержание правовой системы, способствующей прогрессу, требует активного участия гражданского общества, правозащитников и политических институтов в борьбе за защиту прав и свобод человека [8, с. 594].

Правовой регресс, с философской точки зрения, можно определить как удаление от определённого правового идеала. Если право в своём развитии приближается к этому идеалу, то имеет место правовой прогресс, если удаляется – правовой регресс.

Результаты исследования

Размышления о правовом прогрессе и регрессе, подчеркивают необходимость учитывать не только

юридические аспекты, но и социокультурные условия, которые влияют на правовую систему. Это важный аспект, так как правовое развитие происходит не в вакууме, а на фоне исторических, экономических и культурных изменений.

Теория морально-правового регресса действительно предоставляет интересную точку зрения, подчеркивающую, что формальное улучшение законодательства и правовых систем не всегда сопровождается реальным улучшением условий жизни людей и общественного морального климата.

Что касается мыслителей, таких как Полибий и Августин, их идеи действительно иллюстрируют различные подходы к пониманию закономерностей правового прогресса. Полибий акцентирует внимание на неизбежности цикличности государств и их краха, при этом выделяя фактор, который может замедлить этот процесс – создание устойчивой и сбалансированной власти. Его концепция напоминает о важности структурных основ правления и законов, которые могут способствовать стабильности.

Аврелий Августин предлагает дуалистический подход, основанный на противостоянии светских и духовных начал. Его мысль отражает идею, что истинный прогресс заключается не только в формальных изменениях, но и в глубоком моральном и духовном росте общества. Это приводит к пониманию правового прогресса как к пути возвышения к более высоким ценностям и идеалам.

В целом, дискуссия о правовом прогрессе и регрессе является многоаспектной и требует учёта различных факторов, включая моральные, культурные и исторические контексты. Такой подход позволяет более полно оценить состояние правовой системы и её воздействие на общество.

А.Ю. Барсуков подчеркивает, что правовой регресс представляет собой отход от эталонных общественных и правовых норм в поведении индивидуумов и правовом регулировании социума [3, с.128].

По мнению П.А. Сорокина, мерилем прогресса в правовой сфере служит степень соответствия права общему прогрессивному развитию социума. Прогрессом считается приближение правовых норм и поведения людей к идеализированной модели общества, основанной на принципах взаимной любви и солидарности. Отдаление от этой модели, напротив, свидетельствует о регрессе [7, с. 438].

Следует отметить, что единого, общепринятого толкования правового прогресса и его определяющих факторов не существует, поскольку они тесно связаны со стратегией правового и, в некоторой степени, политического развития, выбранной конкретным государством в определённый период истории.

П.А. Сорокин полагал, что оценка прогресса в праве и методы его измерения опираются на та-

кие принципы, как свободное развитие индивида и гуманизация общественной жизни. По его мнению, приближение права и поведения людей к идеалу общества, базирующемуся на любви и солидарности, указывает на прогресс и улучшение правовой ситуации. И наоборот, удаление от этого идеала означает правовой регресс [7, с. 521].

Ученый связывал прогресс или регресс в праве с возможностью или невозможностью реализации социальных идеалов. Ключевым критерием является соответствие права общему прогрессивному движению общества. Приближение к идеалу, основанному на взаимной любви и солидарности, говорит о прогрессе и улучшении, в то время как удаление от него является признаком регресса.

А.Н. Костюков рассматривал правовой прогресс в двух аспектах. В узком понимании, это целенаправленное и непрерывное движение вперед, направленное на получение положительных изменений в правовой системе. В широком смысле, это органичный, поступательный процесс улучшения правовой сферы общества, повышения уровня его правосознания и правовой культуры, который знаменует достижение принципиально нового уровня развития [4].

По мнению С.С. Алексеева, право обладает исключительной значимостью и неразрывно связано с развитием общества. Он рассматривал право как феномен, являющийся ключевым средством для достижения целей, важных для всего человечества [2, с. 240].

По мнению В.Т. Азизовой, одним из показателей развития права является уменьшение временного интервала между утверждением законодательного акта и его практическим применением. Подчеркивается, что интенсификация законотворческой деятельности не должна приводить к снижению качества разрабатываемых правовых норм [1, с. 79].

С точки зрения ряда исследователей, эволюция права представляет собой динамичный процесс совершенствования правовых конструкций, институтов и связей. В рамках этого процесса участники правовой деятельности стремятся к достижению устойчивости, гармонизации всех элементов правовой системы, её результативному функционированию и приоритетным задачам правового регулирования.

Важным показателем прогресса в праве является высокий уровень гарантий прав и свобод личности на конкретном этапе исторического развития. К числу признаков правового прогресса также относят: достижение беспристрастности в юридических решениях и правовую защиту граждан; доступность и понятность законодательных актов; эффективный механизм реализации правовых норм; зрелость правового сознания и культуры, а также доверие к правовой системе; наличие оптимального равновесия между интересами индивида, общества и государства.

Некоторые ученые рассматривают правовой регресс как ситуацию, при которой в ходе исторического развития поведение людей и правовая система общества отклоняются от определенного, ранее достигнутого состояния [5].

В то же время распространено убеждение, что развитие и деградация взаимосвязаны, и улучшение в одной области правового регулирования может привести к ухудшению в другой [6].

Кроме того, существует точка зрения, согласно которой единое определение правового прогресса и его признаков отсутствует [9, с. 47]. Эти понятия зависят от выбранной в конкретной стране в определённый исторический момент стратегии правового и, в некоторой степени, политического развития, а также от правовых установок.

Заключение

Понятие правового прогресса трактуется исследователями по-разному, что приводит к различиям в подходах к его оценке и определению. Правовой прогресс – это сложное явление, охватывающее всю правовую сферу. Он предполагает совершенствование не только правовой системы в целом, но и её отдельных составляющих. Для правового прогресса характерно постепенное и непрерывное развитие.

Ключевые признаки правового прогресса включают усиление гуманистических начал в праве, базирующееся на уважении достоинства, прав и свобод человека, а также повышение уровня правовой культуры и сознательности граждан.

Правовой прогресс неразрывно связан с общественным развитием и подчиняется общим закономерностям социальных изменений. Радикальные, революционные преобразования не являются типичными для правового прогресса.

В противоположность этому, правовой регресс можно охарактеризовать как отход от идеалов правового общества, основанного на принципах взаимной любви и солидарности.

Степень реализации фундаментальных принципов права на всех уровнях правовой системы – идеологическом, нормативном и функциональном – определяет направление правового развития. Соблюдение этих принципов способствует правовому прогрессу, в то время как их игнорирование ведёт к регрессу правовой системы.

Литература

1. Азизова В.Т., Ягияев С.Л. О правовом прогрессе как юридической категории // Евразийский юридический журнал. 2016. № 12 (103). С. 79–80.
2. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. – М.: Норма, 2007. – 240 с.
3. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория. Учебное пособие / Бар-

суков А.Ю.; Под ред.: Малько А.В. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. – 128 с.

4. Костюков А.Н. Конституционно-правовой прогресс и его влияние на экономическое развитие государств // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2014. № 1 (30).
5. Мапельман В.М. Морально-нравственные проблемы, порожденные исследованиями глобальных процессов и освоением космоса. Вестник МГПУ, серия «Философские науки», 2023, № 3 (47), 8.
6. Скоробогатов А. В., Краснов А.В., Юсупов А.А. Критерии правового прогресса // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3(35).
7. Сорокин П.А. Историческая необходимость // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. 521 с.
8. Соколов В.В. Антология мировой философии: в 4 т. М., 1969. Ч. 2. С. 594.
9. Осмоловская С.М. Коммуникационные практики высшей школы: социологический анализ. Коммуникология, 2019. Т. 7 № 3 С. 47–56.
10. Поздняков И.П. Идея правового прогресса в западноевропейском интеллектуальном пространстве // Актуальные проблемы Российской правовой политики: Сборник докладов XVII научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых, Таганрог, 15 апреля 2016 года. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2016.

LEGAL PROGRESS AND LEGAL REGRESSION IN THE LEGAL POLICY PURSUED BY THE STATE: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ivanova M.Yu.

Moscow City Pedagogical University

The article examines the philosophical views of A. Augustine, Polybius, P.A. Sorokin, A.Y. Barsukov, S.S. Alekseev, V.T. Azizov on legal progress and legal regression, and highlights their characteristics. The article defines legal progress and legal regression and outlines their essential features. It is important to note that the assessment of legal development as progress or regression depends not only on the outcomes of the legal system's development but also on the criteria used to evaluate this process. It is concluded that legal progress depends on the extent to which the fundamental principles of law are represented and embodied at all levels of the legal system: ideological, normative, and functional.

Keywords: legal regression, legal progress, legal development, legal culture, legal state, society, legal order

References

1. Azizova V.T., Yagiyaev S.L. On Legal Progress as a Legal Category // Eurasian Law Journal. 2016. No. 12 (103). Pp. 79–80.
2. Alekseev S.S. Property Rights. Problems of Theory. – Moscow: Norma, 2007. – 240 p.
3. Barsukov A. Yu. Legal Progress as a Legal Category. Study Guide / Barsukov A.Yu.; Edited by: Malko A.V. – Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2006. – 128 p.
4. Kostyukov A.N. Constitutional and Legal Progress and Its Influence on the Economic Development of States // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2014. No. 1 (30).
5. Mapelman V.M. Moral and Ethical Problems Caused by Research on Global Processes and Space Exploration. Vestnik MGPU, Series "Philosophical Sciences", 2023, No. 3 (47), 8.
6. Skorobogatov A. V., Krasnov A.V., Yusupov A.A. Criteria for Legal Progress // Prologue: a journal on law. 2022. No. 3(35).
7. Sorokin, P.A. Historical Necessity // Sorokin, P.A. Man. Civilization. Society. 521 p.
8. Sokolov V.V. Anthology of World Philosophy: in 4 vols. Moscow, 1969. Vol. 2, p. 594.
9. Osmolovskaya S.M. Communication Practices in Higher Education: A Sociological Analysis. Communicology, 2019. Vol. 7 No. 3, pp. 47–56.
10. Pozdnyakov I.P. The Idea of Legal Progress in the Western European Intellectual Space // Actual Problems of Russian Legal Policy: Collection of Reports of the XVII Scientific and Practical Conference of Teachers, Students, Postgraduate Students, and Young Scientists, Taganrog, April 15, 2016. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics, 2016.

Золотой век человечества: новоевропейские утопические проекты о социальных феноменах богатства и бедности

Ладыкина Татьяна Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: ladykina@mail.ru

В статье исследованы утопии XVI–XIX вв. как формы социально-философского конструирования и прогнозирования будущего, направляющих деятельность как отдельных личностей, так и значительных социальных групп. Рассмотрены распространенные в современных общественных науках и философии различные подходы к определению понятия утопии, выявлены существенные черты утопического дискурса. Автор анализирует идеи авторов утопических проектов Т. Мора, Т. Кампанеллы, Дж. Гаррингтона, Дж. Уинстенли, представителей утопического социализма (К.А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р.Оуэна) о социальных феноменах богатства и бедности. Показана постепенная эволюция утопии в социальной философии Нового времени от художественно-философских текстов до политических проектов и концепций, предвосхищающих появление научного знания. Автор отмечает влияние утопических построений на способы решения проблемы богатства и бедности в объективной социальной реальности.

Ключевые слова: социальная утопия, утопические проекты, признаки утопий, богатство, бедность, Т. Мор, Т. Кампанелла, Дж. Гарринтон, утопический социализм.

Введение

Проблемы богатства и бедности, поляризации общества по имущественному признаку особенно острые в XXI столетии сопровождали человечество на всем историческом пути и нередко становились объектом анализа на различных этапах развития философской мысли, в том числе и на современном. При этом практически любые исследования социальных феноменов богатства и бедности в рамках философского или социально-гуманитарного знания были нацелены не только на изучение их сущностной природы, отличительных черт или выявление причин их возникновения. Также важной составной частью таких исследований, как правило, являлось определение наиболее действенных способов преодоления крайних форм имущественной дифференциации общества, сокращения масштабов бедности и поиск наиболее эффективных инструментов и способов борьбы с нею. Исследователь, будь то философ или ученый, в данной ситуации подобен эскулапу, который не только констатирует симптомы, дотошно описывает болезненные состояния пациента, но и в то же время намечает план лечения, определяя лекарства или методы лечения, способные побороть недуг. Так, в настоящее время в общественной практике многих государств нарабатаны и применяются различные подходы к решению проблем бедности, имущественной поляризации общества. Как правило, политики, опираясь на философскую и научную мысль, реализуют социальные, институциональные, экономические реформы, способствующие росту благосостояния граждан, совершенствуют систему социального обеспечения и прочее. Очевидно, что по-настоящему эффективные действия, направленные на изменение социальной реальности невозможны без комплексного теоретического осмысления проблематики богатства и бедности. Однако такое осмысление не будет полным без обращения к утопии как способу социально-политического проектирования или моделирования возможного варианта дальнейшего развития общественных отношений. Утопический дискурс в социальной философии обладает уникальным потенциалом, завладевая сознанием людей, крупных политиков и простых граждан, проникая в программные политические документы, в государственные законы, он заставляет массы действовать тем или иным образом, непосредственно влияет на общественную жизнь

[2]. Создание оригинального утопического проекта тем или иным автором с одной стороны, и его осмысление как интеллектуалами, политиками, государственными деятелями, широкой общественностью с другой стороны, представляет собой особого рода коллективный процесс конструирования социального. В формате утопии реальность подвергается критическому анализу, деконструкции, а затем собирается заново, приобретая улучшенные характеристики. Причем во время «сборки» обязательно добавляются новые элементы реальности, социальные институты, практики. При этом утопия не просто знакомит с концепцией новой реальности, вместе с тем она постепенно формирует толерантное отношение к ней общественного сознания [11]. Утопический дискурс предлагает новые социальные идеалы, раздвигает рамки возможных вариантов последующего развития социума. Процесс смены наличного социального бытия, которое преобразуется под воздействием утопических идей, переходя в новое социальное бытие подобен движению триады Г. Гегеля, где тезису и антитезису на смену приходит синтез. Отечественный ученый И.М. Эрлихсон предлагает рассматривать утопию как особый духовно-практический феномен, как форму социально-философской рефлексии, критически оценивающей настоящее с позиций будущего, направляющей действия личностей и коллектива [14].

Объектом исследования является утопический дискурс в западноевропейской литературе и философии XVI–XIX вв. Предметом – взгляды авторов утопий на сущность проблемы богатства и бедности, ее причины и способы разрешения. Цель статьи – проанализировать «эволюцию», трансформацию социальных или экономических утопических проектов, определить каким образом описанные в них механизмы борьбы с бедностью, выходя за рамки идеального альтернативного пространства утопии, воздействовали на социальную реальность европейского общества в различные периоды ее развития, способствовали более глубоко осознанию и решению данной проблемы.

Основные результаты

Несмотря на огромный массив исследовательской литературы посвященный утопии в научном сообществе до сих пор нет единого мнения относительно точной дефиниции утопии, ее сущностных специфических признаков. Понятия «утопия», «утопический» приобрели за несколько столетий множество смыслов. Буквальный перевод терминов с греческого языка дает следующие значения: «место, которого нет», либо «благое место». Появившись первоначально как элемент названия книги английского философа-гуманиста Томаса Мора, изданной в 1516 году слово «утопия» впоследствии стало широко использоваться для обозначения схожих по содержанию философских и литературных про-

изведений, экономических и политических трактатов, предлагающих проекты наилучшим образом устроенных обществ. Утопия представляет собой не только идеальное государство, одновременно – это и литературный жанр, и социальный эксперимент, и образ мышления, и идеология, и планы общественных преобразований, реформ, и социально-философские концепции, предвосхищающие будущее и т. д. [5]. Принимая во внимание разнообразие значений и подходов в толковании утопии, можно выделить ряд сущностных черт или признаков ей присущих. Во-первых, критичность. Мощным побудительным мотивом к созданию утопии является негативная оценка имеющейся социальной действительности, ее отрицание, уход от нее в иную социальную реальность. Во-вторых, альтернативность и созидательность. Только обличать, критиковать или порицать утописту не свойственно, построение утопии не что иное как создание новой альтернативной или обособленной, другой реальности взамен уже существующей. Но не отдельных альтернативных социальных институтов или элементов социальной действительности, а альтернативного общества целиком. Отсюда еще одна черта утопии – целостность. Утописты не предлагают частично улучшить жизнь людей путем реформ отдельных сфер общественной жизни, они предлагают принципиально новую, иную реальность во всей ее полноте. Кроме того, утопические модели общества обычно замкнуты на себе, сконструированный мир отделен от реального труднопреодолимыми пространственными или временными барьерами, что еще больше подчёркивает его инобытийность, «внеаходимость» [Понятие М.М. Бахтина]. Виртуальная утопическая реальность оказывает особое «терапевтическое» действие на всех, кто оказывается внутри ее хронотопа: идеальное социальное пространство возвращает человека к своим истокам, к подлинной природе, предоставляя возможности для гармоничного развития и самореализации в новой реальности. Если настоящая реальность приобретает антигуманную направленность, то утопический проект, наоборот, стремится вернуть «человечность» в социальное взаимодействие, сделать людей счастливее. Для утопической традиции характерно подчеркивание связи между внешним и внутренним: если изменить условия жизни человека на более благоприятные, то изменится сам человек. Отличительная особенность большинства утопий – тяготение к всеобъемлющей регламентации жизни социума. И, наконец, следует особо отметить ценностный подход к действительности характерный для утопических проектов. Ценности и идеи, генерируемые общественным сознанием, выступают в качестве направляющей силы любого общества, не только утопического. Но в пространстве утопии их влияние усиливается, они становятся своего рода системой координат, матрицей, определяющей повседневную жизнь и действия целых

социальных общностей или отдельных субъектов. Как правило, новый мир утопии рациональной, прекрасней, добродетельней, морально совершеннее существующего. Эту черту утопии можно определить, используя термин калокагатия [9].

В настоящее время разработано немало типологий утопий. Многообразие утопий, возникших за последние несколько столетий возводит задачу создания одной универсальной классификации утопий в разряд практически не выполнимых. Зачастую в основании того или иного способа деления утопий на виды лежит научный интерес ученого или философа, в зависимости от целей конкретного исследования автор склонен выделять определенные типы утопий. Если анализировать утопии в контексте проблемы поляризации общества по шкале «богатство-бедность», то необходимо в первую очередь изучить экономические утопические концепции, описывающие ситуацию, когда материальные блага имеются в изобилии, ресурсы распределяются справедливо между всеми членами такого общества. Однако сразу отметим следующее: не только в особых, в так называемых социальных или экономических утопиях, но и в утопиях любого другого типа необходимые человечеству блага, как правило, находятся в общей собственности, равномерно распределены, денежные отношения либо отсутствуют, либо существенно реорганизованы, а граждане преимущественно заняты созидательным трудом. Социальная проблема богатства и бедности в реальном мире связана с многочисленными негативными последствиями, которые воспринимаются многочисленными создателями утопий как такое противоречие, которое должно быть снято в первую очередь в созданном ими идеальном альтернативном мире. Различие между социальной или экономической утопией и политическими, религиозными, научно-техническими, экологическими и другими утопиями состоит только в том, авторы первых детально описывают принципы устройства хозяйственной жизни, конкретные способы преодоления неравенства и решения проблемы бедности, а вторые постулируя имущественное равенство как одну из базовых черт идеального мира сосредотачиваются в описании утопий на других аспектах ее жизни.

Хотя некоторые авторы обнаруживают почти полную индифферентность к возможностям реализации своих проектов, следует отметить, что утопию нельзя воспринимать исключительно как несбыточную мечту или фантазию. Утопические построения представляют собой по сути одну из ранних форм социально-философского конструирования и прогнозирования будущего, их следует воспринимать как особый метод осмысления, а в дальнейшем и снятия острых социальных проблем.

Общеизвестно, что родоначальником жанра утопии был Томас Мор, он представляет свой проект нового общества в XVI веке накануне серьезных трансформаций европейской культуры. С.Б. Токарева пишет, что в эпоху Возрождения конструктивная деятельность человека сосредотачивается на сфере умственных построений и в этом качестве становится частью социального прогресса» [12]. Скорее предчувствие, а не четкое осознание грядущих перемен толкает Мора на создание воображаемой реальности, где социальные пороки практически искоренены, а люди живут относительно мирно, заняты созидательным трудом и довольствуются небольшим количеством благ. «Утопия» делится на две книги. Первую книгу Томас Мор посвятил критике существовавших в Англии XVI в. социальных порядков. Он высказывается против внутренней и внешней политики короля Генриха VIII, высмеивает различные пороки дворянства и духовенства. Но более всего его возмущает практика огораживания общинных земель, которая имела чудовищные для значительной части населения страны последствия. Многие крестьяне, разоряясь, становились нищими, пауперизировались или отправлялись в город на заработки. Сотни тысяч вчерашних земледельцев просили милостыню, шли на преступления, бродяжничали за что часть из них сгонялась в работные дома, а часть была казнена [10]. По выражению самого Мора «овцы стали пожирать людей». Во второй книге автор устами своего героя-путешественника Рафаила Гитлодея рассказывает об Утопии. Книга представляет собой диалог, где личность автора как бы расщепляется на две части: Мор-Гитлодей рассказывает Мору-скептику об удивительных нравах и законах, царящих на далеком острове [13].

По мнению сэра Томаса Мора, основная причина многих социальных пороков современному ему обществу – противоречия интересов богатых и бедных. Частная собственность, товарно-денежные отношения, стремление к роскоши и престижному потреблению порождают многочисленные социальные девиации. В Утопии, напротив, общее владение имуществом, презрение к богатству, к сокровищам. Деньги, частная собственность, рыночные отношения отменены. Именно на основе общей собственности, равномерного распределения материальных благ между всеми членами общества выстраиваются отношения во всех прочих сферах жизни общества. Страна разделена на города, в каждом городе проживают многочисленные семьи, специализирующиеся на определенной виде деятельности или профессии. Все взрослые утопийцы работают, поскольку только полезный труд каждого способен обеспечить общее изобилие в государстве. Вместе с тем каждый отдельный житель Утопии аскетичен в своих потребностях.

При этом детальный анализ текста Мора позволяет констатировать, что «идеальное» общество Утопии совсем не идеальное. На острове есть место рабству, присутствует смирная казнь за тяжкие преступления, утопийцы при необходимости могут захватывать земли соседних государств, образовывать колонии. Жизнь каждого жителя унифицирована и тотально контролируется государством.

Возникают вопросы: считал ли Мор уклад жизни Утопии достижимым в реальном обществе? Следует ли понимать текст книги Т. Мора как своего рода готовый проект реформ для современной ему Англии? Скорее нет. Мор-государственный деятель понимал, что большая часть описанных в Утопии идей не может быть реализована, во всяком случае в ближайшем для него будущем. Однако Мор-гуманист считал, что с помощью особого подхода к образованию и воспитанию, который он детально характеризует на страницах своей работы, можно сформировать новый тип человека, который в свою очередь постепенно изменит общество в лучшую сторону. Относительно быстрая трансформация общества может быть реализована посредством реформ и революций, однако Томас Мор предлагает не такой стремительный, но более надежный способ реализации социального прогресса: через изменение внутренней природы человека, его мировоззрения к установлению новых принципов и элементов социального устройства в будущем. Так образование способно стать важнейшим инструментом, способствующим социальной динамике. В этом утопист-Мор несомненно был прав. Влияние антропоцентристской философии эпохи Возрождения на новоевропейскую систему образования, взрастившей поколения европейцев, определило более гуманный и справедливый характер современного социума по сравнению с английским обществом XVI века.

Другое значимое произведение, стоящее у истоков жанра утопии – «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы было опубликовано в 1623 году. В нем сосредоточена совокупность взглядов итальянского философа о надлежащем устройстве мира, поборовшем зло и пороки. Кампанелла, будучи представителем интеллектуальной традиции периода Возрождения соединяет в своей концепции натурфилософию, магию, астрологию, элементы христианской теологии, научные знания. «Город Солнца» как и «Утопия» Мора не следует воспринимать как программу социальных преобразований, это в большей степени мистический или богословский текст. Однако конструирование символического пространства идеального города побуждает Кампанеллу искать возможные способы разрешения существующих в реальном мире противоречий, в том числе противоречия богатства и бедности. Имущественное неравенство, политические кризисы, социальная несправедливость

и другие проблемы оказываются преодолены в совершенном государстве, где общественная, природная, божественная и человеческая реальность гармонично переплетены. Причину социальных бед итальянских философ видит в том, что современные люди далеко отошли от первоначальных естественных паттернов своего существования. Следовательно, их разрешение – в возвращении к истокам. Как предлагает Т. Кампанелла решить проблему богатства и бедности? Чтобы преодолеть вражду между богатыми и бедными необходимо единение внутри общества, общественный интерес должен стоять выше частного. Изобилие материальных благ достигается за счет перераспределения собственности и всеобщего труда. Каждый член общества выполняет определенную функцию под руководством верховного правителя «Метафизика» и иных нижестоящих должностных лиц. Такое слаженное общинное взаимодействие, приобретающее в тексте Кампанеллы сакральный характер и обеспечивает всеобщее процветание. Образ жизни соляриев достигается через упразднение основной причины социального неравенства – частной собственности. «Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягой, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине». А также «община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми – потому что у них есть все, бедными – потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им» [4]. Томмазо Кампанелла один из первых европейских философов, который, формулируя свои прогрессивные взгляды относительно общественного устройства, фактически создает утопический коммунистический идеал задолго до классического коммунистического учения К. Маркса, Ф. Энгельса, идеи которого реализовывались в истории XX века.

В 1656 году создается произведение «Республика Океания», где английский мыслитель Джеймс Гаррингтон излагает свои взгляды относительно должного устройства общества, облекающая их в форму социальной утопии. Он считал, что правильной организации государства надлежит основываться не на богатстве отдельных людей, но на богатстве всей республики; из равенства состояний вытекает равенство во власти; из равенства во власти вытекает свобода, и не только для самой республики, но и для каждого человека [1]. По мысли Гаррингтона, экономические преобразования устанавливающие справедливый баланс собственности приведут к наилучшим политиче-

ским формам республиканского, то есть народного правления. Ликвидировав монополию на земельную собственность, распределив крупные латифундии между значительным количеством собственников. Сильный средний класс может обеспечить экономическое процветание, богатство страны и вместе с тем противодействовать образованию нежелательных политических форм, а именно тирании, олигархии, анархии. Утопия Гаррингтона так не похожа на другие предшествующие ей социально-экономические утопии, в ней ничего фантастического, того, что нельзя было бы реализовать в действительности. В своем государстве он не упраздняет частную собственность, не наделяет каждого гражданина одинаковым наделом земли в соответствии с уравнилельным принципом. В республике сохраняется социальное, в том числе имущественное неравенство, существуют различные категории населения, в том числе бедняки, прислуга. Однако благодаря личным качествам каждый индивид может занять достойное социальное положение. Идеи «Республики Океании» Джеймса Гаррингтона повлияли на формирование американской модели государственного и экономического устройства, были использованы Джоном Адамсом и Томасом Джефферсоном при подготовке Декларации независимости США, отчасти реализовались в американской Конституции, в «Билле о правах» [6].

Джеррард Уинстэнли – один идеологов и руководителей диггеров времен Английской буржуазной революции в своей работе «Закон свободы», опубликованной в 1652 году одновременно описывает будущее идеальное общество и вместе с тем, обращаясь к «его превосходительству Оливеру Кромвелю», составляет конкретный план реформ. Уинстэнли критикует сложившийся в Англии XVII века социальный строй и предлагает обобществление частной собственности на землю, централизованное распределение произведенных экономических благ по уравнилельному принципу, обязательность и всеобщность труда, отмену сословных отличий и равные права для граждан английской республики. При этом как и во многих других социальных утопиях в будущем государстве Уинстэнли повседневная жизнь граждан поставлена под мелочный контроль государства, максимально регламентирована. Отечественный исследователь, автор единственной биографии Дж. Уинстэнли в мировой литературе Т.А. Павлова проводит параллели между проектом нового общества Уинстэнли и тоталитарными режимами XX века, однако в отличие от современных государств, где правит диктатор-тиран идеальное общество идеолога диггерства основано на праве, на принципе верховенства закона [8]. Английская революция закончилась реставрацией монархии, замысел Уинстэнли не был реализован. Однако наличие таких политических программ,

сформулированных в «Республике Океании» или «Законе свободы» свидетельствует о том, что проблема дисбаланса богатства и бедности осознавалась общественной и социально-философской мыслью как значимая и требующая скорейшего разрешения. Особенность интеллектуальной традиции XVII вв. состоит в том, что государственные деятели, философы предлагают радикальные способы решения этой проблемы облекая их в форму утопии, которая все больше начинает приобретать черты политического проекта.

Во предреволюционной Франции XVIII века жанр социальной утопии становится чрезвычайно популярным. В творчестве Ж. Мелье, Э.Г. Морелли, Г. Б. де Мабли уже содержатся идеи о «естественном» человеке, неиспорченном влиянием цивилизации дикаре, живущем в простом, справедливо устроенном социуме, которые впоследствии будут развиты в трудах классиков философии эпохи Просвещения Ж.Ж. Руссо, Вольтера, Ш.Л. Монтескье и других. В социальных утопиях начала и середины XVIII века общность имущества у «добродетельных» дикарей противопоставлялась сословному и имущественному неравенству тогдашнего европейского общества.

Особенностью французской утопической традиции XVIII века является то, что она приобретает новую роль или функцию, трансформируясь в важную форму планирования будущего, в некоторых случаях ближайшего. Это уже не неопределенные грезы о будущем, а конкретный план социального переустройства. Во Франции, охваченной стремительными социальными изменениями утопические проекты выходят за рамки исключительно узкого интеллектуального пространства философского и литературного творчества, становятся частью радикального политического дискурса, звучат в выступлениях революционных вожаков, перебираются на страницы программ государственного переустройства, обретают четкость, детализируются. Происходит политизация, идеологизация и радикализация утопий. Утопические идеи обретают массовость, популярность, ими вдохновляются социальные группы, осуществляющие Великую французскую революцию. Следует отметить, что утопии эпохи Просвещения, несмотря на некоторые отличительные черты, имеют значительное сходство в подходах к решению проблемы имущественного дисбаланса, богатства и бедности. Почти все они, основываясь на теории «естественных» прав, заявляют идеал социальной справедливости, достигаемый через «правильное», то есть уравнилельное распределение государством произведенных экономических благ, при этом обязательный общественно полезный труд для всех граждан обеспечит рост объемов производства необходимых товаров и услуг, а обобществление земли и отмена сословных привиле-

гий должны довершить процесс строительства нового общества.

В первой половине XIX века активно развиваются капиталистические отношения, формируется особая социальная реальность – индустриальное общество. Однако глубокие классовые противоречия между нарождающейся буржуазией и многочисленным пролетариатом, растущее богатство одних и ужасающая бедность других, становятся актуальной социальной почвой, дающей новый толчок для последующего развития европейской утопической традиции – социалистических концепций К.А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна.

Утопический социализм пропагандировал построение идеального общества посредством ряда общественных преобразований и в отличие от утопических проектов предшествующей эпохи Просвещения, апеллировавших к теории естественного права, стремился опираться на научные теории при анализе сущности социальных явлений [7]. Социалисты-утописты неоднократно подчеркивали, что будущий прогресс общества, эффективное разрешение острых социальных проблем, в том числе проблемы богатства и бедности напрямую зависит от успешности союза политиков и управленцев с одной стороны, и ученых, с другой стороны. При этом следует отметить, что утопический социализм, пропагандирующий роль науки в обществе академической научной школой не являлся. По ряду типичных признаков его следует относить к проявлениям утопической философии. Проявления утопизма социальных теоретиков и философов нового поколения следует искать в их вере в возможность построения здания идеального общества равенства и социальной гармонии на прочном фундаменте научных знаний. Ключевым моментом в разрешении проблемы имущественного дисбаланса, богатства и бедности различных социальных групп должно было стать создание подлинной науки об обществе, то есть социологии, способной открыть объективные универсальные законы, принципы, управляющих всеми явлениями природы и общества. Такими принципами для К.А. Сен-Симона, стали историзм и экономизм [3]. Принцип историзма заключался в том, что человечество последовательно проходит несколько стадий, прогрессивное развитие осуществляется от низших форм к высшим, вплоть до современной промышленной стадии. Причем особенности конкретного этапа развития общества определяется как уровнем достигнутых человечеством теоретических знаний, так и материальными условиями, в первую очередь экономическими. Со временем, по мысли французского философа, степень эксплуатации трудящихся должна снижаться, а уровень производительности труда, наоборот, расти. Экономизм раскрывается в идее о том, что искоренить бедность предстоит меритократии, то есть наиболее компетентным управленцам и промышленному

сектору, то есть «индустрии», с опорой на научные знания. С ней он связывал надежды на быстрый рост темпов производства экономических благ. Социалистическое начало в учениях К.А. Сен-Симона, Ш. Фурье выражалось в их приверженности идеалу социальной справедливости, реализуемого через разумного распределение результатов производства и доходов между всеми членами общества. В соответствии с концепцией «трудящегося общества» предполагалось в будущем введение обязательного для всех производительного труда, распределение благ по потребностям, планирование и организация производства государственными структурами. Р. Оуэн, пытаясь воплотить в практической сфере свои социалистические взгляды, на собственные средства создает коммунистическую общину «Новая гармония» в США в 1827 году просуществовавшую всего лишь два года. Однако неудачи не привели его к отказу от социалистических идей, на протяжении всей последующей жизни он активно продолжал участвовать в профсоюзном и рабочем движении в Англии.

Утопический социализм еще в XIX веке, прежде всего со стороны К. Маркса и марксистов подвергался серьезной критике. Объектом критики являлась противоречивость взглядов философов, идеализм, незавершенный характер их концепций, недостаточное внимание к ряду важных объективных аспектов общественной жизни, отсутствие в теоретических построениях, детально проработанных экономических и политических механизмов перехода к новому справедливому обществу. Однако положительная роль утопического социализма К. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна заключается в том, что он, с одной стороны, закладывает основы для дальнейшего формирования философии социализма XIX–XX вв. значительно повлиявшей на облик западноевропейской философии в указанный период; предвосхищает появление первых концепций социального государства, распространенных вначале исключительно в интеллектуально-философском пространстве, а в впоследствии и реализованных на практике в ряде европейских стран, с другой – стимулирует возникновение экономических и социологических научных школ, занятых в том числе исследованием проблемы имущественного дисбаланса, угрожающей нормальному развитию общества, то есть проблемы богатства и бедности. Утопия как мечта о лучшем будущем или его план производит в XIX веке удивительный эффект – она способствует возникновению новых социальных наук, так общественная теория поднимается до уровня рационального научного знания.

Заключение

Необходимо отметить, что утопии не просто грезы человечества о «золотом веке», это свое-

го рода форма прогнозирования и планирования будущего, особый социально-философский метод рефлексии сущности, причин и способов разрешения важных общественных проблем. В настоящее время политики, государственные деятели, ученые и философы обращаются к утопическим проектам в поисках новых оригинальных идей по созданию гармонически развивающегося, равноправного общества будущего. Возникнув как разновидность особого художественно-философского трактата в XVI веке утопические идеи, стремительно эволюционируют в XVII–XVIII вв., приобретая черты радикальных политических проектов, вдохновляющих революционеров и реформаторов на построение справедливого общества, где проблема богатства и бедности будет разрешена. В XIX веке утопический социализм способствует возникновению и развитию социальных наук, появлению первых концепций социального государства, определивших политику некоторых государств в XX веке.

Литература

1. James Harrington The Commonwealth of Oceana: [сайт] – URL: <https://www.gutenberg.org/files/2801/2801-h/2801-h.htm>
2. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
3. де Сен-Симон Анри. Избранные сочинения. В 2-х томах. Перевод с французского под редакцией и комментариями Л.С. Цетлина. Т. 2. – М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. – 491 с.
4. Кампанелла Т. Город Солнца или рассуждения об идеальном государстве. – М.: Амрита-Русь, 2021. – 128 с.
5. Клеес Грегори. Утопия и утопизм: история осмысления понятий// Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2018. – № 3. – Т. 3. – С. 148–160.
6. Матвеева О.Ю. «Американская мечта» в социокультурной динамике// Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 11(74). – С. 40–43.
7. Павлов В.А., Растемишина Т.В. Критический утопический социализм К.А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна: создание социальной науки//Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 3 (11). – С. 80–91.
8. Павлова Т.А. Уинстэнли. Серия «Жизнь замечательных людей». – М.: Молодая гвардия, 1987. – 302 с.
9. Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур. – Ростов на Дону, 2004. – 305 с.
10. Пичков О.Б. История борьбы с бедностью в Великобритании//Вестник Российского уни-

верситета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2017. – Т. 25. – № 2. – С. 200.

11. Рассадин С.В., Козлова Н.Н. Утопия Т. Мора как способ конструирования общества: социально-философский анализ//Знание. Понимание. Умение. – 2022. – № 3. – С. 61–71.
12. Токарева С.Б. Методология социального конструирования и социальный конструктивизм как методология// Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 2(14). – С. 113–118.
13. Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. – М.: Научно-издательский центр Ладомир, Наука, 1998. – 464 с.
14. Эрлихсон И.М. Генезис идей социальной утопии в английской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII вв.: автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.03/ Эрлихсон Ирина Мариковна. – М., 2009. – 50 с.

THE GOLDEN AGE OF HUMANITY: NEW EUROPEAN UTOPIAN PROJECTS ON THE SOCIAL PHENOMENA OF WEALTH AND POVERTY

Ladykina T.A.

Russian State University of Justice

The article examines the utopias of the XVI–XIX centuries. as forms of socio-philosophical construction and forecasting of the future, guiding the activities of both individuals and significant social groups. The various approaches to the definition of utopia, widespread in modern social sciences and philosophy, are considered, and the essential features of utopian discourse are revealed. The author analyzes the ideas of the authors of utopian projects by T. More, T. Campanella, J. Harrington, J. Winstanley, and representatives of utopian socialism (C.A. Saint-Simon, Ch. Fourier, and R. Owen) about the social phenomena of wealth and poverty. The article shows the gradual evolution of utopia in the social philosophy of the Modern Age, from artistic and philosophical texts to political projects and concepts that anticipate the emergence of scientific knowledge. The author notes the influence of utopian constructions on the ways of solving the problem of wealth and poverty in objective social reality.

Keywords: social utopia, utopian projects, signs of utopias, wealth, poverty, T. More, T. Campanella, J. Garrinton, utopian socialism.

References

1. James Harrington The Commonwealth of Oceana: [website] – URL: <https://www.gutenberg.org/files/2801/2801-h/2801-h.htm>
2. Batalov E. Ya. In the World of Utopia: Five Dialogues on Utopia, Utopian Consciousness, and Utopian Experiments. – M.: Politizdat, 1989. – 319 p.
3. de Saint-Simon Henri. Selected Works. In 2 volumes. Translation from French edited and commented by L.S. Tsetlin. T. 2. – M. – L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948. – 491 p.
4. Campanella T. City of the Sun, or Reasoning about the Ideal State. – M.: Amrita-Rus, 2021. – 128 p.
5. Klees Gregory. Utopia and Utopianism: The History of Understanding the Concepts // Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies. – 2018. – No. 3. – Vol. 3. – P. 148–160.
6. Matveeva O. Yu. "American Dream" in Sociocultural Dynamics // Bulletin of Tomsk State University. – 2007. – No. 11 (74). – P. 40–43.

7. Pavlov V. A., Rastemishina T.V. Critical Utopian Socialism of K.A. Saint-Simon, Ch. Fourier and R. Owen: The Creation of Social Science // Economic and Social-Humanitarian Studies. – 2016. – No. 3 (11). – P. 80–91.
8. Pavlova T.A. Winstanley. Series “The Life of Remarkable People”. – M.: Molodaya Gvardiya, 1987. – 302. p.
9. Paniotova T.S. Utopia in the Space of Dialogue of Cultures. – Rostov-on-Don, 2004. – 305 p.
10. Pichkov O.B. History of the Fight against Poverty in Great Britain // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Economics. – 2017. – Vol. 25. – No. 2. – P. 200.
11. Rassadin S.V., Kozlova N.N. T. More’s Utopia as a Way of Constructing Society: Social and Philosophical Analysis // Knowledge. Understanding. Skill. – 2022. – No. 3. – P. 61–71.
12. Tokareva S.B. Methodology of social construction and social constructivism as a methodology// Bulletin of Volgograd State University. – Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies. – 2011. – No. 2(14). – P. 113–118.
13. Thomas More. Utopia. Epigrams. History of Richard III. – M.: Scientific Publishing Center Ladomir, Nauka, 1998. – 464 p.
14. Erlichson I.M. Genesis of the ideas of social utopia in English social thought of the second half of the 17th – early 18th centuries: author’s abstract. diss... doctor of historical sciences: 07.00.03/ Erlichson Irina Marikovna. – M., 2009. – 50 p.

Анализ регулятивных систем человека: философский аспект

Сидоров Денис Николаевич,

аспирант, ассистент кафедры философии и культурологии
Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета

В статье представлен анализ регулятивных систем человека в философском аспекте, отражены мнения различных ученых, философов, сферу научных интересов которых входит изучение сознания и поведения как индивидуума, так и отдельных социальных групп. Цель исследования: изучение анализа регулятивных систем человека в философском аспекте, рассмотреть его в рамках концепций различных философов, исследовавших обозначенное явление. При подготовке текста данной статьи использовались методы: анализ, синтез, историко-философский, герменевтический, диалектический. Анализ регулятивных систем человека, в определенной мере позволяет объяснить поведение человека или группы людей, рассмотреть особенности влияния законодательного регулирования, нравственного, морального, инстинктивного воздействия на поступки как отдельной личности, так и социальных групп. Исследование регулятивных систем человека в философском контексте позволяет дальнейшее исследование сознания в совокупности его свойств, обусловленных как процессом познания, влияния биологических установок, морального воздействия, как следствия пребывания в социальной среде, нравственного воздействия, как результата накопления и формирования морального опыта, так и законодательного регулирования, как наивысшей формы, отражающей социальный опыт совместного существования индивидов. Рассмотрен характер взаимного влияния выше представленных механизмов. Отражены роль и место регулятивных систем человека в свойствах его сознания и поведении, что открывает дальнейшие эмпирические возможности для философских исследований обозначенного направления.

Ключевые слова: анализ, мораль, нравственность, регулятивные системы, социум, индивид, поведение, исследование, сознание.

Социальное пространство современного мира испытывает значительные изменения, происходящие в относительно короткий промежуток времени. Такая динамика способствует возникновению множества противоречий, затрагивающих, с одной стороны, взаимоотношения и коммуникации между различными социальными группами, а с другой, – отношения человека к окружающему его миру.

В процессе длительного существования общества в нем начинают складываться устойчивые механизмы, регламентирующие поведенческие и ценностные отношения. С техническим и информационным развитием социума, а также с общей тенденцией к глобализации, границы применения таких механизмов все больше начинают становиться эфемерными. Человек одновременно может являться членом множества самых разнообразных социальных образований, ценностные и регулятивные установки которых могут не просто не совпадать, но и быть диаметрально противоположными.

Понимание природы и механизмов основных типов регулятивных систем позволяет не только выявить основные причины социальных и индивидуальных противоречий и конфликтов, и впоследствии разрешить их, но и приводит к манипулированию поведением человека и целой социальной группы.

При изучении рассматриваемой проблемы в исследовательских кругах в первую очередь внимание уделялось анализу каждой из существующих регулятивных систем в отдельности. Во-первых, это сбор и накопление материала обрядов, обычаев и социальных взаимосвязей, лежащих в основе традиционной системы регуляции. Во-вторых, это изучение источников касающихся правовых или законодательных институтов. В-третьих, это исследование этической проблематики, а так же обоснование ее роли в детерминации социального поведения.

Проблематика моральной регулятивной системы имеет наибольшую степень разработки. В первую очередь, не малое количество философов, занималось разработкой проблемы классической морали, как частного случая моральной системы регуляции. В зарубежной традиции, это работы И. Канта, Г. В.Ф. Гегеля, Дж.Э. Мурр, Фр. Брентано и многие другие. Среди русских философов можно выделить В. Соловьева, Л.Н. Толстого, Н.О. Лосского. Параллельно с этим, мораль неклассической этики видоизменяется под влиянием новых

онтологических систем. Такое изменение можно проследить, к примеру, в работах А. Шопенгауэра или С. Кьеркегора. Так же, различные принципы морали начинают экстраполироваться в область других дисциплин, таких например как биоэтика.

Тем не менее, нормы моральной регулятивной системы не ограничиваются категориями только классической морали. Понимая это, такие мыслители как Ф. Ницше или М. Шелер, начинают рассматривать индивидуальную мораль, допускающую ряд «девиаций», таких например как феномен «ресентимента». Кроме того, в XX–XXI вв., интенсивное развитие науки, а так же последствия двух мировых войн, смещают акцент применения норм моральной регуляции. С одной стороны, ставится под вопрос сам факт существования моральной регулятивной системы, что происходит, например, в экзистенциализме или постмодернизме, а с другой, ряд исследователей пытаются выделить природу моральной регуляции в биологическом компоненте индивида, попытки чего мы видим, к примеру, у В. Эфроимсона или К. Лоренца.

Впервые три основных типа регулятивных систем были выделены Т.В. Казаровой, однако впоследствии ни сам автор, ни другие специалисты эту типологию не разрабатывали. Проблема сравнения и взаимоотношения регулятивных систем между собой разработана недостаточно. Некоторые попытки в данном направлении совершает О.Г. Дробницкий в работе «Моральная философия». Однако весь его анализ, в конце концов, сводится к моральной регуляции, а демаркация систем регуляции осуществляется всего лишь по одному признаку, а именно, институционального или неинституционального источника той или иной поведенческой нормы [3].

Недостаточную разработку получает тема главной или доминантной системы регуляции. Сама проблема косвенно поднимается в социологических концепциях, к примеру, у О. Конта или П. Сорокина, но решение она получает не в регулятивной, а в мировоззренческой модальности. Аналогично, роль регулятивных систем в виртуальной среде изучена весьма поверхностно. Так, некоторые косвенные примеры можно найти в работах М. Кастельса, Н.А. Носова и некоторых других исследователей.

Анализ работ, посвященных исследованию роли регулятивных систем, позволяет сделать вывод о недостаточной разработанности проблемы. Это касается как полноценного выделения и классификации типов системы регуляции, и в частности их взаимоотношения между собой; так и собственной проблемы их места и роли в функционировании социума.

В развитии общества на разных исторических этапах доминирует определенный тип регулятивных систем. Доминантная регулятивная система представляет собой такую регулятивную систе-

му, роль механизмов и санкций которой получает основное значение для нормального функционирования общества в целом или отдельно взятой субгруппы, а ее нормы регулируют поведение и деятельность индивидов в важнейших сферах социальной жизни и даже межличностные отношения. Доминантные системы регуляторов у социума и субгрупп могут как совпадать, так и быть различны. Доминантную систему регуляции, характерную для общества в целом, обозначаем как «универсальную доминантную систему», а свойственную субгруппам – «локальную доминантную систему». Отличительным признаком универсальной доминантной системы регуляции является ее определяющее влияние на мышление и мировоззрение индивидов. Поскольку регулятивное пространство современного общества не является однородным, в нем сохраняются и функционируют нормативные системы других типов, которые можно назвать периферийными или вторичными. Эффективность периферийной регулятивной системы может быть снижена под воздействием доминантной системы регуляции, усилена ею, если между ними отсутствует аксиологическое противоречие или же не влияют никак в силу специфики социальных ситуаций [6].

На основе традиционной регулятивной системы постепенно начинает формироваться законодательная регуляция. Она так же имеет внешний субъект, но законодательный источник формируется уже на основании инстанций, на них же основывается механизм реализации и контроля данной регулятивной системы. В качестве санкций используются заранее установленные модели наказания. Самая поздняя система регуляции, в качестве источника которой выступает моральная установка индивида, основывается на внутреннем субъекте. Он совпадает с источником данной регулятивной системы. Индивид сам оценивает свои поступки, и сам выбирает себе за них наказание, механизмом которого служит стыд и раскаяние [5].

Функционирование законодательной регуляции способно реализовываться за счет того, что все члены социальной группы ориентированы на осознанное и по возможности добровольное подчинение. Сущность такой установки основана на понимании человеком необходимости выполнения норм законодательной регуляции, что может происходить как под страхом применения санкций, так и за счет осознания выгоды для социального коллектива и всех его членов, что детерминировано рациональным характером регуляции.

В традиционной и законодательной системах регуляции субъектный компоненты являются тождественными друг другу. В качестве него выступает социальное окружение индивида. Данное сходство дает право осуществить классификацию регулятивных систем по субъектному признаку, раз-

делив их на внешние регулятивные системы и внутренние [7].

В категории морального выделяются два различных компонента. Моральность, в том виде, в котором она существует у Г.В.Ф. Гегеля, в полной мере отвечает всем характеристикам моральной регулятивной системы. Нравственность, в свою очередь, используя и оперируя тождественными с моральностью категориями, способна существовать только в модуле традиционной регулятивной системы, т.к. критерии ее формирования, а также условия ее целей и, следовательно, санкций нарушения определяются традиционным нормированием. То есть, фактически, нравственность продолжает рассматриваться Г.В.Ф. Гегелем в античном дискурсе Стагирита. Демаркация между моральностью и нравственностью в полной мере оформляется в такой исторической социокультурной ситуации, которую Ю. Хабермас описывает как: «Но после того, как в ходе динамики цивилизации запас традиции был почти полностью израсходован, современное общество оказалось вынужденным регенерировать моральные энергии единства из своего собственного секулярного содержания, иначе говоря, из коммуникативных ресурсов жизненных миров, проникнутых сознанием имманентности своих конструкций самости» [1].

Одним из необходимых условий существования моральной системы регуляции выступает абстрактный или общий характер ее норм и предписаний. Моральное нормирование формирует общую интенцию деятельной или поведенческой модели индивида, допускающую в своей структуре в большей или меньшей степени определенную степень конкретности. Тем не менее, в конечной модели предписаний поведения такой тип регуляции не затрагивается конкретный, практический компонент поведения.

Наиболее ярким примером абстрактного характера моральной регуляции выступает этическая концепция И. Канта. В качестве самых простейших (и, следовательно, более конкретных) паттернов морального поведения в его концепции выступают максимы поведения как этические установки, имеющие ценность только для конкретного субъекта. В свою очередь регуляцию более высокого порядка формируют гипотетические и категорические императивы [4].

Абстрактная природа нормативной базы моральной регулятивной системы детерминирует поливариантность ее применения. Любая конструкция морального должностования не способна дать индивиду четкий план действия (за исключением морального запрета на некоторые поступки), насколько бы тотальной такая установка не была. По этой причине право конкретизации морального требования и выбора линии поведения из нескольких инвариантов, по сути, всегда остается

за человеком, вне зависимости от внешних обстоятельств, мнимо управляющих субъективным выбором. Из этой посылки формируется еще одна уникальная особенность моральной регуляции, при которой индивид несет моральную ответственность за свои поступки вне зависимости от формы или модели их исполнения. Данный тезис можно проиллюстрировать на анализе простейшей максимы, предложенной И. Кантом: «Так, кто-нибудь может сделать своей максимой не оставлять неотомщенным ни одного оскорбления» [4].

Важно понимать, что норма моральной регуляции с необходимостью должна быть индивидуальной. Она может полностью или частично восприниматься или копироваться другими индивидами, но, тем не менее, в своем проявлении должна быть осмыслена и принята каждым человеком самостоятельно. Только при таком условии она способна осуществлять регулируемую функцию и, следовательно, становится обособленной от других типов регуляций. Эту тонкую грань можно рассмотреть на примере этического учения М. Ганди, важную роль в котором играет категория «ахимса». Принцип ахимсы, или ненасилия, имел принципиальное значение для его мировоззренческой установки.

Личностный характер моральной регулятивной системы способствует возникновению еще одной уникальной черты, свойственной данному типу регуляции. С одной стороны, в качестве объекта морального нормирования выступает непосредственно индивид, но с другой стороны, фигурирует многоуровневая система субъектов. В первую очередь субъект тождественен объекту. Личность сама формулирует моральные нормы должностования по отношению к самому себе, придерживается их, а также сама несет ответственность в случае их неисполнения. В то же самое время, субъектом моральной регуляции параллельно может также выступать некто «посторонний», который способен персонифицироваться как в абстрактной трансцендентной субстанции, так и во вполне конкретной личности.

Само наличие роли «постороннего» в качестве еще одного субъекта моральной регулятивной системы ставит перед исследователями проблему доминантного субъекта. Как уже было отмечено ранее, непосредственное формирование моральной регулятивной системы совпадает с развитием представлений о динамичной форме посмертного воздаяния, критерием которого становится совокупность всех хороших и плохих действий индивида. По этой причине единственной нерушимой основой молодой моральной регуляции мог выступать только «посторонний». В дальнейшем, с развитием моральных представлений, религиозная догматика отходит на второй план, т.к. с одной стороны, она не охватывает всего многообразия морального регулирования, а с другой стороны,

она не останавливает от аморального поведения личностей, их разделяющих. Кроме того, моральная регулятивная система в полной мере функционирует и у неверующих людей.

Этическая концепция о добродетелях постепенно формируется в моральную систему регуляторов не спонтанно. Необходимой к этому предпосылкой является постепенная трансформация коллективной и космоцентрической мировоззренческой системы на индивидуальное или личностное мировоззрение. Индивид перестает мыслить себя только в модусе своего социального окружения, обособляя свое собственное «Я», и, следовательно, начинает нести ответственность за результаты своих действий не только перед окружающими людьми, но что важно, и перед самим собой. Более того, импликация этических представлений в экзистенциальную сферу индивида способствует нормированию не только поступков человека, но также его мыслей и желаний. Пример этому находим в работах Нила Сорского: «Сочетанием святые Отцы называют собеседование с пришедшим помыслом, т.е. как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу, по страсти или бесстрастно; иначе, принятие приносимой от врага мысли, удержание ее, согласие с ней, и произвольное допущение пребывать ей в нас. Это святые отца почитают уже не всегда безгрешным, но оно может быть и похвально, если богоугодно разрешится» [8]. На этой же особенности моральной регулятивной системы основываются большинство пролонгированных комплексов вины.

После выделения субъекта моральной системы регуляторов следует обозначить ее механизмы и свойственные ей санкции. Важнейшими категориями для такого типа нормирования являются дефиниции «совести» и «стыда», причем в некоторых концепциях они рассматриваются как тождественные [2]. Основываясь на этих категориях, индивид проводит оценку последствия своих действий (а также действий других людей, в сравнении со своими ценностями) и сам выбор, заставляющий человека переосмысливать мотивы, основания своего морального выбора, свои представления и т.д. Дефиниции совести и стыда функционируют как механизмы существования моральной регуляции. Санкцией в этом случае для индивида будет выступать «раскаяние», которое по своей значимости не будет уступать санкциям других регулятивных систем.

Соглашаясь с такой позицией, антропологическая моральная система регуляторов теряет свою уникальность и превращается в физиологическую особенность, формирующуюся у индивида по определенному алгоритму.

Таким образом, моральная регулятивная система начинает формироваться в весьма специфических социокультурных условиях, в которых она обособливается от регулятивных систем внешнего типа, а так же имплицитно включает в себя ка-

тегорию морали, но не является тождественной с ней. Формируя свои уникальные способы оценки и контроля поступков индивида, моральная регуляция способна подвергать корреляции поступки, предписанные другими регулятивными системами, тем самым постфактум осуществляя за ними контроль. Все это актуализирует изучение феномена морального нормирования.

Итак, взаимное влияние всех существующих регуляторных механизмов в их завершенном выражении составляет характерную черту социального бытия, порождая разнообразие их проявлений. В данном контексте уникальные поведенческие нормы формируются каждой социальной общностью, сохраняя при этом общую архитектуру регулятивных конструкций, что обеспечивает более точное разграничение и определение их границ. Законодательное регулирование, сменившее традиционные формы, утвердилось как главенствующая система в современном европейском культурном пространстве. Примечательно, что нравственная система регуляции никогда не достигала положения всеобъемлющего доминирующего механизма.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Гусейнов А.А. Этика / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2020. – С. 472.
3. Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избр. труды / Сост. Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики, 2022. – 523 с.
4. Кант И. Критика практического разума / И. Кант. – Сочинения в шести томах – М., «Мысль», 1965. – Т. 4. – Ч. I. – 544 с.
5. Ноздронов А.В. Регулятивная традиционная система: основные параметры и характеристики // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 2(12). – С. 228–230.
6. Ноздронов А.В. Феномен «доминантной» регулятивной системы // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014 № 5.2(53). – С. 749–759.
7. Ноздронов А.В. Традиционная система регуляторов: сущность структура и механизмы // Социально-гуманитарные проблемы современности: политика, социум, язык и культура / М.А. Ермолина [и др.]. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. – С. 99–122.
8. Хоружий С.С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе / С.С. Хоружий. – Этика науки. – М.: ИФРАН, 2007, <http://ec-dejavu.ru/e/Ethics.html>.
9. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. – Пер. с нем.к.ф.н. А.Н. Малинкина. <http://max-scheler.philosophy.spbu.ru/>

ANALYSIS OF HUMAN REGULATORY SYSTEMS;
PHILOSOPHICAL ASPECT

Sidorov D.N.

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

The article presents an analysis of human regulatory systems from a philosophical perspective, reflecting the opinions of various scientists and philosophers whose research interests include the study of consciousness and behavior of individuals and individual social groups. The analysis of human regulatory systems, to a certain extent, makes it possible to explain the behavior of a person or a group of people, to consider the peculiarities of the influence of legislative regulation, moral, moral, instinctive influence on the actions of both an individual and social groups. The study of human regulatory systems in a philosophical context allows for further research of consciousness in the totality of its properties, conditioned as a process of cognition, the influence of biological attitudes, moral influence, as a consequence of being in a social environment, moral influence, as a result of the accumulation and formation of moral experience, and legislative regulation, as the highest form reflecting the social experience of co-existence individuals. The nature of the mutual influence of the above mechanisms is considered. The role and place of human regulatory systems in the properties of his consciousness and behavior are reflected, which opens up further empirical possibilities for philosophical research in this area.

Keywords: analysis, morality, morality, regulatory systems, society, individual, behavior, research, consciousness.

References

1. Hegel G.V.F. Philosophy of Law / G.V.F. Hegel. – M.: Mysl, 1990. 524 p.
2. Huseynov A.A. Ethics / A.A. Huseynov, R.G. Apresyan. – M.: Gardariki, 2020. – P. 472.
3. Drobnitsky O.G. Moral Philosophy: Selected Works / Comp. R.G. Apresyan. – M.: Gardariki, 2022. – 523 p.
4. Kant I. Critique of Practical Reason / I. Kant. – Works in six volumes – M., "Mysl", 1965. – Vol. 4. – Part I. – 544 p.
5. Nozdrunov A.V. Regulatory traditional system: main parameters and characteristics // Historical and socio-educational thought. – 2012. – No. 2 (12). – P. 228–230.
6. Nozdrunov A.V. Phenomenon of the "dominant" regulatory system // In the world of scientific discoveries. – Krasnoyarsk: Research and Innovation Center, 2014 No. 5.2 (53). – P. 749–759.
7. Nozdrunov A.V. Traditional system of regulators: essence, structure and mechanisms // Social and humanitarian problems of our time: politics, society, language and culture / M.A. Ermolova [and others]. Krasnoyarsk: Research and Innovation Center, 2012. – P. 99–122.
8. Khoruzhy S.S. Crisis of classical European ethics in anthropological perspective / S.S. Khoruzhy. – Ethics of Science. – M.: IFRAS, 2007, <http://ec-dejavu.ru/e/Ethics.html>.
9. Scheler M. Resentment in the Structure of Morals / M. Scheler. – Translated from German by PhD A.N. Malinkina. <http://max-scheler.philosophy.spbu.ru/>

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Типология стратегий цифрового бытия молодежи Северо-Кавказского федерального округа: реконструкция социальных представлений на основе рисуночных данных

Ахчиев Ислам Муссаевич,
независимый исследователь
E-mail: islam.axciev@bk.ru

В статье представлены результаты исследования стратегий цифрового бытия молодежи, проведенного с применением психографического метода. На основе анализа визуальных саморепрезентаций (рисунков на тему «Я и цифровой мир») 35 респондентов из Северо-Кавказского федерального округа выявлены три ключевые адаптационные стратегии: «дистанцированное наблюдение», «инструментальная синергия» и «экзистенциальная тревога». Автор доказывает, что эти стратегии являются трансляцией архетипических паттернов поведения («бей-беги-замри») в цифровую среду, что опровергает концепции радикальной трансформации сознания под влиянием технологий, тем самым подтверждая устойчивость базовых антропологических констант. Статья вносит вклад в дискуссию о цифровой социализации, предлагая новый ракурс изучения глубинных, невербализуемых аспектов взаимодействия человека с технологиями. Практическая значимость работы связана с возможностью применения визуальных методов для мониторинга эволюции цифровой онтологии.

Ключевые слова: цифровое бытие, архетипические паттерны, антропологическая константа, психографический метод.

Введение

Цифровизация как антропологический поворот и тектонический сдвиг цивилизационной архитектуры не только трансформирует социальные взаимоотношения, но и формирует новое пространство бытия человека, где виртуальное и реальное сливаются в единую онтологию. Несмотря на обширные исследования цифрового общества, дефицитным остается понимание глубинных, бессознательно репрезентируемых паттернов взаимодействия с технологиями, определяющих не только поведение, но и ментальные репрезентации молодежи, как ключевого агента цифровой среды. Оформление контуров этой новой социо-цифровой реальности требует междисциплинарного осмысления стратегий бытия пользователей, поскольку возникает «необходимость постоянного самоопределения в бурлящем информационном потоке с целью удержания собственной целостности и субъективности» [1, с. 2].

Целью данного исследования выступает реконструкция социальных представлений молодежи о цифровом мире через призму рисуночных данных и выявление типологии стратегий цифрового бытия, основанной на архетипических паттернах реагирования.

Методы

В основе исследования лежит психографический метод (ставший частью методологии визуальной социологии), который помогает увидеть многоаспектную репрезентацию социальных представлений и отражает символическое восприятие цифрового пространства. Визуализация ментальных «картин» формирует новую плоскость для осмысления. Поэтому «социологи все чаще признают ценность визуальных методологий» [2, с. 156].

Психографический метод, применяемый в данном исследовании, опирается на традиции проективных методик, разработанных такими учеными, как и Карл Юнг (метод свободных ассоциаций), Герман Роршах (тест чернильных пятен) и Генри Мюррей (ТАТ), которые доказали эффективность визуальных и невербальных подходов для изучения глубинных слоев сознания. Как отмечает ученый-социолог МГУ О.Г. Зубова: «именно проективные техники, позволяют выявлять истинные

установки, оценки, интересы респондентов, в отличие от получаемых социально одобряемых ответов на прямые вопросы» [3, с. 196]. Использование рисуночных данных позволяет выявить архетипические паттерны поведения, что согласуется с идеями Юнга о проекции внутренних конфликтов через символические образы. Таким образом, психографический метод обеспечивает доступ к тем аспектам цифрового бытия, которые остаются скрытыми при применении стандартных опросных методик.

Исследование носит качественный характер и направлено на выявление разнообразия стратегий цифрового бытия, а не на установление их репрезентативной распространенности. В исследовании приняли участие 35 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих в 7 регионах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО): Ставропольский край (n=5), Кабардино-Балкарская Республика (n=5), Карачаево-Черкесская Республика (n=5), Республика Северная Осетия – Алания (n=5), Чеченская Республика (n=5), Республика Ингушетия (n=5), Республика Дагестан (n=5). Отбор респондентов проводился методом «снежного кома» с целью обеспечения разнообразия опыта взаимодействия с цифровой средой. Гендерное распределение составило 40% мужчин и 60% женщин.

Участникам было предложено выполнить свободный рисунок на тему «Я и цифровой мир» без дополнительных ограничений по стилю или содержанию. Такой подход позволил минимизировать влияние исследователя и выявить спонтанные ассоциации и глубинные образы, связанные с цифровой реальностью. Для уточнения интерпретации символических образов респондентам было предложено дополнить рисунок пояснительным описанием.

Анализ рисуночных данных проводился в несколько этапов с использованием принципов визуального контент-анализа и семиотического подхода:

1. Просмотр всех рисунков и текстовых описаний для формирования общего впечатления

2. Кодирование рисунков по следующим параметрам:

- позиция и размер фигуры «Я»
- взаимодействие с цифровыми объектами
- символика цифрового мира
- композиция и пространство
- вербальные дескрипторы

3. Кластеризация по паттернам: группировка рисунков на основе доминирующих сочетаний визуальных и вербальных индикаторов, указывающих на сходную позицию по отношению к цифровому миру. Критерием отнесения к кластеру было доминирование одного из трех паттернов взаимодействия: отстраненность, активная инструмен-

тальная вовлеченность, ощущение подавленности/тревоги;

4. Триангуляция и верификация:

- сопоставление визуальных кластеров с текстовыми описаниями респондентов
- консультация с научным руководителем (социологом с опытом полевых исследований) по объективности кластеризации
- интерпретация выявленных кластеров через призму теоретических концепций
- формулировка типологии стратегий: определение сущностных характеристик каждого кластера как стратегии цифрового бытия и их соотнесение с архетипическими паттернами.

Осознается субъективность интерпретации проективных данных. Принятые меры направлены на повышение валидности анализа. Небольшая выборка не позволяет экстраполировать результаты на всю молодежь, но адекватна цели выявления разнообразия стратегий.

Все рисунки анонимизированы, участники дали согласие на использование материалов в исследовательских целях.

Результаты

Анализ рисуночных данных выявил устойчивую типологию ведущих стратегий, которые кластеризуются по трем ключевым принципам:

1. Первый кластер – совокупность рисунков, отражающая отстраненную позицию пользователя, который дистанцировано наблюдает за процессами цифрового мира;
2. Второй кластер – совокупность рисунков, где пользователь выступает активным соучастником процесса, управляя инструментами цифровой реальности;
3. Третий кластер – совокупность рисунков, отражающих экзистенциальные опасения пользователей, которые оказались в плену цифры.

Стратегия «Дистанцированное наблюдение» отражает позицию отстраненного созерцания, где респондент изображает себя вне эпицентра цифровых процессов, но сохраняет визуальную или концептуальную связь с ними. В вербальных индикаторах из самоописаний респондентов прослеживаются контекстуальные дефиниции: «поглощающая реальность», «сложный и непредсказуемый», «растерянность», «порабощение». Стратегия «Дистанцированное наблюдение» репрезентирует сознательную позицию дистанцирования от активного взаимодействия с цифровой средой, при которой респондент визуализирует себя как внешнего регистратора процессов, но не участника. Эта позиция является адаптивным компромиссом. Она позволяет фиксировать цифровые угрозы, сохраняя иллюзию контроля через визуальную отстраненность, однако латентно воспроизводит ощущение беспомощности.

Данную стратегию можно интерпретировать через концепцию «цифрового паноптикума» [4], где позиция наблюдателя иллюзорно наделяет субъекта контролем, тогда как он сам потенциально объективирован цифровым надзором.

Стратегия «Инструментальная синергия» репрезентирует модель активной синергии с цифровой средой, при которой респондент, идентифицируя себя как равноправного агента преобразований («я в лабиринте, но уверен»), использует технологические возможности («огромное количество возможностей») для самореализации («полноценно», «раскрывает мои способности»). Эта стратегия базируется на установке инструментального партнерства («ИИ – не панацея, а инструмент»), где сложность цифрового мира (лабиринт, информационный хаос) трансформируется в ресурс для развития, а не угрозу, что формирует адаптивную позицию цифровой субъектности – способности к со-управлению, критичному отбору инструментов и творческой козволюции с технологиями. Уместно упомянуть теорию расширенного сознания Энди Кларка, которая постулирует аксиоматичность тезиса, что все люди по своей природе киборги. Смещение антропологического и цифрового, на его взгляд, создают фундамент для появления «биотехнологически гибридного разума» [5, с. 18].

Стратегия «Экзистенциальная тревога» визуализирует опыт эмоциональной перегрузки и потери контроля, где респондент изображает себя в эпицентре деструктивных цифровых сил («вихрь», «давление процессов»). Доминирующие метафоры (хаос, лавина данных, сети) и вербальные дескрипторы («перегруженность», «растерянность») отражают экзистенциальную беспомощность перед неподконтрольной технологической средой, трансформируя цифровое пространство из инструмента в источник хронического стресса.

Доминирующие в данной стратегии паттерны (потеря контроля, экзистенциальная тревога и пассивность) находят концептуальное объяснение в теории выученной беспомощности, которая объясняет формирование «убежденности личности в собственной несостоятельности, устойчивости восприятия себя в роли «жертвы обстоятельств» [6, с. 45].

Выявленные стратегии («Дистанцированное наблюдение», «Экзистенциальная тревога», «Инструментальная синергия») подтверждают устойчивость архетипичных паттернов реагирования на воздействие внешнего актора («бей-беги-замри») в цифровой среде. Однако они демонстрируют их средовую трансформацию:

- а) «Беги» принимает форму когнитивного дистанцирования («Дистанцированное наблюдение»);
- б) «Замри» усиливается до экзистенциальной беспомощности («Экзистенциальная тревога»);

с) «Бей» эволюционирует в конструктивную кооперацию («Инструментальная синергия»).

Это доказывает, что цифровизация переформирует, но не отменяет базовые психобиологические механизмы адаптации, соответственно, стратегии поведения в цифровой среде повторяют паттерны реального мира.

Обсуждение

Рисуночные данные отражают совокупность ментальных представлений молодежи о характере цифрового мира и своей локализации в нем. Любопытным является то обстоятельство, что визуальные иллюстрации респондентов соотносятся с тремя базовыми психологическими паттернами – «бей», «беги», «замри». Данное наблюдение дает основания для формулировки гипотетического размышления относительно архетипичности стратегий бытия человека, которые в результате цифровизации не видоизменились. Тем самым можно утверждать, что психосоциальные паттерны, используемые в реальном мире, так же актуальны и сохранены в виртуальной среде. Здесь уместно упомянуть концепцию Юнга, посвященную архетипологии личности. Он считал архетипы «регуляторами поведения и психической жизни, организующими и направляющими психические процессы» [7, с. 1]. Учитывая, что рисунки «отражают, в первую очередь, не сознательные установки человека, а его бессознательные импульсы и переживания» [8, с. 160], то выдвинутая гипотеза имеет объективные основания. Кроме того «архетип становится инструментом, посредством которого человек преобразует разрозненные феномены реальности в целостную картину мира» [9, с. 38].

Обнаруженная антропологическая константа (технологии меняют среду, но не базовые алгоритмы поведения) согласуется с теорией структуризации Энтони Гидденса [10]. Цифровая среда задает новые правила (структуры), но молодежь адаптирует под них базовые поведенческие паттерны (агентность), а не изобретает их с нуля. Поэтому технологии меняют форму реакций, но не их психосоциальную суть.

Выводы

Проведенное исследование стратегий цифрового бытия молодежи, основанное на анализе визуальных саморепрезентаций, позволило выявить три ключевые адаптационные модели: «Дистанцированное наблюдение», «Инструментальная синергия» и «Экзистенциальная тревога». Эти стратегии не являются принципиально новыми феноменами цифровой эпохи, а представляют собой трансформацию архетипических паттернов поведения («бей-беги-замри») в условиях технологически опосредованной реальности.

Главный теоретический вывод работы заключается в опровержении концепций радикального разрыва в человеческом сознании под влиянием цифровизации. Напротив, исследование демонстрирует устойчивость глубинных психобиологических механизмов адаптации, которые лишь переупаковываются в новые формы, сохраняя свою сущностную природу.

Методологическая ценность исследования подтверждает эффективность психографического подхода для изучения невербализуемых аспектов цифрового бытия. Визуальные методы, как показала работа, позволяют выйти за пределы декларативных установок и зафиксировать те глубинные слои социальных представлений, которые остаются недоступными при использовании традиционных опросных методик.

Перспективы дальнейших исследований видятся в:

- расширении выборки с учетом возрастных, профессиональных и культурных различий;
- разработке стандартизированной системы интерпретации рисуночных данных в цифровом контексте;
- интеграции психографического метода с нейрофизиологическими и когнитивными исследованиями для более комплексного понимания механизмов цифровой адаптации.

Таким образом, цифровое бытие молодежи, несмотря на всю специфику новых технологических сред, остается антропологически непрерывным – технологии меняют ландшафт нашего существования, но не отменяют базовых законов человеческой психики и социальности. Это знание позволяет избежать как технофобии, так и наивного технооптимизма, предлагая трезвый взгляд на цифровую трансформацию как на процесс, в котором человек остается верен своей глубинной природе, даже осваивая принципиально новые среды обитания.

Литература

1. Соловьева Л.Н. Цифровая идентичность как феномен информационной современности // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 12 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-identichnost-kak-fenomen-informatsionnoy-sovremennosti> (дата обращения: 10.07.2025)
2. Исаева Е. Визуальная социология как область научного знания: анализ теоретических основ в трудах западных социологов // Гуманитарий Юга России. – 2019. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-sotsiologiya-kak-oblast-nauchnogo-znaniya-analiz-teoreticheskikh-osnov-v-trudah-zapadnykh-sotsiologov> (дата обращения: 10.07.2025)
3. Зубова О.Г. Проективные методики в социологических исследованиях: теория и практика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektivnye-metodiki-v-sotsiologicheskikh-issledovaniyah-teoriya-i-praktika> (дата обращения: 10.07.2025)
4. Попов Д.В. Цифровой Паноптикон: прини-мая неизбежное // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – № 2 (93). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-panoptikon-prinimaya-neizbezhnoe> (дата обращения: 11.07.2025)
5. Стропаро А. Л., Перуццо Жуниор Л. Теория расширенного сознания и рождение гибридной идентичности: существует ли когнитивный посредник? // Социальные явления. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-rasshirennogo-soznaniya-i-rozhdenie-gibridnoy-identichnosti-suschestvuet-li-kognitivnyy-posrednik> (дата обращения: 11.07.2025)
6. Волкова О.В. Теоретико-методологический анализ исследований выученной беспомощности: актуальность психосоматического подхода // Сибирское медицинское обозрение. – 2013. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskii-analiz-issledovaniy-vyuchennoy-bespomoschnosti-aktualnost-psihosomaticheskogo-podhoda> (дата обращения: 12.07.2025)
7. Короленко Ц. П., Дмитриева Н.В.** Основные архетипы в классических юнгианских и современных представлениях // Медицинская психология в России. – 2018. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-arhetipy-v-klassicheskikh-yungianskikh-i-sovremennykh-predstavleniyah> (дата обращения: 12.07.2025)
8. Кузьмина С. И., Голубь М.С. Проективные методики и особенности применения рисуночного метода диагностики // Символ науки. – 2016. – № 3–4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektivnye-metodiki-i-osobennosti-primeneniya-risunchnogo-metoda-dagnostiki> (дата обращения: 14.07.2025)
9. Пятков Н.А. Архетип в его отношении к архаическому мировосприятию и мифомышлению, как онтологическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Н.А. Пятков; Урал. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – 38 с.
10. Вершинина И.А. Формирование теории структуры Энтони Гидденса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-teorii-struktury-entoni-giddensa> (дата обращения: 14.07.2025)

TYPOLOGY OF DIGITAL EXISTENCE STRATEGIES AMONG YOUTH IN THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT: RECONSTRUCTING SOCIAL REPRESENTATIONS BASED ON DRAWING DATA

Akhstiev I.M.

The article presents the results of a study on youth digital existence strategies, conducted using the psychographic method. Through the analysis of visual self-representations (drawings on the theme «Me and the Digital World») from 35 respondents in the North Caucasus Federal District, three key adaptive strategies were identified: “detached observation,” “instrumental synergy,” and “existential anxiety.” The author demonstrates that these strategies represent a translation of archetypal behavioral patterns («fight-flight-freeze») into the digital environment, thereby refuting theories of radical consciousness transformation under technological influence and confirming the persistence of fundamental anthropological constants. The study contributes to the discourse on digital socialization by offering a new perspective for examining the deep, non-verbalizable aspects of human-technology interaction. The practical significance of the study lies in the potential application of visual methods for monitoring the evolution of digital ontology.

Keywords: digital existence, archetypal patterns, anthropological constant, psychographic method.

References

1. Solovyeva L.N. Digital Identity as a Phenomenon of Information Modernity // *Society: Philosophy, History, Culture*. – 2020. – No. 12 (80). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-identichnost-kak-fenomen-informatsionnoy-sovremennosti> (accessed: 10.07.2025)
2. Isaeva E. Visual Sociology as a Field of Scientific Knowledge: Analysis of Theoretical Foundations in the Works of Western Sociologists // *Humanities of the South of Russia*. – 2019. – No. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnaya-sotsiologiya-kak-oblast-nauchnogo-znaniya-analiz-teoreticheskikh-osnov-v-trudah-zapadnykh-sotsiologov> (accessed: 10.07.2025)
3. Zubova O.G. Projective Methods in Sociological Research: Theory and Practice // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. – 2023. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektivnye-metodiki-v-sotsiologicheskikh-issledovaniyah-teoriya-i-praktika> (accessed: 10.07.2025)
4. Popov D.V. Digital Panopticon: Accepting the Inevitable // *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2024. – No. 2 (93). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-panoptikon-prinimaya-neizbezhnoe> (accessed: 11.07.2025)
5. Stroparo A. L., Peruzzo Junior L. The Theory of Extended Consciousness and the Birth of Hybrid Identity: Is There a Cognitive Mediator? // *Social Phenomena*. – 2021. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-rasshirennoy-soznaniya-i-rozhdenie-gibridnoy-identichnosti-suschestvuet-li-kognitivnyy-posrednik> (accessed: 11.07.2025)
6. Volkova O.V. Theoretical and Methodological Analysis of Learned Helplessness Research: Relevance of the Psychosomatic Approach // *Siberian Medical Review*. – 2013. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskii-analiz-issledovaniy-vyuchennoy-bespomoshchnosti-aktualnost-psihosomaticheskogo-podhoda> (accessed: 12.07.2025)
7. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N.V. Basic Archetypes in Classical Jungian and Modern Concepts // *Medical Psychology in Russia*. – 2018. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-arhetipy-v-klassicheskikh-yungianskikh-i-sovremennykh-predstavleniyah> (accessed: 12.07.2025)
8. Kuzmina S. I., Golub M.S. Projective Methods and Features of Using the Drawing Technique in Diagnostics // *Symbol of Science*. – 2016. – No. 3–4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektivnye-metodiki-i-osobennosti-primeneniya-risunochnogo-metoda-dagnostiki> (accessed: 14.07.2025)
9. Pyatkov N.A. Archetype in Its Relation to Archaic Worldview and Mythological Thinking as an Ontological Problem: abstract of the dissertation ... candidate of philosophical sciences: 09.00.01 / N.A. Pyatkov; Ural State University. – Yekaterinburg, 2011. – 38 p.
10. Vershinina I.A. Formation of Anthony Giddens' Structuration Theory // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. – 2010. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-teorii-strukturatsii-entoni-giddensa> (accessed: 14.07.2025)

Интерпретация символического значения «шинели» в повести Гоголя «Шинель»

Илимира Илияс,

преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 906410112@qq.com

Чжан Линлин,

магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 161926337@qq.com

В статье проводится многоуровневый анализ символического значения шинели в повести Н.В. Гоголя «Шинель». Исследование выявляет поливалентность данного символа, интегрирующего ключевые аспекты существования «маленького человека» в условиях социального абсолютизма. На материальном уровне шинель олицетворяет базовую потребность в выживании и крайнюю материальную зависимость. Психологический уровень раскрывает ее роль как экзистенциальной опоры, защитного панциря и источника иллюзорного самоуважения для унижаемого героя. Социальное измерение демонстрирует, как шинель воплощает извращенные ценности общества (овеществление статуса) и служит метафорой бесчеловечности бюрократической машины. На судьбоносном (экзистенциальном) уровне символ трансформируется в знак фатальной предопределенности и трагического бунта за достоинство в условиях отчуждения. Доказано, что многослойная символика шинели, мастерски выстроенная Гоголем, является мощным инструментом социально-философской критики, концентрированно обнажающей глубинные противоречия российской действительности николаевской эпохи. Исследование подтверждает новаторство Гоголя и вносит вклад в гоголеведение и теорию литературного символа.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Шинель», «маленький человек», символизм, бюрократия

Введение

Николай Васильевич Гоголь, основоположник русского реализма, оставил неизгладимый след в истории литературы благодаря своему уникальному творческому стилю и глубокому социальному пониманию. Среди них «Шинель» центр всеобщего внимания, поскольку она продолжает реалистическую традицию, начатую Пушкиным, и одновременно расширяет её, смещая видение русских писателей XIX века с аристократической буржуазии на маленького человека, находившихся на дне общества. Знаменитое высказывание Ф.М. Достоевского: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя» ярко свидетельствует о ключевом значении повести «Шинель» для всей последующей русской литературы [1].

В период с 1830-х годов по начало XX века в русской литературе возникает значительный пласт произведений, глубоко изображающих образы «униженных и оскорбленных», «маленьких людей». Крупнейшие писатели А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов обратились к теме «маленького человека», создав концентрированные и выразительные его образы. В классическом понимании термин «маленький человек» зачастую специфически относится именно к персонажам, выведенным этими авторами [2]. В 1830 году А.С. Пушкин создал образ Верина в повести «Станционный смотритель», который стал первым образом «маленького человека» в истории русской литературы. Вырин, забитый и робкий станционный смотритель, живущий на самом дне социальной иерархии, стал для Пушкина средством глубокого раскрытия страданий и трагедии низших слоев общества, безжалостно эксплуатируемых и унижаемых. Повесть показывает реальные страдания «маленького человека»: политическое бесправие, угнетенное положение, постоянные унижения и надломленность духа. «Станционный смотритель» проникнут искренним сочувствием к Вырину, но при этом содержит и глубокий анализ его слабости и рабской покорности, отражая сложное авторское чувство: жалость к горькой участи героя сосуществует с горечью от отсутствия у него воли к сопротивлению. «Станционный смотритель» не только творчески воплотил архетип «маленького человека», но и впервые масштабно и достоверно представил широкую панораму жизни различных сословий российского общества от начала XIX века до 1830-х годов.

Этим произведением Пушкин ввел в литературный обиход городских обывателей и мелких чиновников слои, долгое время остававшиеся вне поля зрения дворянской литературы, существенно расширив как тематический диапазон литературы, так и ее изобразительные возможности. Публикация этой повести положила начало развитию реализма в русской литературе. М. Горький даже считал, что реализм в русской литературе начался с Пушкина, подразумевая, в частности, «Станционного смотрителя».

Гоголь развил пушкинский образ «маленького человека». В «Шинели» шинель Акакия Башмачкина не просто одежда, а объект психологической проекции его идеалов, знаменующий новый этап осмысления образа. Она воплощает все его чаяния, давая тепло и утешение среди унижительной обыденности. Одновременно шинель зеркало человеческого стремления к идеалу: мы временно обладаем своей «шинелью», но обречены её потерять. Судьба Акакия высвечивает экзистенциальную дилемму человечества, выражая горячее сочувствие Гоголя к «маленькому человеку», обречённому на мучительный поиск идеала. Через Акакия Гоголь обнажает муки социальных низов и обличает косность бюрократизма царской России. В повести явны горе писателя о трагической судьбе «маленького человека» и его гнев против несправедливости.

Интерпретация символа «шинели» сложная научная проблема с глубоким содержанием. Её исследование углубляет анализ идейного ядра и художественной ценности произведения, побуждает читателей к рефлексии об экзистенциальных условиях бытия и социально-этических дилеммах. Оно также развивает интерпретационный потенциал текста, расширяя горизонты исследований русской литературы.

Творческая предыстория и сюжетное изложение «Шинели»

«Шинель» Гоголя (1842) создана в эпоху социальных потрясений России. К середине XIX века крепостнический строй переживал глубокий кризис. Униженные крестьяне, влачившие нищенское существование, представляли собой взрывоопасный «горючий материал». Гоголь острым пером, через трагедию «маленького человека» Акакия Башмачкина, обнажил народные страдания. Бюрократическая система России была громоздкой, прогнившей «машиной». Чиновники заботились лишь о карьере и выгоде, проявляя преступное равнодушие к нуждам народа. Гоголь с глубочайшим презрением изобразил в повести унижения и произвол, которым подвергался Акакий в бесчеловечной чиновничьей среде, беспощадно вскрывая тьму и коррупцию аппарата.

В 1830–40-е гг. реализм стал доминирующим направлением в русской литературе. Его принци-

пом было правдивое воспроизведение действительности и раскрытие социальных противоречий. Н.В. Гоголь основоположник русского реализма («Ревизор», «Мертвые души»). Его сочинения сочетали живые картины жизни с бичующей сатирой на феодально-крепостнические устои. «Шинель», как ключевое произведение Гоголя, ярко воплощает принципы реализма [3]. Трагическая судьба типичного мелкого чиновника концентрированно обнажает мрачную реальность тогдашней России.

Сюжет «Шинели» основан на реальном случае, рассказанном Гоголю. Мелкий чиновник-охотник из-за скудного жалованья не мог купить ружье и постоянно одалживал его. Накопив бережливостью сумму, он купил ружье свою главную ценность. Но на охоте оно утонуло. Чиновник тяжело заболел от горя. Коллеги, узнав, собрали деньги на новое ружье, и он выздоровел. Выслушав историю, друзья смеялись над её комизмом. Лишь Гоголь, имевший опыт службы, не смеялся. Он понял драму невысказанных мук и рухнувших надежд за утерянным ружьем. Глубоко осмыслив сюжет, Гоголь заменил ружье на шинель. Этот гениальный перенос подарил миру выдающееся произведение, заложившее одну из магистральных линий мировой литературы.

Создание Гоголем «Шинели»: глубокий отпечаток петербургского опыта жизни

Личный опыт Гоголя глубоко повлиял на создание «Шинели» (1842). После смерти отца и гимназии молодой писатель приехал в Петербург, столкнулся с суровой реальностью, бедностью низов и пороками бюрократии. Получив низшую чиновную должность, он сам жил в крайней нужде. Этот период «дна» чиновничьей иерархии дал Гоголю знание жестокой действительности, став основой для его творчества.

Повесть канонический образец образа «маленького человека». Она рассказывает о трагедии титулярного советника Акакия Башмачкина, копииста, который неимоверной бережливостью скопил на новую шинель, ставшую смыслом его жизни, но потерял её и погиб. Гоголь мастерски предвещал судьбу героя деталями: имя «Акакий» («незлобивый») и фамилия «Башмачкин» (от «башмак», символа низости и попираемости) обрекали его на жалкое существование. Акакий жил в крайней нищете, смысл его жизни сводился к переписыванию бумаг и изношенной шинели, из-за которой он испытывал комплекс неполноценности. Новая шинель принесла ему радость, уверенность и даже признание коллег [4]. Однако по пути с вечера её грубо отобрали грабители. Глубокое горе усугубилось полной беспомощностью: начальник холодно отказал в помощи. Отчаявшись и не имея средств на новую шинель, Акакий умер,

став, по легенде, мстительным призраком, срывающим шинели с прохожих.

«Шинель» Гоголя, сочетая гротескно-фантастический сюжет с глубокой темой, изображает унижение достоинства и скованность духа мелкого чиновника в условиях царского абсолютизма. Повесть обнажает мрачную реальность общества, всеобщее отчуждение и деформацию личности. Анализ многогранной символики «шинели» как ключевой метафоры произведения позволяет глубже понять острые социальные противоречия эпохи, интерпретировать вопросы о человеческой природе, испытанной в тех условиях, и осмыслить гоголевскую критику социального неравенства и сострадание к униженному человеку.

Символ «шинели» на материальном уровне

«Шинель», в первую очередь как предмет верхней одежды, непосредственно символизирует одну из самых основных потребностей человека в выживании – защиту от холода. Герой повести, Акакий Акакиевич, будучи низким чиновником девятого разряда, живет в бедности и нищете. Его ветхая старая шинель утратила свою функцию защиты от холода и не может противостоять лютому холоду Санкт-Петербурга. Следовательно, ему срочно нужна новая шинель, чтобы поддерживать свои основные потребности в выживании. Это был необходимый предмет для удовлетворения его физиологических потребностей и продолжения существования, символизирующий самую низкую степень зависимости героя от материальных благ и его отчаянную жажду их. Это ярко отражает трудное положение простых людей, которые борются за выживание в жестоких условиях жизни.

В то же время, материал и стоимость шинели в определенной степени олицетворяют личного статуса и положения человека в обществе. Акакий Акакиевич, носивший свою старую шинель из года в год, подвергался насмешкам и пренебрежению со стороны коллег. Однако, когда он появился в новой шинели, отношение окружающих коллег претерпело трансформацию: они стали принимать его и проявлять расположение [5]. Эта новая шинель словно стала «новым эпитетом» его социальной идентичности, действенным инструментом, с помощью которого он добивался признания и уважения окружающих. Однако, обретение статуса, основанное исключительно на внешних атрибутах, оказалось эфемерным. Даже обладая новой шинелью, Акакий так и не сумел вырваться из непреодолимо закрепленного за ним низшего слоя социальной структуры.

Символ «шинели» на психологическом уровне

Для Акакия Акакиевича «шинель» выходила за рамки своей материальной сущности. Она была для него не просто предметом одежды, но глубинной

психологической опорой. Шинель служила своеобразным защитным панцирем, отделявшим героя от равнодушия и жестокости внешнего мира. Всякий раз, облачаясь в шинель, Акакий обретал ощущение принадлежности и психологической стабильности, словно он переставал быть тем забытым обществом маленьким человеком. «Шинель» неразрывно связана и с оскорбленным чувством собственного достоинства Акакия Акакиевича. Длительное время Акакий, из-за своей старой шинели, подвергался насмешкам и унижениям со стороны окружающих, что причиняло ему глубокие страдания. Обретя новую шинель, он испытал глубокое внутреннее удовлетворение [6]. Она превратилась для него в символ и опору, на которых зиждились его ощущение самоценности и сохранение человеческого достоинства. Именно поэтому, когда шинель была у него похищена, его самоуважение потерпело сокрушительный удар. Это непосредственно привело к краху его внутреннего мира и, в конечном счете, к его трагическому гибели.

Символ «шинели» на социальном уровне

«Шинель» воплощает извращённой системы ценностей, характерной для той эпохи. В то время люди преимущественно судили о ценности человека исходя из его материальных возможностей и внешнего облика. Причина, по которой Акакий считался ничтожным человеком, заключалась в отсутствии у него приличной шинели. И наоборот, причина, по которой иные воспринимались как невероятно успешные личности, крылась в обладании достойной шинелью. Таким образом, хотя Акакий и обрёл новую шинель, он так и остался представителем социального дна. Подобная овеществляющая система ценностей, ставящая во главу угла обладание вещами, не только закрепляла героя в структурно уязвимой позиции, но и обнажала с предельной очевидностью уродливые извращения и прогнившую сущность самого общества [7].

На более глубоком уровне символического осмысления, «шинель» становится мощнейшей метафорой угнетения и подавления личности со стороны бюрократического аппарата. Акакий Акакиевич, будучи низшим служащим в бюрократической системе, всю жизнь боролся за существование, но так и не смог вырваться из-под всевластного гнета бюрократического аппарата. Ключевой сюжетный поворот: после того как украденная новая шинель была найдена, Акакий, пытаясь вернуть её законным путём, подвергся унижительным разностям и оскорблениям со стороны «его превосходительства генерала» и «одного значительного лица». Этот эпизод с убийственной точностью обнажает внутреннюю коррумпированность и человеческую безучастность, царящие в бюрократических структурах, которые беспощадно угнетают маленького человека. Таким образом, на этом

уровне смысла, утрата и обретение шинели предстают концентрированным символом механизма функционирования власти бюрократической системы и унижительной судьбы ничтожной личности. Именно поэтому «шинель» здесь и олицетворяет метафору бюрократизма и угнетения.

Символика «шинели» на судьбоносном уровне

В повести «Шинель» жизнь Акакия Акакиевича предстает опутанной некоей сокрытой, мистической силой, неподвластной его воле. Трагическая развязка его судьбы несет в себе черты неотвратимости. Жизненное стремление Акакия к «новой шинели» было своего рода тщетным сопротивлением против жестокой реальности. Утрата «новой шинели» и последовавшая за ней смерть героя знаменуют его полнейшей беспомощности перед лицом неодолимой, чуждой ему социальной силы. В этом контексте, «шинель» в определенной мере становится и символом этой связанности, этого стесняющего жизненного пространства и неразрушимого проклятия рока, тяготеющих над героем. «Шинель» равным образом несет в себе символ бунта героя против предопределенности [8]. После утраты новой шинели Акакий вступает в мучительный, исполненный боли, надежд и разочарований, но заведомо обреченный на провал путь поиска утраченного. В процессе этого поиска в Акакии пробуждается невиданная доселе отвага и внутренняя сила, с которыми он пытается разорвать оковы судьбы. В конечном итоге, сопротивление Акакия завершается поражением. Однако, сама сила этого трагического бунта наделяет образ героя глубокой трагичностью, оставляя неизгладимое впечатление. Именно в этот момент, «шинель» выходит за рамки просто утраченной вещи и становится исполненным трагизма символом борьбы индивида за свое достоинство и субъектность, разворачивающейся в безвыходной ситуации.

Путем многомерной интерпретации ключевого символа «шинели» в повести «Шинель», мы можем четко дифференцировать множественные смыслы, вложенные в этот образ: «шинели» выступает объектом, воплощающим значения материального выживания и социального статуса. Она является носителем смыслов на психологическом уровне чувства защищенности и самоуважения. Одновременно, в более широком социальном контексте, она становится символом вещественности и господства рабской психологии. И, наконец, на экзистенциальном уровне символом отчужденного одиночества и бунта против него. Многослойная символика «шинели», созданная Гоголем, не только усиливает острую критику российских социальных реалий и их глубинное отражение в его произведении, но и предоставляет нам острый аналитический инструмент. Она вновь побуждает нас к глубинному осмыслению изначальных проблем человеческого существования, фе-

номена отчуждения и социальных структур, основанных на отношениях господства и подчинения.

Заключение

Проведенное исследование многомерной символики шинели в повести Н.В. Гоголя «Шинель» позволяет сделать основополагающие выводы, существенно углубляющие понимание этого канонического текста и его места в истории русской литературы. Шинель Акакия Башмачкина предстает не просто предметом гардероба, но сложным, поливалентным символом, интегрирующим ключевые аспекты человеческого существования в условиях социального абсолютизма.

На материальном уровне шинель олицетворяет базовую потребность в выживании и физической защите, обнажая крайнюю степень материальной зависимости «маленького человека». Психологический аспект символа раскрывает шинель как экзистенциальную опору, защитный панцирь и источник иллюзорного самоуважения для героя, чье достоинство систематически попирается. Социальное измерение символа демонстрирует, как шинель воплощает извращенные ценности общества, где статус и человеческая ценность определяются внешними атрибутами, и одновременно служит метафорой всевластия и бесчеловечности бюрократической машины, неумолимо подавляющей личность. На судьбоносном (экзистенциальном) уровне шинель трансформируется в символ фатальной предопределенности и трагического бунта против нее, олицетворяя отчаянную, обреченную борьбу индивида за субъектность и достоинство в условиях социального отчуждения.

Таким образом, многослойная символика шинели, мастерски выстроенная Гоголем, выступает мощнейшим инструментом социально-философской критики. Она концентрированно обнажает глубинные противоречия российской действительности николаевской эпохи: деформацию личности, всеобщее отчуждение, жестокость социальной иерархии и бесчеловечность бюрократического аппарата. Исследование данного символа не только подтверждает новаторство Гоголя в развитии образа «маленького человека» и традиций критического реализма, но и раскрывает непреходящую актуальность повести, побуждая к рефлексии о фундаментальных проблемах человеческого бытия, природе социального гнета и цене человеческого достоинства в любую эпоху. Результаты анализа вносят значимый вклад в современное гоголеведение и теорию литературного символа.

Литература

1. Высоцкая В.В. Проблема выбора в повести Гоголя «Шинель» //Искусство Логоса. – 2018. – № 1(3). – С. 98–105.

2. Чан Ц. Радости и горести жизни со слезами и смехом: сравнение сатирического искусства в романах Гоголя и Чехова на примере «Шинели» и «Человека в футляре» // Хэйлунцзянская история и летописи.. – 2009. – № 14. – С. 86–87.
3. Хуэй Ц. Люди на дне: малые фигуры в русской литературе XIX века // Журнал Нинсянского педагогического университета. – 2010. – Т. 31, № 5. – С. 21–31.
4. Ван Л. «Мёртвые души», завернутые в «шинели»: чтение повести Гоголя «Шинель» и сравнение Башмачкина и Вырина // Зарубежная литература. – 2010. – № 3. – С. 73–80.
5. Ван Ж. Краткий анализ сатирического искусства, созданного Гоголем в «Шинели» // Годы юности. – 2013. – № 20. – С. 72–73.
6. Ван Ж. Эволюция образа «маленьких людей» в русской литературе // Хэйхэ. – 2014. – № 9. – С. 12–13.
7. Чжан Т. Исследование техники иллюзии в «Шинели» Гоголя // Сравнительные исследования культурных инноваций. – 2021. – Т. 5, № 18. – С. 89–92.
8. Чжуан Ц. Сравнение трагических образов главных героев в «Шинели» и «Холодной ночи» // Журнал культурологии. – 2019. – № 12. – С. 104–106.

INTERPRETATION OF THE SYMBOLIC MEANING OF “OVERCOAT” IN GOGOL’S STORY “THE OVERCOAT”

Yilimire Yiliyasi, Zhang Lingling
Xinjiang Normal University

The article provides a multi-level analysis of the symbolic meaning of the overcoat in N.V. Gogol's story “The Overcoat”. The study reveals the polyvalence of this symbol, integrating key aspects of the

existence of the “little man” in the conditions of social absolutism. At the material level, the overcoat personifies the basic need for survival and extreme material dependence. The psychological level reveals its role as an existential support, a protective shell and a source of illusory self-esteem for the humiliated hero. The social dimension demonstrates how the overcoat embodies the perverted values of society (reification of status) and serves as a metaphor for the inhumanity of the bureaucratic machine. At the fateful (existential) level, the symbol is transformed into a sign of fatal predetermination and a tragic rebellion for dignity in the conditions of alienation. It has been proven that the multi-layered symbolism of the overcoat, masterfully constructed by Gogol, is a powerful tool of social and philosophical criticism, which concentratedly exposes the deep contradictions of the Russian reality of the Nicholas era. The study confirms Gogol's innovation and contributes to Gogol studies and the theory of literary symbol.

Keywords: N.V. Gogol, “The Overcoat”, “Little Man”, Symbolism, Bureaucracy

References

1. Vysotskaya V.V. The Problem of Choice in Gogol's Story “The Overcoat” // Art of Logos. – 2018. – No. 1 (3). – P. 98–105.
2. Chang Ts. Joys and Sorrows of Life with Tears and Laughter: A Comparison of Satirical Art in the Novels of Gogol and Chekhov Using the Example of “The Overcoat” and “The Man in a Case” // Heilongjiang History and Chronicles.. – 2009. – No. 14. – P. 86–87.
3. Hui Ts. People at the Bottom: Minor Figures in Russian Literature of the 19th Century // Journal of Ningxiang Normal University. – 2010. – Vol. 31, No. 5. – P. 21–31.
4. Wang L. “Dead Souls” Wrapped in “Overcoats”: Reading Gogol's Story “The Overcoat” and Comparing Bashmachkin and Vyrin // Foreign Literature. – 2010. – No. 3. – P. 73–80.
5. Wang J. Brief Analysis of the Satirical Art Created by Gogol in “The Overcoat” // Years of Youth. – 2013. – No. 20. – P. 72–73.
6. Wang J. Evolution of the Image of “Little People” in Russian Literature // Heihe. – 2014. – No. 9. – P. 12–13.
7. Zhang T. Study of Illusion Technique in Gogol's “The Overcoat” // Comparative Studies of Cultural Innovations. – 2021. – V. 5, No. 18. – P. 89–92.
8. Zhuang Q. Comparison of the tragic images of the main characters in “The Overcoat” and “Cold Night” // Journal of Cultural Studies. – 2019. – No. 12. – P. 104–106.

Языковая идеология и механизмы социокультурной идентификации в процессе перевода китайской культуры

Ильмира Ильяс,

доцент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 906410112@qq.com

Ли Вэньхао,

магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: sdhmlwh@163.com

Исследование осуществляет теоретический анализ неразрывной взаимосвязи языковой идеологии и механизмов социокультурной идентификации в процессе перевода китайской культуры. Доказывается, что перевод выступает не технической операцией, а социально обусловленной практикой конструирования культурных значений и коллективных идентичностей. Языковые идеологии, проявляющиеся через иерархии языков, представления об аутентичности, властные аспекты перевода и ожидания целевой аудитории, детерминируют ключевые механизмы взаимодействия: селекции текстов, их интерпретации и репрезентации, легитимации/делегитимации культурных форм, а также конструирования воспринимаемой дистанции между культурами. Эти механизмы опосредуют влияние идеологии на идентификационные процессы, определяя специфику репрезентации «Своего» и «Чужого» как для принимающего общества, так и для глобального образа Китая. Особое внимание уделяется роли переводчика как рефлексирующего культурного посредника, чьи решения формируют символический капитал культуры. Работа вносит вклад в социологию перевода и культурную социологию, предлагая модель для анализа перевода как инструмента культурной политики. Перспективы исследования включают исторические, институциональные и рецептивные аспекты перевода различных культурных форм.

Ключевые слова: языковая идеология, социокультурная идентификация, перевод китайской культуры, культурная репрезентация, механизмы перевода, социология перевода

Введение

В условиях интенсивного глобального культурного обмена проблема адекватной репрезентации национальных культур в иноязычном пространстве приобретает особую остроту. Перевод как ключевой механизм межкультурной коммуникации неизбежно сталкивается с вызовами передачи глубоко укорененных социокультурных смыслов, присущих уникальным цивилизационным контекстам, таким как китайский. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью преодоления поверхностных или искаженных интерпретаций китайской культуры, возникающих не только из-за лингвистической сложности, но и в силу действия неявных социально обусловленных факторов[1]. Изучение процесса перевода китайской культуры выходит за рамки чисто лингвистической проблематики, требуя социологического осмысления глубинных механизмов, регулирующих восприятие и конструирование «Другого».

Центральными концептами исследования выступают языковая идеология и социокультурная идентификация. Языковая идеология понимается как система имплицитных представлений, ценностей и убеждений, связывающих язык, его использование с социальными структурами, властными отношениями и культурными иерархиями. Социокультурная идентификация трактуется как процесс установления границ «Свой-Чужой», конструирования коллективной принадлежности через культурные репрезентации. Объектом исследования является именно процесс перевода китайской культуры, рассматриваемый сквозь призму взаимодействия этих двух феноменов. Фокус сосредоточен на том, как идеологические установки, присущие как исходной, так и принимающей среде, опосредуют стратегии идентификации в ходе лингвокультурного переноса.

Цель статьи заключается в теоретическом осмыслении сложной взаимосвязи между языковыми идеологиями и конкретными механизмами социокультурной идентификации, активируемыми при переводе элементов китайской культуры на другие языки, с особым вниманием к русскоязычному контексту. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач. Необходимо концептуально раскрыть сущность языковой идеологии, определив ее специфическую роль в формировании переводческих стратегий и практик. Требуется проанализировать сам

процесс перевода не только как лингвистическую операцию, но как социальную практику, активно участвующую в процессах идентификации – как для репрезентируемой китайской культуры, так и для культуры воспринимающей. Ключевой задачей является выявление и системное описание опосредующих механизмов, через которые языковые идеологии влияют на характер идентификационных процессов при переводе китайской культуры. Наконец, важно обосновать, что специфика конкретных переводческих решений закономерно вытекает из динамического взаимодействия доминирующих идеологий и выбираемых стратегий социокультурной идентификации. Последовательное решение этих задач позволит углубить теоретическое понимание перевода как социально обусловленного акта культурного конструирования.

Языковая идеология: концептуальные основания и импликации для перевода

Понятие языковой идеологии занимает центральное место в социолингвистике и социологии языка, предлагая ключ к пониманию глубинных социальных детерминант языковых практик, включая перевод. Под языковой идеологией в рамках настоящего исследования понимается система преимущественно имплицитных представлений, убеждений и ценностных установок, которые устанавливают концептуальные связи между языковыми формами, их использованием и фундаментальными социальными структурами. Эти структуры охватывают отношения власти и доминирования, процессы конструирования индивидуальной и коллективной идентичности, а также распределение и накопление культурного капитала в обществе[2]. Языковые идеологии не являются нейтральными лингвистическими описаниями; это социально сконструированные и зачастую нормативные взгляды на то, каким должен быть язык, кто имеет право им владеть и как его следует использовать в различных контекстах, включая межкультурную коммуникацию.

Применительно к переводу, особенно переводу культурно насыщенных текстов китайской цивилизации, релевантность языковой идеологии проявляется через несколько взаимосвязанных аспектов. Идеология «стандартного языка» и сопутствующие ей иерархии языков и культур напрямую влияют на восприятие статуса исходного языка (китайского) и языка перевода (например, русского), предопределяя ожидания относительно «престижности» или, наоборот, «маргинальности» переводимого материала. Тесно связаны с этим представления об аутентичности, «чистоте» и «правильности» как китайской культуры в ее исходном виде, так и ее репрезентации на другом языке. Эти представления формируют критерии, по которым перевод признается удачным или искажающим суть оригинала. Критически важным аспектом является

восприятие самого акта перевода как инструмента осуществления власти. Перевод может выступать как средство апроприации чужого культурного опыта, навязывания доминирующих интерпретаций или, напротив, как форма культурного сопротивления и утверждения собственной идентичности[3]. Наконец, существенное влияние оказывают сложившиеся в принимающей культуре ожидания относительно стратегии перевода: должен ли перевод максимально адаптировать источник к привычным нормам и конвенциям принимающей культуры, или же, напротив, сохранять и подчеркивать его культурную инаковость через специфические языковые средства, создавая эффект экзотизации.

Источники и носители этих идеологий в переводческом процессе многообразны и действуют на разных уровнях. Переводчик, будучи социальным агентом, неизбежно является носителем определенных языковых идеологий, сознательно или бессознательно руководствующимся ими при принятии решений. Институциональные факторы, такие как издательская политика, диктуемая рыночными соображениями или государственными программами культурного обмена, задают идеологические рамки для отбора текстов и предпочтительных переводческих подходов. Академический дискурс, включая теоретические работы по переводу и китаеведению, формирует нормативные представления о «правильном» понимании и передаче китайской культуры[4]. Ожидания и культурные компетенции целевой аудитории также выступают мощным фактором, ориентирующим переводчика на те или иные стратегии репрезентации. В конечном счете, все эти элементы погружены в контекст доминирующих культурных нарративов принимающего общества, которые задают общий фон для восприятия Китая и его культуры, определяя, какие аспекты подлежат акцентуации, а какие – замалчиванию или трансформации в процессе лингвокультурного переноса. Понимание этого комплекса идеологических детерминант является необходимым условием для критического анализа переводческой практики как социально обусловленного феномена.

Перевод китайской культуры как практика социокультурной идентификации

Процесс перевода культурных текстов далеко выходит за пределы лингвистической транскрипции, представляя собой сложный социальный акт конструирования смыслов, напрямую вовлеченный в механизмы социокультурной идентификации. В социологическом понимании идентификация есть фундаментальный процесс установления и поддержания границ между категориями «Свой» и «Чужой», определяющий коллективную принадлежность и формирующий представления о групповой самости. Этот процесс осуществляется не в вакууме, а через

многообразные культурные репрезентации, которые задают образы «нас» и «них», легитимируют или оспаривают существующие социальные порядки и иерархии. В контексте межкультурного взаимодействия, особенно с такой сложной и исторически глубокой культурой, как китайская, перевод выступает одним из ключевых механизмов подобной репрезентации. Именно через переводные тексты литературные, философские, исторические, медийные формируется основная часть знаний и представлений о Китае в иноязычном пространстве, конструируя его образ для внешнего наблюдателя.

Роль перевода в процессах идентификации обладает принципиальной двойственностью, воздействуя как на принимающую культуру, так и на культуру-источник. Для общества, воспринимающего перевод, китайская культура часто выступает в качестве значимого «Другого». Через контраст с этим «Другим» его предполагаемой экзотичностью, инаковостью, альтернативными моделями мышления и социального устройства принимающая культура рефлексивирует и укрепляет собственные идентификационные основания, подчеркивая свою уникальность и отграничиваясь от иного. Парадоксальным образом, этот же процесс может приводить к ассимиляции отдельных элементов китайской культуры (понятий, эстетических форм, философских идей), которые, будучи интегрированы в новый контекст, обретают иные значения и начинают работать на обогащение или даже трансформацию идентичности принимающего общества, стирая жесткость границ[5]. С другой стороны, перевод играет критически важную роль в конструировании внешней «идентичности» самой китайской культуры для глобальной аудитории. Переводческие решения, отбор текстов, стратегии интерпретации напрямую влияют на то, какой Китай предстает перед миром: традиционный или современный, единый или многообразный, открытый или замкнутый, «позитивный» или «проблемный». Тем самым перевод становится инструментом символической борьбы за место китайской культуры в глобальном культурном пространстве, за ее признание, авторитет и соответствие тем или иным (часто западным) критериям ценности и релевантности. Этот процесс внешнего конструирования идентичности может как утверждать официальные или доминирующие внутри Китая нарративы, так и оспаривать их, предлагая альтернативные, маргинализированные или дисидентские голоса через перевод.

Центральной фигурой в этой сложной игре идентификаций выступает переводчик, действующий как «культурный посредник». Его позиция неизбежно гибридна и рефлексивна. Переводчик является носителем определенной культурной самости (часто культуры языка перевода), но при этом глубоко погружается в «чужую» культуру (китайскую). Его собственная идентичность, система

ценностей, понимание как «своего», так и «чужого» оказывают непосредственное влияние на выбор стратегий перевода. Переводчик постоянно осуществляет идентификационный выбор: насколько «своим» сделать китайский текст для целевого читателя, насколько сохранить его «инаковость»; какие аспекты культуры подчеркнуть как существенные, а какие нивелировать; чью интерпретацию китайской реальности официальную, народную, элитарную репрезентировать[6]. Эта работа требует высокой степени культурной рефлексии и осознания собственной позиции в поле межкультурного взаимодействия, а также ответственности за последствия создаваемых репрезентаций для восприятия целой цивилизации. Таким образом, переводчик выступает активным агентом идентификации, чьи решения опосредуют взаимное конструирование «Своих» и «Чужих» через призму китайской культуры в процессе ее лингвокультурного переноса, делая перевод мощной социальной практикой формирования и переговоров культурных идентичностей в глобализирующемся мире.

Механизмы взаимодействия языковой идеологии и социокультурной идентификации в переводе

Взаимодействие языковой идеологии и процессов социокультурной идентификации в переводе китайской культуры осуществляется не хаотично, а через конкретные, социально обусловленные механизмы, опосредующие это влияние на различных уровнях переводческой практики. Выявление и анализ этих механизмов позволяет раскрыть глубинные закономерности конструирования культурных образов и идентичностей.

Первичным выступает механизм селекции, определяющий сам доступ элементов китайской культуры к репрезентации в иноязычном пространстве. Языковые идеологии, доминирующие в принимающей культуре и влияющие на институциональных акторов (издательства, культурные институты), формируют критерии отбора переводимого материала. Эти критерии основываются на представлениях о значимости, репрезентативности или, наоборот, маргинальности тех или иных текстов, жанров или аспектов китайской действительности[7]. Идеология может предписывать фокусироваться исключительно на «классическом», «традиционном» Китае, игнорируя современность, или, напротив, отдавать приоритет текстам, соответствующим западным представлениям о прогрессе и модернизации. Подобная селекция, часто неосознаваемая, активно участвует в формировании канона восприятия китайской культуры за ее пределами, конструируя представления о ее «истинной сущности» путем включения одних элементов и систематического исключения

других, что напрямую влияет на идентификационные рамки.

Следующий уровень взаимодействия реализуется через механизм интерпретации и репрезентации, действующий непосредственно в процессе работы с выбранным текстом. Глубоко укорененные идеологические установки будь то ориенталистское стремление к экзотизации, тенденция к вестернизации для упрощения восприятия или националистические нарративы, подчеркивающие уникальность или, напротив, универсальность китайского опыта предопределяют стратегии понимания и перевода смысловых нюансов оригинала. Переводчик, как агент идеологии, принимает решения о степени адаптации или сохранения инаковости (доместикация vs. форенизация), необходимости добавления пояснений, калькирования терминов или опущения «неудобных» или «непонятных» фрагментов[8]. Каждое такое решение, мотивированное идеологическими соображениями (сознательно или бессознательно), направлено на создание определенного, идеологически окрашенного образа Китая в переводе, который либо усиливает его восприятие как радикально Чужого, либо, наоборот, нивелирует культурную дистанцию.

Действие предыдущих механизмов закономерно приводит к активации механизма легитимации или делегитимации определенных аспектов китайской культуры в принимающем обществе. Переводческие решения, санкционированные языковой идеологией, напрямую влияют на признание или отрицание ценности, авторитетности, современности или традиционности представленных в переводе культурных форм, идей или практик. Опускание сложных философских концептов может делегитимировать глубину китайской мысли, представление ее исключительно в экзотизированном, «музейном» ключе подрывает восприятие ее современной актуальности, тогда как грамотная передача социально-политического контекста может способствовать легитимации определенных моделей развития или культурных достижений Китая в глазах иноязычной аудитории. Таким образом, перевод выступает инструментом присвоения или лишения символического культурного капитала, напрямую влияя на место и статус репрезентируемой культуры в глобальном символическом пространстве и, следовательно, на идентификационные процессы[9]. Наконец, механизм конструирования культурной дистанции или близости интегрирует предыдущие, фокусируясь на управлении воспринимаемым расстоянием между культурами. Языковая идеология, реализуемая в переводческих стратегиях, позволяет манипулировать этой дистанцией: подчеркивание экзотики, непонятности, использования специфических транскрипций создает эффект отчуждения, укрепляя границы между «Своими» и «Чужими». Напротив, стратегии универсализации, поиск «эквивален-

тов» в принимающей культуре, адаптация реалий сближают культуры, ослабляя идентификационные границы и способствуя включению элементов китайской культуры в поле «условно своего». Этот механизм напрямую регулирует интенсивность и характер процессов идентификации, инициируемых переводом, определяя, будет ли китайская культура восприниматься как непреодолимо. Иное или как часть общего культурного опыта человечества.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование убедительно демонстрирует неразрывную взаимосвязь языковой идеологии, механизмов социокультурной идентификации и практики перевода китайской культуры. Анализ подтвердил, что перевод далеко не является технической операцией передачи смыслов, но представляет собой сложный социальный обусловленный процесс, активно участвующий в конструировании культурных значений и коллективных идентичностей. Языковые идеологии, пронизывающие как исходный, так и принимающий контексты, через конкретные механизмы селекции, интерпретации и репрезентации, легитимации/делегитимации, конструирования культурной дистанции/близости детерминируют стратегии переводческой деятельности, которые, в свою очередь, непосредственно влияют на процессы идентификации «Своего» и «Чужого» как в воспринимающей культуре, так и в репрезентации китайской культуры для глобального пространства. Центральная роль перевода как социального акта символического конструирования реальности обретает таким образом концептуальное обоснование.

Значение предложенной теоретической модели заключается в ее вкладе в развитие социологии перевода, последовательно раскрывающей социальную природу и импликации переводческой практики, выходящей далеко за рамки межкультурного взаимодействия. Для культурной социологии модель предлагает инструментальный анализ перевода как важнейшего инструмента культурной политики, посредством которого формируются образы культур, распределяется символический капитал и ведется борьба за значение и признание в глобальном поле. Понимание описанных механизмов взаимодействия идеологии и идентификации критически важно для осмысления роли перевода в современных межкультурных коммуникациях.

Перспективные направления дальнейших исследований логично вытекают из представленной теоретической рамки. Заслуживают углубленного изучения сравнительные исторические анализы практик перевода китайской культуры в различные эпохи, позволяющие проследить эволюцию идеологических установок и идентификационных

стратегий. Требуется осмысления влияние цифровизации на исследуемые процессы, трансформирующей институты перевода и каналы распространения культурных репрезентаций. Важным представляется изучение конкретной роли различных институциональных акторов в формировании идеологического контекста перевода. Необходимы эмпирические исследования рецепции переводной продукции аудиторией для понимания реального эффекта идентификационных процессов. Наконец, актуальным остается сравнительный анализ специфики действия выявленных механизмов при переводе различных культурных форм литературы, кинематографа, медиадискурса, академических текстов. Развитие этих направлений позволит значительно углубить понимание сложной динамики конструирования образа китайской культуры в мире через призму перевода как социальной практики, обладающей значительным методологическим потенциалом для социальных наук.

Литература

1. Сю Ц., Нью Ц. О механизме диалога культурных контекстов с точки зрения межкультурной коммуникации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2024. № 1 (23). С. 116–126.
2. Хилханова Э.В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.
3. Нагибина И.Г. Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике: дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2017. 412 с.
4. Емченко Д.Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен: дальневосточная модель. Челябинск: [б.и.], 2011. 20 с.
5. Гурулева Т.Л. Формирование социокультурного опыта личности в условиях высшего языкового востоковедческого образования // Вестник Забайкальского государственного университета. 2010. № 8. С. 39–47.
6. Сю Ц., Нью Ц. О механизме диалога культурных контекстов с точки зрения межкультурной коммуникации // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2024. № 1 (23). С. 116–126.
7. Тлостанова М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5. С. 126–149.
8. Хабаров А.А., Шу Ю.Э. Этнокультурные особенности вербального овнешнения идеоло-

гии «социализма с китайской спецификой» // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1 (51). С. 122–136.

9. Ли С. Изучение политической коммуникации в Китае // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 225–230.

LANGUAGE IDEOLOGY AND MECHANISMS OF SOCIOCULTURAL IDENTIFICATION IN THE PROCESS OF TRANSLATING CHINESE CULTURE

Yilimire Yiliyasi, Li Wenhao

Xinjiang Normal University

This study provides a theoretical analysis of the inextricable relationship between language ideology and mechanisms of sociocultural identification in the process of translating Chinese culture. It is argued that translation is not a technical operation, but a socially conditioned practice of constructing cultural meanings and collective identities. Language ideologies, manifested through language hierarchies, ideas about authenticity, power aspects of translation, and the expectations of the target audience, determine the key mechanisms of interaction: text selection, their interpretation and representation, legitimation/delegitimation of cultural forms, and the construction of the perceived distance between cultures. These mechanisms mediate the influence of ideology on identification processes, determining the specifics of the representation of "Ours" and "Alien" for both the host society and the global image of China. Particular attention is paid to the role of the translator as a reflexive cultural mediator whose decisions shape the symbolic capital of culture. The work contributes to the sociology of translation and cultural sociology by offering a model for analyzing translation as an instrument of cultural policy. Research perspectives include historical, institutional and receptive aspects of translating various cultural forms.

Keywords: Language Ideology, Sociocultural Identification, Translation Of Chinese Culture, Cultural Representation, Translation Mechanisms, Sociology Of Translation.

References

1. Xiu Q., Niu Q. On the mechanism of dialogue of cultural contexts from the point of view of intercultural communication // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. 2024. No. 1 (23). P. 116–126.
2. Khilkanova E.V. Language attitude and language ideology in Western and Russian science: on the distinction between concepts // Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and intercultural communication. 2022. No. 3. P. 148–162.
3. Nagibina I.G. Formation of the discursive-communicative paradigm in Chinese linguistics: from theory to social practice: dis. ... Doctor of Philological Sciences. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2017. 412 p.
4. Emchenko D.G. Transborder region as a socio-cultural phenomenon: Far Eastern model. Chelyabinsk: [b.i.], 2011. 20 p.
5. Guruleva T.L. Formation of socio-cultural experience of an individual in the context of higher linguistic oriental studies education // Bulletin of the Transbaikal State University. 2010. No. 8. Pp. 39–47.
6. Xu Q., Niu Q. On the mechanism of dialogue of cultural contexts from the point of view of intercultural communication // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. 2024. No. 1 (23). Pp. 116–126.
7. Tlostanova M.V. Transculturation as a model of socio-cultural dynamics and the problem of multiple identification // Questions of social theory. 2011. Vol. 5. P. 126–149.
8. Khabarov A.A., Shu Yu.E. Ethnocultural Features of Verbal Externalization of the Ideology of "Socialism with Chinese Characteristics" // Questions of Psycholinguistics. 2022. No. 1 (51). P. 122–136.
9. Li S. Study of Political Communication in China // Political Linguistics. 2020. No. 3 (81). P. 225–230.

Сравнительный анализ русских переводов стихотворения Су Ши «Шуйдяогэтоу» в свете теории «трёх красот»

Тао Цзяци,

аспирант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2814660820@qq.com

Ван Цзюань,

преподаватель, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 229221727@qq.com

Статья представляет сравнительный анализ русских переводов цы Су Ши «Шуйдяогэтоу» (Г.В. Стручалиной и М.И. Басманова) в рамках теории «трёх красот» (意美, 音美, 形美) Сюй Юаньчуна и дихотомии стратегий доместикации/форенизации. Доказано, что выбор стратегии детерминирует эстетические приоритеты переводчиков: доместицирующий подход Стручалиной, ориентированный на адаптацию к русской поэтической традиции, обеспечивает звуковую гармонию и формальную упорядоченность, но нивелирует уникальную структуру «цы», культурные образы («нефритовые чертоги», «Чаньцзюань») и философскую глубину оригинала. Форенизирующая стратегия Басманова, сохраняя культурно-формальную инаковость, жертвует ритмической строгостью, но точнее передаёт идейно-эмоциональное ядро, философию возвышенного спокойствия Су Ши, культурные коды и исторический контекст. На основе критерия приоритета красоты смысла (意美) сделан вывод о большей совокупной ценности форенизирующего перевода для сохранения культурного ядра текста, несмотря на меньшую доступность для читателя. Исследование подтверждает продуктивность комплексного применения теории «трёх красот» и стратегической дихотомии в переводоведении.

Ключевые слова: Су Ши, «Шуйдяогэтоу», Теория «Трёх Красот», Доместикация и Форенизация, Сравнительный Анализ Переводов, Культурное Ядро

Введение

Перевод китайской классической поэзии на русский язык представляет собой сложную и актуальную научную проблему, находящуюся на стыке литературоведения, лингвистики и межкультурной коммуникации. Творчество Су Ши (Су Дунпо), как вершина литературного наследия эпохи Сун, требует особого внимания ввиду своей философской глубины и уникальной художественной формы. Стихотворение «Шуйдяогэтоу» («Водная мелодия»), являющееся квинтэссенцией его поэтического гения и мировоззрения, неоднократно переводилось на русский язык. Сравнительный анализ этих переводов позволяет выявить эффективные стратегии передачи не только смыслового содержания, но и эстетического своеобразия китайской поэзии.

Настоящее исследование ставит своей целью провести сравнительный анализ двух наиболее значимых русских переводов «Шуйдяогэтоу» выполненных Г.В. Стручалиной и М.И. Басмановым в свете теории «трёх красот» (意美, 音美, 形美) выдающегося китайского переводоведа Сюй Юаньчуна и концепции переводческих стратегий «доместикации» (одомашнивания) и «форенизации» (очуждения). Теория «трёх красот», постулирующая приоритет красоты смысла (意美) над красотой звука (音美) и формой (形美), служит ключевым критерием для оценки адекватности передачи идейно-эмоционального ядра оригинала. Концепция же доместикации/форенизации (Вежбицкая, Венути) позволяет объяснить фундаментальные различия в подходах переводчиков: адаптация к нормам языка-рецептора (доместикация) или сохранение культурно-формальной инаковости оригинала (форенизация).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения механизмов передачи сложного синтеза философского содержания, культурных кодов и специфической формы китайской классической поэзии средствами русского языка. Научная новизна работы заключается в комплексном применении теории «трёх красот» и дихотомии доместикации/форенизации для детального сопоставления конкретных переводческих решений на уровнях смысла, звука и формы. Цель – выявить, как выбранные стратегии определяют эстетические и ценностные ориентиры переводчиков и влияют на полноту передачи много-

гранного оригинала, включая его философскую глубину и культурное своеобразие. Анализ позволяет сделать выводы о сравнительной эффективности стратегий в аспекте сохранения культурного ядра произведения Су Ши.

Теоретическая основа и художественные достоинства оригинала

Собой комплексное требование к поэтическому переводу. Красота смысла (意美) означает красоту идейного содержания и поэтического настроения, являясь душой переведённого стихотворения. Красота звука (音美) это красота созвучий и ритма, слуховая форма перевода. Красота формы (形美) это красота структуры, визуальная форма перевода. Эти три элемента не просто сосуществуют, а образуют ценностную иерархию, в которой «красота смысла является важнейшей, красота звука второстепенной, а красота формы ещё менее значимой» [9]. Такой порядок приоритетов предоставляет нам фундаментальный критерий для оценки достоинств и недостатков различных переводов.

Теория переводческих стратегий. Концепции «доместикации» и «форенизации» уходят корнями в историю перевода, и их суть заключается в решении вопроса об отношениях между автором исходного текста и читателем текста перевода. Одна стратегия требует «переместить иностранного автора к читателю», чтобы читатель мог видеть в нём соотечественника; другая же «отправить читателя к этому чужеземцу», чтобы он приспособился к его среде обитания, стилю речи и его особенностям [1]. Первая, ориентированная на читателя перевода, стремится к плавности и естественности текста и называется стратегией доместикации. Вторая, ориентированная на оригинал, намеренно сохраняет культурную инаковость исходного языка и называется стратегией форенизации.

Красота поэтического настроения (意美). Природные образы в китайской поэзии часто выходят за рамки объективного описания, неся в себе глубокий культурный и эмоциональный символизм. Например, дерево в китайской поэтике имеет особое символическое значение: оно не только соединяет в пространстве «глубину» и «высоту», но и во времени связывает «прошлое» с «будущим», выступая как «символ памяти о былом и надежды на будущее» [2]. Ключевой образ этого цы, «светлая луна» (明月), тем более значим: он не только является носителем тоски по родине, но и служит для поэта медиумом для философских размышлений. Очарование цы Су Ши во многом заключается в сложности его чувств; точнее говоря, достоинство этого произведения, возможно, в «переплетении печали и радости» [3]. Эмоциональная линия поэта проходит через три

стадии развития: от стремления к небесному миру и эскапистских фантазий, через упреки в адрес непостоянной луны, отражающей земные разлуки, и, наконец, к духовному прозрению и окончательному примирению со вселенскими законами. Полная передача этого духовного пути является ключевым критерием для оценки успешности воспроизведения красоты смысла в переводе. Кроме того, образы в цы содержат и глубокий политический подтекст: «небо» (天上) и «мир людей» (人间) иносказательно обозначают соответственно императорский двор и провинцию, а холодом лунного дворца поэт намекает на жестокость придворных распри [4]. Этот скрытый смысл также является неотъемлемой частью красоты идеи.

Красота формы (形美). Как произведение в жанре «цы» (词), его форма сама по себе обладает уникальной эстетикой. Мелодия «Шуйдяо-этоу» отличается чередованием длинных и коротких строк, что создаёт визуальное ощущение взлётов и падений. В композиционной структуре всё цы делится на две строфы (上下阕): верхняя строфа развивается из «вопроса к луне», полна фантастических идей; нижняя строфа переходит к «созерцанию луны», обращаясь к земной реальности. Структура ясна и логична.

Красота звука (音美). «Цы» как литературный жанр, предназначенный для пения, подчиняется внутренним формальным и звуковым нормам. Китайская традиционная поэтика обычно выделяет три основных аспекта формальных характеристик жанра цы: во-первых, строго определённое количество иероглифов в произведении; во-вторых, неравная длина стихов, от двух до одиннадцати иероглифов; в-третьих, установленная схема чередования ровных и косых тонов (平仄) в строках [5]. В данном цы рифмующиеся иероглифы в верхней строфе (天, 年, 寒, 间) и в нижней (眠, 圆, 全, 娟) образуют стройную рифму, что в сочетании с тщательно выстроенной схемой чередования тонов создаёт мелодичную красоту, полную модуляций и плавных переходов.

Аспект красоты звука: сравнение создания «поэтичности» и «песенности»

Поэзия является поэзией во многом благодаря своей музыкальной красоте, которая в основном выражается через ритм и рифму. Поэтому и превосходный перевод должен обладать сильным музыкальным чувством [6]. Столкнувшись с красотой звука оригинала, два переводчика, руководствуясь стратегиями доместикации и форенизации, применили совершенно разные методы перевода.

«Песенность» перевода Стручалиной. Этот перевод на уровне красоты звука полностью следует методу доместикации, стремясь пересоздать оригинал в виде «песни», соответствующей традициям русской поэзии. Она применила метод метри-

ческого перевода, выстроив для всего стихотворения стройные русские рифмы и регулярный размер. Например, в первой строфе: «Скоро ль взойдёт луна, я у небес спрошу. / Чашу в руках держа, всё в небосвод гляжу. / Что там, в чертогах тех: нынче который год? / Знает, кто во дворце лунном сейчас живёт.», рифмы «спрошу/гляжу» и «год/живёт» образуют идеальную перекрёстную рифмовку (АВАВ). Ритм всего стихотворения стабилен, звучание гармонично, оно легко читается вслух. Таким методом переводчица успешно трансформировала функциональный атрибут оригинальной мелодии цы её «песенность» в знакомую русскому читателю поэтическую мелодику с внутренней музыкальностью. Такой подход это не просто подбор созвучий, но и «подбор созвучий мысли и эмоции», ведь рифма это «созвучие тонов, созвучие смыслов, подобное «двусмысленности», где «слова здесь, а смысл там»» [7]. Благодаря этому методу, ориентированному на поэтическую традицию целевого языка, перевод достиг высокой степени приемлемости.

«Поэтичность» перевода Басманова. В отличие от Стручалиной, Басманов в плане звуковой организации применил метод форенизации, и его текст по форме близок к русскому верлибру. Он использовал метод семантико-ритмического перевода, где мелодика определяется не фиксированным размером или строгими рифмами, а внутренней логикой смысловых групп. Разрывы строк полностью служат выражению смысла и эмоциональным паузам. Например: «С чаркой вина в руке / Любуюсь лазурью небес / И вопрошаю: «Когда / Луна, сияя, взойдет?»». Здесь разбивка на строки очевидно призвана имитировать внутренний ритм оригинала Су Ши, его манеру «подчинять слово потоку цы», и неукротимость стиля «хаофан» (豪放). Этот метод отказывается от традиционной русской метрики, его теоретическая основа в том, что «музыка стиха рождается не из абстрактного звучания слов, а из слияния звучания и смысла, звука и выражаемой мысли, иначе сама мелодика превращается в бессмысленную формалистическую игру звуков». Именно таким методом Басманов побуждает читателя адаптироваться к незнакомому, движимому мысли поэтическому ритму.

Передача эмоциональной интонации играет ключевую роль в сохранении смысловой красоты оригинала, и переводчики демонстрируют различные методологические подходы. Стручалина стремится к лексической ясности и ровной интонации: её «я у небес спрошу» звучит как констатация, тогда как Басманов, через развернутую цепочку действий («Любуюсь лазурью небес / И вопрошаю»), создаёт сцену и усиливает экспрессию. В передаче восклицания «何似在人间» Стручалина делает акцент на ощущении («будто бы неземной!»), а Басманов на контрасте («Так непохож на зем-

ной!»), придавая эмоции большую выразительность. В укоризненной строке о луне Стручалина применяет прямое обращение, делая интонацию открытой, в то время как Басманов использует философский риторический вопрос, трансформируя эмоцию в размышление. Таким образом, его подход ориентирован на сценическое и интонационное моделирование, усиливающее глубину восприятия.

Аспект красоты формы: сравнение «упорядоченности» и «неравномерности» структуры

Китайская и русская поэзия различаются на структурном уровне: классическая китайская поэзия основана на «блочной» синтаксической структуре словосочетаний, тогда как русская на линейной морфологии с использованием падежных окончаний. Это различие влияет на восприятие формы и определяет переводческие стратегии. Стручалина прибегает к структурной доместикации, превращая оригинальное «цы» в четыре регулярных катрена, что делает перевод визуально и метрически упорядоченным. Такой подход адаптирует текст под русские поэтические нормы, но при этом утрачивает характерную «неравномерность» оригинала смену длинных и коротких строк, являющуюся важным эстетическим признаком жанра. В противоположность этому, Басманов применяет стратегию форенизации: он сохраняет визуально разномерную композицию, варьируя длину строк и строф (от одной до шести строк), тем самым моделируя оригинальную морфологию «цы» и позволяя русскому читателю ощутить эстетику нерегулярной формы.

Особого внимания требует параллелизм строки «人有悲欢离合, 月有阴晴圆缺», сочетающий антитезу и философское сопоставление. Стручалина воспроизводит смысловое противопоставление, но её образ «тени рассекли лунный круг» ослабляет структурную симметрию. Басманов, напротив, использует строгий синтаксический параллелизм: «Радость и рядом печаль... / Луне полнолуние, ущерб...», чётко соотнося человеческие чувства и природные явления. Такой подход обеспечивает более точное воспроизведение логики и ритмики оригинала, даже если часть эмоционального воздействия утрачивается. В целом, метод Басманова демонстрирует более высокую степень верности в передаче философско-образной структуры китайского текста.

Перевод предисловия «丙辰中秋» у Стручалиной иллюстрирует крайний случай доместикации: замена даты на «2036 год» вызывает анахронизм и нарушает историческую достоверность. Хотя цель сделать текст «понятнее» для современного читателя, результат искажение культурного контекста. В отличие от неё, Басманов сохраняет оригинальную хронологию, транслитерируя «в год

Бинчэн» и снабжая комментарием. Это подчёркивает его ориентацию на точность и уважение к исторической целостности текста. Данный пример демонстрирует, что чрезмерная адаптация в ущерб верности может исказить восприятие оригинала, тогда как форенизирующий подход, хотя и требует от читателя усилия интерпретации, способствует сохранению культурной аутентичности.

Аспект красоты смысла: глубина передачи «образов» и «философии»

Перевод культурно нагруженных образов, таких как «нефритовые чертоги и яшмовые терема» (琼楼玉宇), демонстрирует различие стратегий: Стручалина использует доместикацию, опуская материалы и передавая эмоциональный эффект («дворец в небе заледенел»), тогда как Басманов сохраняет культурные реалии через дословный перевод («из яшмы дворцы, / где башен сверкает нефрит»), что обеспечивает культурную точность. Аналогично, в строке «起舞弄清影» («Встаю танцевать, играя со своей ясной тенью») Стручалина делает тень партнёром по танцу, передавая одиночество, тогда как Басманов акцентирует взаимодействие («вместе кружит со мной»), точнее отражая значение «弄» как игры. В обоих случаях стратегия Стручалиной ориентирована на смысловой эффект и читаемость, в то время как Басманов стремится сохранить культурно-поэтические детали. Таким образом, его форенизирующий подход обеспечивает большую аутентичность и глубину культурной передачи.

«Чаньцзюань» (婵娟). «На тысячу ли друг от друга, любимая одной Чаньцзюань» (千里共婵娟) это кульминационная строка всего цы, эмоциональный катарсис. Стручалина переводит эту фразу так: «Даже в разлуке вдвоём вновь любовались луной!». Она напрямую истолковывает и переводит «Чаньцзюань» как «луной», что делает смысл ясным, но несколько прозаичным. Басманов же вкладывает смысл «любоваться одной Чаньцзюань» в прекрасное пожелание: «Также любуясь луной, / Ты не покинул земли». Его перевод не только содержит идею совместного любования луной, но и включает в себя благословение из строки «Пусть долго живут люди», что делает его более насыщенным эмоционально и поэтически, приближая к очарованию оригинала.

Суть жизненной философии Су Ши заключается в возвышенном спокойствии. Он считал, что хотя суть жизни страдание, это не означает, что каждый человек должен прожить жизнь в страданиях. Люди могут, изменив своё отношение к вещам и взгляд на трагичность жизни, с помощью разума регулировать эмоции [8]. Эта великодушная философская мысль концентрированно выражена в переводе фразы «Издревле трудно достичь совершенства в этом» (此事古难全). Поэтическое

описание Стручалиной «Могут и тени рассеять лунный светящийся круг» очень изящно и полно воображения, но это скорее поэтическая метафора, нежели прямое изложение философской мысли оригинала. В сравнении с этим, философское обобщение Басманова «Нет ничего сполна» это краткое и сильное русское выражение, которое точно ухватывает заложенные в оригинале великодушные и примирение с «извечной невозможностью достичь совершенства». В функциональном плане оно достигает глубокого философского эквивалента. Такой метод поиска функциональных эквивалентов особенно важен при работе с культурными идиомами. Например, дословное значение «играть на цитре перед быком» (对牛弹琴) «музицировать перед коровой». В русском языке есть схожее выражение «метать бисер перед свиньями». Обе идиомы несут абсолютно одинаковый смысл: «ты делаешь бесполезное дело» [9]. По аналогии, Басманов, используя богатое философским смыслом афористичное русское выражение, достигает высокой верности на уровне красоты смысла.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ русских переводов цы Су Ши «Шуйдяогэтоу» Г.В. Стручалиной и М.И. Басманова в рамках теории «трех красот» Сюй Юаньчуна и дихотомии стратегий доместикации/форенизации позволяет сделать следующие обобщающие выводы. Исследование наглядно подтвердило, что избранная переводчиком стратегия фундаментально определяет его эстетические и ценностные приоритеты на всех уровнях: смысловом (意美), звуковом (音美) и формальном (形美). Доместицирующий подход Стручалиной, ориентированный на адаптацию к нормам русской поэтической традиции, проявился в стремлении к звуковому изяществу (регулярный размер, строгие рифмы) и формальной упорядоченности (катрены), что обеспечило высокую воспринимаемость и поэтическую плавность перевода, однако повлекло за собой неизбежные потери. Эти потери выразились в ослаблении передачи уникальной «неравномерной» формы оригинала (чередование длинных/коротких строк), упрощении или опущении ключевых культурно-специфичных образов («нефритовые чертоги и яшмовые терема», «Чаньцзюань»), а также в нивелировании философской глубины и историко-культурного контекста (анахронизм в датировке). Напротив, форенизирующая стратегия Басманова, сознательно сохраняющая культурную и формальную инаковость китайского текста, хотя и потребовала от читателя большего усилия интерпретации и частично пожертвовала звуковой гармонией (верлиброобразная структура), продемонстрировала существенно более высокую степень верности оригиналу в аспектах, признанных теорией

«трех красот» приоритетными. Басманову удалось точнее передать идейно-эмоциональное ядро произведения, философскую концепцию возвышенного спокойствия Су Ши, воспроизвести ключевые культурные коды и символику, сохранить уникальную визуальную структуру жанра «цы» и историческую достоверность. Таким образом, с точки зрения задачи сохранения и трансляции культурного ядра китайской классики, форенизирующий перевод, несмотря на меньшую доступность, обладает несомненно большей совокупной культурной и философской ценностью. Результаты исследования подчеркивают продуктивность комплексного применения теории «трех красот» и стратегической дихотомии для оценки переводов поэзии и могут служить ориентиром для практики перевода китайской классики на русский язык.

Литература

1. Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикизации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 202–210.
2. Белозубова Н. И., Е Янян Образ природы в китайской классической поэзии // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2020. № 16. С. 87–93.
3. Сунь Шаочжэнь. Оценка «Песни о воде» Су Ши (Когда появится яркая луна) // Language Construction. 2009. № 5. С. 18–19.
4. Ван Исин. Самоосвобождение от двойной дилеммы политического безразличия и долгой разлуки с братьями – новая интерпретация смысла «Песни о воде · Когда появится яркая луна» Су Ши // Middle School Chinese Teaching. 2023. № 1. С. 55–58.
5. Дрейзис Ю. А. Нормативный канон и авторское начало: структурный анализ поэтической формы цы на примере творчества Су Дунпо (1036–1101) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2018. № 2. С. 45–60.
6. Тун Дань. Трансформация образа в русском переводе китайской классической поэзии: дис. ... канд. филол. наук. Шанхай, 2009. 210 с.
7. Чжан Чжичжун. Сюй Юаньчун и искусство перевода. Ухань: Изд-во Hubei Education Press, 2006. 320 с.
8. Пань Юйчжоу. Анализ философских мыслей Су Ши – философия жизни, трансцендентности и самоадаптации // Lantai World. 2013. № 10. С. 81–82.
9. Смирнова Т. И., Сян Даньцин Особенности перевода китайской поэзии на русский язык //

Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте. Екатеринбург: [б.и.], 2017. Вып. 3. С. 84–91.

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF SU SHI'S POEM "SHUDYAOGETOU" IN LIGHT OF THE "THREE BEAUTIES" THEORY

Tao Jiaqi, Wang Juan
Xinjiang Normal University

The article presents a comparative analysis of Russian translations of Su Shi's ci "Shudyaogetou" (G. V. Struchalina and M. I. Basmanov) within the framework of the "three beauties" theory (意美, 音美, 形美) of Xu Yuanhong and the dichotomy of domestication/foreignization strategies. It is proven that the choice of strategy determines the aesthetic priorities of the translators: Struchalina's domesticating approach, focused on adaptation to the Russian poetic tradition, ensures sound harmony and formal orderliness, but negates the unique structure of "ci", cultural images ("jade chambers", "Chanjuan") and the philosophical depth of the original. Basmanov's foreignizing strategy, while preserving the cultural and formal otherness, sacrifices rhythmic rigor, but more accurately conveys the ideological and emotional core, the philosophy of sublime tranquility of Su Shi, cultural codes and historical context. Based on the criterion of the priority of the beauty of meaning (意美), a conclusion is made about the greater cumulative value of foreignizing translation for preserving the cultural core of the text, despite its lower accessibility to the reader. The study confirms the productivity of the integrated application of the theory of "three beauties" and strategic dichotomy in translation studies.

Keywords: Su Shi "Song of Water Melody", theory of "three beauties", domestication and foreignization, comparative analysis of translations, cultural core

References

1. Shelestyuk E. V., Gritsenko E. D. On Foreignization and Domestication in Translation and the Possibilities of Their Linguistic Assessment // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2016. No. 4 (386). P. 202–210.
2. Belozubova N. I., Ye Yanyan The Image of Nature in Classical Chinese Poetry // Word: Folklore and Dialectological Almanac. 2020. No. 16. P. 87–93.
3. Sun Shaozhen. Assessment of Su Shi's "Song of Water" (When the Bright Moon Appears) // Language Construction. 2009. No. 5. P. 18–19.
4. Wang Yixing. Self-Liberation from the Double Dilemma of Political Indifference and Long Separation from Brothers: A New Interpretation of the Meaning of Su Shi's "Song of the Water • When the Bright Moon Appears" // Middle School Chinese Teaching. 2023. No. 1. Pp. 55–58.
5. Dreyzis Yu. A. Normative Canon and the Author's Principle: A Structural Analysis of the Poetic Form of Qi Based on the Works of Su Dongpo (1036–1101) // Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies. 2018. No. 2. Pp. 45–60.
6. Tong Dan. Transformation of the Image in Russian Translation of Classical Chinese Poetry: Diss. ... Cand. Philological Sciences. Shanghai, 2009. 210 p.
7. Zhang Zhizhong. Xu Yuanhong and the Art of Translation. Wuhan: Hubei Education Press, 2006. 320 p.
8. Pan Yuzhou. Analysis of Su Shi's Philosophical Thoughts: Philosophy of Life, Transcendence, and Self-Adaptation // Lantai World. 2013. No. 10. Pp. 81–82.
9. Smirnova T. I., Xiang Dangqing. Features of Translating Chinese Poetry into Russian // Russian Language and Linguistic Culture in a Comparative Aspect. Ekaterinburg: [b.i.], 2017. Issue 3. Pp. 84–91.

60 лет «аджорнаменто». Осмысление реформы римского обряда в свете юбилейного года

Ткаченко Максим Михайлович,

соискатель ученой степени к.ф.н. РАНХиГС, историк религии, теолог, педагог, переводчик; преподаватель истории религии в АНО ДПО «РДА»

E-mail: Maxim-tka@yandex.ru

2025 год, ставший юбилейным для Римско-Католической церкви, ознаменовался также круглой датой относительно реализации самой масштабной литургической реформы за всю историю западного христианства, проведенной во исполнение решений Второго Ватиканского собора. Более чем полувековой срок представляется подходящей вехой для детального осмысления результатов приведения жизни и деятельности церкви в соответствие с реалиями нынешнего времени, выраженными в одной из главных идеологических концепций собора – «аджорнаменто». В настоящее время сведения о реформе, содержащиеся в отечественном сегменте теологической и философско-религиозной литературы представляются пугающе отрывочными и поверхностными, а также лишенными множества причинно-следственных связей. В отличие от других подобных исследований, занимающихся лишь описанием и сравнительным анализом общеизвестных фактов, в представленном материале предлагаются многоаспектное наблюдение и демонстрация реального воплощения реформы, дающие возможность взглянуть на литургическую жизнь Католической церкви не через призму стороннего наблюдателя, но увидеть её изнутри. Данная статья, посвященная детальному разбору многих аспектов реформы римского обряда, призвана не только рассмотреть многие неочевидные, но весьма значимые «эксцентриситеты», но также претендует на научную новизну в результате привлечения переводов на русский язык новейших источников, ранее не встречающихся в российской литературе.

Ключевые слова: католицизм, реформа, церковь, религия, христианство, Ватикан, богослужение.

Исторический обзор реформ до масштабной модернизации

24 декабря 2024 года, незадолго до общекалендарного начала новой четверти XXI века, папа Франциск возглавил церемонию начала юбилейного 2025 года, который проходит под девизом «паломники в надежду» – формулой, наиболее четко сопоставимой как с актами локальных модернизаций, так и с идеей обновления в целом. Действительно, начиная с середины XX века, Католическая церковь взяла решительный курс на переосмысление своей роли в обществе и многоаспектные преобразования внутри самой себя.

В этой связи представляется крайне важным и уместным порассуждать о масштабной, если не сказать «тотальной» богослужбной реформе, в соответствии с которой церковь уже много десятилетий ведет свою литургическую жизнь, и полемика вокруг которой не утихает все это время ввиду неоднозначности последней.

В ходе празднования Юбилейного года малозаметным осталось другое весьма значимое событие, которое по праву можно назвать эпохальным. Ровно шестьдесят лет назад, 7 марта 1965 года, папа Павел IV совершил в церкви Всех Святых на виа Тортоне первую Мессу¹ на итальянском языке. Отказ от абсолютной монополии на латинский язык, веками безальтернативно господствовавший на всей территории влияния Католической церкви, стал одним из самых ярких воплощений концепции «аджорнаменто», или приведения церкви в соответствие с духом времени.

Во время соеи проповеди папа сказал: «Сегодняшний новый способ молитвы и совершения Святой Мессы... это великое событие, которое следует воспринимать как начало расцвета духовной жизни»². Нет никаких сомнений в том, что богослужбную реформу понтифик воспринимал как новую «духовную весну» в церкви. Однако данный тезис совсем не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. Для того, чтобы дать наиболее взвешенную оценку, необходимо тщательно проанализировать самые главные тезисы рефор-

¹ Месса – термин, обозначающий главное евхаристическое богослужение в Католической, Англиканской и ряде протестантских церквей.

² SANTA MESSA NELLA CHIESA DI OGNISSANTI. OMELIA DI PAOLO VI. I Domenica di Quaresima, 7 marzo 1965. Авторский перевод.

мы и проследить их актуальную реализацию. Что наиболее разумно делать, начав с исторического обзора Римского обряда как такового.

Действительно, литургия в церкви не возникла и никогда не воспринималась как нечто изначально предопределенное, но развивалась с течением веков, вбирая себя подчас не только теологические но и практические и даже национальные особенности. Такое положение дел постепенно привело к возникновению огромного количества разных обрядов и традиций, многие из которых стали весьма значимыми и авторитетными (как, например, Римский, Галликанский или Амвросианский обряд, если говорить о западном христианстве), но и послужили благодатной почвой для расцвета сомнительных локальных практик, что в конечном итоге привело к плюрализму и децентрализации, столь неприемлемой для Католического самосознания.

То, что в настоящее время понимается под самым распространенным, Римским, обрядом в Католической церкви, возникло в результате деятельности основного очага контрреформации – Тридентского собора. Стремясь к унификации богослужбной жизни, папа Пий V постановил утвердить единый извод Римского Миссала¹ – главной богослужбной книги – что и было сделано 14 июня 1570 года. Понтифик заявил, что «*Миссал, наконец-то вернулся к своей первоначальной форме, в соответствии с нормой и обрядом святых отцов*»². Данный тезис, весьма сомнительный с точки зрения исторической литургики, тем не менее явно демонстрирует желание закрепить во всей церкви те обрядовые действия и богослужбные формулы, которые папа римский и созданная им комиссия сочли правомерными. В итоге так и случилось, и утвержденная форма Римского обряда просуществовала практически неизменной ровно 400 лет. Тем не менее некоторые изменения всё же вносились, и совершалось это именно ввиду осознания необходимости каким-либо образом скоординировать жизнь церкви и современного общества.

Заметим, что первые правки в Римский Миссал внесли уже ближайшие преемники папы Пия V – Климент VIII и Урбан VIII, которые, впрочем, затронули лишь рубрики, практические указания, и опечатки. Более масштабные изменения начали происходить именно с конца XIX века и неразрывно связаны ощущением «аджорнаменто», хотя и не задекларированным пока официально. Главным катализатором церковной реформы было и остается ментальное развитие, затрагивавшее в те годы все большее число простых людей

и стирающее клерикальные грани между образованным духовенством и простым народом³.

Первые серьезные изменения начали происходить как всегда по направлению «сверху-вниз», то есть исходили от церковного руководства в лице пап, но выступали часто в качестве реакции на «несанкционированные движения снизу», самым ярким из которых стало возникновение знаменитого Литургического движения – совокупности инициатив по упрощению и упорядочиванию преимущественно католического богослужения, энтузиасты которого выступали за активное и сознательное участие верующих в литургии. Занятным представляется тот факт, что первым папой, решившимся на реформы и «сильно нарушившим устоявшиеся у священнослужителей порядки»⁴, стал один из самых консервативных понтификов – папа Пий X.

Директивы понтифика были направлены на устранение «молчаливого наблюдения» верующих за богослужением, путем внедрения книг с параллельным переводом основных частей Мессы на национальные языки. Назвать это реформой можно, однако, с трудом. Особенно, учитывая тот факт, что и в данном случае церковное руководство лишь монополизировало частные инициативы, продвигаемые все теми же членами Литургического движения. Важно обратить внимание на другой факт. Подобное тотальное безучастие и индифферентность верных по отношению к богослужению веками развивалась на почве богословского восприятия евхаристического богослужения как постоянно актуализируемой голгофской жертвы Иисуса Христа, совершаемой священником *in persona Christi*. При такой концепции метафизическая «польза» от мессы будет проявляться вне зависимости от участия или даже наличия верных. Рожденный отсюда тезис «один священник – одна месса» не только исключал сослужение но даже приводил к практике одновременного совершения нескольких месс на разных алтарях под сводами одного храма. Подобная крайность позднее приведет к возникновению иной, противоположной, и евхаристическое богослужение станет латентно восприниматься в протестантском ключе – как всеобщая трапеза в воспоминание Иисуса Христа. Об этом мы скажем подробнее несколько позже. Сейчас же обратим внимание на другие, более масштабные преобразования в Римском обряде. Нарастающее стремление сторонников т.н. «литургического возрождения» инкультурировать мессу и перевести ее в плоскость национальных языков настолько стремительно начало набирать

¹ Подробнее о Римском Миссале см. в Ткаченко М.М. Римский Миссал. // Большая Российская Энциклопедия URL: <https://bigenc.ru/c/rimskii-missal-9c7163?ysclid=m8egsq22gh457725412>

² COSTITUZIONE APOSTOLICA QUO PRIMUM TEMPORE. § 2. Авторский перевод.

³ Подробнее об этом см. в Римские папы. Люди в белом: от Пия IX до наших дней / Максим Ткаченко. – М.: Издательство АСТ, 2025. – 336 с.; ил. – (Классика лекций. Лучшее).

⁴ Fr. Pascal Thuillier. Saint Pius X: Reformer of the Liturgy // The Angelus Online URL: http://www.angelusonline.org/index.php?section=articles&subsection=show_article&article_id=2229 (дата обращения: 18.03.2025).

обороты в начале XX века, что Святому Престолу не оставалось ничего, как разрешить пусть ограниченное, но все же использование местных наречий в богослужении. Конечно, о полноценном переводе речи не шло и не могло идти.

Отметим, что даже Второй Ватиканский собор не издавал подобных постановлений вопреки общераспространенному мнению. Лишь в строго очерченных рамках и под чутким руководством высшего церковного руководства разрешение на использование национальных языков было предоставлено Хорватии, Словении и Чехии в 1906 году, а также Баварии в 1929 году¹. До сих пор среди историков литургии нет единого мнения относительно сделанного выбора. Открытым остается вопрос, почему подобного разрешения не было предоставлено, например, католическим общинам Японии – страны, максимально далекой от латинского языка как в фонетическом, так и в письменном плане. Лишь в 1949 году китайский (мандаринский) и японский языки было разрешено использовать в начальных обрядах Мессы и во время чтения Священного Писания, но с обязательным условием, что священник в этот момент должен был прочитывать их в полголоса на латыни. В подобном весьма неоднозначном подходе «латынь ради латыни» видится скрытая религиозная ксенофобия. Полагаем, что во второй половине XX века именно этот «языковой голод» станет отправной точкой для неконтролируемого тотального перевода мессы на национальные языки, выполняемого подчас не только вопреки соборным постановлениям, но также и на весьма низком уровне с допущением многочисленных вольностей, что побуждало Ватикан вмешиваться в подобные процессы².

В ходе нашего исторического анализа эволюции Римского обряда обратим также внимание на весьма значительные изменения, проведенные в 40-х годах прошлого века папой Пием XII. Эти реформы оказались куда более решительными, хотя и сохраняли общий строй и форму традиционного богослужения. Отправной точкой в данном случае послужила папская энциклика «*Mediator Dei*», в которой понтифик осудил отклонения от устойчивой формы Римского обряда, но вместе с тем заявил, что «*достойны похвалы все стремящиеся сделать участие в Евхаристии более легким и полноценным, дабы верующие, объединившись со священником, молились едиными чувствами в согласии с обрядовыми нормами*»³.

В 1947 году Пий XII также учредил комиссию по пересмотру литургических книг, которая в 1959 году вошла в состав подготовительной комиссии Второго Ватиканского собора. А в 1951–1955 годах он кардинально изменил некоторые части римской литургии, в частности празднование Пасхального триденствия и Пальмового (Вербного) воскресенья. Это потребовало даже вмешательства в Кодекс канонического права, запрещавший начинать мессу позднее, чем через час после полудня. Отметим, что папа Пий V называл злоупотреблением и отходом от древнего обычая Католической церкви и от постановлений святых отцов совершение мессы после часу дня, указанного в канонах. Подобное решение безусловно можно интерпретировать как предвестник «аджораменто», полагавшего нужды и людей и требования времени выше любых церковных устоев. Подобный подход еще неоднократно навредит литургической жизни церкви, что мы и увидим далее.

Последними весомыми изменениями, внесенными в Римский обряд, стали реформы 1962 года, инициированные папой Иоанном XXIII. Собственно, последний извод латинского Миссала, изданный до Второго Ватиканского собора, так и называется «Миссал 1962» и, говоря о латинском богослужении, по умолчанию принято понимать именно данный вариант. Изменения коснулись в основном множественных рубрик, а также сокращения числа чтений из Священного Писания, числа Навечерий, и количества октав.

Лучшей и самой наглядной демонстрацией внесенных изменений стал полномасштабный перевод латинского текста *Missale Romanum* 1920 и 1962 на русский язык, произведенный автором статьи в 2024 году и кодифицированный в одну книгу, не имеющую аналогов в мировой литературе. Издание является интеллектуальной собственностью и предоставляется по запросу. Приведем несколько ознакомительных выдержек, для сравнения разницы в рубриках:

«Приватная Месса может совершаться от рассвета до полудня. (не актуально для Missale Romanum 1962)»

«Действия, соблюдаемые при совершении мессы. Параграф XIV. О действиях при служении двух или трех месс в день. (Missale Romanum 1962. Отсутствует в Missale Romanum 1920)»

«О недостатках при совершении Мессы. Параграф VII. О телесных недостатках. Если священник не держал пост с полуночи, даже не ел, а только пил воду, пусть даже ради лекарств, то не должен служить мессу и причащаться. (Упразднено Верховным Понтификом Пием XII)»

2. Больные, даже не лежащие, перед мессой могут без ограничения времени принять безалкогольный напиток, а также любые лекарства. (Missale Romanum 1962)»

¹ Keith F. Pecklers, *Dynamic Equivalence: The Living Language of Christian Worship*, Liturgical Press, 2003, p. 31

² В российской литературе полностью игнорируется тот факт, что Конгрегация Божественного культа в документе *Liturgiam authenticam* от 25 апреля 2001 года потребовала полного переиздания переводов на национальные языки так, чтобы они максимально точно и верно передавали латинский текст.

³ *Mediator Dei*. Авторский перевод.

3. Священникам, способным на это, настоятельно рекомендуется сохранять наиболее почтенную и древнюю форму евхаристического поста перед мессой. (*Missale Romanum 1962*)»¹.

Мы неслучайно столь детально рассмотрели основные изменения, происходившие в Римском обряде в течение 400 лет. Уже на данном этапе можно уверенно сделать промежуточный вывод, необходимый для дальнейшего исследования вопроса: на протяжении четырех веков (что наблюдается и ранее) сознание Церкви оставалась весьма консервативным и фундаменталистски ориентированным, а любые изменения в устойчивых формах проводились весьма сдержанно, минимально и неохотно. Концепцию «аджорнаменто», находившуюся еще на криптоуровне, ни коим образом нельзя назвать продуктом деятельности церковного руководства. Любые трансформации аккумулировались в альтернативных движениях и приводились в действие Святым Престолом не столько из-за желания обновления, сколько в качестве уступок во избежание расколов. Теперь же представляется необходимым детально разобрать и проанализировать самые крупные либеральные реформы в Римском обряде, проведенные по решению Второго Ватиканского собора (1962–1965), в ходе которых идея «аджорнаменто» не только обрела устойчивые формы, но и стала основным вектором реформ, распространив свое влияние на весь католический мир.

Детальный анализ реформ и их последствий

4 декабря 1963 года увидела свет первая и самая спорная конституция Второго Ватиканского собора – о Священной Литургии «*Sacrosanctum Concilium*», принципы и нормы которой в последствии подверглись самым разнообразным интерпретациям в области их применения, что нередко приводило и приводит до сих пор к кризисам и конфликтам как внутри групп самих верующих, так и в их конфронтации со священноначалием.

Главной целью постановлений, изложенных в конституции стало реформирование традиционной латинской мессы, содержащейся в уже упомянутом Миссале 1962 года, таким образом, чтобы она стала более понятной, простой, ориентированной на современного человека и доступной. 7 глав и 130 параграфов последовательно излагают суть изменений, который Второй Ватиканский собор считал необходимым реализовать в богослужении.

Следует обратить внимание на очень важный факт, который многие упускают из виду, и без которого невозможно достичь понимания причин столь спорной реализации реформ: постановления Конституции как основного и авторитетного докумен-

та и воплощение в жизнь его указаний разделяют 7 лет работы различных комиссий, интерпретации и множественные промежуточные документы, такие как «*Inter oecumenici*» и «*Tres abhinc annos*»².

Результатом подобной работы стал некий промежуточный вариант реформированной мессы, известный как «месса 1965 года». Именно ее и совершил папа Павел VI в марте того же года, о чем уже упоминалось выше. Данный вариант представлял собой нечто иное, как не особо продуманный и наскоро составленный передел традиционной Римской литургии, не получивший даже собственного издания но явившийся результатом правок, внесенных в латинский Миссал 1962 года от руки³. Данный проект, как и сам исторический период, весьма показательны. К 1969 году Церковь полностью откажется от подобного эксперимента и издаст принципиально новый извод Миссала. Богослужение, содержащееся в нем, войдет в историю под названием «нового чина» (*Novus Ordo*) и станет обязательным для всей Католической Церкви с 1970 года и до сего дня. Кардинально отличающаяся от векового традиционного Римского обряда, «Новус Ордо» месса станет самой спорной в истории западной литургики и получит самые разные оценки, от вершины богослужебного творчества, до недействительной и протестантски-ориентированной мессы. Произошло это во многом благодаря все тем же реформам, которые с незначительными изменениями и улучшениями, перешли в новый Миссал из проекта 1965 года. При этом качество их исполнения во многом осталось прежним, вольно интерпретирующим, а порой и прямо противоречащим постановлению Конституции «*Sacrosanctum Concilium*».

На данном этапе пришло время пристально взглянуть на самые яркие проявления подобных преобразований. Первым и самым ярким примером разрыва письменного постановления и реальности стало использование традиционного латинского языка. Мы не случайно подробно коснулись темы переводов богослужения в предыдущем разделе. Напомним, они были сугубо ограниченными. О необходимости сохранения латыни высказался и Собор, заявив, что: «за исключением случаев, предусмотренных партикулярным правом, в латинских обрядах должно сохраняться использование латинского языка. Однако, поскольку и на Мессе, и при преподании Таинств, и в иных

² Упоминание документа из серии «*abhinc annos*» лишь вскользь встречается в статье А. Сухарева «ЗАПАДНАЯ ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИСТОРИИ», которая по своему составу является ничем иным, как перечислением всем известных фактов из общедоступных источников без какого-либо литургического и богословского анализа. См. Сухарев А., свящ. *Missa Tridentina* и *Novus Ordo*: западная литургическая традиция в истории // Богословский вестник. 2024. № 1 (52). С. 166–185.

³ Подобное фото можно увидеть в *O Missal de 1962 – Estável como uma rocha* // *Apologética Católica* URL: <https://apologetica.net.br/2018/01/04/missal-1962/> (дата обращения: 20.03.2025).

¹ Авторский перевод с указанием разницы рубрик и изданий. Оригинал см. в *Missale Romanum iuxta typicam*. – 4 изд. – Cincinnati, Ohio.: Benziger Brothers, Inc., 1962. pp. xi-ixi.

частях Литургии использование современного местного языка нередко может оказаться весьма полезным для народа, ему можно уделить больше места, прежде всего в чтениях и поучениях»¹. Отметим, Собор не сказал «ни какой латыни», но, напротив, постановил весьма сдержанный подход к переводу, указав также места, где таковой будет наиболее уместен. Во многом данный шаг схож с теми, о которых мы уже говорили. Разница только в том, что «всеобщий» авторитет Собора вкупе с тезисом, что территориальная власть «вправе выносить решение о том, следует ли использовать современный местный язык и каким образом это надлежит делать»² позволили интерпретировать данное постановление настолько вольно, что в настоящее время богослужений на латыни практически не совершается даже в Ватикане. Предпочтение всецело отдано национальным языкам, что нередко не облегчает, а затрудняет верующим участие в Мессе, особенно во время паломничества, что наиболее актуально в нынешний Юбилейный год. Данный подход полностью исключил даже возможность использования уже упомянутых сборников с параллельным переводом, существование которых возможно при сохранении единого богослужебного языка и недоступно при столь обширном лингвистическом плюрализме.

Интересно отметить, что и сам текст миссала отныне перестал представлять собой нечто однородное, но может варьироваться во второстепенных моментах от страны к стране. Такое положение дел – прямое следствие другой реформы Второго Ватиканского собора, а именно децентрализации и предоставления больших прав локальным епископским конференциям в делах их поместных церквей. Наиболее показательным примером может послужить последнее издание миссала на итальянском языке, одобренное местной конференцией в 2020 году. Текст данного извода заметно обогащен целым рядом новых литургических текстов, которые не прослеживаются ни в каком ином издании. Все эти тексты были также переведены автором статьи на русский язык, что делает данный перевод уникальным. Приведем для ознакомления некоторые фрагменты:

«Священник произносит воззвания, на которые следует ответ народа:

1.

℣. Господи – Путь, приводящий к Отцу:

Господи, помилуй.

℞. Господи, помилуй.

℣. Христе – Истина, просвещающая людей:

Христе, помилуй.

℞. Христе, помилуй.

℣. Господи – Жизнь, обновляющая мир:

Господи, помилуй.

℞. Господи, помилуй.

¹ Sacrosanctum Concilium. п. 36. § 1–2.

² Там же. § 3

2.

℣. Господи, жене-грешнице милость явивший:

Господи, помилуй.

℞. Господи, помилуй.

℣. Христе, разбойнику покаявшемуся рай даровавший:

Христе, помилуй.

℞. Христе, помилуй.

℣. Господи, Петру прощение предложивший:

Господи, помилуй.

℞. Господи, помилуй.

3.

℣. Господи, пришедший не судить, но прощать:

Господи, помилуй.

℞. Господи, помилуй.

℣. Христе, о каждом грешнике покаявшемся ликующий:

Христе, помилуй.

℞. Христе, помилуй.

℣. Господи, много прощающий много возлюбившим:

Господи, помилуй.

℞. Господи, помилуй»³.

Помимо приведенных текстов означенное издание Миссала на итальянском языке также имеет заметно большее количество префаций, покаянных формуляров, причастных антифонов и других текстов, используемых на Мессе.

Коснемся теперь иных заметных изменений, внедренных в мессу в ходе т.н. постсоборных реформ, и затронем их неочевидное, но важное влияние и значение. Для неискушенного наблюдателя наиболее заметным проявлением разницы между традиционным Римским обрядом и мессой «Новус Ордо» безусловно будет являться ориентация священника во время совершения богослужений. В течение веков совершающий литургию всегда находился по направлению «ad orientem» (лицом на восток), в то время как верующие располагались за его спиной, образуя некое единое направление к тому, кого церковь в своих литургических гимнах именует «Востоком Свыше»⁴. Данная практика до сих пор сохраняется на православном востоке, в то время как в католической богослужебной традиции, она подверглась изменению, хотя и не предписанному Sacrosanctum Concilium. Таковым стало повсеместное принятие позы, при которой священник совершает мессу лицом к верующим (versus populum). Эта поза не была запрещена в предыдущих текстах и не является обязательной в новых, а только рекомендуется как «более подходящая»⁵.

³ Авторский перевод. Оригинал см. в Messale Romano. – 3a edizione – Roma: Fondazione di Religione Santi Francesco d'Assisi e Caterina da Siena, 2020. pp. 313–314.

⁴ Отметим, что восток, как место «воскресения» солнца представляет собой древнейший ассоциативный символ для многих религиозных идеологов мира.

⁵ Данный комментарий см. в Pregare “Ad Orientem versus” // Notitiae-322. – Vatican: Typis Vaticanis, 1993. – С. 249.

Приведенный оценочный комментарий является прямым следствием попытки переосмыслить роль священнослужителя во время литургии и ответить на многочисленную критику (как правило, со стороны протестантов) о чрезмерной клерикализации богослужения. Представляется крайне важным обратить внимание на одну деталь, которую упускают из виду все без исключения обзорные исследования русскоязычного сегмента.

Во-первых, понятие клерикализации весьма относительно и не может поддаваться строгой классификации. Желание сторонников «аджорнаменто» превратить мессу из строгого чинопоследования с доминирующей ролью священника и безучастными мирянами в нечто более общинное едва ли принесло ожидаемые плоды. Скорее напротив. Отныне именно священник становился центром всего священнодействия. Отход от строгой обрядовости в пользу большей «семейности» фактически привел к окончательному размытию граней между понятиями «простота» и «импровизация». Видный богослов и участник Второго Ватиканского собора Иозеф Ратцингер (будущий папа Бенедикт 16) отмечал: *«Таким образом, была введена та самая клерикализация, которой никогда раньше не было. Теперь, по сути, священник – или «предстоятель», как его предпочитают называть, – становится истинной точкой отсчета всего богослужения. Все заканчивается на нем. Именно на него мы должны смотреть, именно в его действиях мы принимаем участие, именно ему мы отвечаем; именно его творчество поддерживает всю мессу... Внимание все меньше и меньше сосредотачивается на Боге, и все более важным становится то, что делают люди, которые здесь встречаются, и кто не хочет подчиняться «заранее подготовленной схеме». Священник, стоящий лицом к народу, придает общине вид замкнутого на себе целого»¹.*

Во-вторых, отход от строгого обрядового подчинения привел не только к позитивной инкультурации (что бесспорно), но также стал мощнейшим катализатором возникновения харизматичности в богослужении, строящейся вокруг личного менталитета священника, часто подверженного проявлениям массовой культуры. В первую очередь «поп» и молодежной. Наиболее яркими представителями подобного явления являются приходы в Соединенных Штатах Америки. Интересно отметить, что именно в США последнее десятилетие наблюдается неуклонный рост приверженцев традиционализма, вероятно уставших от столь харизматичных богослужений.

Рассуждая о молитвенной ориентации священника во время совершения мессы, нельзя не упомянуть и необоснованную критику православных

христиан, согласно которой при ориентации *versus populum*, священник становится обращенным на запад, что противоречит тысячелетней традиции. В Риме все первые церкви строились именно со входом на восток, по образцу Иерусалимского храма. Только в VIII или IX веке Рим принял ориентацию с апсидой на восток, которая стала обязательной в Византийской империи и была принята также в Каролингской империи и в других местах Северной Европы. Более того, многие римские базилики (в их числе собор Святого Петра в Ватикане, собор святого Иоанна на Латеранском холме, базилика св. Марии Великой и базилика св. Павла за стенами) имеют перед центральным алтарем массивные ступенчатые углубления, что полностью исключает возможность служения лицом на восток при любом обряде.

Целью нашей статьи является анализ содержания реформ «аджорнаменто» и их практического применения. В этой связи нельзя не обратить внимание на недостатки в реализации концепции смены ориентации священнослужителя. 25 сентября 2000 года Конгрегация богослужения и дисциплины таинств пояснила, что *«расположение лицом к собранию кажется более удобным, поскольку облегчает общение»²*; Однако фраза «где это возможно», по мнению Конгрегации, *«относится к различным элементам, таким как, например, топография места, наличие пространства, наличие предшествующего алтаря, имеющего художественную ценность, чувствительность общины, которая участвует в торжествах в данной церкви и т.д.»³*. Нельзя не обратить внимание на принципиальное несоответствие указаний и их практическую реализацию. В подавляющем большинстве старых храмов, особенно римских, полностью проигнорирован факт наличия пространства, наличия предшествующего алтаря и топографии места. Нередки случаи, при которых новый алтарь, являющийся по сути «легким столиком» не только не соответствует историческому убранству, но и даже вынесен за пределы пресвитерия⁴, ввиду малого пространства последнего. Нередко подобное встречается и в боковых капеллах соборов, чья площадь совсем не предполагает подобных экспериментов. Таким образом, во главу угла ставится именно мнимая необходимость установить новый алтарь ради совершения богослужения лицом к народу, а не уместность подобной практики, исходя из индивидуальных случаев. Распространение изменений в ориентации священнослужителя вызвало серьезные архитектурные вмешательства во многих существующих

² См. в Pregare “Ad Orientam versus” // Notitiae-322. – Vatican: Typis Vaticanis, 1993. – С. 249.

³ Ibid.

⁴ Пресвитерий – в западноевропейской (прежде всего, католической) церковной архитектуре пространство между нефом и алтарём в восточной части храма.

¹ Авторский перевод. Оригинал см. в Joseph Cardinal Ratzinger The Spirit of the Liturgy. – San Francisco: Ignatius Press, 2000. p. 76.

церквях, определяемые как «соборные литургические корректировки», несмотря на то, что таковые не предписываются, и тем более не требуются ни одним из документов Собора. К ним, среди прочего, относился снос или перестройка старых традиционных алтарей, примыкающих к стене, ради размещения сиденья священника и нового алтаря, а также демонтаж колончатых перилл перед алтарем, фактически уничтожив таким образом границу между пресвитерием и пространством самого храма.

Подобные, подчас необоснованные изменения, ставшие результатом вольной трактовки соборных документов, привели к таким экстравагантным явлениям, как весьма стилистически спорные современные дизайны церковных облачений¹ и применение модных в определенное время музыкальных гармонизаций.

Приведенные в статье аспекты и анализ их фактической реализации представляются вполне достаточными для того, чтобы у читателя сложилось общее впечатление о происходящем в Католической церкви последние 69 лет. В конце отметим, что подобная вольная трактовка соборных документов нередко имеет и прямо противоположную сторону, придавая реформированному богослужению стиль традиционного Римского обряда.

Заключение

За две тысячи лет своего существования христианство сумело не только искусно принять в себя элементы уже существовавших религий и культур, но и создать целый пласт своего собственного наследия, которое веками менялось и дополнялось, теряя, но и обретая бесчисленные элементы, которые по праву можно назвать образцами богослужбного и культурного наследия.

В этой связи необходимо понимать, что срок длиной в 60 лет является сравнительно малым для того, чтобы сделать какие-либо однозначные выводы о знаменитой реформе Второго Ватиканского собора в духе «аджорнаменто». Девиз о приведении деятельности церкви в соответствие с сегодняшним днем не может по своей сути иметь какое-либо завершение, но «обречен» на постоянное продолжение ввиду нескончаемого изменения дня сегодняшнего.

¹ В данном случае показательной является церемония освящения собора «Нотр дам де Пари», завершившей его восстановление после пожара и состоявшейся 7 декабря 2024 года. Задача разработки дизайна облачений для духовенства была поручена стилисту Жан-Шарльс де Кастельбаджа. Человеку, не имеющему непосредственного отношения к церковному искусству. Итальянские СМИ прокомментировали его работу как «удар в глаз». См. в *I paramenti per la riapertura di Notre-Dame: un pugno in un occhio* // *Silere Non Possum* URL: <https://www.silerenonpossum.com/it/i-paramenti-per-la-riapertura-di-notre-dame-un-pugno-in-un-occhio/> (дата обращения: 20.03.2025).

Юбилейный год «паломников в надежду» стал действительно массовым событием и уже в первые месяцы явил миру бесчисленное множество католиков, безусловно живущих делами и стремлениями своей церкви.

Автор статьи усмотрел необходимость в здоровой доле критики реализации богослужбной реформы именно для того, что пролить «свет объективности» на столь масштабное событие. Вместе с тем были обозначены и множественные позитивные аспекты, обогащающие литургическое наследие Запада.

Главным выводом в завершение нашего исследования можно назвать следующий тезис: любая реформа, проводимая людьми, непременно преломляется через призму их собственного видения. Но стремительный рост числа приверженцев католицизма за последние шестьдесят лет явно свидетельствует о том, что верующие не только не покинули церковь, но и обогатили ее новыми поколениями, сделав ее гораздо более живой и полноценной, чем она была в тот момент, когда папа Павел VI впервые совершил мессу на своем родном языке.

Литература

1. Fr. Pascal Thuillier. Saint Pius X: Reformer of the Liturgy // *The Angelus Online* URL: http://www.angelusonline.org/index.php?section=articles&subsection=show_article&article_id=2229
2. *I paramenti per la riapertura di Notre-Dame: un pugno in un occhio* // *Silere Non Possum* URL: <https://www.silerenonpossum.com/it/i-paramenti-per-la-riapertura-di-notre-dame-un-pugno-in-un-occhio/>
3. Joseph Cardinal Ratzinger *The Spirit of the Liturgy*. – San Francisco: Ignatius Press, 2000.
4. Keith F. Pecklers, *Dynamic Equivalence: The Living Language of Christian Worship*, Liturgical Press, 2003,
5. *Messale Romano*. – 3a edizione – Roma: Fondazione di Religione Santi Francesco d'Assisi e Caterina da Siena, 2020.
6. *Notitiae-322*. – Vatican: Typis Vaticanis, 1993.
7. *O Missal de 1962 – Estável como uma rocha* // *Apologética Católica* URL: <https://apologetica.net.br/2018/01/04/missal-1962/>
8. *SANTA MESSA NELLA CHIESA DI OGNISSANTI. OMELIA DI PAOLO VI. I Domenica di Quaresima*, 7 marzo 1965.
9. Римские папы. Люди в белом: от Пия IX до наших дней / Максим Ткаченко. – М.: Издательство АСТ, 2025. – 336 с.; ил. – (Классика лекций. Лучшее).
10. Сухаев А., свящ. *Missa Tridentina и Novus Ordo: западная литургическая традиция в истории* // *Богословский вестник*. 2024. № 1 (52). С. 166–185.

11. Ткаченко М.М. Римский Миссал. // Большая Российская Энциклопедия URL: <https://bigenc.ru/c/rimskii-missal-9c7163?ysclid=m8egsq22gh457725412>

60 YEARS OF «AGGIORNAMENTO». REFLECTING ON THE REFORM OF THE ROMAN RITE DURING THE JUBILEE YEAR

Tkachenko M.M.
ANO DPO "RDA"

The year 2025, which became a jubilee for the Roman Catholic Church, was also marked by an anniversary regarding the implementation of the most large-scale liturgical reform in the history of Western Christianity, carried out in pursuance of the decisions of the Second Vatican Council. More than half a century seems to be a suitable milestone for a detailed understanding of the results of bringing the life and work of the church in line with the realities of the present time, expressed in one of the main ideological concepts of the council – «aggiornamento». At present, information about the reform contained in the Russian segment of theological and philosophical-religious literature seems frighteningly fragmentary and superficial, as well as devoid of many cause-and-effect relationships. Unlike other similar studies, which deal only with the description and comparative analysis of well-known facts, the presented material offers a multi-aspect observation and demonstration of the real implementation of the reform, giving the opportunity to look at the liturgical life of the Catholic Church not through the prism of an outside observer, but to see it from the inside. This article, devoted to a detailed analysis of many aspects of the reform of the Roman rite, is called upon not only to consider many non-obvious, but very significant aspects, but also claims to be scientifically novel as a re-

sult of involving translations into Russian of the latest sources, previously not found in Russian literature.

Keywords: Catholicism, Reform, Church, Religion, Christianity, Vatican, Worship.

References

1. Fr. Pascal Thuillier. Saint Pius X: Reformer of the Liturgy // The Angelus Online URL: http://www.angelusonline.org/index.php?-section=articles&subsection=show_article&article_id=2229
2. I paramenti per la riapertura di Notre-Dame: un pugno in un occhio // Silere Non Possum URL: <https://www.silerenonpossum.com/it/i-paramenti-per-la-riapertura-di-notre-dame-un-pugno-in-un-occhio/>
3. Joseph Cardinal Ratzinger The Spirit of the Liturgy. – San Francisco: Ignatius Press, 2000.
4. Keith F. Pecklers, Dynamic Equivalence: The Living Language of Christian Worship, Liturgical Press, 2003,
5. Messale Romano. – 3a edizione – Roma: Fondazione di Religione Santi Francesco d'Assisi e Caterina da Siena, 2020.
6. Notitiae-322. – Vatican: Typis Vaticanis, 1993.
7. Missal de 1962 – Estável como uma rocha // Apologetica Católica URL: <https://apologetica.net.br/2018/01/04/missal-1962/>
8. SANTA MESSA NELLA CHIESA DI OGNISSANTI. OMELIA DI PAOLO VI. I Domenica di Quaresima, March 7, 1965.
9. The Popes. Men in White: from Pius IX to the Present Day / Maxim Tkachenko. – M.: AST Publishing House, 2025. – 336 p.; ill. – (Classics of Lectures. The Best).
10. Sukharev A., priest. Missa Tridentina and Novus Ordo: Western Liturgical Tradition in History // Theological Bulletin. 2024. No. 1 (52). P. 166–185.
11. Tkachenko M.M. Roman Missal. // Great Russian Encyclopedia URL: <https://bigenc.ru/c/rimskii-missal-9c7163?ysclid=m8egsq22gh457725412>

